

11/93

ДРУЖБА НАРОДОВ 11/93



ДРУЖБА НАРОДОВ

Алексей Песков

Седьмое ноября.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ ОБ ЭПОХЕ ПАВЛА I

Олег Блоцкий

Ночной патруль.

РАССКАЗ ВРЕМЕН АФГАНА

Ольга Седакова

Бродит нежное вниманье.

СТИХИ

Александр Ахиезер

*Россия — кризисная точка
современной цивилизации*

Борис Руденко

Донской ренессанс.

ЗАМЕТКИ О ДВИЖЕНИИ НЕОКАЗАЧЕСТВА

Андрей Немзер

Три сосны.

К ВОПРОСУ ОБ ИСЧЕЗНОВЕНИИ «КЛАССИКИ»

ДРУЖБА НАРОДОВ



НЕЗАВИСИМЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК

Учредитель — трудовой коллектив редакции «ДН»

11/93

ОСНОВАН В МАРТЕ 1939 ГОДА

СОДЕРЖАНИЕ

ЛЕВ АННИНСКИЙ	Не кровь и не почва	3	
<hr/>			
ПРОЗА И ПОЭЗИЯ			
<hr/>			
7 ноября			
Анекдоты и факты. Издание подготовил А. М. Песков			7
ГОТФРИД БЕНН	Фрагменты. Стихи. С немецкого. Перевод С. Морейно	61	
О. БЛОЦКИЙ	Ночной патруль. Рассказ	65	
МАРИАМ ЮЗЕФОВСКАЯ	Камни. Рассказ	75	
АВГУСТ МУРАН	Блуждают звезды в языке... Стихи	87	
ВЛАДИМИР ЛЕОНОВИЧ	Жизни имена перебирая... Из поэмы «Четверик»	116	
ОЛЬГА СЕДАКОВА	Лицо сновиденья, смущенья, дождя... Стихи	119	
<hr/>			
ГОЛОСА			
<hr/>			
АЛЕКСАНДР ПУТКО	О кавалерах красной пуговицы. Воспоминания несостоявшегося актера. Подготовка текста и публикация Аллы, Ларисы и Бориса Путко	90	
<hr/>			
НАЦИЯ И МИР			
<hr/>			
АЛЕКСАНДР АХИЕЗЕР	Россия — кризисная точка мировой истории	122	
А. АХИЕЗЕР, О. ВОРОНИН, С. МАТВЕЕВА	Наше общество — уникальный предмет для социологов	134	
ИГОРЬ ИСАЕВ	Геополитические корни авторитарного мышления. Исторический опыт евразийства	139	
ВЛАДИМИР БАРАЕВ	Знамя Гэсэра	150	

	ПУБЛИЦИСТИКА	
БОРИС РУДЕНКО	Донской ренессанс. Заметки о движении неоказачества	159
	ЧАСТНАЯ ПЕРЕПИСКА	
ЯНА и ЯКОВ ШТЕЙМАН	Письма из Германии	168
	КРИТИКА	
АНДРЕЙ НЕМЗЕР	Три сосны. К вопросу об исчезновении «классики»	182
ОЛЬГА ПАНЧЕНКО	Грюсс аус Бромберг. Перевод с быдгосского	196
	АРХИВ	
	«Едва раскрылись первые цветы...» «Новый мир» и общественные умонастроения в 1954 году. Публикация документов Ан. Пет- рова. Изложение и комментарии Ю. Буртина	208
	SUMMARY	240

Правовую поддержку журнала «Дружба народов» осуществляет Юридическое бюро «Хромцов и партнер».

Тел./факс (095) 161-7455

Главный редактор
Вячеслав ПЬЕЦУХ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Лев АННИНСКИЙ, Леонид БАХНОВ, заместитель главного редактора Евгений БЕНЬЯШ, Денис ДРАГУНСКИЙ, Владислав ЗАЛЕЦУК, Наталья ИГРУНОВА, Владимир МЕДВЕДЕВ, заместитель главного редактора Бронислав ХОЛОПОВ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Василь БЫКОВ, Альгимантас БУЧИС, Евгений БУДИНАС, Юрий В. ДАВЫДОВ, Тиркиш ДЖУМАГЕЛЬДЫЕВ, Нафи ДЖУСОЙТЫ, Иван ДЗЮБА, Фазиль ИСКАНДЕР, Грант МАТЕВОСЯН, Геннадий ЛИСИЧКИН, Евгений ПОПОВ, Кнут СКУЕНИЕКС, Константин ЩЕРБАКОВ, Атнер ХУЗАНГАЙ, Лев ХУНДАНОВ

ЛЕВ АННИНСКИЙ

Не кровь и не почва

«Волею судеб» вынесло мою заметку из привычного конца журнальной книжки в ее начало. Не потому, что она написана иначе, чем всегда. Написана — так же. А потому, что тема, в ней затронутая, «ходом вещей» оказалась во главе угла: евразийство.

Нет, это не то идейное течение, которое семь десятков лет назад зародилось в русской эмиграции и, не найдя «ниши», было атаковано — в зависимости от позиции оппонентов — то справа, то слева: то за половинчатое западничество, то за примаскированное имперство.

Речь о другом. Идеи Вернадского, Трубецкого или Сувчинского могут быть оспорены, уточнены, по частностям опровергнуты. Неоспоримо вот что: Россия — евроазиатская страна. По геополитическому положению, по вековым традициям, по характеру народов, в нее вошедших. Это — данность, все остальное — следствия.

Казахская интеллигенция, в лице Олжаса Сулейменова предложившая сейчас эту тему для диалога, должна получить в лице русской интеллигенции достойного собеседника, ибо русская интеллигенция получила евразийскую тему в наследство как главный пункт размышлений. Недаром в проекте Конституции, составленном когда-то академиком Сахаровым, ключевыми словами являлись: «Европа и Азия». Конституцию можно написать так или эдак, но евразийство написано нам на роду, это только так, это не отменишь и не перепишешь. Это наша перспектива. Если, конечно, говорить о продолжении истории и государства, а не о конце.

Кстати, о конце.

Когда пророки вещают о конце света, их слушают пришибленно и без заинтересованности. Интерес разгорается тогда, когда речь заходит о близком и насущном: о том, что случится завтра. Когда прогнозисты рассуждают о глобальных перспективах, их речи наматываются на ту долгоиграющую катушку, где уже поросли

быльем «коммунизм», «социализм» и прочие «измы». Публика ждет другого: что нам делать сейчас? Как быть с Чечней? С Татарстаном? С Тувой?

Я-то как раз хочу откомментировать прогноз более далекий, сделанный недавно экспертом горбачевского фонда Виктором Кувалдиным (см. «Московские новости» от 4 июля 1993 г.). Что делать России с Чечней, Татарстаном и Тувой, он не объясняет. Вернее, объясняет невозможность сделать что-либо быстро и безошибочно. Ситуация открыта и — тактически — малопредсказуема. Сделаешь что-нибудь, а завтра все это так вывернется, что придется делать прямо противоположное, да еще и сделанное сегодня объявлять ошибочным. Потому что «процесс» не «пошел», а едва не «полетел кувырком».

Виктор Кувалдин предлагает единственно разумное: не вредить. «Заморозить ситуацию». «Дать поработать времени».

Время, конечно, поработает, но только не «само», а при том условии, что и мы поработаем. От того, как мы поработаем, зависит завтрашнее развитие ситуации. А чтобы поработать с толком, надо знать перспективу или, по крайней мере, знать «створ», то есть границы, в которых можно спокойно прилагать усилия без риска навредить и разрушить.

Отвлечемся от того, что будет «завтра» или «послезавтра». Заглянем вперед хотя бы лет на семьдесят — на срок, аналогичный тому, какой мы норювим сейчас вымарать из нашей истории.

Возвращаясь к «вопросу вопросов общественного бытия на ОДНОЙ ШЕСТОЙ части земного шара» (то есть на территории Союза нерушимого республик свободных), эксперт старается нащупать «глубинные основы, позволяющие здесь создать жизнеспособный организм».

Вот его ответ, глубоко созвучный моему ощущению, почему и хочется его откомментировать:

«...Это не может быть ни сообщество наций, ни содружество территорий. Мы

имели возможность убедиться, что здесь принципы, хорошо себя зарекомендовавшие в другом месте, не работают, ведут к разрушительным последствиям.

В России чувство сопричастности рождает не кровь и не почва, а принадлежность к великой цивилизации, сформированной под высоким давлением в кипящем евразийском котле. Поэтому новороссийское гражданское сознание (не путать с сознанием граждан Новороссии) не может зиждиться исключительно на «естественных» ограничивающих и отграничивающих основаниях. Оно скрепляется общей ценностной системой, которую нельзя ни позаимствовать, ни произвольно сконструировать. Его несущим стержнем может быть только российский интернационализм, утверждающий в качестве высшей ценности сотворчество в естественном для нас многообразии языков, культур, цивилизаций».

Каюсь, слова «российский интернационализм» привлекают меня здесь особо. «Российский» — отнесем сразу на счет прописки. Раньше говорили: «советский». Еще раньше: «пролетарский», еще раньше: «всероссийский», еще раньше: «имперский», «царский», «великокняжеский»... Правда, вместо «интернационализма» выговаривались другие «измы», но это тоже вопрос традиции. Вышло так, что большевистский лозунг времен первой мировой войны, подхваченный у полувековой давности товарищества рабочих, взлетел в стратегические высоты. Потом вышло так, что этот лозунг (я про «интернационализм») измарали лагерями, депортациями, лицемерием. Сейчас нужно мужество, чтобы не шархануться от слова. Мужество эксперта, поставившего «интернационализм» в основание прогноза, привлекает меня уже чисто человечески. Эксперты другой традиции скажут: «космополитизм». Третьи скажут: «соборность». «Содружество». «Единство», «Солидарность». Как угодно говорите, но жить-то вместе все равно придется в этом «кипящем евразийском котле». Независимо от того, что завтра сделают Чечня, Татарстан и Тува.

Что значит: «котел»? Это значит: нет естественных границ (проливов, хребтов — то, что «за хребтом», то первым и отгораживается). В Европе англичанам незачем было специально отгораживаться от немцев и французов от испанцев — их уже природа отгородила. А тут — блюдец. Как и в Америке. «Котел».

Разница тоже известна: в Америке «котел» состоялся, у нас — нет. Оно и в Америке еще не «переварилось»; еще посмотрим, растворится ли в белом красное, черное и желтое (то есть исчезнут ли индейские, негритянские, японские струи в общем потоке). Но уж у нас-то точно: ничто не «исчезло». Потому и выдвинули мы в параллель концепции «общего котла» концепцию «многожильного провода», что это диктовалось реальностью: тем, что судьба свела под один исторический пресс сотни разных племен. Но ведь эту сотню судьба действительно СВЕЛА под один пресс.

Имперское единство, сдавившее всех, сами же народы и сделали. Империю строили не русские — русские ПОЯВИЛИСЬ В РЕЗУЛЬТАТЕ этого процесса, а строили ее: славяне, финны, турки, немцы, кавказцы, прибалты, евреи, и строили потому, что единство оборачивалось меньшими страданиями, чем бесконечное кровавое междоусобие.

В блестящей статье Леонида Жуховицкого «Время живой воды» («Огонек» № 29), статье, с которой я согласен на 99 процентов, есть единственный пункт, вызывающий возражения. Жуховицкий надеется, что Российская империя образовалась как бы по исторической случайности: в ответ на «татарское иго». Я бы не искал таких утешений. На этом уровне случайностей не бывает. Не охвати татары эту степь своим единством, — она ждала бы тех, кто все-таки ее охватит. Началось-то с «ямской службы». Со связи. Так или эдак здесь должна была сложиться империя. И немцы за тем же сюда дважды с оружием приходили и много раз помирному. И французы... Какая на верхушке династия — вопрос частный (династия, кстати, укрепилась-таки русско-немецкая, а до того — русско-татарская: Иван Грозный был потомком Дмитрия Донского по отцу и Мамаю по матери). С точки зрения геополитики «цвет знамени» и «права династии» — подробности.

Даже язык — подробность. Сложилось так, что языком общения стал один из славянских. А МОГ стать — литовский. Или татарский. Или французский. Или немецкий. Конечно, для ПЛОТИ КУЛЬТУРЫ язык — это все. На уровне культуры смена языка — жизнь или смерть. Но именно поэтому процесс не имеет обратного хода. Если уж так сложилось, что сто народов сговорились на русском языке, — это УЖЕ факт истории. Кстати, если отсчитывать от

других восточнославянских языков, русский в ходе имперской обкатки «испортился»: засорился, обмялся, измочалился, измызгался, истаскался...

Ладно. Все зависит от точки отсчета. Мало ли что из чего вытекло тысячу лет назад. «Русь» — тоже ведь не из «почвы» произросла, «Русь» — первоначально — пришельцы: дружина, обложившая данью славян. Ну и что?

Русским нечего каяться в том, что они русские. Пал на русских исторический жребий — надо нести. И не страдать комплексами. Те самые народы, которые сейчас «отпадают» и «отделяются» от русских, посылали своих лучших сыновей на русскую службу. Сейчас отзывают. Отрывают... А потом опять и пришлют.

Возвращаюсь к экспертизе Виктора Кувалдина. «Это не может быть ни сообщество наций, ни сообщество территорий...»

Любопытные пасьянсы раскладывают теперешние политики из этих колод. Я не только про конституционные российские бдения, но — шире. Собирают в Киеве украинцев со всего мира. Это — единение представителей нации. Одновременно говорят: земля наша, и все, кто на ней оказался, — наши. Это — единение по территории. Если когда-то с «этой земли» Аларих пошел гулять по Европе и дошел до Рима, то он — «наш», потому что родился в устье Дуная, где теперь Одесская область. Кстати, по родовому имени он «Балт», так что литовцы тоже могли бы пошутить: «Мы ДАЛИ Риму императора». Значит, тот, кто сидит у нас, «наш», потому что сидит у нас, а тот, кто ушел «туда», он... тоже «наш», потому что ушел — от нас. Логика ноздревская, и конца ей не будет. Допустим, азербайджанцы построили на Псковщине дорогу и поселок. Чье это все? Псковское... в смысле — земля. Я спрашиваю: дорога — чья? Поселок кто строил? Кто строил заводы в Силламяэ? Нефтепромыслы в Башкирии? Плотины в Нуреке?

Кто строил Российскую империю?

Кочубей да Разумовский, Михельсон да Кантемир, Годунов да Витге.

Где кончается «наша земля» и начинается то, что на этой земле построено? Не лучше ли раз навсегда отказаться от этой попытки: привязать себя одним концом к «недвижимости», другим — к движению (масс — капиталов — граждан — языков — индивидуальностей, то есть ребят, родившихся на берегах Днепра и Дуная)? Потому что ребята доходят и до Рима, и до Питера, и до Урала, и до Канады и там

салятся, привязка же их к «нам» — метафизическая, то есть неменяемая, а привязка бывает — с кровью. Вот В. Кувалдин и говорит: «не кровь и не почва». Потому что кровь давно смешалась в жилах людей, тысячу лет живущих на этой равнине. И почва имеет ценность только тогда, когда ее обихаживают, а не тогда, когда с нее гоняют друг друга. Вопрос не в том, КТО вспашет этот кусок земли. А в том, чтобы земля была вспахана, а не заброшена и не превращена в свалку. Вопрос в том, какая будет культура. И будет ли. Так приходим мы к тому единственному, что может соединить людей в этом «кипящем евразийском котле»: «принадлежность к великой цивилизации». «Строй ценностей».

Сколько кто вложит в этот общий строй — не учтешь, не угадаешь и не предскажешь. Какими национальными красками окрасится общий дом (или общая улица, если «общий дом» претит), — не предусмотреть. Ни границ языкового ареала, ни границ государственного размежевания не предусмотреть на сто лет вперед. В конце концов все то дробление, которое сейчас происходит, — происходит не оттого, что партия вовремя не перестроилась или генералы в критический момент отдали не те приказы. А происходит это во всем мире: дробление «левиафанов», за которым угадывается всеобщая тенденция: приблизить человека к объекту его труда. Это — процесс фатальный, за ним стоит историческая логика, которую осмыслить сейчас еще трудно. Дробление языков — тоже не оттого, что в Кишиневе приняли не тот закон, а в Таллинне повысили словарный минимум на экзамене для незстонцев. Дробление языков — оттого, что вырабатываются ненасильственные коды, без которых невозможно прожить в эпоху информатики, а то, что коды эти вырабатываются на национальных матрицах, — только стадия.

Я не знаю, какие очертания на карте примет моя родная страна, как сто лет спустя будут выглядеть Чечня, Тува или Татарстан; я не знаю, где завтра сядет таможенник: в Чопе, в Долбине, в Серпухове или в Подольске. Я не знаю того, во что превратится мой родной русский язык, сколько «стебов», «триллеров» и «саспенсов» воткнется в него в процессе дальнейшей переинвентаризации.

Я знаю только одно: не мы ставим себе задачи — их ставит нам судьба. От нас зависит — ответить судьбе. У русских — огромный неиспользованный творческий потенциал. Говорю это без всякого страха

национализма — именно потому, что никаких следов «крови и почвы» тут нет, сколько бы их теперь ни навели; русские — не нация, это — вроде американцев или индусов — сверхнация, чей творческий потенциал — результат сложения талантов ста народов.

Дурь наша — вот препятствие. Неумение справиться с собой, ненависть и презрение к самим себе, самоуничтожение до отчаяния. Все от того же непереваримого множества скрестившихся в нас «воль» и павших на нас «задач». Но и терпение — оттуда же. Сейчас никакие «долгосрочные решения» ничего не гарантируют. Только одно спасительно: здравый смысл и чувство самосохранения, которые ДОЛЖНЫ БЫТЬ вживлены в наше сознание и подсознание. Земля бесконечно богата, сил бесконечно много, и если наш человек к этой земле приложит эти силы, то есть начнет работать, — ни Тува, ни Татария, ни Чечня никуда не убегут, потому что, как сказал Василий Селюнин, «к сильным и богатым льнут».

Будем умны, сильны, богаты — не от нас побегут — к нам. А на каком языке здороваться будем — ей-богу, стерпится. Может, на таком, какой Василий Аксенов изобрел для гипотетических жителей гипотетического острова Крым... На каком захотят лю-

ди, на таком и продолжат строить «великую цивилизацию». Важно, что для них это будет — родной язык. А сколько там окажется славянских корней и сколько прочих, — то разочтут филологи. Ценности — вот главное. Не убий, не укради... Остальное — отсчитается: в праведность, в грех, в труд, в лень, в любовь, в гульбу... с полной за все расплатой.

«Сейчас полностью разрешить эту коллизию невозможно, — пишет Виктор Кувалдин о патовой ситуации, когда республики хотят отделяться, а края и области хотят быть не хуже республик. — В лучшем случае удастся придумать пустые слова, которые каждая из сторон истолкует по-своему».

Правильно. Не отдавайте слов — слова наполнятся. Истолкование слов бесконечно. Пустые? Ничего. Они пустые — пока люди не насытили их энергией. Смута не вечна, она кончится. Мертвых схоронят, убийц проклянут, а потом и простят. Так или иначе, «материальную часть» разделят заново.

А «духовная часть» — дело наше. Наше единство... сейчас попробуем наполнить слова... и неделимость? Нет. Лучше так: единство — нераздельность — неслиянность.

7 ноября

АНЕКДОТЫ И ФАКТЫ

ИЗДАНИЕ ПОДГОТОВИЛ А. М. ПЕСКОВ

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

Собрание анекдотов и фактов второй половины XVIII века, с которым мы знакомим сегодня читателя, представляет собой рукопись, состоящую из мелко исписанных, последовательно сложенных и пронумерованных листов белой писчей бумаги форматом 30x20 см. В настоящее время рукопись хранится в частном собрании. Текст является писарской копией, содержащей, однако, многочисленные исправления и пометы на полях. На обороте заглавного листа — дарственная надпись: «Его высокоблагородию незабвенному г. полковнику Кижу от собирателя с высокопочитанием». Подпись неразборчива. Полное имя адресата дарственной, к сожалению, установить не удалось; единственное достоверное сведение о полковнике Киже то, что около 1796—1801 гг. он служил в Апшеронском или Азовском полку, расквартированном на Дону. Неизвестно также и имя собирателя анекдотов и фактов; точно можно лишь сказать, что он начинал свою карьеру младшим офицером на штабной службе в Петербурге и был современником полковника Кижы.

Текст печатается по нормам современной орфографии и пунктуации с некоторыми сокращениями — они означены многоточиями в угловых скобках.

История есть призрак жизни: то, что было, — было всегда иным, нежели о нем поют. Память смешивает лицо с портретом лица, событие с впечатлением от события, факт с анекдотом и превращает нас в персонажей, а нашу жизнь — в литературный сюжет.

История преобразует жизнь по обычаям не жизни, а истории: там нет тепла, нет уюта, нет любви и мелких домашних забот. Там все на юру, на вынос, на показ. От жизни там остаются только имена и вещи.

История начинается с завтрашней газеты: наша сегодняшняя жизнь будет переписана там по законам репортажа и хроники, предстанет вереницей одинаковых причин и следствий, симптомов и исходов. Война.— Победа.— Всеобщее ликование.— Расширены границы.— Заселяются новые земли.— Народный кумир.— Деспотизм усиливается.— Анекдоты.— Аресты.— Казни.— Народ безмолвствует.— Меры по укреплению дисциплины и порядка.— Заговор.— Слухи.— Крах тирании.— Эйфория.— Разгул народа.— Всеобщее воровство.— Разруха.— Манифест.— Казни.— Аресты.— Анекдоты.— Война.— Поражение.— Пересмотр границ.— Эвакуация с занятых территорий.— Слухи.— Переворот.— Реформы.— Эпидемия.— Ожидание светопреставления.— Меры по укреплению порядка и дисциплины.— Анекдоты.— Слухи.— Указ.— Неурожай.— Воровство всеобщее.— Мятеж.— Реформы.— Голод.— Всеобщее негодование.— Победа.— Война.— И прочая, и прочая, и прочая. Читайте газеты, заменяйте имена и вещи на прошлые или будущие имена и вещи — получите модель истории.

История есть калейдоскоп теней: новые узоры, сложенные одними и теми же силуэтами. А мы еще поражаемся: «Кто мог думать, ожидать, предчувствовать?.. Мы надеялись скоро видеть человечество на горней степени величия, в венце славы <...>. Конец нашего века почитали мы концом главнейших бедствий человечества <...>. Где теперь сия утешительная система? <...> Век просвещения! Я не узнаю тебя — в крови и пламени не узнаю тебя — среди убийств и разрушений не

7

узнаю тебя!» — Когда это сказано? По какому поводу?¹ — Неважно. Случай для подобных горестей един во все времена: разрушение иллюзий о том, что история чему-то кого-то учит. Условившись, что настоящее бывает следствием прошедшего, мы ищем в старых сочетаниях причин и следствий уроков для своей будущей жизни, а после удивляемся, почему жизни никакой нет? — Ничего удивительного: узоры прошлых сюжетов сложены нашим собственным воображением, а жизнь между тем идет сама по себе. Ее невидимый поток льется тихо и незаметно, подтачивая и перевертывая украдкой камни истории. Посему — что ни эпоха, что ни поколение, что ни народ — каждый раз получается иначе, чем было; каждый раз следствия и причины располагаются в иной последовательности, чем прежде. — Читайте газеты: завтрашние, вчерашние, ...адаптированной давности — получите модель жизни.

История есть обширнейшее из представимых обиталище призраков жизни. Их бытие изучено и хорошо и плохо. Хорошо — потому, что запомнились многие имена и сохранились многие вещи. Плохо — потому, что еще больше имен забыто и вещей утрачено. Жизнь берет свое, утаивая от истории драгоценные подробности. Кто из призраков прошедшего не скажет о себе: Я был! —? Все и каждый. А между тем не каждый назовет свое имя. — Таков был создатель того анекдота, в коем мне отведена столь важная роль.

Анекдот известен: «В одном из ежедневных приказов по военному производству писарь — вспомните тогдашнее время, — писарь расчеркнулся так, что когда писал: «Прапорщики-жъ такие-то в подпоручики», — то перенес на другую строку небывалое слово **Кижъ**, начав его еще с прописной, размашистой буквы. Пробегая наскоро приказ этот, император принял слово это, с прописною буквою, за коим следовали прозвания, также за прозвание одного из производимых и написал тут же: «Подпоручик Кижъ в поручики». На другой день подпоручик Кижъ произведен был в штабс-капитаны, а на третий, подписывая приказ, государь написал против него: «В капитаны». И это сделано. Никто не успел оглянуться, ни опомниться, как Кижъ произведен был в полковники, с отметкой: «Вызвать сейчас ко мне». Тогда только бросились по приказам, где этот Кижъ? Он оказался в каком-то Азовском или Апшеронском полку, где-то на Дону, и фельдъегерь очертя голову поскакал за ним. Можно вообразить изумление полкового командира, до которого еще не успел дойти обычным порядком первый приказ, о производстве прапорщика Кижжа, как привезен был уже с фельдъегерем последний, о производстве его в полковники, и когда, сверх сего, полковой командир не мог понять, о чем и о ком идет речь, потому что в полку его никогда никакого Кижжа не было. «Есть же на свете Чиж, — подумал полковник. — Почему бы не быть и Кижю, но только не в этом полку». Фельдъегерь подавно ничего не мог тут объяснить и поскакал, едва перекусив, обратно. — Донесение полковника, что в его полку Кижжа нет и не бывало, всполошило все высшее военное начальство и канцелярии их. Бросились следить по приказам, и наконец бедственный первый приказ о производстве Кижжа в подпоручики разъяснил дело. Между тем государь уже спрашивал, не прибыл ли полковник Кижъ — вероятно, желая с нетерпением поздравить его генералом. Решились доложить государю, что Кижъ умер. — «Жаль, — сказал император, — был хороший офицер»².

Славный анекдот. Высокого класса анекдот. Истина жизни неотличимо смешана с вымыслом истории. За это я готов даже простить неизвестному остроумцу использование моей ошибки в качестве его выдумки, хотя, конечно, на него есть за что негодовать: дав имя самой моей ошибке, меня он по имени не назвал — писарь, и все. Что ж, будем считать это драгоценной подробностью жизни, которую она утаила от истории.

Впрочем, в своей безымянности мы с сочинителем анекдота оказались равны перед лицом истории. В несколько одинаковом положении оказались мы и с Его

¹ Вообще-то сказано Н. М. Карамзиным об исходе Французской революции 1789—94 гг. (см. альманах «Аглая», 1795, ч. 2, с. 66—67).

² Рассказы В. И. Даля о временах Павла I. — Русская старина, 1870, т. 2, № 9, с. 295—296. Владимир Иванович Даль, создатель великого толкового словаря, не был создателем этого анекдота: он сообщил слышанное им от отца и от некоторых других свидетелей царствования Павла I. Впоследствии Юрий Николаевич Тынников переделал этот анекдот в бессмертную повесть — «Подпоручик Киж» (1928).

Величеством — государем Павлом Петровичем Первым: оба персонажи, оба призраки, более того, сами создатели призрака — подпоручика Кижжа. Конечно, я помню, кто был он и кто я, но знаю также, что вследствие своей исторической призрачности оба мы, хотя и с разной яркостью, прообразуем не только сыновей своего века, но и героев всякого времени.

Герой всякого времени — это, если угодно, портрет, составленный из фактов и анекдотов одной какой-нибудь эпохи, но выражающих любую другую эпоху. В эпоху государя Павла Петровича Первого причины и следствия сложились так, а в другие времена сложатся иначе, сопутствуемые другими именами и вещами; изменится жизнь, история не изменится. Поэтому портрет сего государя — это не только напечатание его самобытного облика. Это вместе с тем и портрет Соломона Премудрого, Петра Великого, Цезаря, Калигулы, царя Эдипа, короля Филиппа, Тита, Нерона, фараона Тутанхамона, принца Гамлета, Ивана-царевича, Бовы-королевича. — Недаром его сравнивали то с Калигулой, то с Гамлетом, то с Петром Великим: меняются вещи и имена, а не причины и следствия. Причины и следствия меняются только местами. И если вы верили в существование государя Павла Петровича Первого и его подданных как героев их времени, отчего же не веровать в их действительность как героев всякого времени?

Я избрал именно его эпоху, а не какую-либо другую не потому, что она являет собою зрелище, из ряда вон выходящее. — Просто она мне ближе, многих я знаю там не понаслышке, благодаря этой эпохе и благодаря лично государю Павлу Петровичу Первому я стал в некотором роде тоже историческим лицом. Предвижу, впрочем, что просвещенная публика, не приметив в моем предисловии ни стилизации языка эпохи, ни исторического колорита, ни социальной типажности (словом, всего, что присуще героям своих времен), — сочтет мое присутствие на сих страницах немотивированным, а слог — неподобающим. — Увы! Должность писаря, хотя и предполагает, что занимающий ее произведен не менее, чем в чин прапорщика, весьма ограничена своей репутацией. Гг. строевые младшие офицеры — корнеты да поручики — пользуются несравненно большими симпатиями, нежели наш брат. Публика скорее поверит существованию задумавшегося тростника, чем мыслящего писаря, хотя бы то был лишь призрак.

Разумеется, я мог бы мистифицировать публику, идя навстречу ее реалистическим предубеждениям, мог бы приспособить свой слог к образу мыслей, подобающему должности, или, сделав вид, что сам был свидетелем описанных происшествий, мог бы изложить все анекдоты и факты от собственного лица, подражая гг. строевым прапорщикам, героям своих эпох — Гриневу и Печорину.

Но у каждого свое назначение. У всякого призрака свой признак. У меня — быть именно собирателем и переписчиком исторических известий. Такова цена одной жизненной ошибки. Мое исходное положение в сюжете о подпоручике Кижже обязывает к такому историческому выбору. Поэтому я не стал живописать выбранные для переписывания фрагменты пером исторического романиста. Зачем стилизовать уже стилизованное в дневниках, письмах, мемуарах и хрониках? И без меня каждый факт превращен там в повод для домысла и вымысла. Кроме того, дневники, письма, мемуары и хроники писали люди, с которыми случались анекдоты, ничуть не менее смешные или трагические, чем мой. Почему же мой голос должен заглушать их голоса?

Словом, пора менять манеру Вальтера Скотта.

Правда, я не все читаты проверил; не везде соблюдал абзацы; менял изредка для удобства чтения строчные буквы на прописные и наоборот; решился приискать к своим выпискам приличествующие заголовки и эпиграфы, а некоторые эпизоды для краткости пересказал своими словами; наконец, присовокупил к собранным анекдотам и фактам кое-какие собственные рассуждения, поместив оные в начало и заключение сей рукописи. — Для желающих проверить точность выписок указаны источники.

Читайте газеты.

К сведению гг. подписчиков «Анекдотов и фактов»

Объявления о продаже и купле дворовых людей, пахотных крестьян, мебели, дорожных экипажей и проч. не принимаются и печататься не будут; со всем подобным просим обращаться в другие издания.

ИЗДАНИЯ И АВТОРЫ

АкВ — Архив князя Воронцова. Тт. 1—40. СПб., 1870—1895. **Воронцов Семен Романович** (1744—1832) — посол в Англии (1783—1806)¹.

Алымова — Памятные записки Г. И. Ржевской. /РА, 1871, кн. 1, вып. 1. **Алымова** (в замужестве Ржевская) Глафира Ивановна (1758—1826) — фрейлина; в конце 1770-х гг. пребывала при дворе великого князя Павла.

Анекдоты — Павел I. Собрание анекдотов, отзывов, характеристик, указов и пр. Составили Александр Гено и Томич. СПб., 1901.

Аракчеев — Е. Э. Лямина, Е. Е. Пастернак. «Кто ж он... преданный без лести?» <Фрагменты воспоминаний о графе Аракчееве>./ Независимая газета, 1992, № 210. **Аракчеев** Алексей Андреевич (1769—1834) — с 1792 г. при Павле I; с 1803 г. при Александре I (его лучший друг с 1796 г.); в 1815—25 гг. обладал необъятной властью; нрава коварного, хватка мертвая; был человек военный и в установлении порядка и дисциплины неутомим; дважды мог изменить ход истории, но 11 марта 1801 года не знал о том, что может изменить, и не приехал в Петербург спасти Павла I; а осенью 1825 года знал о заговоре декабристов, но раз в жизни предпочел личное — государственному: порол и казнил крепостных, убивших его любовницу, а про заговор забыл.

Бенингсен — Из записок графа Бенингсена. / Цареубийство 11 марта 1801 года. СПб., 1907.

Бенингсен (Бенингсен) Леонтий Леонтьевич (Левин-Август Готлиб) (1745—1826) — родом из Ганновера, в русской службе с 1773 г.; граф; генерал; три самых печальных опыта его участия в истории России: убийство императора (1801); проигранное Наполеону сражение под Фридландом (1807); командование штабом русских армий в начале Отечественной войны (1812).

Бильбасов — В. А. Бильбасов. История Екатерины II. Тт. 1—2. Берлин, 1900.

Болотов — А. Т. Болотов. Памятник протекших времен, или Краткие исторические записки о бывших происшествиях и носившихся в народе слухах <1796 г.>. / Записки очевидца. Воспоминания. Дневники. Письма. М., 1989.— **Болотов** Андрей Тимофеевич (1738—1833) — поручик в отставке (с 1762 г.), помещик Тульской губернии, селекционер, лесовод, сельскохозяйственный новатор, сочинитель; о петербургских событиях 1796 года судил по доходившим до него слухам.

Боратынский — отцу — Письма А. А. Боратынского к отцу А. В. Боратынскому; если указываются страницы, то имеется в виду издание: А. М. Песков. Боратынский. Истинная повесть. М., 1990; если указываются листы — значит, желающие прочитать нужное письмо полностью могут сделать это в РГАЛИ (ф. 51, оп. 1, № 270). **Боратынский** Абрам Андреевич (1768—1810) — родственник Е. И. Нелидовой; в первой половине 1790-х гг. губернатор Гатчины и инспектор гатчинской пехоты; после 7 ноября 1796 г. — генерал-адъютант; генерал-лейтенант; командир лейб-гвардии Гренадерского полка; с 1798 г. в опале; отец великого поэта.

Брикнер — А. И. Брикнер. История Екатерины Второй. Части 1—5. СПб., 1907.

Валишевский, 1914 — К. Валишевский. Сын великой Екатерины. СПб., 1914.

Волконский — Рассказы П. М. Волконского, записанные с его слов А. В. Висковатовым в январе 1845 года. / Русская старина, 1876, т. 16, № 15. **Волконский** Петр Михайлович (1776—1852) — в 1796 г. адъютант в лейб-гвардии Семеновском полку; впоследствии начальник Главного штаба (1815—23), светлейший князь, генерал-фельдмаршал.

Вяземский — П. А. Вяземский. Стихотворения. Воспоминания. Записные книжки. Издание подготовили А. Л. Зорин и Н. Г. Охотин. М., 1988. **Вяземский** Петр Андреевич (1792—1878) — поэт; неустанный собиратель исторических анекдотов.

Гарновский — Записки Михаила Гарновского. / Русская старина, 1876, т. 15, № 1—4; т. 16, № 5—7. **Гарновский** Михаил Антонович (ок. 1754—1814) — артиллерии полковник; управитель делами светлейшего князя Потемкина в Петербурге.

Гейкинг — Записки барона Гейкинга. / Цареубийство 11 марта 1801 года. СПб., 1907. **Гейкинг** Карл-Генрих (1751—1809) — родом из Курляндии; с 1777 г. в русской службе; сенатор.

Голицын — Ф. Н. Голицын. Воспоминания. / Русский архив, 1874, кн. 1. **Голицын** Федор Николаевич (1751—1827) — камер-юнкер при дворе Екатерины II.

Головкин — Ф. Г. Головкин. Двор и царствование Павла I. М., 1912. **Головкин** Федор Гаврилович (1766—1823) — церемониймейстер в 1796—99 гг.; граф.

¹ Биографические справки даны только об авторах мемуаров и иных современниках описываемых событий.

Головина — Мемуары графини Головиной, урожденной графини Голицыной. М., 1911.
Головина Варвара Николаевна (1766—1819) — фрейлина.

Греч — Н. И. Греч. Записки о моей жизни. Издание подготовили Иванов-Разумник и Д. М. Пинес. М.-Л., 1930. **Греч** Николай Иванович (1787—1867) — журналист, издатель, сочинитель; в 1790-е гг. был дитём, но многое запомнил и вкюпе со слышанным от старших пересказал.

Грибовский — А. М. Грибовский. Записки о императрице Екатерине Великой. М., 1864.
Грибовский Адриан Моисеевич (1766—1833) — с 1792 г. управляющий собственной ея имп. величества канцелярии; в 1795—96 гг. — статс-секретарь Екатерины II; при Павле в опале.

Даль — Рассказы В. И. Даля о временах Павла I. / Русская старина, 1870, т. 2, № 9.

Дашкова — Е. Р. Дашкова. Записки. В изд.: Дашкова Е. Р. Литературные сочинения. М., 1990. Издание подготовила Г. Н. Моисеева. **Дашкова** Екатерина Романовна (1743/44—1810) — княгиня, помощница Екатерины II в перевороте 1762 года; была посвящена в конституционные замыслы Н. И. Панина в начале 1770-х; при Павле в ссылке.

Державин — Г. Р. Державин; если цитируются его мемуары, то по изд.: Избранные произведения (тексты подготовил П. Г. Паламарчук). М., 1984; если цитируются его стихи, то по книге: Сочинения Державина. Издание Д. Штукина. СПб., 1845. **Державин** Гаврила Романович (1743/44—1816) — поэт; статс-секретарь Екатерины II (1791—93), при Павле сенатор, государственный казначей.

Дмитриев — И. И. Дмитриев. Сочинения. Тексты подготовили И. З. Сурат и А. М. П-в. М., 1986. **Дмитриев** Иван Иванович (1760—1837) — поэт; при Екатерине офицер Семеновского полка (в 1796 г. — капитан); в 1797—98 гг. — обер-прокурор Сената (но сначала был арестован).

М. А. Дмитриев — М. А. Дмитриев. Мелочи из запаса моей памяти. М., 1869. **Дмитриев** Михаил Александрович (1796—1866) — племянник И. И. Дмитриева; сочинитель, автор бесценных мемуаров.

Документы ВФР — Документы Великой французской революции. Т. 1. М., МГУ, 1990.

Долгоруков — И. М. Долгоруков. Капище моего сердца. М., 1890. **Долгоруков** (Долгорукий) Иван Михайлович (1764—1823) — во второй половине 1780-х годов, будучи офицером гвардии и неплохим актером-любителем, часто бывал в домашнем кругу великого князя Павла; сочинял недурные для своего времени стихи.

Екатерина II — Екатерина II. Сочинения. Тексты подготовили В. К. Былинин и М. П. Одесский. М., 1990.

Жуковский — В. А. Жуковский. Полн. собр. соч. в 12 томах, т. 1, Пб., 1902. **Жуковский** Василий Андреевич (1783—1852) — Его стихов пленительная сладость пройдет веков завистливую даль; но в 1797—1801 гг. он еще воспитывался в Благородном пансионе при Московском университете.

ИВ — «Исторический вестник», журнал.

Карамзин — Н. М. Карамзин. Записка «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях» (1811). / Цитирую по публикации в «Литературной учебе» (1988, № 4). **Карамзин** Николай Михайлович (1766—1826) — в 1790-е годы жил в Москве, издавал журналы и альманахи; писал прозу и стихи; с начала 1800-х годов писал «Историю государства Российского».

Клочков — М. В. Клочков. Очерки правительственной деятельности времени Павла I. Пг., 1916.

Кобеко — Д. Ф. Кобеко. Цесаревич Павел Петрович. СПб., 1883.

Комаровский — Е. Ф. Комаровский. Записки. СПб., 1914. **Комаровский** Евграф Федотович (1769—1843) — в 1796 г. адъютант лейб-гвардии Измайловского полка; с 1801 г. генерал.

Коцебу — Записки Августа Коцебу / Цареубийство 11 марта 1801 года. СПб., 1907. **Коцебу** Август (1761—1819) — тот самый, которого убил берлинский студент Занд за то, что он выступал против свобод германских университетов; немецкий комедиограф и романист; в 1800 году при въезде в Россию был арестован и сослан в Тобольск, через несколько месяцев освобожден от подозрений.

Ланжерон — Из записок графа Ланжерона. / Цареубийство 11 марта 1801 года. СПб., 1907. **Ланжерон** Александр Федорович (1763—1831) — французский эмигрант на русской службе; с 1791 г. — полковник; с 1799 г. — генерал-лейтенант; шеф Рязского мушкетерского полка.

М-те Ливен — Из записок княгини Ливен. / Цареубийство 11 марта 1801 года. СПб., 1907. **Ливен** (урожд. Бенкендорф) Дарья Христофоровна (1785—1857) — фрейлина; дочь статс-дамы (близкой подруги Марии Феодоровны); жена (с 1800 г.) военного министра Х. А. Ливена; сестра будущего шефа жандармов (с 1826 г.) А. Х. Бенкендорфа.

Лобанов-Ростовский — А. Б. Лобанов-Ростовский. Дополнительные примечания к записке Коцебу. / Цареубийство 11 марта 1801 года. СПб., 1907.

Ломоносов — М. В. Ломоносов. Избранные произведения. Тексты подготовил А. А. Морозов. М.-Л., 1965. **Ломоносов** Михайло Васильевич (1711—1865) — певец императрицы и слава россов.

Лопухин — Записки И. В. Лопухина. Лондон, 1860. **Лопухин** Иван Владимирович (1756—1816) — в 1792 году был преследуем по делу московских масонов-мартинистов; при Павле I некоторое время был в великих почестях; человек редкой честности.

Лубяновский — Воспоминания Ф. П. Лубяновского. М., 1872. **Лубяновский** Федор Петрович (1777—1869) — с 1796 г. адъютант генерал-фельдмаршала Н. В. Репнина; впоследствии сенатор, губернатор и проч.

Мария-Антуанетта — P. d'Hunolstein. Correspondance inédite de Marie-Antoinette. P., 1868. **Мария-Антуанетта** (1755—1793) — королева Франции; супруга Людовика XIV (с 1770 г.); дочь императрицы австрийской Марии-Терезии.

Мартос — И. Р. Мартос. Из рассказов графа Аракчеева. / Исторический вестник, 1894, т. 58, № 10.

Массон — К. Массон. Секретные записки о России и, в частности, о конце царствования Екатерины II и правлении Павла I. Т. I. М., 1918. **Массон** Карл (1762—1807) — по рождению француз, с 1786 г. — на русской службе, секретарь Н. И. Салтыкова, с 1795 г. — секретарь великого князя Александра Павловича; в декабре 1796 г. выслан из России.

Жозеф де Местр — Жозеф де Местр о России. Публикация и перевод В. А. Мильчиной. / Родина, 1992, № 6—7. **Ж. де Местр** (1753—1821) — посланник сардинского короля в Петербурге в период оккупации Сардинии Францией, т. е. фактически эмигрант; был славен в петербургских салонах своей острой мыслью и отточенной речью; философ.

Мертваго — Д. Б. Мертваго. Записки. М., 1867. **Мертваго** Дмитрий Борисович (1760—1824) — при Павле I служил в Провиантской экспедиции Военной коллегии; впоследствии сенатор, генерал-провиантмейстер.

Милютин — Д. А. Милютин. История войны 1799 года между Россией и Францией в царствование императора Павла I. Тт. 1—3. Пб., 1857.

Муханова — Из записок М. С. Мухановой. / Русский архив, 1878, кн. 1. **Муханова** Мария Сергеевна (1802—1882) — фрейлина вдовствующей императрицы Марии Феодоровны, дочь обер-штальмейстера Сергея Ильича.

Мыльников — А. С. Мыльников. Легенда о русском принце. Л., 1987.

Наполеон — Наполеон. Избранные произведения. Т. I. М., 1941.

Неизвестный автор — Автор эпиграммы «Von citoyen...» / В. П. Степанов. Убийство Павла I и вольная поэзия. — В кн.: Литературное наследие декабристов. Л., 1975, с. 85.

Новиков — Н. И. Новиков и его современники. Избранные сочинения. М., 1961. **Новиков** Николай Иванович (1744—1818) — московский издатель; с конца 1770-х гг. масон (мартинист); с 1792—96 гг. в Шлиссельбургской крепости по подозрению в приготовлении заговора (т. е. ни за что).

Oberkirch — Н. L. Oberkirch. Mémoires. P., 1853. Т. 1. **Оберкирх** Генриетта Луиза — баронесса; подруга детства императрицы Марии Феодоровны; сопровождала ее и великого князя Павла по Франции и Нидерландам во время их путешествия в 1783 году.

Осмнадцатый век — Осмнадцатый век. Исторический сборник. Кн. 1—4. Издание П. И. Бартенева. М., 1868—69.

Пален — (Рассказ П. А. Палена о заговоре 1801 года в составе записок гр. Ланжерона). / Цареубийство 11 марта 1801 года. СПб., 1907. **Фон дер Пален** Петр Алексеевич (1745—1826) — уроженец Курляндии, генерал от кавалерии, граф; изменил ход истории в марте 1801 года, но в июле того же года был отстранен от последующих исторических изменений вследствие ненависти вдовствующей императрицы Марии Феодоровны.

Панчулидзе — С. А. Панчулидзе. История кавалергардов. Тт. 1—2. Спб., 1901.

Платон — Автобиография Платона, митрополита Московского. М., 1887. **Платон** (Левшин Петр Георгиевич) (1737—1812) — законоучитель Павла в 1763—66 гг.; митрополит Московский с 1787 г.

Полетика — Воспоминания П. И. Полетики. / Русский архив, 1885, т. 3. **Полетика** Петр Иванович (1778—1849) — при Павле I служил в Коллегии иностранных дел; впоследствии сенатор.

Порошин — Семена Порошина записки, служащие к истории его императорского высочества благоверного государя цесаревича и великого князя Павла Петровича. Текст подготовил М. И. Семевский. СПб., 1881. **Порошин** Семен Андреевич (1741—1769) — в 1762 г. — флигель-адъютант Петра III, в 1762—65 гг. кавалер при Павле; учил его математике; в начале 1766 г. был оклеветан, отстранен от воспитания великого князя и удален из Петербурга; через 3 года умер 28 лет.

ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830.

Пушкин — А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. в 10 томах. Л., 1977—79. **Пушкин** Александр Сергеевич.

РА — «Русский архив», журнал; выходил в 1863—1917 гг.; основан П. И. Бартеневым.

Ростопчин — Ф. В. Ростопчин. Письма к С. Р. Воронцову и записка «Последний день жизни императрицы Екатерины и первый день царствования императора Павла Ю. / Архив князя Воронцова. Кн. 8, ч. 1, М., 1876. **Ростопчин** (Расстопчин) Федор Васильевич (1763—1826) — был облечен громадным доверием у императора Павла: генерал-адъютант; директор почт; первоприсутствующий в Коллегии иностранных дел; член императорского совета; получил за 4 года 8 орденов, много земель, крестьян и прочие милости; не успев повернуть ход истории в 1801 году (за три недели до смерти Павла I был уволен от дел), сделал это впоследствии: будучи генерал-губернатором Москвы и обороняя ее в 1812 году от Наполеона, сжег город до такой степени, что до сих пор никто не знает, хорошо он сделал или плохо и что было бы, если бы Москва не сгорела.

РС — «Русская старина», журнал; выходил в 1870—1917 гг., основан М. И. Семевским.

Русский литературный анекдот — Русский литературный анекдот конца XVIII — начала XIX века. Тексты подготовили Е. Курганов и Н. Охотин. М., 1990.

Саблуков — Записки Н. А. Саблукова. / Цареубийство 11 марта 1801 года. СПб., 1907. **Саблуков** Николай Александрович (1776—1864) — сын сенатора Александра Александровича (при Павле — президента Мануфактур-коллегии), офицер конной гвардии, к 1801 году полковник; человек честный и благородный.

Санглен — Я. И. Санглен. Записки. / Русская старина, 1882, т. 36, № 12. **Санглен** Яков Иванович (1776—1864) — в 1790-е гг. мелкий служащий; более известен как правитель Особой (т. е. тайной, политической) канцелярии Министерства полиции при Александре I (в 1812—16 гг.).

Сб. РИО — Сборники Императорского Русского исторического общества; выходили в 1867—1916 гг.

Сигунов — Н. Г. Сигунов. Черты из жизни графа Аракчеева. / Русская старина, 1870, т. I, с. 241.

Стихи духовные — Стихи духовные. Тексты подготовил Ф. М. Селиванов. М., 1991.

Суворов — Формулярный список А. В. Суворова. Подготовлен А. Г. Кавтарадзе. / А. В. Суворов. К 250-летию со дня рождения. М., 1980. **Суворов** Александр Васильевич (1729/30—1800) — граф Рымникский, князь Итальянский, генералиссимус; в военных подвигах азартен, в домашней жизни — набожен.

Суворов. Письма — А. В. Суворов. Письма. Издание подготовил В. Г. Лопатин. М., 1986.

Тургенев — А. М. Тургенев. Записки. / Русская старина, 1885, т. 48, № 10; 1895, т. 83, № 7. **Тургенев** Александр Михайлович (1772—1863) — гвардейский офицер; сочинил мемуары, в которых почти все выдумал сам.

Фонвизин — Д. И. Фонвизин. Полное собрание оригинальных сочинений. Под ред. А. И. Введенского. СПб., 1893. **Фонвизин** Денис Иванович (1744/45—1793) — автор бессмертных комедий «Бригадир» и «Недоросль»; наш Мольер; до 1782 года секретарь Коллегии иностранных дел (т. е. секретарь Н. И. Панина), затем — в отставке.

М. А. Фонвизин — М. А. Фонвизин. Сочинения и письма. Т. 2. Тексты подготовили С. В. Житомирская и С. В. Мироненко. Иркутск, 1982. **Фонвизин** Михаил Александрович (1787—1854) — племянник Д. И. Фонвизина; генерал-майор к 1825 году; после — декабрист.

Храповицкий — Памятные записки А. В. Храповицкого. М., 1862. **Храповицкий** Александр Васильевич (1749—1801) — статс-секретарь Екатерины II в 1783—93.

Цареубийство — Цареубийство 11 марта 1801 года. Записки участников и современников. СПб., 1907.

Шильдер — Н. К. Шильдер. Император Павел Первый. Историко-биографический очерк. СПб., 1901.

Шишков — Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова. Т. 1. Берлин — Прага, 1870. **Шишков** Александр Семенович (1754—1841) — ровесник императора Павла; с 1798 вице-адмирал, член Адмиралтейской (Морской) коллегии; более известен не своими морскими походами, а сочинительством; славянофил в первом поколении.

Штейнгейль — В. И. Штейнгейль. Сочинения и письма. Т. 1. Текст подготовили Н. Ф. Зейфман и В. П. Шахеров. Иркутск, 1985. **Штейнгейль** Владимир Иванович (1783—1862) — с 1792 г. кадет Морского корпуса, морской офицер; к 1825 году подполковник в отставке, после — декабрист.

Шумахер — А. Шумахер. История низложения и гибели Петра Третьего. Текст подготовил М. А. Бойцов. / Со шпагой и факелом. Дворцовые перевороты в России. М., 1991. **Шумахер** Андреас (1726—1790) — секретарь, после — советник датского посольства в Петербурге в 1757—1764 гг.

Шумигорский, 1892 — Е. С. Шумигорский. Императрица Мария Феодоровна. СПб., 1892.

Шумигорский, 1898 — Е. С. Шумигорский. Екатерина Ивановна Нелидова. СПб., 1898.

Шумигорский, 1907 — Е. С. Шумигорский. Император Павел I. СПб., 1907.

Щербатов — М. М. Щербатов. О повреждении нравов в России. / «О повреждении нравов в России» князя М. Щербатова и «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Радищева. М., 1983. **Щербатов** Михаил Михайлович (1733—1790) — князь, Рюрикovich, с 1773 — действительный камергер; аристократ и по положению и по нраву; склонен к морализаторству и оппозиции.

Эйдельман, 1982 — Н. Я. Эйдельман. Грань веков. Политическая борьба в России. Конец XVIII — начало XIX столетия. М., 1982.

Эйдельман, 1991 — Н. Я. Эйдельман. Твой 18 век. Прекрасен наш союз. М., 1991.

Энгельгардт — Л. Н. Энгельгардт. Записки. / Русские мемуары. Избранные страницы. XVIII век. Текст подготовила И. И. Подольская. М., 1988. **Энгельгардт** Лев Николаевич (1766—1836) — в 1783—86 гг. адъютант светлейшего князя Потемкина; служил в армии; боевой офицер (участник штурмов Очакова в 1788 и Праги в 1794); к 1798 — полковник; с 1799 — в отставке (по собственному желанию); с 1826 — тесть поэта Евгения Боратынского.

Янькова — Рассказы бабушки. Издание подготовила Т. И. Орнатская. М., 1988. **Янькова** Елизавета Петровна (1768—1861) — прожила долгую жизнь, сохранив многие собственные воспоминания и семейные предания, записанные с ее слов ее внуком Д. Д. Благово.

СТРАНЫ И ГОРОДА

Австрия, ее владения и зависимые земли: Чехия, Моравия, Венгрия, Хорватия, Австрийские Нидерланды (Антверпен, Брюссель), кое-что в Италии (Милан, Флоренция), к 1795 — южные польские земли (Краков, Львов).

Германские герцогства и курфюршества, с указанием главнейших городов: **Голштиния** (Киль; с 1773 принадлежит Дании); **Вюртемберг** (Штутгарт); **Саксония** (Лейпциг, Дрезден); **Бавария** (Мюнхен); **Гессен-Кассель** (Марбург), **Ганновер** и проч.

Дания, королевство — находилось в XVIII веке там же, где сейчас, с небольшими территориальными расширениями и потерями (плюс-минус Голштиния и т. п.).

Дерпт — ныне город Тарту.

Елисаветград — крепость св. Елисаветы; при советской власти: Кировоград.

Итальянские государства: Королевство обеих **Сицилий** (Неаполь, Палермо); королевство **Сардиния** (Пьемонт, Савойя); **Папская область** (Рим); **Венеция** (Венецианская республика).

Курляндия — западная Латвия (Курземе), с 1795 — Курляндская губерния России.

Лифляндия (Ливония) — северная Латвия и южная Эстония.

Мальта — остров в Средиземном море; в XVIII веке находился там же, где ныне: южнее обеих Сицилий и восточнее Африки; владение католического ордена Иоаннитов.

Митава — сейчас город Елгава, в Латвии.

Персия, или Иран — владения в Дагестане, Армении, Северном Азербайджане.

Польша — королевство; до 1772 года граничило с Российской империей южнее Риги и Пскова, западнее Смоленска и Киева; другие соседи Польши до того же времени — Пруссия, Австрия, Турция; к 1795 году перестало существовать, будучи разделенным между Пруссией, Австрией и Россией, после чего Могилев, Витебск, Вильно, Минск, Гродно, Брест отошли к России, Краков, Львов — к Австрии и т. д.

Пруссия — королевство; столица — Берлин; к 1795 году простирается по южному берегу Балтийского моря от Эльбы до Немана, где граничит с Россией; с 1742 года владеет землями по Одере (Силезия); имеет многие мелкие приобретения в разных частях Западной Европы.

Ревель — Таллинн.

Сарское Село — Царское Село.

Турция, или **Оттоманская Порта**, или просто **Порта**, ее владения, зависимые страны и народы: Греция, Босния, Сербия, Болгария, Молдавия, Бессарабия, Крым (до некоторого времени), часть Армении, Багдад, Каир, Мекка и т. д. и т. д. Столица — Константинополь (Истамбул).

Швеция — королевство; находилось там же, где теперь, но имело еще часть Финляндии.

Шлиссельбург (Шлюшин) — на Ладожском озере; ныне: Петрокрепость.

Эстляндия — северная Эстония.

Прочие упоминаемые страны и города назывались так же, как сейчас, и находились примерно в тех же границах.

Кто виноват? Что делать? Кому править? — Когда эти вопросы перестанут решать, история прекратит свое течение, придет свобода, равенство и братство или Конец Света и Царствие Божие. Пока этого не произошло. Жизнь идет. Время длится. Три вопроса остаются.— Три краеугольных камня, три источника, три кита.— Есть, конечно, и другие вопросы. Куда, например, идти? Или — у кого брать? Или — кем командовать? Но все они производны от заданных сначала.— Может быть, оттого, что краеугольных вопросов только три, здание истории все время кренится, колеблется, жить в нем шатко, того гляди, рухнет в пропасть забвения. Но время длится, бедствия, ужаснейшие всех прежних, потрясают историю, пожирают народы и царства; иногда кажется, что теперь-то и всё — ан нет: тотчас нарождаются новые народы, новые законодатели, новые командиры, новые солдаты. Они начинают все заново. Они как будто знать не знают о былом. Но они действуют по указаниям истории — не потому, что соразмеряют свою жизнь с чертежами прошлого, а потому, что в их умах шевелятся три проклятых вопроса, в сердцах бьют, не иссякая, три источника, под ногами скользят три кита и дома их зыблются на трех камнях.

Россия стала называться империей после того, как после 20 октября¹ 1721 года Правительствующий Сенат и Святейший Синод восприняли намерение просить царя «именем всего народа» — «дабы изволил принять титло ОТЦА ОТЕЧЕСТВА, ИМПЕРАТОРА ВСЕРОССИЙСКОГО, ПЕТРА ВЕЛИКОГО» (*Реформы Петра I. М., 1937, с. 99*).

Первый император скончался 28 января 1725, отменив прежний порядок престолонаследия (от отца — к сыну), но не оставив ни живого сына (один, Алексей, был изведен им самим за измену, другие умерли младенцами), ни завещания о наследнике. При помощи светлейшего князя Меншикова царствовать стала вдова Петра I — Екатерина I; 6 мая 1727 она тоже умерла; императором был объявлен сын казненного царевича Алексея — 12-летний Петр II. Пока он считался императором, близстоящие к трону вельможи усердно сражались за власть, и светлейшего князя Меншикова сослали в Сибирь, а скоро, 19 января 1730, Петр II умер от оспы.

¹ Все даты событий, происшедших в России, даны по «старому» (юлианскому) календарю, отстающему от «нового» (григорианского), принятого Европой, в XVIII веке — на 11 дней, в XIX — на 12. Когда речь пойдет о европейских делах, будут указаны и европейские даты, а чаще — обе даты по обоим стилям.

Закона о престолонаследии по-прежнему не было, и на престол привезли из Курляндии племянницу Петра I — Анну Иоанновну. При ней набрал силу курляндский герцог Бирон, и когда она скончалась (17 октября 1740), он был объявлен регентом при новом императоре — 3-месячном Иоанне VI (Иване Антоновиче — внучатом племяннике Петра I). Бирон правил три недели — в ночь с 8 на 9 ноября 1740 его арестовали, и регентшей при младенце Иоанне была объявлена его родительница — Анна Леопольдовна.

Младенец Иоанн и его родительница были арестованы в ночь на 25 ноября следующего, 1741 года и отправлены в ссылку — в Холмогоры Архангельской губернии (в 1756 подросшего Иоанна перевели в Шлиссельбургскую крепость).

Переворот 25 ноября был сделан ради Елисаветы Петровны, 32-летней дочери Петра I. 25 апреля 1742 года она была коронована на царство. Но у нее не было детей, и вопрос о наследнике престола некоторое время оставался вопросом.

1742

7 ноября. Воскресенье. Москва.

ПЕТР ФЕОДОРОВИЧ,

принц Голштинский, 14-летний племянник Елисаветы Петровны, объявлен ее наследником и «русским великим князем, вслед за исповеданием своей веры по обряду православной церкви. <...> Этот принц <от рождения — Карл-Петр Ульрих> был крещен и воспитан по лютеранскому обряду <...>. Мать Петра III, дочь Петра I Анна Петровна скончалась приблизительно месяца через два после того, как произвела его на свет, от чахотки в маленьком городке Киле, в Голштинии <...>. Карл-Фридрих, отец Петра III <...>, принц слабый, неказистый, малорослый, хилый и бедный <...>, умер в 1739 году» (*Екатерина II, с. 254, 251—252*).

1744

9 февраля. Четверг. СОФИЯ-ФРЕДЕРИКА-АВГУСТА АНГАЛЬТ-ЦЕРБТСКАЯ, 15-летняя дочь принца Христиана-Августа Ангальт-Цербтского и принцессы Иоанны-Елисаветы Голштинской — «прибыла со своей матерью в Москву» (*Екатерина II, с. 255*), **28 июня, в четверг** вслед за исповеданием веры по обряду православной церкви (ибо изначально была крещена по лютеранскому обряду), наречена **ЕКАТЕРИНА АЛЕКСЕЕВНА** и **29 июня, в Петров день** обручена с великим князем Петром Феодоровичем.

1745

21 августа. Четверг. Петербург.

БРАЧНОЕ СОЧЕТАНИЕ

Их Императорских Высочеств Государя Великого Князя ПЕТРА ФЕОДОРОВИЧА и Государыни Великия Княгини ЕКАТЕРИНЫ АЛЕКСЕЕВНЫ:

От вас Россия ожидает
Счастливых и спокойных лет,
На вас по всякой час взирает
Как на всходящий дневный свет

(*Ломоносов, с. 104*).

«Я¹ очень хорошо видела, что великий князь совсем меня не любит; через две недели после свадьбы он мне сказал, что влюблен в девицу Карр, фрейлину императрицы. Если бы он хотел быть любимым, это было бы для меня не

¹ NB: у великой княгини, а впоследствии государыни Екатерины были замечательные беллетристические таланты; поэтому верить ее мемуарам, особенно в тех случаях, когда она рассказывает о своем покойном супруге, можно лишь помня именно это обстоятельство.

трудно; я от природы была склонна и привычна исполнять свои обязанности, но для этого мне нужно было бы иметь мужа со здравым смыслом, а у моего этого не было <...>. Императрица приставила ко мне главной надзирательницей Чоглокову, одну из своих статс-дам <...>.

1754

<...> чрез девять лет обстоятельства остались те же, каковы были до свадьбы <...>. Когда мы однажды приехали в Петербург на куртаг, императрица сказала Чоглоковой, что моя манера ездить верхом мешает мне иметь детей <...>. Чоглокова ей ответила <...>, что дети не могут явиться без причины и что хотя Их Императорские Высочества живут в браке с 1745 года, а между тем причины не было. Тогда Ея Императорское Величество стала бранить Чоглокову и сказала, что она взыщет с нее за то, что она не старается усостыжить на этот счет заинтересованные стороны <...>. — Я уже несколько времени замечала, что камергер Сергей Салтыков бывал чаще обыкновенного при дворе; он всегда приходил с Львом Нарышкиным <...> — Чоглокова <...> однажды отвела меня в сторону и сказала: «<...> предоставляю вам выбрать между С<ергеем> С<алтыковым> и Л<ьвом> Н<арышкиным>. Если не ошибаюсь, то избранник ваш последний». На это я воскликнула: — «Нет-нет, отнюдь нет». Тогда она мне сказала: — «Ну, если это не он, так другой наверно». — На это я не возразила <...>. В феврале месяце у меня появились признаки беременности» (*Екатерина II, с. 281—282, 286, 501, 355, 351, 360, 372*).

АСТРОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОГНОЗ: ВЕСЫ. «Родившийся между 15 дня сентября до 13 октября, бывает частью флегматик, мужественного нрава <...>, довольно умен, правдив <...>. Скор к гневу, но скоро и отходит <...>, любит украшать свое тело и охотно слышит о себе похвалы; смирен, но если кто его озлобит или крайне обидит, против того бывает злопамятен <...>, смерть ему последует от злой женщины» (*Новый и полный астрономический телескоп... М., 1819. — М., 1991, с. 36—37*).

**20 сентября. Вторник. В 10-м часу утра. Петербург. Летний дворец
ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА ГОСУДАРЯ
ПРАВНУКА ПЕТРА I ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ПАВЛА ПЕТРОВИЧА**

«Сия всеобщая радость объявлена была того же дня двести одним пушечным выстрелом с обеих сторон крепостей и ввечеру приносимы были Ея Императорскому Величеству <Елисавете Петровне> от собравшихся ко двору обоего пола знатных персон всеподданнейшие поздравления о том благополучном и желанном происшествии» (*«Описание торжества, бывшего при дворе по случаю рождения и крещения великого князя Павла Петровича», 1754. — Порошин, ст. 597*). — «Как только его спеленали, императрица ввела своего духовника, который дал ребенку имя Павла, после чего тотчас же императрица велела акушерке взять ребенка и следовать за ней <...>. Обо мне и не думали <...>. Его Императорское Высочество <Петр Феодорович> со своей стороны только и делал, что пил с теми, кого находил, а императрица занималась ребенком.

25 сентября. Суббота. <...> на шестой день были крестины моего сына; он уже чуть не умер от молочницы. Я могла узнавать о нем только украдкой, потому что спрашивать о его здоровье значило бы сомневаться в заботе, которую имела о нем императрица <...>».

7 октября. Пятница. Петербург. ВСЕМИЛОСТИВЕЙШИЙ МАНИФЕСТ государыни Елисаветы Петровны о рождении у нея внука. «Выбрали семнадцатый день после моих родов, чтобы объявить мне <...>, что Сергей Салтыков был назначен отвезти известие о рождении моего сына в Швецию» (*Екатерина II, с. 378—379, 381—383*).

ТАК СКОЛЬКО ЖЕ ОТЦОВ БЫЛО У ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ПАВЛА? Слух «о том, что отцом его был не Петр III, а граф Салтыков, позже осложняется легендой, что и Екатерина II не была матерью великого князя (вместо рожденного ею «мертвого ребенка» будто бы доставили по приказу Елизаветы Петро-

вны грудного «чухонского» мальчика) <...>; крупнейший знаток потаенной истории и литературы XVIII в. Я. Л. Барсков полагал (сопоставляя разные редакции «мемуаров» Екатерины II), что царица сознательно (и успешно!) распространяла версии о «незаконности» происхождения своего сына. Таким образом, ее сомнительные права на русский престол повышались» (*Эйдельман, 1982, с. 27*). **А СКОЛЬКО ОТЦОВ БЫЛО У ГОСУДАРЫНИ ЕКАТЕРИНЫ?** Еще один слух, видимо, ею же пушенный: «Эта немецкая принцесса происходила от русской крови. Отец ее, принц Ангальт-Цербтский <...> жил с женою в разладе. Она <т. е. жена принца> проводила большую часть времени за границею <...>. Во время пребывания ее в Париже, в 1728 году, сделался ей известным молодой человек, бывший при русском посольстве, Иван Иванович Бецкий <...>. Вскоре по принятии его в число гостей княгини Ангальт-Цербтской она отправилась к своему мужу в Штеттин и там 21 апреля 1729 года разрешилась от бремени <...>. Екатерина II была очень похожа лицом на Бецкого <...>, обращалась с ним как с отцом» (*Греч, с. 125*).

ВОСПОМИНАНИЯ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ПАВЛА ПЕТРОВИЧА О ЖИЗНИ ЕГО с 1755 по 1761 год, записанные с его слов С. А. Порошиным в 1764—65

1755

<...> увидел в окно, что один истопник в воде, оборвавшись с плоту, утонул было: на глазах Его Высочества из воды его вытащили, что ему <Павлу Петровичу> весьма чудно показалось <...>.

1756

<...> в день Богоявления увидел Великой Князь нищего; испугался, лег в постель и приказал закрыть окна, и после того боялся нищих; однако скоро прошло <...>.— Весьма любил всяких тварей: собачек, кошечек и тому подобных, особливо кошек (*Порошин, ст. 602—604*).

1757

<...> Червей по садам было много. Жар был ужасный! <...>

1758

<...>В этом году трусость напала. Как Катерина Константиновна <горничная Елисаветы Петровны> вошла и дверьми хлопнула, то Великой Князь испугался и бросился под стол, и ухватился за ножку.— <БЕХТЕЕВ Федор Дмитриевич назначен обер-гофмейстером при великом князе Павле Петровиче для заведования его обучением наукам: заповедям, грамоте, арифметике>. Великой Князь до его приезда очень боялся, думал, что наказывать будет <...>.

1759

<...> Весною ложился или очень рано, часов в 8-м вечеру, или уже часу в первом пополудни, по прихотям <...>.

1760

<...> Определили шестерых лакеев <...>. В комнатах оные лакеи катали Его Высочество, сего году, часто в карете <...>.— Учился изрядно писать и по

букварю учил заповеди, в коих был экзамен (*Порошин, ст. 602—607*).— «Было сделано все, что только возможно, для физического, нравственного и умственного развития великого князя <...>. Он знал <когда вырос, разумеется> в совершенстве языки: славянский, русский, французский и немецкий <...>, был одним из лучших наездников своего времени <...>, был особо склонен и к военной науке <...>, к набожности расположен и ко святому причащению всегда приступал с благоговением <...>. Еще до настоящего времени показывают места, на которых Павел имел обыкновение стоять на коленях, погруженный в молитву и часто обливаясь слезами. Паркет положительно протерт в этих местах» (*Саблуков, с. 13; Платон, с. 23*).

29 июня. Пятница. НИКИТА ИВАНОВИЧ ПАНИН назначен обер-гофмейстером к великому князю Павлу Петровичу.— «Он был слаб здоровьем, любил покой, всю свою жизнь провел при дворе или в должности министра при иностранных дворах <...>, очень изысканно одевался, был вообще типичным царедворцем, несколько старомодным и напоминавшим собой придворных Людовика XIV» (*Дашкова, с. 56—57*); «и к гуляньям был склонен» (*Платон, с. 23*); заведовал иностранными делами государства с 1763; «очень упрям» (*Екатерина II, с. 488*).

1761

ВОСПОМИНАНИЯ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ПАВЛА ПЕТРОВИЧА (окончание)

<...> Увеселялся, между прочим, вот как: сыскал где-то палочку и обруч; связал их вместе, что представляло у него волторну. Оную привязавши на долгую веревку, сбрасывал с балкона вниз <...>, когда проходящим волторною и в голову попадало, Его Высочество забавлялся тем (*Порошин, ст. 607—614*).

Кому править?

25 декабря. Рождество Христово. Петербург. Зимний дворец.

ЕЛИСАВЕТА ПЕТРОВНА, самодержица Всероссийская,

«скончавшись, оставила престол свой племяннику своему <...> Петру Феодоровичу, государю, одаренному добрым сердцем, если может оно быть в человеке, не имеющем ни разума, ни нравов, ибо, впрочем, он не токмо имел разум весьма слабый, но яко и помешанный, погруженный во все пороки: в сластолюбие, роскошь, пьянство и любострастие» (*Щербатов, с. 116*).

ВЕЛИЧАЙШИЕ ДЕЯНИЯ ГОСУДАРЯ ПЕТРА ФЕОДОРОВИЧА

Бедный император хотел подражать Петру I, но не имел его гения.

Фридрих II

12 февраля. ДЕКЛАРАЦИЯ О ВСЕОБЩЕМ МИРЕ вручена европейским посланникам в Петербурге.

18 февраля. МАНИФЕСТ О ДАРОВАНИИ вольности и свободы российскому дворянству. («В чем же эта вольность? и вышло, что в том, чтоб служить и не служить по воле всякого. <...> У всех дворян велика была радость о данном дозволении» — *Екатерина II, с. 470*).

21 февраля. МАНИФЕСТ ОБ УНИЧТОЖЕНИИ Тайной розыскной канцелярии.

9 марта. УКАЗ ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ: «солдат, матросов и других нижних чинов не штрафовать отныне бесчестными наказаниями, как то: батожем и кошками, но токмо шпагою или тростию» (*ПСЗ, № 11467*).

ПРОЧИЕ ДЕЯНИЯ

Прекратил войну с Пруссией, заключил мирный договор и союз с Фридрихом II.— Приготовился к войне с Данией (за Голштинию).— Переобмундировал

гвардию в мундиры прусского образца.— Ежеутренне сам командовал строевым учением гвардии.— Лично досматривал правительственные места и казенные заведения.— Издал указы о расширении коммерции, о прекращении преследования раскольников, о государственном банке, о передаче монастырских владений в ведение правительства, о том, чтобы запорожским казакам обиды не чинить и прочая, и прочая, и прочая — всего 192 печатных законодательных деяния, не считая устных, за 186 дней царствования.

МЫСЛИ И ИЗРЕЧЕНИЯ ГОСУДАРЯ ПЕТРА ФЕОДОРОВИЧА

«〈...〉 благоразумнее и безопаснее иметь дело с такими простаками, как мы, чем с великими умами, которые выжав весь сок из лимона, выбрасывают его вон; 〈...〉; когда имеешь слабость не наказывать смертью людей, достойных ее, то неминуемо водворяются неповиновение и всевозможные беспорядки 〈...〉; отсутствие смертной казни вызывает много беспорядков и уничтожает дисциплину и субординацию 〈...〉» (*Дашкова, с. 45, 47*).

Последняя русская революция XVIII века

ЛЕТНИЕ ВИДЫ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА И ЕГО ПРИГОРОДОВ

28 июня. Пятница.
Петергоф
Петербург
Ораниенбаум

И вот участь нации, чей государь Петр I отменил законы престолонаследия, учредив выбор наследника царствующей особой.

Людвик XVI

Его высочество Павла Петровича будят ранним утром по приказанию Никиты Ивановича Панина и наскоро одетого перевозят из Летнего дворца в Зимний, приставив к нему усиленную охрану (*Кобеко, с. 30*).— «Уже шесть месяцев, как замышлялось мое восшествие на престол. 〈...〉 Мы были уверены в преданности большого числа капитанов гвардейских полков. Узел секрета находился в руках троих братьев Орловых 〈...〉. Умы гвардейцев были подготовлены 〈...〉. Петр III жил и пил в Ораниенбауме 〈...〉. Я спокойно спала в Петергофе, в 6 часов утра 28-го 〈...〉 Алексей Орлов входит в мою комнату и говорит мне с большим спокойствием: «Пора вам вставать; все готово для того, чтобы вас провозгласить» 〈...〉. Я не медлила, оделась как можно скорее, не делая туалета, и села в карету, которую он привез 〈...〉. В пяти верстах от города 〈Петербурга〉 я встретила старшего Орлова 〈Григория〉 〈...〉, и мы отправились в Измайловский полк 〈...〉. И вот сбегаются солдаты, обнимают меня, целуют мне ноги, руки, платье, называют меня своей спасительницей. Двое привели священника с крестом; и вот они начинают приносить мне присягу. По окончании этого 〈...〉 мы отправились в Семеновский полк 〈...〉. Приходит Преображенский полк 〈...〉. Конная гвардия 〈...〉.— Я отправилась в новый Зимний дворец, где Синод и Сенат были в сборе. Тут на скорую руку составили манифест и присягу 〈...〉, решено отправиться со мною во главе в Петергоф, где Петр III должен был обедать 〈...〉.— Около 10 часов вечера я облеклась в гвардейский мундир 〈...〉, села верхом; мы оставили лишь немного человек от каждого полка для охраны моего сына, который остался в городе. Я выступила таким образом во главе войск 〈...〉.

29 июня. Суббота. Петров день.

Петербург — Петергоф — Ораниенбаум — Ропша.

〈...〉 и мы всю ночь шли 〈...〉. Петр III отрекся в Ораниенбауме безо всякого принуждения 〈...〉, я послала, под начальством Алексея Орлова в сопровождении четырех офицеров и отряда смиренных и избранных людей низложенного императора на 25 верст от Петергофа, в местечко, называемое Ропша, очень уединенное и очень приятное, на то время, пока готовились хорошие и приличные комнаты в Шлиссельбурге. 〈...〉 Но Господь Бог расположил иначе 〈...〉» (*Екатерина II, с. 491—495*).— «Уже 28 июня после возвращения в город императрицы

уверяли, что император мертв,— он якобы накануне вечером свалился с коня и свернул себе шею. Другие же русские простолюдины кричали, что император, должно быть, убежал» (*Шумахер, с. 294*).

ПЕТР ФЕОДОРОВИЧ, государь

6 июля. Суббота.

«〈...〉 Но Господь бог расположил иначе. Страх вызвал у него понос, который продолжался три дня и прошел на четвертый; он чрезмерно напился в этот день 〈...〉. Его схватил приступ геморроидальных колик вместе с приливами крови к мозгу; он был два дня в этом состоянии, за которым последовала страшная слабость, и, несмотря на усиленную помощь докторов, он испустил дух 〈...〉. Я опасалась, не отравили ли его офицеры. Я велела его вскрыть; 〈...〉 он имел совершенно здоровый желудок, но умер он от воспаления в кишках и апоплексического удара. Его сердце было необычайно мало и совсем сморщено» (*Екатерина II, с. 495*).— «Матушка милосердная Государыня! Как мне изъяснить, описать, что случилось; не поверишь верному своему рабу, но как перед Богом скажу истину. Матушка! Готов идти на смерть; но сам не знаю, как эта беда случилась. Погибли мы, когда ты не помилуешь, Матушка, его нет на свете. Но никто сего не думал, и как нам задумать поднять руки на Государя! Но, Государыня, свершилась беда. Он заспорил за столом с князем Федором (Бяртинским); не успели мы разнять, а его уж и не стало. Сами не помним, что делали; но все до единого виноваты, достойны казни. Помилуй меня хоть для брата (Григория Орлова). Повинную тебе принес, и разыскивать нечего. Прости или прикажи скорее окончить. Свет не мил: прогневили тебя и погубили душу навек» (*А. Орлов — Екатерине II, 6.7.1762. — АкВ, кн. 21, с. 430*).

Безотцовщина

ЖИЗНЬ ПОСЛЕ ЖИЗНИ

«Не только в простом народе, но и в высшем сословии существовало мнение, что будто государь жив и находится в заключении. Сам великий князь Павел Петрович долго верил или желал верить сему слуху. По восшествии на престол первый вопрос государя графу (Андрею) Гудовичу был: «Жив ли мой отец?» (*Пушкин, т. 8, с. 249*).

Что делать?

ПРОЕКТ УСТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

«Еще выбирая сторонников для переворота 1762 г., Екатерина не раз выступала как бы от имени сына, так что порою создавалось впечатление, будто она претендует только на регентскую роль до совершеннолетия великого князя (см. *Бильбасов, т. II, с. 3—4*). Именно в такой «тональности» Екатерина вела переговоры с Никитой Ивановичем Паниным, который был необходим заговорщикам и своим немалым политическим опытом и особой ролью при Павле 〈...〉. Павел был для его воспитателя не просто орудием интриги и карьеры: Н. И. Панин мечтал об усовершенствовании российской политической системы, ограничении «временщиков, куртизанов и ласкателей», сделавших из государства «гнездо своим прихотям». Утверждение наиболее естественного, максимально законного монарха (каким Панин считал Павла) было лишь половиной замысла. Одновременно Панин хотел известного ограничения самодержавия императорским советом из 6—8 членов 〈...〉. Речь шла о зачатках «аристократической конституции»〈...〉.— Екатерина дала обещания и насчет прав сына, и насчет «императорского совета», однако очень скоро все было «забыто». Укрепившись на престоле, царица гасила любой намек на временность своей власти и, воцарение Павла; вокруг манифеста же об ограничении самодержавия в конце 1762 г. шла сложная закулисная борьба, когда царица уже поставила свою подпись, но затем «надорвала» документ» (*Эйдельман, 1982, с. 33—34*).

1763

Весна. Москва. ОПАСНОСТЬ ПЕРЕВОРОТА СОХРАНЯЕТСЯ. Разговоры камергеров Рославлева, Лосунского и камер-юнкера Хитрово: «Если императрица намерена выйти замуж <за гр. Орлова>, то у Иванушки <у Иоанна Антоновича> есть два брата; а если не согласится за них <идти замуж>, то, схватя Орловых, всех отлучить» (из следственных показаний Хитрово.— *Брикнер, ч. 2, с. 158*) — Хитрово сослан в свое имение, Рославлев и Лосунский — отставлены от службы.

1764

**ГОСУДАРЬ ПЕТР III ТАК МАЛО ЦАРСТВОВАЛ И СОВЕРШИЛ
ТАК НЕМНОГО, ЧТО О ЕГО СПРАВЕДЛИВОСТИ И МИЛОСТИ
СОХРАНИТСЯ ДОЛГАЯ ПАМЯТЬ**

Слухи

Полтава: о том, что государь Петр Федорович проезжал здесь по дороге в Киев под видом гусарского вахмистра.— **Курск:** государя Петра Федоровича видели в доме одного здешнего чиновника губернской канцелярии на пути в Киев для осмотра Малороссии.

Следствия слухов

Курск — Белгород: разорившийся армянский купец Антон Асланбеков называет себя императором Петром Федоровичем — сослан в Нерчинские рудники. **Чернигов — Глухов:** малоросс Николай Колченко «о себе сказывал, что я-де наследник Петр Федорович» (*Мыльников, с. 30*).— Отправлен туда же.

**Семена Порошина ЗАПИСКИ,
служащие к истории Его Императорского Высочества благоверного
Государя Цесаревича и Великого Князя ПАВЛА ПЕТРОВИЧА**

Бывший при воспитании Павла профессор Эпинус говаривал: «Голова у него умная, но в ней есть какая-то машинка, которая держится на ниточке. Порвется эта ниточка; машинка завернется, и тут конец и уму и рассудку».

Греч, с 315.

Если в сих повседневных записках кому что маловажным покажется, тому я отвечаю, что иногда по-видимому и неважные бы вещи лучше, нежели прямые дела, изображают нрав и склонности человеческие, особливо в нежной младости <...>. Справедливость и беспристрастие, украшающие историю, наблюдаены здесь с наисовершеннейшею точностию.

20 сентября. Понедельник. День рождения Его Императорского Высочества: минуло десять лет. <...>

22 сентября. Серeda. День коронования Ея Императорского Величества <2-я годовщина>. Того дня в зале был большой фигурный стол. Его Высочество с Государынею изволил кушать на троне, где во все время стола стоял у него за стулом и раскладывал ему кушанье Его Превосходительство Никита Иванович Панин <...>.

24 сентября. Пятница. <...>Его Высочество, будучи живого сложения и имея начеловеколюбивейшее сердце, вдруг влюбляется почти в человека, которой ему понравится; но <...> гораздо легче Его Высочеству вдруг понравиться, нежели навсегда соблности посредственную; не токмо великую и горячую от него дружбу и милость <...>.

7 октября. Четверг. Его Высочество изволил проснуться в седьмом часу. Одевшись, сел за учение <...>. Отучившись, изволил Государь Великой Князь играть в воланы. <...> В шесть часов изволил Его Высочество пойтить на комедию.

Комедия была французская «L'école des femmes» <...>, изволил Его Высочество аплодировать многократно. <...> Два раза партер без него захопал, что ему весьма было неприятно. Пришедши к себе, долго роптал о том <...>: «Вперед я выпрошу, чтоб тех можно было выслать вон, кои начнут при мне хлопать, когда я не хлопаю. Это против благопристойности» <...>.

15 ноября. Понедельник. <...> У меня сего дня болел палец, и сверх того резать я за столом не весьма великой охотник. Государь Великой Князь, забавляясь, всякое блюдо нарочно изволил присылать ко мне, чтобы я разрезывал и раскладывал. Потом изволил сказать, припрыгивая на стуле (по своему обыкновению, когда очень весел): «Бедной Порошин, как же трудится!» — Вставши из-за стола, изволил Его Высочество выкушать чашку кофе. Не принимаясь еще за чашку, изволил спросить кофешенка: «Что, была ли в апробации?» Прежде нежели поднесут кофе Его Высочеству, изволит обыкновенно отведывать его Никита Иванович <...>.

7 декабря. Вторник. <...> У Его Высочества ужасная привычка, чтоб спешить во всем: спешить вставать, спешить кушать, спешить опочивать ложиться. Перед обедом <...> все хитрости употребляет, чтоб хотя несколько минут выгадать, чтоб за стол сесть пораньше. О ужине такие же заботы <...>. Ложась, заботится, чтоб поутру не проспать долго. И сие всякой день почти бывает, как ни стараемся Его Высочество от того отвадить...

8 декабря. Середа. <...> Рассказывал я Его Высочеству и Отцу Платону об обеде Государя Петра Великого, как он обыкновенно с самого утра приказывал для себя студень приготовить и что завсегда рано за стол саживался. Государь Великой Князь изволил сказать к этому: «В этом мог бы и я легко блаженные памяти Государю последовать, и весьма бы рад был, если б дозволили. Желая только, чтоб мог последовать и в прочем, почему он великим назван» <...>.

24 декабря. Пятница. <...> Зашла речь о саранче. Его Высочество изволил говорить: — Как летит она таким облаком, так можно бы и карточками по ней выстрелить, авось либо тем и отогнать бы ее можно <...>».

(*Порошин. ст. 2—5, 9, 40, 130, 166—167*).

1765

ПОСЛЕДНИЕ ИЗВЕСТИЯ О ГОСУДАРЕ ПЕТРЕ ФЕОДОРОВИЧЕ ТРЕТЬЕМ

Сосланы в Нерчинск, в каторгу: а) беглый из тюрьмы казак Федор Каменьщиков, разглашавший в Исетской провинции, что император Петр III жив; б) беглый из ландмилиции солдат Гаврила Кремлев (или Кремнев), называвшийся в Воронежской губернии Петром III, и бывшие с ним поп Евдокимов, дьячок Попов, сержант Петров, капрал Григорьев и прочие, с коими он имел намерение идти в Москву и Петербург; к следствию привлечены 42 человека; в) беглый Брянского полка солдат Петр Чернышев в Куплянской слободе Изюмской провинции, разглашавший о себе как об императоре Петре III, и поп Семен Иванецкий, поминавший Чернышева императором в церковной службе.

Продолжение Семена Порошина ЗАПИСОК

Однако высокий воспитанник часто переходил с одного предмета на другой, не имея терпеливого к одной вещи внимания; и наружностью всякою, в глаза бросающеюся, более прельщался, нежели углублялся во внутренность.

Митрополит Платон

3 января. Понедельник. <...> Его Высочество имеет за собою недостаток, всем таким людям свойственный, кои более привыкли видеть хотения свои исполненными, нежели к отказам и к терпению. Все хочется, чтоб делалось по-нашему. <...>

14 февраля. Чистый понедельник. <...> После обеда Его Высочество <...> на столе ставил бумажную крепость и около ее полки деревянные; одной половиною

полков он изволил командовать, другие у меня были, и делали мы ими по столу разные контрмарши <...>.

28 февраля. Понедельник. <...> Читал я Его Высочеству Вертотову Историю об Ордене Мальтийских кавалеров. Изволил он потом забавляться и, привязав к кавалерии своей флаг адмиральской, представлять себя кавалером Мальтийским. <...>

1 мая. Воскресенье. <КАМЕННОЙ ОСТРОВ в Петербурге подарен государыней сыну>.

24 сентября. Суббота. <...> размолвился он с князем Куракиным¹ <Александром> и шпынством своим довел до того, что Куракин заплакал. Государю Великому Князю пуще сие смешно еще стало, и хохотал он изо всей мочи <...>.

29 сентября. Четверг. <...> Сели мы за стол. Его Превосходительство Никита Иванович был тут же. Как между прочим разговорились о езде Его Превосходительства из Швеции сюда, и дошла речь до города Торнео, то спросил Его Высочество, каков этот город? Его Превосходительство отвечивал, что дурен. Государь Великой Князь изволил на то еще спросить: «Хуже нашего Клину или лучше?» Никита Иванович изволил ему на то сказать: «Уж Клину-то нашего, конечно, лучше. Нам, батюшка, нельзя еще о чем бы то ни было рассуждать в сравнении с собою. Можно рассуждать так, что это там дурно, это хорошо, отнюдь к тому не применяя, что у нас есть. В таком сравнении мы, верно, всегда потеряем» <...>.

17 ноября. Четверг. Его Высочество встать изволил в исходе седьмого часу. Одевшись, учился, как обыкновенно. В двенадцатом часу возвратился Его Превосходительство Никита Иванович от Государыни <...>. Сели в сани и поехали кататься <...>. К слоновому двору подъезжая, увидел Государь Цесаревич на перекрестке, что мужики, стоя подле квасников, с великим аппетитом пьют теплое сусло. Захотелось ему сего питья отведать. Приказал тут Его Превосходительство Никита Иванович остановиться. Подали стакан сусла, откушал Его Высочество, и очень ему понравилось: мужику приказал дать пять рублей. Описать нельзя, с какою тут радостью и с каким удовольствием смотрел народ на Государя Цесаревича <...>.

27 ноября. Воскресенье. <...> изволил Его Высочество прямо, что называется, шалить: из песошницы высыпал весь песок прежде в футляр с перочинного ножичка, оттуда рассыпал его по рисовальному столику и смачивал водою. Изволил представлять себе, будто это театр и будто он для того усыпает песком, чтобы танцовщики не падали. После сего захотелось Государю Цесаревичу испугать кн. Куракина. Он жестоко труслив. Послал за ним Его Высочество, а между тем приказал из фейерверочных своих машинок фонтанную свечку вставить в обыкновенную восковую свечу так, чтобы ее было не видно. Пришел Куракин; приказал Великой Князь подать эстампы, посадил его смотреть их и сам тут же сесть изволил, а оную свечу поставили подле. Его Высочество Куракину никакого знака к подозрению не давал... Как догорело до свечки, <...> вверх ударил весьма высоко огненной фонтан. Куракин завизжал, бросился от стола и насилу опаматовался. Великой Князь запрыгал, мы все хохотали <...>. (Порошин, ст. 218, 257, 267—268, 446, 519, 533—534).

Окончание Семена Порошина ЗАПИСОК

3 декабря. Суббота. Его Высочество встать изволил в начале осьмого часу. Когда я дежурный, то прежде, нежели чай сберут, изволит он обыкновенно сам входить ко мне и разговаривать со мною <...>. Сего утра того не было, и как я вошел к Государю Цесаревичу, то он, принявши меня очень холодно <...> и долго бывши в молчании, изволил наконец сам прервать оное и спросить меня: «А что это значит, что я перед чаем не вошел к тебе?» Ответствовал я, что лучше о том надобно знать Его Высочеству; что я вижу, что Его Высочество на меня сердится, а за что, подлинно не знаю. <...> На сие изволил мне говорить Государь Цесаревич с некоторым жаром: «Ты это заслуживаешь <...>, я уже обо всем

¹ Князь Куракин — племянник Н. И. Панина, товарищ детских забав великого князя, двумя годами старший его.

рассказал Никите Ивановичу». — Долго мне теперь описывать, какие я чудеса сведал от Его Высочества; как подло и злобно слова мои ему перетолкованы <...>. Случилось, например, некогда, что Его Высочество <...> изволил дать мне слово, чтоб всегда меня слушаться <...>. Сие безвинное и почти шуточное <...> условие было перетолковано так, что будто я хочу, чтоб только Великий Князь меня одного слушался и мне б только следовал и, одним словом, чтоб делал то только, чего я ни захочу <...>.

30 декабря. Пятница. <...> и о сих Записках уверяли Его Высочество, что оне со временем будут только служить к его стыду и посрамлению, для того-де, «что лета ваши детские, так каким там быть еще записанным делам великим, да прошлого же году вы часто плакивали, так уж, верно, и это внесено туда» <...>. — Невежество и зависть против всех добрых дел, искони воюющие, вооружились на меня посредине моего течения (*Порошин, ст. 539—540, 624, 566*).

1766

Собственно, после записок Порошина можно бы ставить точку — если бы нас занимали только факты. Натура великого князя изучена с близкого расстояния умным и чувствительным человеком и представлена так, что далее можно прибавлять только новые детали. Суть не изменится. Павлу одиннадцать лет, а нрав и ум определены явственно резкими чертами (иные, между прочим, обозначают бессомненное сходство с покойным батюшкой Петром Феодоровичем). Многие из обстоятельств последующей жизни предугаданы — в дальнейшем они будут только уточняться — не более. Непомерное самолюбие. Обидчивость. Скорый гнев. Быстрая отходчивость. Подозрительность. Доверчивость к доносчикам. Порывы милостивости. Порывы истерик. Ум острый, но несосредоточенный. Торопливость. Неспособность привязаться к кому-либо на долгое время. Потребность в конфиденте, в доверенном лице. Страсть к военным играм (хотя военные науки и исключены Никитой Ивановичем из первоначального обучения). Сознание своего государственного значения. Потребность во внимании и любви. Склонность видеть в отсутствии явных знаков внимания — враждебность и предательство. Игры в мальтийское рыцарство. Любопытство к тайнам масонства. Мечта соревновать великому прадеду — Петру I. Из неназванного одно следует выделить особо: о покойном государе Петре Феодоровиче в обществе великого князя говорили либо хорошо, либо ничего не говорили. Хорошо — ибо отменил Тайную канцелярию, дал вольность дворянству и вообще мог бы... — Эдипов комплекс из такого обстоятельства развиться не может, но комплекс Гамлета — запросто. Посему есть смысл продолжить. Тем более что нас интересуют не только факты.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ РЕФОРМА

14 декабря. Четверг. Петербург: объявлен Манифест о созвании Комиссии о сочинении проекта Нового Уложения. «Законы у нас запутаны; о том сомнения нет. Сию неудобность мы имеем вообще со всей Европой; но пред ней имеем мы выгоду ту, что Ея Величеством созвана вся нация для составления нового проекта узаконений; следовательно, питаемся надеждой о поправлении тогда, когда Европа вся не видит конца конфузии» (*Журнал «Всякая всячина», 1769, лист 108*).

1767

30 июля. Понедельник. Москва: открытие заседаний Большой Комиссии о сочинении Нового Уложения в присутствии государыни. — «Депутатов было 652 человека. Им розданы были, для ношения в петлице, на золотой цепочке золотые овальные медали с изображением на одной стороне вензелевого Е. И. В. имени, а на другой пирамиды, увенчанной императорскою короною, с надписью: *Блаженство каждого и всех*» (*Пушкин, т. 8, с. 213*).

14 декабря. Пятница. Москва: закрытие заседаний Большой Комиссии о сочинении проекта Нового Уложения и перенос собраний в Петербург.

СОРВАНА ПОПЫТКА ПЕРЕВОРОТА. Заговор в армии

По доносу лекаря нарвского баталиона Лебедева взяты под стражу офицеры Опочинин и Батюшков и прочие, коих они смущали нелепыми разговорами. Корнет Батюшков и Опочинин склоняли к подписанию новой присяги («Аз, нижеименованный, обещаюсь <...> быть верну государю всероссийскому императору Павлу Петровичу, а нынешнему правлению быть противну»), Батюшков расхвалил Павла Петровича («Он уже в лета приходит совершенного возраста, так лучше бы ему государствовать, нежели женщине <...>, государыня уже в таких летах, что пора и в монастырь постричься»), а Опочинин объявлял себя сыном покойной императрицы Елисаветы Петровны и английского короля и говорил, что «великий князь слаб здоровьем, так что, может статься, что и я буду императором, потому что по родству имею право на это». — Опочинин и Батюшков сосланы в каторгу (*Брикнер, ч. 2, с. 200—201*).

ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ РЕФОРМА

16 февраля. Суббота. Петербург: возобновление заседаний Большой Комиссии о сочинении проекта Нового Уложения.

УДЕРЖИТ ЛИ ГОСУДАРЫНЯ ЕКАТЕРИНА ВЛАСТЬ, КОГДА ВЫРАСТЕТ ЕЕ СЫН?

20 сентября. Суббота. Великому князю Павлу — 14 лет. По воспитательному плану его высокопревосходительства Никиты Ивановича (с прошлого года — графа) начинается приуготовление его императорского высочества к государственному управлению (обучение политике, коммерции, устройению сухопутных и морских военных дел и проч.). — «В Европе утвердилось предположение, будто бы с той минуты, как великому князю исполнится шестнадцать лет, судьба императрицы неверна <...>. Я почти убежден, что, если не произойдет какого-либо крупного переворота, <...> предположение такого рода совершенно неосновательно; ибо у великого князя не достает ни смелости, ни ума для того, чтобы идти против матери; слабость его характера равняется слабости его телосложения» (*из донесения английского посланника в Петербурге Ширлея. — Сб. РИО, т. XII, с. 336; Брикнер, ч. 2, с. 194—195*). — «У Великого Князя не просто слабый характер — у него вообще нет характера» (*из донесения французского посланника в Петербурге Корберона. — Шумигорский, 1907, с. 36*).

Кто виноват?

РОССИЯ И ТУРЦИЯ ЗАЩИЩАЮТ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В ПОЛЬШЕ.**Диссиденты. Конфедераты. Казаки**

«Саксонский дипломат Эссен писал <...>: «Очевидно, Россия желает иметь в польском короле <Станиславе-Августе Понятовском> послушного вассала» <...>. — Понятовский вскоре мог убедиться, что он во всех отношениях зависел от императрицы <...>. — Русский резидент в Польше князь Репнин <...> царствовал в Варшаве неограниченно <...>. — В инструкции, составленной для князя Репнина, было сказано между прочим: «<...> православные в Польше подвергаются разным притеснениям <их оскорбляют католики>. Сейм должен согласиться на неограниченную свободу религии и на возвращение православным отнятых у них монастырей и церквей» <...>. — Польские диссиденты <белорусские православные> постоянно пользовались самым энергичным заступничеством России. Панин объявил, что русские войска <частично оставленные в 1762 году на их возвратном пути с прусской войны> не выйдут из Польши до совершенного уравнивания прав диссидентов с правами католиков <...>. Все протесты поляков против пребывания в государстве русских войск оставались тщетными <...>. Недовольные приступили к образованию Барской конфедерации <в городе Бар>, имевшей целью <...> свержение с престола короля Станислава и восстановление свободы и независимости. Началась кровопролитная междоусобная война. <...>

Театром военных действий в борьбе России с Польшею был южный край королевства, окруженный турецкими границами. Кречетников занял Бердичев, Апраксин взял Бар, князь Прозоровский разбил войско конфедерации при Бродах, затем, наконец, Апраксин и Прозоровский заняли Краков <...>. Вследствие занятия русскими казаками, преследовавшими конфедератов, местечка Балты, находившегося на самой турецкой границе, <...> было убито несколько турок, молдаван и татар; еще хуже казаки свирепствовали в Дубоссарах, где число убитых было довольно значительно <...>. — В Турции начали являться беглецы из Польши, спасавшиеся от крутых мер Репнина и русских военачальников <...>. — Отношения между Россиею и Портою становились все более и более натянутыми <...>. — Требования Порты с часу на час усиливались. Сначала она требовала удаления русских войск от турецких границ, затем очищения Подолии, наконец, очищения всей Польши <...>. Началась война» (*Брикнер*, ч. 3, с. 307, 310—312, 318—320).

ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ РЕФОРМА

18 декабря. Четверг. Петербург: закрытие заседаний Большой Комиссии о сочинении проекта Нового Уложения и роспуск статских депутатов по домам и местам их службы, а военных — на войну с турками: «Пока новые законы поспеют, будем жить, как отцы наши жили» (*Всякая всячина*, 1769, лист 108).

СОРВАНА ПОПЫТКА ПЕРЕВОРОТА. Разговоры в гвардии

Поручик Панов, капитан Степанов, премьер-майор Жилин и некоторые прочие гг. офицеры говорили между собой еще в прошлом году о государыне: «Надобно ее с престола свергнуть, а цесаревич уже в летах <...>, возвести надобно на престол его высочество <...>. Ему Никита Иванович преподает обо всем великое познание <...>, Панина партия превеликая, и все, что ни <есть>, лучшенькие <...>» (*Брикнер*, ч. 2, с. 195—196). — Все сосланы в Сибирь и в Камчатку.

1770

РОССИЙСКО-ТУРЕЦКИЕ ОТНОШЕНИЯ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ИСЧЕРПАНЫ

25—26 июня. Сожжен турецкий флот в Чесменской бухте. — **7 июля.** Победа Румянцева при Ларге. — **21 июля.** Победа Румянцева при Кагуле.

1771

ВСЕ ПРИХОДИТ ВОВРЕМЯ ДЛЯ ТОГО, КТО УМЕЕТ ЖДАТЬ. ГОСУДАРЫНЯ ЕКАТЕРИНА ДОЛЖНА НАБРАТЬСЯ ТЕРПЕНИЯ, ЧТОБЫ ДОЖДАТЬСЯ ВРЕМЕН, КОГДА ЕЕ ПОДДАННЫЕ ЗАБУДУТ, КТО ТАКОЙ ПЕТР III

Козлов: слух о том, что государь Петр III благополучен среди донских казаков и желает снова царствовать. **Дубовка, область войска Донского:** подтверждение козловского слуха самими донскими казаками. **Царицын.** Богомолов Федот Иванов сын, беглый крепостной, родом из Саранского уезда, он же казак Федот Казин, он же император Петр Феодорович, — посажен в царицынский острог; пытан; отправлен в Нерчинские рудники.

НЕВЕСТА

для великого князя Павла Петровича почти выбрана: портрет средней из Гессен-Дармштадтских принцесс — Вильгельмины — прислан Екатерине II.

1772

ПРИЗРАК РЕВОЛЮЦИИ БРОДИТ ПО РОССИИ

Апрель-май. Петербург. «Солдат Исаков рассказывал солдату Жихареву, что великого князя хотят извести. — «Не будет ли, — говорили солдаты, — в Петров день перемены, и не будет ли его высочество в лагерь <гвардии> для принятия

престола?» — Жихарев сказал об этом солдату Карпову, Карпов — капралу Оловенникову, Оловенников подпоручику Селехову, которому прямо предложил возвести на престол великого князя Павла Петровича <...>. Два капрала и Селехов согласились содействовать. Стали подговаривать других, рассуждать, как вывезти великого князя из Сарского Села, что сделать с Екатериной: постричь ее <в монастырь> или оставить в покое. Оловенников и Селехов думали, что если Павел Петрович не согласится принять престол, то убить его вместе с матерью, а народу сказать, будто Павла умертвила Екатерина, не любя его, и погибла в отмщение; в цари после этого выбрать, кого солдаты захотят <...>. Оловенников говорил, чтобы быть ему царем. Подгорневу — фельцейхмейстером, брату его — генерал-прокурором, Карпову — генерал-адъютантом. На это Подгорнев говорил: «Когда тебе можно царем быть, так и я буду». <...> Старшему было 22 года» (*Брикнер, ч. 2, с. 201—202*).— Всех пересекли и сослали в Сибирь.

Лето. Сарское Село. ГОСУДАРЬНЯ ОТБЫЛА В СВОЮ ЗАГОРОДНУЮ РЕЗИДЕНЦИЮ. НО СИТУАЦИЮ В СТРАНЕ КОНТРОЛИРУЕТ

28—29 июня. 10-Я ГОДОВЩИНА ВСЕРАДОСТНОГО ВСТУПЛЕНИЯ НА ПРЕСТОЛ ГОСУДАРЬНИ ЕКАТЕРИНЫ САМОДЕРЖИЦЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ

РОССИЯ И АВСТРИЯ ДОГОВОРИЛИСЬ, КАК ИМ РАЗДЕЛИТЬ ПОЛЬШУ

25 июля. Серeda. Петербург. Заключен договор между Россией и Австрией о разделе некоторых земель королевства Польского (с Пруссией подобный договор подписан 4 января): к России отходят восточные белорусские области на Двине и Днепре в 92 тыс. км² и 9 млн. жителей; к Австрии — Малопольша (Львов, соляные копи под Краковом и проч.) в 83 тыс. км²; к Пруссии — Гданьское Поморье, часть Великопольши.

1773

ПОСЛЕДНИЕ НОВОСТИ С ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ

Война затянулась.— Когда-нибудь кончится.

10-Я ГОДОВЩИНА ВСЕРОССИЙСКОГО САМОЗВАНСТВА ИМЕНИ ГОСУДАРЯ ПЕТРА ФЕОДОРОВИЧА

Его именем назвались в **Астрахани**: Рябов Григорий — разбойничий атаман, беглый из Нерчинской каторги, и в **Оренбурге**: Кретов Николай — пехотный капитан, нуждающийся в деньгах.

28 апреля. Воскресенье. ОФИЦИАЛЬНОЕ ПРИГЛАШЕНИЕ государыней Екатериной ландграфини Гессен-Дармштадтской Генриетты вместе с тремя дочерьми. **29 мая. Серeda. Любек:** флотилия из трех русских судов отбывает в Россию: на фрегате «Святой Марк» — ландграфиня Гессен-Дармштадтская с тремя дочерьми.

РОССИЯ НА ПОРОГЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Тот же день. Казань: «Пугачев содержался в тюрьме не строже прочих невольников. Между тем сообщники его не дремали. Однажды он под стражею двух гарнизонных солдат ходил по городу для собирания милости. У Замочной Решетки (так называлась одна из главных казанских улиц) стояла готовая тройка. Пугачев подошел к ней, оттолкнул одного из солдат, его сопровождавших; другой помог колоднику сесть в кибитку и вместе с тем ускакал из городу» (*Пушкин, т. 8, с. 118*).

ПРИБЫТИЕ ВЫСОКИХ ГОСТЕЙ

6 июня. Четверг. В Ревеле пришвартовались суда, везущие ландграфиню Гессен-Дармштадтскую с тремя ее дочерьми; ландграфиня и ее дочери с сопровождающими лицами отправляются в имение Гр. Орлова — Гатчину, где их должны встречать императрица Екатерина и ее сын.

ДНЕВНИК ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ПАВЛА ПЕТРОВИЧА, ВЕДЕННЫЙ В ГАТЧИНЕ 1773-го ИЮНЯ

11 июня. Вторник. Утром: «все эти дни я живо беспокоился, хотя чувствовал и радость, но радость, смешанную с беспокойством и неловкостью при мысли о том, чего мы ожидали. Во мне боролись постоянно, с одной стороны, нерешительность по поводу выбора вообще, и с другой — мысль о всем хорошем, что мне говорили про всех трех принцесс — в особенности про мою супругу, — и наконец, волновала меня мысль о необходимости жениться из-за моего положения. У меня не было других мыслей ни днем, ни ночью, и всякая другая мысль мне казалась сухой и скудной <...>».

12 июня. Середа: <...> Мне кажется, что последние дни, до приезда ландграфини, я в серьезных делах, как и в пустяках, действовал под влиянием их прибытия <...>, я постоянно считал, сколько часов еще придется ждать <...>».

15 июня. Суббота: день на всю жизнь памятный — тот день, в который я имел счастье в первый раз лицезреть ту, которая мне заменит все» (цит. по: *Эйдельман, 1991, с. 83—84*).

Петербург. ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ НАТАЛИЯ АЛЕКСЕЕВНА

15 августа. Четверг: Миропомазание принцессы Гессен-Дармштадтской Вильгельмины; по вступлении в православный закон наречена: Наталия Алексеевна.

16 августа. Пятница: Обручение великого князя Павла Петровича и Наталии Алексеевны.

17 сентября. Вторник. «МАНИФЕСТ САМОДЕРЖАВНАГО АМПЕРАТОРА НАШЕГО ВЕЛИКАГО ГОСУДАРЯ НАШЕГО ПЕТРА ФЕДАРАВИЧА ВСЕРОССИЙСКАГО <...> Как вы, други мои, прежним царям до капли своей до крови, деды и отцы ваши, так и вы послужити за свое отечество мне, великому государю амператору Петру Федаравичу <...>. И жаловаю я вас: рякою с вершын и до уся, и землею, и травами, и денежным жалованьям, и свинцом, и порахам и хлебным правиянтам. Я, великий государь амператор, жалую вас.— **ПЕТР ФЕДАРАВИЧ. 1773 году синтября 17 числа»** (*документы ставки Е. И. Пугачева. М., 1975, № 1*).

18 сентября. Середа.

ПУГАЧЕВ

«пришел под Яицкий городок с толпою, из трехсот человек состоявшею, и остановился в трех верстах от города»: «Дай Бог, чтобы я мог дойти до Петербурга и сына своего <Павла, великого князя> увидеть здорова» (*Пушкин, т. 8, с. 119; Материалы для истории Пугачевского бунта. СПб., 1875, с. 129*).

29 сентября. Воскресенье. Петербург. БРАЧНОЕ СОЧЕТАНИЕ

в Казанском соборе Великого Князя Павла Петровича и Великой Княгини Наталии Алексеевны.— **30 сентября. Понедельник. Петербург: ТОРЖЕСТВА** брачного сочетания в Зимнем дворце: парадный обед; вечером — бал.

1 октября. Вторник.

ПУГАЧЕВ

«усиливался: прошло две недели со дня, как явился он под Яицким городком с горстью бунтовщиков, и уж он имел до трех тысяч пехоты и конницы и более двадцати пушек. Войско его с часу на час умножалось неимоверно» (*Пушкин, т. 8, с. 125*).

1 октября. Вторник. Петербург.

ПИР

на площади перед Зимним дворцом: раздача народу жаркого; для желающих — из фонтанов бьет виноградное вино.

5 октября. Суббота. Оренбург.

ПУГАЧЕВ

«со своими силами расположился лагерем на казачьих лугах, в пяти верстах от Оренбурга <...>. Но он не имел намерения взять его приступом. «Не стану тратить людей, — говорил он сакмарским казакам, — а выморю город мором» (*Пушкин, т. 8, с. 129*).

15 октября. Вторник. Петербург. МАНИФЕСТ

«Из полученных от губернаторов казанского и оренбургского рапортов с сожалением мы усмотрели, что беглый казак Емельян Иванов сын Пугачев <...> дерзнул принять имя покойного императора Петра III, <...> и сим названием малосмысленных людей приводит в разврат и совершенную пагубу. Мы, о таковых матерински сожалея, <...> повелеваем немедленно от сего безумия отстать <...> — **ЕКАТЕРИНА»** (*Пушкин, т. 8, с. 394—395*).

7 ноября. Пятница.

«ПОЛОЖЕНИЕ ОРЕНБУРГА

становилось ужасным <...>. Зло, ничем не прегражденное, разливалось быстро и широко» (*Пушкин, т. 8, с. 143, 145*). Как думал великий князь Павел о Пугачеве? — Как о государственном злодее. За отца не почитал.

ПЕРЕСТАНОВКИ В ШТАТЕ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ.

ГРАФ ПАНИН ОСВОБОЖДЕН ОТ ЗАНИМАЕМОЙ ДОЛЖНОСТИ

Граф Никита Иванович уволен от воспитания Павла Петровича во избежание дальнейшего политического влияния (Екатерина II: «Дом мой очищен» — *Сб. РИО, т. 13, с. 361*); для заведования придворным штатом великого князя приставлен генерал-аншеф Николай Иванович Салтыков. Екатерина II — Павлу Петровичу: «Женитьбою окончилось Ваше воспитание <...>. Обращайтесь ко мне за советом всякий раз, когда найдете это нужным — я буду говорить Вам правду <...>, я назначу час или два в неделю, по утрам, в которые Вы будете приходите ко мне одни для слушания дел. Таким образом Вы ознакомитесь с ходом дел, с законами страны и с моими правительственными принципами» (*РА, 1864, ст. 934*). — «Императрица не всегда обходилась с ним как бы должно было, и он никак в делах не соучаствовал. Она вела его не так, как наследника; ему было только приказано ходить к ней дважды в неделю по утрам, чтобы слушать депеши, полученные от наших при иностранных дворах находящихся министров. Впрочем, он не бывал ни в совете, ни в сенате. Почетный чин генерал-адмирала был дан ему единственно для наружности, управление же морских сил до него не принадлежало <...>. Великий же князь к родительнице своей всегда был почтителен и послушен <...>. Итак, она за правило себе поставила сосредоточить всю власть в единые свои руки <...>, мне тогда сказывали, будто она иногда проговаривала: — «После меня хоть трава не расти» (*Голицын, ст. 1281, 1386*).

ЗАГОВОР О РЕФОРМЕ. Слух

«<...> в 1773 или в 1774 году, когда цесаревич Павел достиг совершеннолетия и женился на дармштадтской принцессе, названной Натальей Алексеевной, граф Н. И. Панин, брат его, фельдмаршал П. И. Панин, княгиня Е. Р. Дашкова, князь Н. В. Репнин, кто-то из архиереев, чуть ли не митрополит Гавриил, и многие из тогдашних вельмож и гвардейских офицеров вступили в заговор с целью свергнуть с престола царствующую без права Екатерину II и вместо ее возвести совершеннолетнего ее сына. Павел Петрович знал об этом, согласился принять предложенную ему Паниным конституцию, утвердил ее своею подписью и дал присягу в том, что, воцарившись, не нарушит этого коренного государственного закона, ограничивающего самодержавие <...>. При графе Панине были доверенными секретарями Д. И. Фонвизин, редактор конституционного акта, и Бакунин (Петр Васильевич), оба участника в заговоре. Бакунин из честолюбивых, своеобразных видов решил быть предателем; он открыл любовнику императрицы Г. Г. Орлову все обстоятельства заговора и всех участников — стало быть, это сделалось известным и Екатерине. Она позвала к себе сына и гневно упрекала его участие в замыслах против нее. Павел испугался, принес матери повинную и список всех заговорщиков. Она сидела у камина и, взяв список, не взглянув на него, бросила бумагу в камин и сказала: «Я не хочу знать, кто эти несчастные». Она знала всех по доносу изменника Бакунина. Единственною жертвою заговора была великая княгиня Наталья Алексеевна: полагали, что ее отравили или извели другим способом <...>. Граф Панин был удален от Павла с благоволительным рескриптом, с пожалованием ему за воспитание цесаревича 5 тысяч душ и остался канцлером <...>. Над прочими заговорщиками учрежден тайный надзор <...>.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ РЕФОРМА. Проект

Граф Панин <...> провел свою молодость в Швеции. Долго оставаясь там посланником и с любовью изучая конституцию этого государства, он желал ввести нечто подобное в России; ему хотелось ограничить самовластие твердыми аристократическими институциями. С этою целью Панин предлагал установить политическую свободу сначала для одного только дворянства в учреждении верховного Совета, которого часть несменяемых членов назначалась бы от короны, а большинство состояло бы из избранных дворянством из своего сословия лиц <...>. Сенат был бы облечен полною законодательною властью, а императорам оставалась бы исполнительная <...>. В конституции упоминалось

и о необходимости постепенного освобождения крепостных крестьян и дворовых людей. Проект был написан Д. И. Фонвизиним под руководством графа Панина <...>. У меня был список с введения, или предисловия, к этому акту <...>, которое, сколько припомню, начиналось так: «Верховная власть вверяется государю для единого блага его подданных <...>» (*М. А. Фонвизин, с. 127—129*).

1774

В настоящее время Ея Императорское Величество заняты:

1) ПОТЕМКИНЫМ

(по возвращении в генваре из Дунайской армии приближен, назначен генерал-адъютантом, вице-президентом военной коллегии etc., etc.,— словом, сделан фаворитом);

2) ТУРЕЦКОЙ ВОЙНОЙ

(«Каменский одержал победу при Козлудже и приближался к Шумле. Салтыков осадил Рушук; Румянцев — Силистрию. Заборовский готовился к переходу через Балканы и движению на Константинополь» — *Брикнер, ч. 3, с. 356*);

3) ПУГАЧЕВЫМ

(22 марта разгромлен под крепостью Татишевой близ Оренбурга, но «с четырьмя заводскими казаками бежал <...> на Уральские заводы». <...> Чернь по-прежнему стала стекаться около него <...>, бедствие разгорелось с вящей силой» (*Пушкин, т. 8, с. 156, 163, 169—170*).

Светская хроника: В. К.

ПАВЕЛ ПЕТРОВИЧ

«счастлив только со своей супругою; в их общество допущен один молодой граф Андрей Разумовский» (*из донесения английского посланника в Петербурге Гунинга, 29 апреля 1774. — Сб. РИО, т. 19, с. 410*). (Павел Петрович — А. К. Разумовскому, 8 мая 1773: «Дружба ваша произвела во мне чудо: я начинаю отрешаться от моей прежней подозрительности»).

10 июля. Четверг.

УСПЕХИ РОССИЙСКОЙ ДИПЛОМАТИИ

Кучук-Кайнарджи: Мирный договор с турками. Россия приобрела не все, что завоевала, но немало: всю пространность между Днепром и Бугом, долины Терека и Кубани, обе Кабарды, Азов, Керчь, Еникале, право беспрепятственного плавания по Черному морю, право заступаться за права христиан в северных турецких областях — Молдавии и Валахии; крымские татары по условиям договора получили независимость от Турции, но еще не были присоединены к России.

22 июля. Вторник.

КАТАСТРОФА НА ВОЛГЕ

Петербург: «Сего утра получили мы известие о разорении Казани <...>. Мы тут в собрании нашего совета увидели Государыню крайне пораженною; она объявила свое намерение оставить здешнюю столицу и самой ехать для спасения Москвы и внутренности Империи» (*Н. И. Панин — П. И. Панину, 22—7. 1774. — Сб. РИО, т. 6, с. 75*).— «Состояние Казани было ужасно: из 2867 домов, в ней находившихся, 2057 сгорело. 25 церквей и 3 монастыря также сгорели. Гостиный двор и остальные дома, церкви и монастыри были разграблены» (*Пушкин, т. 8, с. 175—176*).— **29 июля.** Петр Иванович Панин (брат Никиты Ивановича) назначен главнокомандующим войсками, воюющими с Пугачевым.— «Окруженный <...> Пугачев бежал; но бегство его казалось нашествием»: он «вошел в Саранск <...>, въехал в Пензу <...> и пошел к Саратову» (*Пушкин, т. 8, с. 179, 181—182*).

14 сентября. Воскресенье.

АРЕСТ МЯТЕЖНИКА

«Как вы можете вязать государя! — закричал Пугачев.— За меня еще Павел Петрович заступится!» — «Казаки посадили его верхом и повезли к Яицкому городку. Во всю дорогу Пугачев им угрожал мстью великого князя» (*РС, 1876, т. 16, № 7, с. 493; Пушкин, т. 8, с. 188*).

Ноябрь.

ПОКУШЕНИЕ НА ЖИЗНЬ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ

В сосисках, поданных к обеду, обнаружены осколки стекла.— Павел Петрович сообщает государыне, что его хотели отравить (*Кобеко, с. 109*).— Еще Пугачев говаривал: «Ох, жаль мне Павла Петровича, как бы окаянные злодеи его не извели!»

12 декабря. Пятница. Петербург.

ТЩЕТНЫЕ ОЖИДАНИЯ

беременности великой княгини Наталии Алексеевны. Государыня недовольна: «⟨...⟩ во всем крайности; когда мы ⟨т. е. Наталия Алексеевна⟩ гуляем — так двадцать верст; когда танцуем — двадцать контрдансов, двадцать менуэтов; чтобы в комнатах не было жарко — совсем их не топим; если все натирают лицо льдом, у нас лицом становится все тело; словом, умеренность не для нас. Опасаясь дурных людей, мы не доверяем никому ⟨...⟩, не слушаем никого и полагаемся только на себя. Полтора года прошло, а мы ни слова не знаем по-русски, и, хотя очень желаем учиться, у нас нет времени, чтобы этим заняться; все у нас вверх дном» (*Екатерина II — барону Гримму, 12 декабря 1774.*— Сб. РИО, т. 23, с. 12—13).

1775

10 января. Суббота. Москва. КОНЕЦ САМОЗВАНЦА: Пугачев казнен.

25 января. Воскресенье. Москва. ВЫСОКОТОРЖЕСТВЕННЫЙ ВЪЕЗД

для празднования мира с турками ее величества государыни Екатерины и их высочеств Павла Петровича с Наталией Алексеевной.— Народ в восторге от лицемерия Павла Петровича. Граф Андрей Разумовский шепчет Павлу Петровичу: «Ах, если бы вы дерзнули!» — Павел Петрович отвечал гневным взглядом (*F. P. Castera. Histoire du Catherine II. T. 3. Paris, 1797, p. 201*).

18 мая — 6 июня. Москва. ПАЛОМНИЧЕСТВО государыни в Троице-Сергиев монастырь приносит государственный плод: великая княгиня беременна.

1776

МЛАДШЕЕ ПОКОЛЕНИЕ САМОЗВАНЦЕВ ВЕДЕТ СЕБЯ СКРОМНЕЕ СТАРШЕГО: Солдат Иван Андреев, уроженец Олонецкого уезда, просил дозволения уехать в Голштинию по причине того, что он является сыном природного голштинского принца, бывшего государя всероссийского Петра Федоровича.— Определен в Шлиссельбургскую крепость.

Петербург. Зимний дворец. ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ НАТАЛИЯ АЛЕКСЕЕВНА

10 апреля. Воскресение: с полуночи начались роды.— **4 часа пополудни:** Его высочество Павел Петрович пришел на половину государыни Екатерины с сообщением о начале родов.— Государыня пробыла подле Наталии Алексеевны до 10 утра («Были минуты, когда при виде мучений мне казалось, что и мои внутренности разрывались».— *Екатерина II — барону Гримму, 18 апреля 1776*).— К постели великой княгини призвана лучшая из петербургских повивальных бабок.— К ночи ждут разрешения бремени. **11 апреля. Понедельник.**— Разрешения не было.— К великой княгине призваны доктора Крузе и Тоде.— Повивальная бабка сказала, что роды невозможны.— **12 апреля. Вторник.** Разрешения не было.— К великой княгине призваны доктора Рожерсон и Линдеман.— **13 апреля. Середа.**— Разрешения не было. Повивальная бабка сказала, что дитё уже умерло.— **14 апреля. Четверг.** Консилиум докторов определил невозможность спасения жизни Наталии Алексеевны.— **15 апреля. Пятница. 5 часов пополудни:** Великая княгиня Наталия Алексеевна умерла.— Екатерина II приказывает докторам освидетельствовать покойную относительно естественности ее смерти.— Тщетная предосторожность: и по сей день «носятся темные слухи о том, будто Екатерина извела ее из ревности и боясь ее ума и характера» (*Греч, с. 144*).— **15 апреля. Вечер.** «Павел был неутешен» (*Греч, с. 145*). Государыня Екатерина увозит его в Сарское Село.— **15—26 апреля.** Государыня и великий князь — в Сарском Селе; государыня утешает сына сообщением о том, «будто великая княгиня была в преступных связях с ⟨...⟩ графом ⟨впоследствии князь⟩ Андреем Кирилловичем Разумовским» (*Греч, с. 144*).— Траур не объявляется.— Павел Петрович на погребении покойной не присутствует.— Граф Разумовский отправлен в дальние страны послом.

НОВАЯ ЖЕНИТЬБА

16 апреля. Суббота. Государыня предлагает принцу Генриху (брат короля прусского Фридриха), находившемуся в эту пору в Петербурге, помочь ей в скорейшем поиске новой невесты.— Таковая уже есть на примете: 15-летняя принцесса Вюртембергская София-Доротея, отвергнутая при первом выборе, в 1772-м, из-за детского возраста, а теперь помолвленная с принцем Гессен-Дармштадтским Людвигом.— Принц Генрих берется устранить последнее препятствие с помощью всемогущего брата.— Фридрих II, ищущий укрепления союза с Россией, расстраивает предстоящий брак с Людвигом.— Принцессе Софии-Доротее сообщают о перемене ее участи.— «Она была очень счастлива <...> — Ланель,— говорила она мне,— мне очень грустно расставаться со всеми вами, но тем не менее я счастливейшая из принцесс во всей вселенной» (*Oberkirch, p. 72—73*).— Маменька Софии-Доротеи — принцесса Фредерика-София,— однако, тревожится: «С русскими государынями часто случаются несчастья, и кто знает, какая участь готовится моей дочери!» (*Шумигорский, 1892, с. 79*).— «Увидев, что корабль накренился на бок, я не теряла времени; наклонила его на другой и тотчас стала ковать железо, пока горячо, чтобы восполнить потерю. И я сумела разогнать глубокую тоску, нас охватившую. Я начала с того, что предложила попутешествовать, погулять, поразвлекаться, а после сказала: — Однако мертвые останутся мертвыми, надобно думать о живых; да, была вера в счастье, теперь той веры нет; зачем же терять надежду на новую веру? — Что же, будем искать новую? кого же? — О, я уже припасла.— Как, уже? — Да, да, и притом прелесть.— И вот уже видно любопытство: — Кто же это? Да какова? Брюнетка? блондинка? маленькая али статная? — Миленькая, изящная, очаровательная; прелесть, прелесть.— Прелесть забавляет, показываются улыбки. Мало-помалу дело продвигается, для третейского суда призван один проворный вояжер, который нарочно остался здесь, чтобы утешить и рассеять <это принц Генрих>. И вот он берется за посредничество и переговоры; курьер отправлен, курьер вернулся, путешествие решено, свидание назначено, все совершается с неизяснимой скоростью. И вот сдавленное сердце начинает расправляться; мы все еще в тоске, но вынуждены заняться приуготовлениями к путешествию, необходимому для здоровья и рассеяния.— Дайте же пока портрет; это ведь ничего не значит.— Портрет? Да редкие портреты нравятся. Живопись не имеет силы. Курьер привез его, конечно. Но стоит ли смотреть? Вдруг разочарует? Нет, пусть лучше остается в том пакете, где лежит. И вот неделю портрет нераспакованным лежит там, куда положен,— на моем столе рядом с чернильницей.— Но вдруг он прелестен? — У всякого свой вкус, по мне, так лучше не бывает.— Наконец портрет представлен взорам, тотчас уложен в карман, затем мы снова взглядываем на него и наконец не можем оторвать глаз и торопим приуготовления к путешествию» (*Екатерина II — барону Гримму, 29 июля 1776.— Сб. РИО, т. 23, с. 49*). В итоге **10 июля** Павел Петрович прибыл со свитой в Берлин. Король Фридрих встречает Его Императорское Высочество звоном колоколов, пушечной пальбой и музыкой. Вечером, во время ужина у Фридриха, жених и невеста знакомятся.— «Я нашел свою невесту такую, какову только желать мысленно себе мог: недурна собою, велика, стройна, незастенчива, отвечает умно и расторопно, и уже известен я, что если она сделала действо в сердце моем, то не без чувств и она, с своей стороны, осталась <...>. Мой выбор сделан <...>». (*Павел Петрович — Екатерине II, 11 июля 1776.— Сб. РИО, т. 27, с. 98*).— «Я довольна, даже более чем довольна; я никак не могла бы быть довольнее; великий князь чрезвычайно мил и обладает всеми качествами. Лышу себя надеждой, что очень любима своим женихом» (*София-Доротея — 2-же Оберкирх, 15 июля 1776 — Шумигорский, 1892, с. 85*).

L'INSTRUCTION ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ СВОЕЙ НЕВЕСТЕ

«<...> Я не буду говорить ни о любви, ни о привязанности, ибо это вполне зависит от счастливой случайности, но что касается дружбы и доверия <...>, то я не сомневаюсь, что принцесса пожелает снискать их своим поведением <...>. Ей придется прежде всего вооружиться терпением и кротостью, чтобы сносить мою горячность и изменчивое расположение духа, а равно мою нетерпеливость <...>. Наш образ жизни должен быть строго определен <...>. Я советовал бы принцессе

вставать довольно рано, чтобы иметь время <...> окончить свой туалет вполне, тем более что мое собственное препровождение времени распределено так, что начиная с девяти часов, когда я бываю совсем одет, и до полудня у меня нет ни минуты свободной <...>. Часы обеда и ужина должны быть строго определены <...>. Что касается времени отхода ко сну, то я прошу принцессу подчиняться моей привычке к регулярной жизни <...>, тем более что в видах моего здоровья и моих утренних занятий я не имею возможности, несмотря на мои молодые лета, бодрствовать ночью. Наконец, я прошу ее никогда не делать, даже в ее собственной комнате, ничего такого, что имело бы вид таинственности <...>, у кого совесть чиста, тому нечего бояться и, следовательно, прятаться от кого-либо <...>» (РС, 1898, т. 93, № 2, с. 251—260).

Петербург.

Великая княгиня МАРИЯ ФЕОДОРОВНА

14 сентября. Середа: Миропомазание принцессы Вюртембергской Софии-Доротеи; по принятии православного закона наречена: Мария Феодоровна. **15 сентября. Четверг:** Обручение их высочеств Павла Петровича и Марии Феодоровны.— **26 сентября. Понедельник.** Бракосочетание.— «Ее ум и характер не соответствуют ее сану. Тесный круг ее понятий всегда будет удерживать ее в пределах домашнего очага <...>. Вюртембергская принцесса, великая княгиня, даже если она будет императрицей, все равно останется не более, чем женщиной» (из донесения французского посланника в Петербурге Корберона.— Шумигорский, 1892, с. 101—102).

1777

Март.

«УСЛЫШАЛ ГОСПОДЬ В ДЕНЬ ПЕЧАЛИ,

послал помощь от Святого и от Сиона заступил; я имею большую надежду о беременности жены моей» (В. К. Павел Петрович — о. Платону, 3.6. 1777).— По сему случаю государыня дарит Павлу Петровичу и Марии Феодоровне 362 десятины земли близ Сарского Села — ПАВЛОВСКОЕ.

Высочайшие роды

12 декабря. Вторник. Петербург. Зимний дворец. 11-й час утра.

Родился великий князь — сын АЛЕКСАНДР ПАВЛОВИЧ, будущий император Александр I. Государыня забирает внука к себе и желает дать ему мужское воспитание (термометр в комнате не должен показывать выше 20° С; дитя не должно бояться пушечной пальбы etc., etc.).— Павел Петрович и Мария Феодоровна воспитывают Александра Павловича в той же мере, в какой Екатерина воспитывала Павла Петровича при императрице Елисавете.

1778

«ОЧЕНЬ ТЯЖЕЛО

в двадцать четыре года смотреть на все затруднения, вызванные честолюбием, имея возможности действовать» (В. К. Павел Петрович — К. И. Остен-Сакену, 22 мая 1778.— Шумигорский, 1907, с. 47).— «При моем характере мне тяжело видеть, как дела идут вкривь и вкось и что причиной тому небрежность и личные виды. Я желаю лучше быть ненавидимым за правое дело, чем любимым за дело неправое» (из другого письма к Сакену.— Сб. РИО, т. 20, с. 412).

1779

«ИМПЕРАТРИЦА НЕ СОБЛЮДАЕТ ПРИЛИЧИЯ

в отношении к сыну. Для него — у нее всегда вид и тон Государыни, и она часто прибавляет к этому сухость и обидное невнимание, которые возмущают великого

князя. Она никогда не относилась к нему как мать; перед нею он всегда почтительный и покорный подданный» (*из донесения французского посланника в Петербурге Сабатье-де-Кабра, 20 апреля 1779. — Кобеко, с. 64*).

27 апреля. Суббота. Родился ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ КОНСТАНТИН ПАВЛОВИЧ, второй сын Марии Феодоровны и Павла Петровича.

24—30 мая. Могилев. РОССИЙСКО-АВСТРИЙСКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ

Во время осмотра Государыней Екатериной II белорусских губерний, приобретенных по разделу Польши, состоялась ее встреча с австрийским императором Иосифом II, прибывшим в Могилев с неофициальным визитом под именем графа Фалькенштейна. «Екатерина, как бы мимоходом, спросила Иосифа, не пожелает ли он, как император, занять Папскую область, завладеть Римом. Он возразил, что многие государства заинтересованы в сохранении status quo в Италии, но что она гораздо легче могла бы думать о захвате своего Рима, т. е. Константинополя» (*Брикнер, ч. 3, с. 381, 378, 380*).— «Мое намерение есть возвести Константина (младенца-внука) на Престол греческой восточной Империи» (*Екатерина II, с. 506*)¹.

Конец июля.

РОССИЙСКО-ПРУССКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ

В Петербург прибыл принц Фридрих-Вильгельм, наследник прусского престола, племянник и посланник Фридриха II.— «Екатерина не обращала на него почти никакого внимания <...>. Влияние и значение Пруссии исчезли здесь» (*из донесений английского посланника в Петербурге Гарриса*). «В противоположность к невниманию Екатерины, великий князь и его супруга относились к принцу дружески <...>. Гёрц <прусский посланник в Петербурге> доносил, что в минуту отъезда Фридриха-Вильгельма, в присутствии Панина², оба наследника престолов Пруссии и России обменялись торжественными обещаниями вечной дружбы» (*Брикнер, ч. 3, с. 382—385*).— Сохранились сведения, что Павел Петрович, узнавший от Иосифа II о предложениях Екатерины занять для России Константинополь, предоставляя Австрии взамен того Рим, сообщил об этом прусскому принцу и графу Гёрцу (*Кобеко, с. 187*).

ПРИДВОРНАЯ ХРОНИКА

Григория Орлова заменил в 1773 году Васильчиков; Васильчикова в 1774 — Потемкин; Потемкин был отставлен из фаворитов государыни в 1776, но был оставлен при управлении государством для расширения Российской империи в Крыму, Бессарабии, Приднестровье и для прочих государственных начинаний. Потемкина заменил Завадовский, в 1777 Завадовского заменил Зорич, в 1778 Зорича заменил Корсаков.— Теперь Корсакова заменил Ланской, юноша 22-х лет.— Как относился к этому сын? — Плохо относился: «La vie physique» («телесная жизнь», не моральная.— *Из письма к Н. П. Румянцеву, 22 мая 1783.— Шумигорский, 1892, с. 251*). Как относилась Мария Феодоровна? — Еще хуже.— Но вслух своего мнения не выражали.

1781

В ЦЕЛЯХ ДАЛЬНЕЙШЕГО УКРЕПЛЕНИЯ

союза с Австрией, свидетельствования миролюбивой политики и дальнейшего обольщения европейского мира государыня Екатерина умышляет путешествие их высочеств Павла Петровича и Марии Феодоровны по Европе, рекомендует кн. Н. В. Репнину предложить сию мысль великокняжеской чете (сама не решается, предполагая верный отказ) — Павел Петрович советуется насчет предложения Репнина с графом Никитой Ивановичем Паниным — Никита Иванович, следуя своей идее союза с Пруссией, советует избрать целью вояжа Берлин.

13 мая. Четверг. Никита Иванович на время отпуска уезжает из Петербурга.

¹ Вырывались также у нее внезапно речи, глубину души ее обнаруживавшие. Например: «Ежели б я прожила 200 лет, то бы, конечно, вся Европа подвержена б была Российскому скипетру» (*Державин, с. 143*).

² «Политические убеждения Панина в области внешней политики требовали для России постоянного военного союза с Пруссией» (*Шумигорский, 1907, с. 21*)

В середине июня. Павел Петрович и Мария Феодоровна просят государыню отпустить их в путешествие.— Помня о горячем приеме московского народа в 1775 году, Павел Петрович желает ехать в Берлин через Москву.— Государыня согласна, обещает Марии Феодоровне свидание с родителями в Вене, посещение ее родины — Монбельяра, увеселения при дворе Людовика XVI и Марии-Антуанетты, но с условием исключить из маршрута Москву и Берлин.— Отбытие Павла Петровича и Марии Феодоровны из Петербурга назначено на **19 сентября**.

ПУТЕШЕСТВИЕ ИХ ИМПЕРАТОРСКИХ ВЫСОЧЕСТВ В ЧУЖИЕ КРАИ ПОД ИМЕНЕМ ГРАФА И ГРАФИНИ СЕВЕРНЫХ, СО СВИТОЮ

10 (21) ноября. Вена: Граф и графиня Северные посещают окрестности австрийской столицы.— Охоту в загородном зверинце.— Театр.— Бал.— Фарфоровый завод.— Театр.— Бал.— Артиллерийские маневры.— Бал.— Театр.

ГАМЛЕТ, граф Северный. Анекдот

«Когда, во время пребывания Павла в Вене, хотели дать на сцене трагедию Шекспира «Гамлет», актер, который должен был исполнять эту роль, объявил, что считает неуместным играть ее в присутствии «русского Гамлета» <...>. Иосиф II подарил за то актеру 50 червонцев» (*Письмо Моцарта к его отцу — Брикнер, ч. 5, с. 766; Шильдер, с. 158—159*).

24 декабря (4 января). Отъезд графа и графини Северных из Вены.

1782

1 (18) января — 7 (18) марта: Венеция — Парма — Болонья — Рим — Неаполь — Рим — Флоренция («Постоянно тревожила их участь их писем, и граф Северный всегда думал, что их вскрывали и читали в Мантуе» — *Леопольд, герцог Тосканы — брату, императору австрийскому Иосифу II. — Кобеко, с. 217—219*; из бесед графа Северного с Леопольдом, герцогом Тосканским: «Потемкин, Безбородко, Бакунин, Воронцовы, Марков куплены венским двором. Лишь только я буду иметь власть, я их высеку и выгоню»).— **Ливорно — Парма — Милан — Турин** <...>.

Петербург. СЛОВО И ДЕЛО ПОЛКОВНИКА БИБИКОВА

1 апреля. Пятница: флигель-адъютант драгунский полковник Павел Бибииков пишет письмо к своему приятелю князю Александру Куракину, сопровождающему Павла Петровича и Марию Феодоровну, и посылает письмо с оказией через капитана Фридриха Гогеля, едущего в отпуск из Петербурга в Монбельяр: «Князь! Прошу вас принять под свое покровительство вручителя сего письма <...>. Я ручаюсь за друга моего честью и головою <...>. Что касается до интересных обстоятельств, здесь происходящих, то я уверен, что друг мой привез вам письма, которые лучше меня изъяснят вам это; все, что я могу сказать, это то, что кругом нас совершаются дурные дела, и кто бы мог быть таким бесчувственным, чтобы смотреть хладнокровно, как отечество страдает. Это было бы очень смешно; но, к несчастью, разрывается сердце, и ясно во всей своей черноте грустное положение всех, сколько нас ни есть, qui pensons bien <добромьслящих> и имеющих еще некоторую энергию.— Дорогой князь, как вы счастливы, что находитесь в отсутствии и можете видеть все эти вещи не иначе, как издаലെка! Признаюсь вам, как человеку, которому всегда открывал свое сердце, что мне нужна вся моя философия, чтобы не бросить все к черту и не ехать домой садить капусту <...>.— Кривой¹, по превосходству над другими, делает мне каверзы и неприятности, а я — — . Простите мне это слово; оно свойственно моему костюму; я недаром драгун.— Прощайте, любезный князь, повергните меня к стопам их императорских высочеств и удостоверьте их, что я был бы счастливейшим человеком на земле, если бы мог найти случай не словами, а делом доказать им свою привязанность и преданность к их особам <...>» (*Шумигорский, 1892, с. 238—239*). Капитан Гогель вез и другие письма за границу, в том числе от графа Никиты Ивановича к великому князю Павлу

¹ Потемкин.

Петровичу.— В Риге багаж Гогеля был секретно осмотрен, писем Панина не нашли, с прочих сняли копии.— Гогель отправился далее, а копии, в том числе копия письма к Куракину, в Петербург.— Бибикова взяли в крепость.— Следствие вел сам генерал-прокурор Вяземский с начальником Тайной экспедиции Шешковским.— Допрашивали без пристрастия, т. е. не кнутобойничали.— Бибиков чистосердечно отвечал на все 47 предложенных вопроса и клялся, что его слова о поисках случая «не словами, а делом доказать свою привязанность и преданность» Павлу Петровичу написаны по одной только французской экспрессии, ибо «привязанность» разумел он самое слово, а не дело.— Генерал-прокурор Вяземский был разочарован, не найдя заговора.— «Надобно думать,— спрашивал он Бибикова,— что вы повсеместно болтали с подобными вам молодыми людьми и о правлении и о выходящих законах?» — Но Бибиков в покаянии был незыблем.

26 апреля (7 мая). Граф и графиня Северные прибыли в Лион.

28 апреля. Четверг. ПО СУДУ ТАЙНОЙ СЕНАТСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ из Петербурга в Астрахань выслан полковник Бибиков (в Астрахани он и умер через 2 года) (*Шумигорский, 1892, с. 237—245*).

7 (18) мая: в Париж прибыли граф и графиня Северные. Видимо, в тот же день они получили письма из России; Павел Петрович — от графа Никиты Ивановича (Гогель хорошо его спрятал — оно осталось неизвестным потомству); кн. Куракин — от Бибикова.

8 (19) мая — 8 (19) июня. Граф и графиня Северные — в ПАРИЖЕ.— Король Людовик XVI и королева Мария-Антуанетта принимают высоких гостей.— Граф Северный любезен более, чем самый любезный из французов: «Как я счастлив, имея честь видеть Ваше Величество; в этом состоит главная цель приезда моего во Францию. Императрица, моя родительница, будет завидовать моему счастью, потому что в этом, как и во всем прочем, наши чувства согласны» (*Кобеко, с. 223*).— Король Людовик XVI говорит русскому посланнику в Париже князю Бярятинскому: «Они прекрасны. Я очарован знакомством с ними и очень их люблю» (*донесение кн. Бярятинского в Петербург. — Шумигорский, 1892, с. 216*).

10 (21) мая. Париж. Князь Куракин пишет ответ полковнику Бибикову, вполне сочувствуя его словам.

Около 16 (27) мая. Париж. Их императорские высочества получают из Петербурга письмо от государыни Екатерины, от 25 апреля, с рассказом о Бибикове и его «продерзостных поступках, кои суть пример необузданности, развращающей все обязательства» (*Сб. РИО, т. 9, с. 115*).

17 (28) мая. Париж. Князь Куракин пишет в Петербург, что он не имел никакого единомыслия с полковником Бибиковым.

26 мая (6 июня). Версаль. Королева Мария-Антуанетта устраивает празднество в честь графа и графини Северных.— Графиня Северная испытывает новое устройство: в прическу заложены бутылочки с водой, изогнутые вдоль головы и скрытые бриллиантами и цветами — вода все время поддерживала цветы в невянущем виде.— «Это было очаровательно: весна среди снега пудры» (*Oberkirch, p. 215*).

Около того же времени. Петербург: Здесь получено сочувственное письмо кн. Куракина из Парижа к полковнику Бибикову, от 10 (21) мая; за отсутствием адресата (выбыл в Астрахань) — прочитано.

АНЕКДОТ ПРО ПУДЕЛЯ

На вопрос короля Людовика XVI, кто из свиты графа Северного наиболее предан ему, граф Северный отвечал: «Ах, я бы очень гневался, если бы в моей свите был хоть крошечный пудель, мне преданный; его утопили бы, не дожидаясь нашего отъезда из Парижа, по приказанию моей матери» (*Мария-Антуанетта, p. 124*).

29 мая (9 июня). Париж. Марсово поле: смотр королевской гвардии в честь графа и графини Северных. **30 мая (10 июня). Шантильи.** Граф и графиня Северные — в гостях у принца Конде.— Фонтаны — сады — аллеи — обед во дворце — золотую и серебряную посуду после каждого блюда слуги выбрасывают в окно (там, под стенами дворца, ров с водой, откуда посуду отлавливают сетями) — фейерверки — наутро: охота на оленей — трофеи — обед — **8 (19) июня.** Граф

и графиня Северные выезжают из Версаля.— «Признаюсь, что известия об успехах графа и графини Северных превзошли мои ожидания» (*Екатерина II — барону Гримму 9 июня 1782.*— Сб. РИО, т. 23, с. 241).

Итак, граф и графиня Северные покинули Версаль. Дальше: Орлеан — Тур — Анжер — Брест — Ренн — Амьен — Лилль — Брюссель <...>.

ВИДЕНИЕ О ПЕТРЕ ПЕРВОМ

10 июля. Брюссель. Сочинение графа Северного, пересказанное по воспоминаниям подруги детства графини Северной — баронессы Оберкирх, сопровождавшей ее во время путешествия в чужие края

Однажды в Брюсселе в обществе великого князя Павла Петровича зашла речь о привидениях. Каждый рассказывал таинственные случаи из собственной жизни. Один великий князь не произносил ни слова.— «Неужели вам нечего поведать?» — спросил его принц Де Линь. Великий князь вздохнул: «Куракин свидетель, что и я мог бы кое-что рассказать. Но я стараюсь удалиться от подобных воспоминаний — они имеют слишком сильную власть над человеком.— Великий князь взглянул на князя Куракина.— Скажи, Куракин, что, приключение, которое я имею в виду, весьма необычайно?» — «Не то слово, государь,— возразил Куракин.— И при всем моем высокопочитании ваших речей, государь, я не могу считать его не чем иным, как произведением Вашего необычайного ума и воображения». — «Нет! Это подлинное происшествие, и я готов рассказать его, но при условии, что вы, милостивые государи и государыни, сохраните мой рассказ в тайне. Я не хочу, чтобы Европа судила обо мне по анекдоту о привидении». — Разумеется, все, в том числе и г-жа Оберкирх, тотчас обещали хранить молчание. И вот что поведал великий князь:

— Как-то в поздний час, после одного веселого вечера, мы с князем Куракиным решили побродить по Петербургу инкогнито. Взяли с собой двух слуг и вышли из дворца. Была весна, май. Тепло. Светлая ночь. Луна. Оба мы находились в прекрасном расположении духа. Один из слуг шел впереди, за ним — я, за мной — Куракин, второй слуга следовал за нами. Мы шли и бесечно болтали. Вдруг в глубине одного из подъездов я увидел фигуру человека довольно высокого роста, худощавого, в испанском плаще, закрывавшем ему нижнюю часть лица, и со шляпою, надвинутой на глаза. Казалось, он ждал кого-то. Когда мы проходили мимо него, он выступил из глубины подъезда и молча пошел слева от меня. Лицо его было скрыто тенью от шляпы, и я не мог его разглядеть. Зато шаги он печатал по мостовой так громко, что казалось, камень бьется о камень. Весь левый бок мой замерз, словно незнакомец был сделан из льда. Стуча зубами от холода, я оборотился к Куракину и сказал: «В нашей компании прибавление!» — «Какое прибавление?» — спросил Куракин. «Разве не видишь слева от меня еще одного инкогнито. Он к тому же, кажется, весьма гремит своими сапогами». Куракин удивился и отвечал, что никого не видит. «Да вот же, идет рядом со мной, в плаще!» — «Государь! Вы идете вплотную со стеной дома!» Я поднял левую руку и, в самом деле, тотчас коснулся камня. Но вместе с тем я по-прежнему явственно различал незнакомца и слышал грохот его шагов. Я стал смотреть на него пристально: его глаза сверкали из-под шляпы нечеловеческим блеском, и я не мог отвести от них своего взгляда. «Куракин,— сказал я, не оборачиваясь,— со мною что-то происходит непонятное». Я дрожал все сильнее — от холода, не от страха, и чувствовал, как стынет кровь в моих жилах. Внезапно незнакомец позвал меня глухим и печальным голосом: «Павел!» — «Что тебе надобно?» — отвечал я, невольно поддаваясь таинственной силе, исходившей от призрака. «Павел!» — снова сказал он, теперь, однако, голосом несравненно более мягким, но тем же печальным тоном. Я молчал. Он повторил. «Павел!» — и остановился на месте. Я тоже стал как вкопанный, словно наткнулся на невидимую преграду. Остановился и Куракин. «Бедный, бедный Павел! — печально проговорил призрак.— Pauvre prince! Prince misérable!»¹ «Слышишь, слышишь, Куракин?» — «Государь, ничего, ничего не слышу!» — изумился Куракин. «Что тебе надобно? Кто ты таков?» — с усилием

¹ «Князь прекрасный, Павел несчастный!» (*франц.*)

спросил я опять. «Павел бедный! Кто я таков? Я часть той силы, что хочет тебе добра, не зла. Чего мне надобно? Прими мой совет: не привязывайся сердцем ни к чему земному, ты недолгий гость в этом мире и скоро покинешь его. Если желаешь спокойной смерти, живи честно и справедливо, по совести; помни, что угрызения совести — самое страшное наказание для великих душ». — Он опять двинулся вперед, пронизав меня тем же сверхчеловеческим взглядом из-под шляпы. Я последовал за ним, влекомый неведомой силой. Куракин и слуги шли за мной, удивленные моим поведением. Незнакомец молча шел широкими шагами. Мы двигались вослед. По каким улицам мы проходили, я не понимал и в последствии времени вспомнить не мог... Посмотрите на его улыбку, — прервал свою историю великий князь, указывая на Куракина, — он до сих пор полагает, что все это мне приснилось. Нет!.. Итак, — продолжал великий князь, — мы шли таким образом не менее часа и наконец оказались перед зданием Сената. Призрак остановился: «Прощай, Павел! Ты меня еще увидишь. Здесь, на этом месте». Шляпа его сама собою приподнялась и открыла лоб. Я отпрянул в изумлении — предо мною стоял мой прадед Петр Великий. Прежде чем я пришел в себя, он исчез бесследно. — Великий князь замолк. Минуту длилось общее молчание. Куракин, видимо, по-прежнему улыбался. Великий князь продолжал: — И вот теперь на том самом месте государыня Екатерина воздвигает монумент: цельная гранитная скала в основании, на ней — Петр на коне, и вдале простерта его рука. Заметьте, я не рассказывал никогда матери о своей встрече с прадедом и не показывал никому этого места. Куракин уверяет меня, что я заснул во время прогулки. А мне — страшно; страшно жить в страхе: до сих пор эта сцена стоит перед моими глазами, и иногда мне чудится, что я все еще стою там, на площади перед Сенатом... Я вернулся во дворец с обмороженным боком, в полном изнеможении и едва отогрелся. Вы удовлетворены моей исповедью?

— Какую же мораль можно вывести из этой притчи? — спросил после некоторой паузы принц Де Линь.

— Очень простую, — сухо ответил великий князь. — Я умру молодым.

7 августа. Воскресенье. Петербург. ПАМЯТНИК ПЕТРУ ПЕРВОМУ

открыт на том месте, где он явился своему правнуку и где он стоит и поныне.

Продолжение вояжа графа и графини Северных: Брюссель — Гаага — Саардам (здесь смотрели дом, где жил Петр I в бытность свою в Голландии) — Лейден (здесь были в университете, где учился князь Куракин; граф Северный, между прочим, сказал здешним университетским профессорам, что он, граф Северный, обязан им, профессорам, тем, что после обучения в здешнем храме наук его, графа Северного, соотечественники делаются способны с пользой служить своему отечеству) — Маастрих — Спа — Франкфурт — Вероятно, где-то в этих краях граф Северный был принят в одну из масонских лож при содействии князя Куракина и с заочной рекомендацией графа Н. И. Панина. — Швейцария («И страшных гор вид становится приятным здесь зрелищем»). — Из письма В. К. Павла Петровича к о. Платону) — Этюп (граф и графиня Северные — на родине Марии Феодоровны в окружении ее родни — родителей, братьев и сестер) — Штутгарт — снова Вена — Краков — и наконец домой: Гродно — Митава — Рига —

Петербург.

ПРИЕХАЛИ

20 ноября. Воскресенье. Первые разочарования и горести:

1) скромный прием — государыня встречает их по-домашнему, без фейерверков, иллюминаций и триумфальных арок, словом, совсем не так, как Иосиф II или Людовик XVI;

2) князь Куракин немедленно по возвращении сослан в собственное имение — в Саратовской губернии село Борисоглебское, без права выезда — за злоумышленное согласие в мыслях с полковником Бибиковым;

3) Павел Петрович перестает приглашать к себе графа Никиту Ивановича, чтобы не навлечь на него подозрений и не подвергнуть участи, подобной куракинской («Часто все мое влияние, которым я могу похвалиться, состоит в том,

что мне стоит только упомянуть о ком-нибудь или о чем-нибудь, чтобы повредить им». — *Павел Петрович — К. И. Остен-Сакену, 12 января 1784. — Шумигорский, 1907, с. 54*;

Итоги путешествия в чужие края: «Если чему обучило меня путешествие, то тому, чтобы в терпении искать отраду» (*Павел Петрович — о. Платону. — РА, 1887, кн. 2, с. 30*).

НОВОЕ ПОКОЛЕНИЕ САМОЗВАНЦЕВ ВЫБИРАЕТ НОВОЕ ИМЯ

Беглый солдат Николай Шляпников называл себя великим князем Павлом Петровичем (*Эйдельман, 1982, с. 41*).

1783

6 марта. Понедельник. ВОЕННАЯ КОМАНДА ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ, из 60 человек состоящая, определена для несения постоянной караульной службы на Каменном острове и в Павловском (*Кобеко, с. 318*).

31 марта. Пятница. Петербург. Граф НИКИТА ИВАНОВИЧ ПАНИН

«...» скончался он в глазах возлюбленного питомца своего, «...» великий князь бросился пред ним на колени и целовал руку его, орошая ее горчайшими слезами «...» с таким рыданием, что не было человека, которого бы сердце не растерзалось жалостию «...»» (*Фонвизин, с. 187—188*).

8 апреля. Суббота. УКАЗ О ПРИСОЕДИНЕНИИ КРЫМА

«...» Потемкин явился в Херсоне «...», начались переговоры «...», хан уступил свои права императрице, и Крым превратился в провинцию России» (*Брикнер, ч. 3, с. 400—401*).

12 апреля. Среда. Князь ГРИГОРИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ ОРЛОВ

Умер в мрачном уюмопомешательстве.

29 июля. Суббота. Родилась ВЕЛИКАЯ КНЯЖНА АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВНА — первая дочь Павла Петровича и Марии Феодоровны.

6 августа. Воскресенье. ГАТЧИНА

с 20 прилежащими деревнями — имение покойного Гр. Орлова, купленное государыней у его наследников, отныне всемиловейшим манифестом по случаю родившейся Александры Павловны «повелеваем отдать во владение нашему любезному сыну, Великому Князю» (*ПСЗ, № 15808*).

Итого во владении великого князя Павла Петровича с 1783 года: КАМЕННЫЙ ОСТРОВ, ПАВЛОВСКОЕ, ГАТЧИНА — место есть, время тоже; государыня не вмешивается в управление владениями любезного сына; любезный сын не вмешивается в управление государством («Я по убеждению считаю лучшим молчать», — *из письма к К. И. Остен-Сакену, 8 июня 1783 — Шумигорский, 1907, с. 54*) и мыслит о том, как ему обустроить свои владения: осматривает и устраивается в Гатчине, заводит строительство в Павловском.

1784

ВОЕННАЯ РЕФОРМА СВЕТЛЕЙШЕГО КНЯЗЯ

«В начале 1784 года светлейший князь Потемкин преобразил армию в новую одежду. «...» У всей армии волосы были острижены в кружок, как можно ниже; вместо шляп и гренадерских шапок даны легкие каски с плюмажем из шерсти «...». Вместо долгополых мундиров сделаны были куртки «...»». (*Энгельгардт, с. 241—242*).

Весна.

О НОВОМ ПУТЕШЕСТВИИ ИХ ИМПЕРАТОРСКИХ ВЫСОЧЕСТВ. Слух

Павел Петрович: «...» разве что это будет путешествие в Индию, или на острова для моего исправления». (*Шумигорский, 1907, с. 55*). **10 июня. Понедельник.** «Мне 30 лет, а дела нет. Впрочем, я не жалею, а полагаюсь на Промысел Божий и тем утешаюсь» (*Павел Петрович — Н. П. Румянцеву,*

русскому посланнику во Франкфурте, 10 июня 1784 — Шумигорский, 1892, с. 270).— «Мое спокойствие основано не только на покое, меня окружающем, но, главное,— на моей чистой совести <...>. Это меня утешает, возвышает и наполняет терпением, которое люди принимают за угрюмство нрава» (тот же — тому же, 27 февраля 1784.— Там же).

КОМАНДА ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ

на Каменном Острове, в Павловском и в Гатчине увеличена до 80 человек; командир команды — капитан Штейнвер (Павел: «Этот будет у меня таков, каков был Лефорт у Петра Великого» — Шильдер, с. 192).— «Одежда и прочий прибор сих солдат суть точь-в-точь такие, как будто оные нарочно сюда из Пруссии выписаны были. Рядовые употребляют старинного прусского фасона гренадерские колпаки, красные галстуки, прусского покрова кафтаны, камзолы, штаны и черные штиблеты. Унтер-офицеры одеты так же. <...> Офицеры (в целом батальоне и есть только один русский) носят мундиры самого темнейшего цвета зеленого сукна, шляпы с узеньким, в палец ширины, позументом <...>. Выписанный из прусской службы офицер, служащий теперь в здешней капитаном, командует» (Гарновский, № 5, с. 2—3).

ВОСПОМИНАНИЕ О ПОЕЗДКЕ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ В БЕРЛИН

«<...> видел я полки Прусские <...>. Видно, что имеют во всем пред нами века два преимущества» (из писем Павла Петровича к Екатерине II, июнь-июль 1776.— Сб. РИО, т. 27, с. 99).

АВТОРИТЕТ ГОСУДАРЫНИ ЕКАТЕРИНЫ ВЫРОС НАСТОЛЬКО, ЧТО САМОЗВАНЦЕВ СТАЛО, КАК НИКОГДА, МАЛО.

Григорий Зайцев, сын пономаря, объявлял себя великим князем Павлом Петровичем (Эйдельман, 1982, с. 41).— И только.

13 декабря. Пятница. Родилась ВЕЛИКАЯ КНЯЖНА ЕЛЕНА ПАВЛОВНА — вторая дочь Марии Феодоровны и Павла Петровича.

1785

ПРОИСШЕСТВИЯ

«Фрейлина Эльмпт, г-жа Дивова, брат ее <...> граф Бутурлин и некоторые другие сделали на многих знатных людей сатиру в рисунках, с острыми, язвительными и оскорбительными надписями для многих лиц, в которой не пощажена и сама императрица. Долго не находили сочинителей сего пасквиля, <...> оный сожжен был на эшафоте палачом. Но по некотором времени парикмахер, убирая фрейлину Эльмпт и имея надобность в бумагах на папильоты, взглянул в угол и, видя разорванные лоскутки бумаги, хотел оные употребить, но, взявши их, увидел рисунки лиц, подобрал все и представил обер-гофмаршалу, который узнал ту сатиру <...>, донес императрице <...>. Фрейлину Эльмпт, как говорили, обер-гофмейстерина высекла розгами, и отправлена она была к ее отцу в Лифляндию. Дивова с мужем удалены из столицы; граф Бутурлин отставлен с запрещением въезжать в местопребывание государыни» (Энгельгардт, с. 245—246).

1786

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ УСИЛИВАЕТ ОХРАНУ: ЕГО КОМАНДА

докомплектована 7 рядовыми и унтер-офицером из флотской артиллерии с малым числом пушек; на Каменном Острове, в Павловском и Гатчине заведен обычай подавать пушечные предобеденные сигналы: первый выстрел — пора идти к столу; второй — пора садиться за стол (Кобеко, с. 318).— Кто опоздал, тому — гнев.

4 февраля. Середа. Родилась ВЕЛИКАЯ КНЯЖНА МАРИЯ ПАВЛОВНА, третья дочь В. К. Павла Петровича и Марии Феодоровны.

17 августа.

ФРИДРИХ II ВЕЛИКИЙ, КОРОЛЬ ПРУССКИЙ

На прусском престоле — Фридрих Вильгельм II, племянник Фридриха II; Павел

Петрович, великий князь, втайне от государыни, поддерживает зашифрованную переписку с ним.

1787

2 января. Суббота.

ПОЕЗДКА ПО СТРАНЕ.

Государыня выезжает из Зимнего дворца в Сарское Село, чтобы отправиться оттуда 7 января через Киев в Крым. — «Все пошло порядочно и так покойно, что заметить нельзя было, правит ли кто городом. Низкость, подлости, лицемерие, ласкательство, ложь и хитрость, вечные сопребыватели Двору, от невских берегов на струю днепровскую переселились» (*П. В. Завадовский из Петербурга — С. Р. Воронцову в Лондон, 8 марта 1787. — АкВ, т. 12, с. 38*). — Вернулась 11 июля.

ВОЕННЫЕ ПРИГОТОВЛЕНИЯ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ

В Гатчине, Павловском и на Каменном Острове за время отсутствия государыни команда увеличена до 360 человек и разделена на три батальона; артиллерия в Павловском вооружена 20 пушками; на Белом и Черном озерах в Гатчине заведена флотилия (*Кобеко, с. 318*).

ВОПРОС О ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ КРЫМА**БУДЕТ РЕШЕН ОКОНЧАТЕЛЬНО В БЛИЖАЙШЕЕ ВРЕМЯ**

«Потемкин прямо говорил, что целью России должно быть полное господство на Черном море <...>. Каждую минуту турки ожидали появления русского флота у самого Константинополя <...>. Понятно, что при таком положении дел путешествие Екатерины в южную Россию произвело сильное волнение <...>. — **15 (26) июля.** Рейс-Эфенди передал Булгакову <русскому посланнику в Константинополе> ультиматум, в котором Порты требовала: <...> удаления русских войск из Тифлиса и Грузии вообще, признания царя Ираклия вассалом Порты, права подвергать тщательному осмотру все русские корабли, выходящие из Черного моря <...>» (*Брикнер, ч. 3, с. 418, 422, 424*). — **7 (18) сентября. Петербург:** «Подписан манифест о войне с турками и напечатан 9-го числа» (*Храповицкий, с. 39*). — «По изданию манифеста о объявлении войны великий князь и великая княгиня писали ко мне, просясь — он в армию волонтером, а она — чтоб с ним ехать; я им ответствовала отклонительно <...>» (*Екатерина II — Потемкину, 24 сентября 1787. — РС, 1876, т. 16, № 5, с. 246—247*).

1788

ВОЙНА С ТУРКАМИ НАЧИНАЕТСЯ

«Пусть турки пойдут, куда хотят. Греки могут составить монархию для Константина Павловича; и чего Европе опасаться? ибо лучше иметь в соседстве христианскую державу, нежели варваров; да она и не будет страшна, разделяясь на части. Откроется коммерция при порте Византийском...» (*Екатерина II — Храповицкому, 7 июня 1788. — Храповицкий, с. 66*).

4 января. Вторник. ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ПАВЕЛ ПЕТРОВИЧ ПРОЩАЕТСЯ с родными и близкими в ожидании отъезда на войну с турками:

НА СЛУЧАЙ ТОТ, ЕСЛИ БОГУ УГОДНО БУДЕТ ВЕК МОЙ ПРЕКРАТИТЬ

«Любезная Жена Моя! — Богу угодно было на свет Меня произвесть для того состояния, которого хотя и не достиг, но не менее во всю жизнь свою тшил я сделаться достойным <...>. О, великие обязательства возложены на Нас! <...> Тебе самой известно, сколь я Тебя любил <...>. Ты Мне была первою отрадою и подавала лучшие советы <...>. — Старайся о благе всех и каждого. Детей воспитай в страхе Божии <...>. Старайся о учении Их наукам, потребным к Их званию <...>. — Прости, Мой друг, помни Меня, но не плачь обо Мне <...>. — Твой всегда верный муж и друг **ПАВЕЛ.** — Санкт-Петербург. Января 4 дня, 1788».

НА ТОТ ЖЕ СЛУЧАЙ

«Любезные Дети Мои! — Достиг я того часа, в который угодно Всевышнему положить предел Моей жизни. Иду отдать отчет всех дел своих строгому Судии, но праведному и милосердному <...>. Вы теперь обязаны пред Престолом Всевышнего посвящением жизни вашей Отечеству заслуживать и за Меня и за

Себя <...>. Помните оба, что Вы посланы от Всевышнего к народу <...> и для его блага <...>. Будьте счастливы счастьем земли Вашей и спокойствием души Вашей <...>. Ваш навсегда благосклонной ПАВЕЛ.— Санкт-Петербург. Генваря 4 дня 1788 года».

ГОСУДАРСТВЕННАЯ РЕФОРМА. На всякий случай

§ 1. **Введение:** «Предмет каждого общества — блаженство каждого и всех. Общество не может существовать, если воля каждого не будет направлена к общей цели». Обширность России требует сосредоточения исполнительной власти у одного лица: «чем больше земля, тем способы исполнения труднее; следовательно, первое попечение — препоручение исполнения одному».— § 2. **Об исполнительной власти:** «нет лучшего образа, как самодержавный, ибо соединяет в себе силу законов и скорость власти одного».— § 3. **О престолонаследии:** «положить Закон, кому именно быть Государем».— § 4. **О законодательстве:** «Законы у нас есть. <...> Новых не делать, но сообразить старые с государственным внутренним положением».— § 5. **О правительстве:** «Государь, будучи человек, за всем усмотреть не может <...>, надобны правительства. Таковы Сенат, прочие судебные места».— § 6—7. **О советской власти:** «Иметь ему <государю> совет, составленный из особ, которым поручено смотреть за разными частями и родами дел государства»: канцлер и вице-канцлер иностранных дел, военный и морской министры, министры финансов и коммерции, государственный казначей.— § 8—11. **О законах, утверждающих блаженство сословий: дворянства** («не допуская в него лишних членов, должно его на службу обращать»); **духовенства** («дабы понятию о Боге учили в прямой силе, а не суеверию»); **среднего состояния**, которого промыслы торговля и рукоделие («чтоб промыслы свободно текли для государства <...> и тем самым распространят в нем изобилия»); **крестьянства** («особого уважения достойно <...>, чтоб тем лучше трудились, и государство имело тем верное снабжение»).— § 12—13. **О народном воспитании** — для того, чтобы каждый член каждого сословия знал свои обязанности, исполнял бы их и приводил бы общество к блаженству: «для сего школы и училища».— § 14—15. **О поощрении торговли, мануфактур, фабрик и ремесел.**— § 16. **Об исправлении злоупотреблений** в соляном и винном промыслах.— § 17—18. **О способах к блаженству горнорудных, государственных и дворцовых крестьян.**— § 19—24. **О государственном бюджете и кредитно-денежной политике:** «Доходы государственные — Государства, а не Государя».— «Изображение всякого товара и вещи торговой — деньги, а торг или промысел основан на труде. Итак, деньги представляют промысел и труд; чем больше сего, тем больше оного. <...> Когда сия пропорция прямо сыскана, тогда имеет Государство прямой кредит, ибо вещь всякая торговая в прямой цене <...> и для того монета должна, вышед однажды в свою пропорцию, никогда не перемяться».— «Расходы размерять по приходам и согласовать с надобностями государственно, и для того верно однажды расписать <...>».— § 25. **О государственной внутренней безопасности:** «учредить земскую и городовую полицию». § 26—32. **О государственной международной безопасности:** «Нам большой нужды нет в чьей-либо помощи. Мы довольно сильны сами собою <...>. Пространство нашей земли требует большую оборонительную силу, а тем паче и наступательную <...>. Должно государство иметь военную силу свою расположенную по четырем главным границам и внутри <...>. Государство, будучи окружено со многих сторон морями, необходимо надобен ему флот на каждом из сих морей <...>. Притом войски и флоты учить, и Государю смотреть».— § 33. **О светлом будущем:** «Когда все части государства будут приведены порядком до равновесия, в котором должны быть, чтоб оно могло неразрушимо и невредимо стоять, тогда можно будет сказать, что прямо направлено общество на прямой путь свой блаженства каждого и всех, что согласно с законом Божиим и, следовательно, не может не иметь благословения во всем Его Вышней Десницы.— ПАВЕЛ».

(*Вестник Европы*, 1867, т. 1, март, с. 306—312, 315, 323, 304—306, 316—322; текст подготовил М. И. Семевский).

Генварь. Петербург. ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ НЕ ЕДЕТ НА ВОЙНУ «Государыня паки изволила советовать великому князю остаться здесь до тех пор, пока великая княгиня разрешится от бремени <...>. Великий князь, быв сим предложе-

нием крайне недоволен, ответственвал, что ко удержанию его здесь и тогда какой-нибудь претекст найдется. Государыня, получая таковой отзыв, расположена была дать строгим образом чувствовать и словесно и письменно, что СОВЕТЫ ЕЯ НЕ ИНАЧЕ КАК ЗА ПОВЕЛЕНИЯ, ТРЕБУЮЩИЕ НЕПРЕМЕННОГО ИСПОЛНЕНИЯ, ДОЛЖНЫ БЫТЬ ПРИЕМЛЕМЫ <...>» (*Гарновский, № 4, с. 697*).

10 мая. Середа. Родилась ВЕЛИКАЯ КНЯЖНА ЕКАТЕРИНА ПАВЛОВНА — четвертая дочь Павла Петровича и Марии Феодоровны.

26 мая. Пятница. «КОРОЛЬ ШВЕДСКИЙ СИЛЬНО ВООРУЖАЕТСЯ, но не смея начать, ожидает от нас нападения для собственных своих выгод» (*Храповицкий, с. 64*).— «Великому князю дано позволение <...> ехать в армию, куда б его высочество и отправился, если б наступающая со шведами война здесь его не удержала. Он охотнее противу шведов, нежели противу турок, воевать желает» (*Гарновский, № 5, с. 15, 12*).

В ОЧАГАХ ВОЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

28 мая. Воскресенье. Петербург. Командующим армией против шведов назначен граф Мусин-Пушкин (Валентин Платонович), заведующий придворным штатом Павла Петровича.— **26 июня. Понедельник.** «Получено известие, что 21-го июня шведы заняли предместье Нейшлота <...>. Цесаревич едет с графом Мусиным-Пушкиным» (*Храповицкий, с. 71*).— Государыня тайно приказывает гр. Мусину-Пушкину не посвящать Павла Петровича в план военных действий (*Шумигорский, 1907, с. 61*).— **30 июня. Пятница. Петербург.** ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВО «подписали поутру Манифест о войне Шведской <...>, прощались с Цесаревичем, плакали» (*Храповицкий, с. 73*).— **4 июля. Вторник:** «Шведы вошли уже в нашу границу, но не действуют» (*Гарновский, № 5, с. 23*).— *Екатерина II:* «Правду сказать, Петр I близко сделал столицу» (*Храповицкий, с. 72*).— **10 июля. Понедельник. Петербург:** «Вчера ввечеру получено от адмирала Грейга приятное известие, что 6-го июля одержал победу над Шведским флотом» (*Храповицкий, с. 76*).— «Если б шведам наш флот разбить удалось, то они намерены были, пришед к Кронштадту, оной жесть и потом водвориться в Петербурге, где, по достоверным данным, король предполагал препроводить зиму» (*Гарновский, № 6, с. 24*); «хотел <...> опрокинуть статую Петра I» (*Храповицкий, с. 79*).— ЕГО ВЫСОЧЕСТВО В ФИНЛЯНДИИ «дней пять кряду с графом Валентином Платоновичем <Мусиным-Пушкиным> не говорил. Разнообразие мыслей в рассуждении принимаемых к поражению шведов мер было причиною сего несогласия <...>».

20 августа. Воскресенье. Гекфорс: «Великий князь купно с графом Валентином Платоновичем рекогносцировал стан шведской <...>. Шведы по нашим стреляли и убили двух казачьих лошадей. По окончании действия сего великий князь проговорил с отменным удовольствием следующие слова: «Теперь я окрещен». (*Гарновский, № 5, с. 31—32; № 6, с. 207, 209, 214*). **18 сентября. Понедельник. Петербург:** «Любезный друг мой, князь Григорий Александрович <...>. Шведы Гекфорс оставили <...>, и теперь уже в нашей Финляндии ни единого шведа нет, а флот их блокирован нашим в Свеаборге. Великий князь сегодня оттуда возвратился» (*Екатерина II — Потемкину — РС, 1876, т. 16, № 8, с. 583*).— «Ожидалось, что его высочеству дадут за сделанную кампанию Георгиевский орден» (*Гарновский, № 6, с. 219*).— Не дали.

1789

Генварь. Петербург. «НОВОСТЕЙ ЗДЕСЬ НИКАКИХ НЕТ, кроме что ненависть к прусскому двору усиливается» (*Гарновский, № 6, с. 275*) и готовится война России с Пруссией.— «Но меньшей двор там <в Пруссии> совершенно» (*слова А. А. Безбородко — АкВ, т. 13, с. 143*).— «Неизменна моя привязанность к системе, связующей меня с прусским королем и <...> я от всего сердца буду согласовываться с его намерениями» (*Великий князь Павел Петрович — королю прусскому Фридриху Вильгельму II, сентябрь 1788.— Кобеко, с. 344*).

ЗАТО ЕСТЬ СЛУХИ:

«Императрица написала комическую оперу «Горобогатырь Косометович» <...>, в 1789 г. ее напечатали в немногих экземплярах; но лица, имевшие эти экземпляры, хранили их в тайне <...>. В главном герое этой оперы молва непременно

хотела видеть цесаревича Павла Петровича.— Вот ее содержание: Горобогатырь занимался только тем, что таскал изюм из кладовой матери да играл в свайку, но и ту, по примеру отца своего, метал невпопад (отчего и <...> был прозван Косометович). Но все же молодец считал себя героем и просил, чтобы мать отпустила его на войну. Нежная мать долго не соглашалась <...>. Но все же ее уговорили. Тогда она согласилась, но приставила к нему двух пестунов — Кривомозга и Тороба <...>, отправился Горобогатырь со своими пестунами на войну.— Но только выехали они со двора, как ветер сорвал с головы рыцаря косую шапочку <...>, пестуны старались отговорить Горобогатыря от дальнейшего путешествия. Но он еще хорохорился <...>.— Тогда <...> в то время, когда Горобогатырь спал <...>, пестуны подняли страшный шум, затрубили в рог, как будто травят медведей. Горобогатырь со сна вскочил испуганный и поскорее влез на дерево, спасаясь от медведей. Но пестуны уверили его, что и тут ему грозит опасность, что на них идут: справа — неприятели, слева — лешие, посредине — колдуны, что вся эта рать едет верхом на осинах, и, сидя на дереве, он первый попадет им в руки. Горобогатырь колебался, стыдясь за свое бегство. Но пестуны успокоили его, уговорившись рассказать дома, что они всех победили. Тогда, надев на голову венки, они торжественно вернулись к матушке <...>. Рассказывали, что князь Потемкин не советовал играть оперу публично, шадя наследника русского престола, но совету его не последовали» (*Анекдоты*, с. 77—79).— КОММЕНТАРИЙ ОЧЕВИДЦА: 31 января. Среда. Эрмитаж: «В 7-м часу играли «Горобогатыря» <...>, тут представляется приготовление на войну Короля Шведского, <...> играли при Цесаревиче Великом Князе очень удачно; все были веселы, смеялись, били форо <...>. Довольны оперой; сказывали, как Цесаревич смеялся и просил, чтоб еще посмотреть; приказано дать 5-го числа» (*Храповицкий*, с. 86, 168—170).

1789

4 июля. Среда.

ПЛАТОН АЛЕКСАНДРОВИЧ ЗУБОВ,

22-х лет, произведен из секунд-ротмистров в полковники и флигель-адъютанты, испытан в любовном деле и определен фаворитом.— Кстати, и анекдот: «Однажды во Дворце, во время обеда, завязался общий разговор, в котором Павел Петрович не принимал участия <...>. Екатерина спросила его, с чьим из высказанных мнений он согласен.— «С мнением Платона Александровича»,— отвечал он. «Разве я сказал какую-нибудь глупость?» — дерзко возразил на это фаворит» (*РС*, 1876, т. 17, с. 453; *Анекдоты*, с. 83).

ЕВРОПА ОБЕСПОКОЕНА СОБЫТИЯМИ ВО ФРАНЦИИ

27 июля. Пятница. Петербург. «Приехал курьер с известием, что в Париже <...> народ взволновался, <...> разбил Бастилию, <...> гвардейцы пристали к народу» (*Храповицкий*, с. 200).

КАНТАТА НА ФРАНЦУЗСКУЮ ВОЛЬНОСТЬ, СОЧИНЕННАЯ В ГАТЧИНЕ

для спектакля, показанного в присутствии Их Императорских
Высочеств

Какая фурия из ада
Зажгла светильник бледный свой,
И где наук цвела отрада,
Зараз низвергла дым густой?
Неужли ад, прервавши узы,
Главою пагубной Медузы
Окаменил весь Галлов ум,
К законам оглушив вниманье
Чрез буйно *вольность* восклицанье
Пустил обманчивый свой шум?
Вольность обманчивый есть шум
И дым пустой!

(*Павловск. Очерк его истории и описание. СПб., 1883, с. 72.*)

Mademoiselle NELIDOW

«Самую яркую звездою на придворном горизонте была молодая девушка <в 1788 г.— 30 лет>, которую пожаловали фрейлиною в уважение превосходных дарований, выказанных ею в Смольном монастыре, где она получила воспитание <...>. По наружности она представляла полную противоположность с великою княгинею, которая была белокура, высокого роста, склонна к полноте <...>, Нелидова же была маленькая, смуглая, с темными волосами, блестящими черными глазами» (*Саблуков, с. 11—12*); «маленькие подслеповатые глаза, рот до ушей, длинная талия и короткие кривые, как у таксы, ноги. Но она была очень остроумна, обладала талантами» (*Головина, с. 170*); «до того умна и любезна, что всякой, говоря с нею, забывал, что она дурна. Павел несколько лет был в нее чрезвычайно влюблен, и она многое из него умела делать» (*Долгоруков, с. 229*). «Впрочем, надо заметить, что великий князь отнюдь не был человеком безнравственным; напротив того, он был добродетелен как по убеждению, так и по намерениям. Он ненавидел распутство, был искренно привязан к своей прелестной супруге и не мог себе представить, чтобы какая-нибудь интриганка могла когда-либо увлечь его и влюбить в себя без памяти. Поэтому он свободно предался тому, что он считал чисто платонической связью» (*Саблуков, с. 12*).— «Разве я искала в Вас для себя мужчину? Клянусь Вам, с тех пор, как я к Вам привязана, мне все кажется, что вы моя сестра» (*Нелидова — Павлу Петровичу, около 1800 — Оснадацый век. Кн. 3, с. 435*).— «До меня дошли слухи о частых разговорах, происходивших в домашней жизни великокняжеской четы. Причиною этого была г-жа Нелидова, овладевшая умом великого князя» (*Альмова, с. 41*).— «Demoiselle чрезвычайно фальшива; это проявляется во всем, что она рассказывает» (*Мария Феодоровна — С. И. Плещееву, начало 1790-х. — Шумигорский, 1898, с. 30*).— «Посмотри, какая ты красавица, а соперница твоя — petit monstre¹; перестань кручиниться и будь уверена в своих прелестях» (*Екатерина II — Марии Феодоровне. — Муханова, с. 308*).

ИЗ ЖИЗНИ ФАВОРИТОВ

«Мне случилось на бале, в день бывшего празднества, видеть, что государь чрезвычайно рассердился на гофмаршала и приказал позвать его к себе, без сомнения, с тем, чтобы сделать ему великую неприятность. Катерина Ивановна стояла в это время подле него, а я — за ними. Она, не говоря ни слова и даже не смотря на него, заложила свою руку за спину и дернула его за платье. Он тотчас почувствовал, что это значило, и отвечал ей отрывисто: «Нельзя воздержаться!» Она опять его дернула. Между тем гофмаршал приходит, и Павел изъясил ему свое негодование, но гораздо кротчайшим образом, нежели как по первому гневному виду его ожидать надлежало. О, если бы при царях, а особливо строптивых и пылких, все были Катерины Ивановны!» (*Шшиков, с. 31—32*.)

ХРОНИКА ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

30 июня. Воскресенье. Петербург. Арестован управляющий здешней таможенной Александр Радищев за сочиненную им книгу «Путешествие из Петербурга в Москву»: «тут рассевание французской заразы: отвращение от начальства» (*Храповицкий, с. 226*); 13 июля Радищев предан суду; 24-го — приговорен петербургской палатой уголовного суда к смертной казни; 4 сентября — прощен государыней и отправлен в Сибирь, в Илимский острог.

3 августа. Суббота. Заключен мир с Швецией.— Границы остались теми же, что и при начале войны в 1788 году.— Зря воевали.

В СТРАНЕ И В МИРЕ

3 мая. Польский сейм принимает конституцию.— **10 (21) июня** король Людовик XVI с королевою Марией-Антуанеттой бежал из Парижа: «переодетый, под

¹ Маленькое чудовище (*франц.*)

чужим именем <...>, пойман; у королевы найден паспорт de M-me Korf, née Stegelman; это дочь бывшего здесь (в Петербурге) банкира». — **22 июня** взята приступом Анапа». — **Июля 31** подписаны условия перемирия русских с турками, с признанием границей между обеими Империями реки Днестр». — **23 августа (3 сентября)**. В Париже принята конституция Франции: «Законодательная власть вверяется Национальному собранию <...>. Власть исполнительная вверена королю» (*Грибовский, с. 78—79; Храповицкий, с. 238, 241, 244, 245, 248; Энгельгардт, с. 281—282, Документы ВФР, с. 117*).

В ГАТЧИНЕ, ПАВЛОВСКОМ И НА КАМЕННОМ ОСТРОВУ

30 августа. Суббота. Абрам БОРАТЫНСКИЙ, секунд-майор, 23-х лет, родственник и протеже Катерины Ивановны Нелидовой, назначен командовать войском великого князя и губернатором Гатчины: «Я, слава Богу, здоров и при своей должности, благодаря Богу, исправен, и беспрестанно получаю благодарности за мои старательствы. <...> Я почти беспрестанно занят делами и почти никогда праздного времени не имею <...>. Ах, батюшка! Не могу вам описать, сколько нас любит Его Императорское Высочество! ибо когда я стану писать все подробности, то многие не поверят» (*А. Боратынский — отцу, 18 марта 1792, л., 119*).

5 октября. Воскресенье. Яссы.

СВЕТЛЕЙШИЙ КНЯЗЬ ПОТЕМКИН

Государыня в слезах: «Теперь не на кого опереться <...>. Все будет не то <...>, теперь все, как улитки, станут высовывать головы <...>. Он был настоящий дворянин, умный человек, меня не продавал; его не можно было купить» (*Храповицкий, с. 252*).

29 декабря. Яссы. ОПРЕДЕЛЕН СТАТУС КРЫМА И ПРИДНЕСТРОВЬЯ «Подписание мира с Турцией в Яссах, по которому удержан Очаков с областью между Бугом и Днестром <...>, область Очаковская, по изгнании оттуда татарских орд, принесла государству бесчисленные выгоды устройением там Одесского порта <...>, Бендеры, Аккерман, Килия, Измаил, Анапа и Суджук-Кале возвращаются Порте. Подтверждено приобретение Крыма и Тамани <...>. Учреждено свободное судоходство на Черном море через Босфор и по Днепру» (*Грибовский, с. 79*).

1792

ХРОНИКА ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ. МАСОНСКИЙ ЗАГОВОР

24 апреля. Суббота. Москва. По подозрению в государственных преступлениях арестован поручик в отставке Новиков, возглавитель московских мартинистов и известный типографшик; указом от 18 мая назначено содержать его на время следствия в Шлиссельбургской крепости. Подозревается в делании тайных сборищ, в тайной переписке с вражеской прусской границей «в такое еще время, когда берлинский двор оказывал нам в полной мере свое недоброхотство», в тайном печатании «неповоленных, развращенных и противных закону православному книг», в тайном замысле уловления в свою космополитическую секту «известной по их бумагам особы» (великого князя Павла). — Новиков и прочие мартинисты из его московской ложи многодневно допрошены, подозрения подтверждены. «Преступления столь важны, что по силе законов тягчайшей и нещадной подвергают его казни. Мы, однако ж, и в сем случае следуя сродному Нам человеколюбию <...>, освободили его от оной и повелели запереть его на 15 лет в Шлиссельбургскую крепость. Что же касается сообщников его, Новикова, <...> князя Николая Трубецкого, отставных бригадиров Ивана Лопухина и Ивана Тургенева <...>, повелеваем им отправиться в отдаленные от столиц деревни их» (*Указ Екатерины II, 1 августа 1792. — Новиков, с. 476—478*).

МНЕНИЕ НАРОДНОЕ.

РУССКИЙ КРЕСТЬЯНИН О МАСОНАХ И КОСМОПОЛИТАХ

«<...> в Москве был разговор у крестьянина князя Трубецкого с крестьянином казенным. *Крестьянин казенный*: «За что вашего барина сослал?» — *Крестьянин Трубецкого*: «Сказывают, что искал другого Бога». — *Крестьянин казенный*: «Так он виноват: на что лучше Русского Бога?» (*Храповицкий, с. 275*).

РУССКАЯ АРМИЯ ВСЕХ СИЛЬНЕЙ

18 мая. Вторник: «Армия генерала Каховского под названием Украинской, вступив в пределы польские <...>, имела с поляками несколько сражений <...>, генерал Кречетников занял Вильно 14 июня без боя <...>. 19 августа главнокомандующий Каховский без сопротивления занял столицу польскую. После сего конституция 3 мая 1791 года <...> была отменена и бывший до того в королевстве порядок паки восстановился» (*Грибовский, с. 60*).

ДОМАШНИЕ ЗАБОТЫ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ

В стране нет порядка.— В семье нет покоя.— Ссоры с Марией Феодоровной из-за Нелидовой.— Мария Феодоровна оскорблена и не скрывает презрения к *petite* — так она называет Нелидову.— Нелидова стойчески терпит подозрения и слухи о ее любовной связи с великим князем.— Великий князь в раздражении, гневе и тоске.— Страх быть отрешенным от престола.— Страх быть отравленным.— Невозможность ничего предпринять и переменить в государственном масштабе.— Коварство и цинизм свили себе гнезда при императрицыном дворе.— Слова передергивают, поступки перетолковывают, выставляют в невыгодном свете.— Одна Нелидова понимает.— Мария Феодоровна не понимает ничего.— Говорит: «Мне кажется, что при каждых моих родах Нелидова, зная, как они бывают у меня трудны и что они могут быть для меня гибельны, всякий раз надеется <...>» — Новые роды приближаются.— В парижской газете печатают пашквиль: что, поссорившись с супругой, уехал с Нелидовой в Гатчину.— Обещают, что будет как с Петром III.— Гнев.— Негодование.— На всех.— Нелидова ропщет.— Не понимает.— Нелидова оскорблена.— **24 июня. Четверг.** «Нелидова представила государыне письмо, в коем просит позволения покинуть двор и уединиться в Смольном монастыре, такой же бедной и такой же невинной, какою она вышла оттуда. <...> Полагают, что тем самым она собирается разжечь страсть к ней великого князя еще пламеннее» (*Ф. В. Ростопчин — С. Р. Воронцову, 8 июля 1792. — Ростопчин, с. 53*).— Государыня отказывает Нелидову, не придавая значения злым языкам.— Нелидова остается при великом князе.

11 июля. Воскресенье. Родилась ВЕЛИКАЯ КНЯЖНА ОЛЬГА ПАВЛОВНА — пятая дочь великого князя Павла Петровича и Марии Феодоровны.

30 июня (10 августа). ВООРУЖЕННЫЕ СТОЛКНОВЕНИЯ В ПАРИЖЕ

Король Людовик XVI отрешен от власти и вместе с королевой Марией-Антуанеттой арестован.— Кровавопролития на улицах.— Разрушены памятники Людовику XIV и Генриху IV.

4 сентября. Суббота. Гатчина.

АРАКЧЕЕВ

По просьбе великого князя директор Артиллерийского и Инженерного кадетского корпуса генерал П. И. Мелиссино командировал в Гатчину своего адъютанта — поручика Аракчеева для проведения учебных артиллерийских стрельб; 8 октября Аракчеев испытан в стрельбе из мортиры и оставлен при артиллерийской команде великого князя — «сделался самым необходимым человеком в гарнизоне <...>, во всякое дело он вносил строгий метод и порядок, которые он старался поддерживать строгостью, доходившей до тиранства <...>. По наружности Аракчеев походил на большую обезьяну в мундире <...>, глаза были у него впалые, серые, и вся физиономия его представляла страшную смесь ума и злости <...>, он был искренно предан Павлу» (*Саблуков, с. 35*).— «Однажды, — рассказывал Аракчеев, будучи уже на вершине власти при Александре I, — когда мне крепко досталось за упущение по службе караульного офицера — я побежал, с горя, в церковь и стал молиться, класть земные поклоны, думая, что лишился навсегда милости наследника престола, не мог удержать слез и даже зарыдал. В церкви не было никого, кроме пономаря, который тушил свечи. Вдруг послышались за мною шаги и звуки шпор. Я вскочил и утер слезы, оглянулся и вижу: наследник престола! «О чем плачешь?» — спросил он меня ласково. «Мне больно лишиться милости вашего императорского высочества». — «Да ты вовсе не лишишься ее! — примолвил наследник, положив мне руку на плечо. — И никогда не лишишься, когда будешь вести себя и служить так, как до сих пор. Молись Богу и служи верно: а ты знаешь, что за Богом молитва, а за Царем служба не пропадают!» <...> — Я бросился на колени перед наследником и, в избытке чувств, воскликнул: «У меня только и есть, что Бог да Вы!»» (*Ф. В. Булгарин*).

Поездка в Грузино.— Новоселье. Ч. 3. СПб., 1846, с. 217—218.) — «Его требования к подчиненным были неограничены и безмерны: все семейные связи следовало приносить в жертву службе <...>. Подчиненным он говорил «ты», эпитеты «дурак», «болван», «осел» так и сыпались, бывало, из его сиятельных уст, когда он осматривал какой-нибудь полк или команду. <...> Все у него делалось по часам, он любил порядок и чистоту, особенно же пыли нигде терпеть не мог» (*из воспоминаний Е. Ф. Фон-Брадке, А. К. Гриббе, И. И. Европеуса.— Аракчеев, с. 5*).

10 (21) сентября. Париж

НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОНВЕНТ

«постановляет, что монархия во Франции отменяется» (*документы ВФР, с. 157*).— Государыня Екатерина еще в 1790-м году сказывала: «Вся эта сволочь не лучше маркиза Пугачева, про которого я всегда говорила, что он отлично знал про себя, какой он злодей» (*РА, 1878, кн. 3, с. 172*).

ВООРУЖЕННЫЕ ФОРМИРОВАНИЯ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ

«По городу носится слух, что великий князь к морскому батальону не токмо прибавляет несколько сот, но что он еще формирует на Острове <на Каменном Острове> полк гусар и несколько полков казаков. Все сии слухи в народе подают причину к различным толкам, и буде ребячества пресечь можно, то бы что скорее, то лучше, а сказать бы, что в Гатчине в куклы играть можно без излишних толков, но в близости города все подвержено различным толкованиям, а полезных нет ни одной. Тут первое, что батюшкина армия¹ представляется» (*Екатерина II — Н. И. Салтыкову, 1792.— Шумигорский, 1907, с. 72*).

**ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ПАВЕЛ, ВИДИМО, БУДЕТ ЛИШЕН ПРАВ НА ПРЕСТОЛ.
ГОСУДАРЫНЯ ХОЧЕТ КОРОНОВАТЬ ВНУКА АЛЕКСАНДРА.**

ПРИ СВОЕЙ ЖИЗНИ

31 октября. Воскресенье. В Петербург прибыла принцесса Баден-Дурлахская Луиза-Мария-Августа, 13-ти лет,— для предстоящего бракосочетания с великим князем Александром Павловичем — 15-летним старшим сыном Павла.— «Мой Александр женится, а затем будет коронован — церемониально, торжественно, празднично» (*Екатерина II — барону Гримму, 14 августа 1792 — Сб. РИО, т. 23, с. 574*).

ПРИЗРАК МИРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ БРОДИТ ПО ЕВРОПЕ

8 (19) ноября. Париж. Национальный конвент объявил декрет о братской помощи, которую будет оказывать республика Франция всем народам, желающим свергнуть тиранов.— **4 (15) декабря. Париж:** Декрет об установлении республиканских порядков во всех областях, занятых Францией.— Монбельяр, родина Марии Феодоровны, присоединен к Франции; вся родня великой княгини эмигрировала.— **17 (28) декабря. Париж.** Робеспьер: «Я требую, чтобы Национальный конвент объявил Людовика виновным и заслуживающим смерти» (*документы ВФР, с. 162*).

1793

10 (21) генваря. Париж.

ЛЮДОВИК XVI, король Франции

казнен по решению Национального конвента.— В Петербурге траур на 6 недель.— «Ея Величество слегла в постель» (*Храповицкий, с. 281*). «Страшная катастрофа, происшедшая во Франции, оледенила нас ужасом <...>, все, происходящее теперь в Европе, во многом напоминает те времена, о которых нам предсказано в Священном Писании? Несомненно одно, что события конца века заставляют скорбеть о том, что мы не живем в более раннее время» (*Мария Феодоровна — Н. П. Румянцеву, 1793.— Шумигорский, 1892, с. 342*).

ЗА МИР И БЕЗОПАСНОСТЬ В ЕВРОПЕ

21 января (1 февраля). Париж. Национальный конвент объявляет войну Англии и вкпе с ней всем, всем, всем тиранам в Австрии, Пруссии, Испании, Сардинском королевстве, Неаполитанском королевстве, германских княжествах.— **24 января.** «Вступление прусских войск в области Великой Польши, с согласия России и Австрии, для истребления революционных затеев от поляков <...>. Занятие Кракова и окрестных областей оног австрийскими

¹ Армия Петра III.

войсками». — **8 февраля. Петербург.** «Подписан Указ Сенату о разрыве политической связи с Францией и о высылке из России всех обоюбого пола французов, которые не сделают присяги по изданному при Указе образцу».

24 февраля (7 марта). Испания объявляет войну Франции. — «Англия расположена разорить Францию». — «В Вене народ хотел побить всех французов». — **18—27 марта.** «Посол наш в Варшаве Сиверс объявил сейму <...>, вслед за сим генерал Кречетников присланным к нему из Петербурга манифестом от 27 марта обнародовал <...>, что императрица с общего согласия с королем прусским и императором австрийским для предохранения владений своих от распространения <...> мятежных правил и потушения возникающих от того смянений повелевала отделить от Польши некоторые области к Империи своей <...> на вечные времена». — В прежних польских провинциях открыты российские губернии: Минская, Изяславская, Брацлавская — итого 250 тыс. км²; Пруссия получила в Великопольше 58 тыс. км². — **26 марта. Париж.** Для обороны Франции избран Комитет общественного спасения. — **8 апреля. Петербург.** Отдельным манифестом запрещен ввоз и вывоз из России во Францию и обратно любых товаров (*Грибовский, с. 81, 60, 61; Храповицкий, с. 282; ПСЗ, № 17111*).

БЕЖЕНЦЫ ИЗ ФРАНЦИИ ПРОПОВЕДУЮТ ЖЕЛЕЗНЫЙ ПОРЯДОК

«<...> сколь много зла принес граф Эстергази! <...> Он проповедует перед великим князем Павлом деспотизм <...>, необходимость железной руки <...>. Великий князь усвоил эту систему и руководствуется ею <...>. Невозможно смотреть без сожаления и ужаса на его деяния; он словно нарочно ищет способы распространить к себе ненависть и отвращение; он цепляется ко всем и наказывает правых и виноватых. У него 4 морских батальона (1600 человек), 3 кавалерийских эскадрона, с этой командой он желает повторить собой покойного короля прусского <Фридриха II>. Каждую середу у него маневры, каждый день он лично проводит вахт-парад <развод войск перед отправкой в караул> и присутствует при экзекуциях. Ничтожные упущения по службе, малейшее опоздание или противоречие влекут за собой гнев великого князя. Он делает выговоры каждому и всем» (*Ф. В. Ростопчин — С. Р. Воронцову, 14 апреля и 6 июля 1793. — Ростопчин, с. 67, 70, 71, 76*). — «Скажите, мой добрый Плещеев, что такое происходит? Я вижу только печальные лица. Petite <т. е. Нелидова> имеет скорбный вид и в дурном настроении духа; супруг мой также сумрачен и таким он является даже по отношению ко мне. Я замечаю, что есть нечто, что волнует его внутренно. Он часто спорит с petite» (*Мария Феодоровна — С. И. Плещееву, начало 1793. — Шумигорский, 1898, с. 39*). — «Вы правы, Катя, когда ворчите на меня за мои строгости. Все это правда, но правда и то, что, попустительствуя, можно повторить путь Людовика XVI: он был снисходителен, и в конце концов его самого низвели» (*Павел — Нелидовой. — Там же, с. 104*).

ОЧЕРЕДНОЙ ВИТОК ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ ГОСУДАРЫНЯ ПРОДОЛЖАЕТ ДУМАТЬ О НОВОМ НАСЛЕДНИКЕ

9 мая. Понедельник. «В придворной церкви совершено миропомазание принцессы Луизы Августы Баден-Дурлах, нареченной великою княжною Елисаветою Алексеевною». **10 мая. Вторник.** «Обручение Елисаветы Алексеевны с великим князем Александром Павловичем» (*Храповицкий, с. 287*).

ЯКОБИНЦЫ УСТАНОВЛИВАЮТ ДИКТАТУРУ. ПОКА ТОЛЬКО ВО ФРАНЦИИ

Париж. 20 (31) мая. Новое смятение во Франции. **13 (24) июня.** Новая конституция Франции: «Целью общества является общее счастье. Правительство установлено, чтобы обеспечить человеку пользование его естественными и неотъемлемыми правами. Эти права суть: равенство, свобода, безопасность, собственность». — **29 июня (10 июля).** Сформирован новый Комитет общественного спасения. С Робеспьером во главе. — **3 (14) июля.** Враги народа убили Марата, издателя газеты «Друг народа». — **22 июля (2 августа).** Комитету общественного спасения предоставлены особые полномочия. — Австрийская армия побеждает французов у Валансена; испанская — перешла южные границы республики. — Отечество

(их) в опасности.— Комитет общественного спасения принимает меры против внешних и внутренних врагов.— **6 (17) сентября.** ДЕКРЕТ О ПОДОЗРИТЕЛЬНЫХ: «Немедленно по опубликовании настоящего декрета все подозрительные лица, находящиеся на территории Республики и пользующиеся еще свободой, должны быть арестованы». (Уточнение о подозрительных, от 10 октября: «Подозрительными являются: <...> те, кто во время собраний народа охлаждают его порыв <...>, готовы с мнимопечальным видом распространять плохие известия <...>, сожалеют об участи жадных фермеров и торговцев, коих закон вынужден преследовать <...>, кто не принимал активного участия в событиях революции <...>, с равнодушием принял издание республиканской конституции <...>, кто, ничего не сделав против свободы, равным образом ничего и не сделал в ее пользу» (документы ВФР, с. 216, 265—267).

ПРИГОТОВЛЕНИЕ ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЯ ПРЕСТОЛОНАСЛЕДИЯ

28 сентября. Серед. Бракосочетание великого князя Александра Павловича и великой княгини Елисаветы Алексеевны.— Великий князь Павел отказывался приезжать из Гатчины в Петербург для участия в торжествах, но, быв уговорен, присутствовал.— «Был глубоко растроган, что удивило всех» (Головина, с. 82).

5 (16) октября. Париж. **МАРИЯ-АНТУАНЕТТА, королева Франции**

обезглавлена на гильотине.— «Национальный конвент декретирует: <...> Революционные законы должны исполняться быстро. <...> Нарушение сроков карается как преступление против свободы» (Декрет 10 октября о конфискации у населения излишков зерна и обеспечении революционного Парижа продовольствием.— Документы ВФР, с. 237).

31 октября (10 ноября — 20 брюмера). «СОБОР ПАРИЖСКОЙ БОГОМАТЕРИ будет отныне <именоваться> Храмом Разума» (Декрет Национального конвента.— Документы ВФР, с. 428).

МАТЕРИАЛЫ СЕКРЕТНОЙ СЛУЖЕБНОЙ ПЕРЕПИСКИ

Приказы великого князя Павла Петровича подполковнику Боратынскому. Без числа. Из Петербурга в Павловское или на Каменный Остров: «Нет ли или не будет из городу подосланных кого¹, как у вас, так и в Гатчине?» — **1 февраля. Серед.** Из Петербурга в Гатчину: «Барон Борх доносит мне о желании гренадера жениться на крестьянской девке, на что и дал я дозволение; но, к удивлению моему, от вас, господин подполковник Боратынской, о том мне не донесено, почему и должен вам подтвердить, чтоб были вы осмотрительнее: ибо многое я узнаю здесь то, чего вы, там будучи, не знаете <...>» (РА, 1870, т. 8, ст. 1441, 1438, 1439).

«РЕВОЛЮЦИЯ — ЭТО ВОЙНА

свободы против ее врагов; конституция — это режим победоносной и мирной свободы <...>. Революционное правительство обязано оказывать честным гражданам покровительство нации, а врагам народа должно нести только смерть» (речь Робеспьера в Конвенте 5 нивоза II года революционной эры. — Документы ВФР, с. 245).— **Париж:** казни подозрительных — казни врагов народа — казни врагов свободы.— **Апрель.** «Восстание в Польше против наших войск». — «Поляки предались совершенно духу французской революции; многие знатные поляки были перевешаны <...>, Колонтай играл роль Робеспьера; хотел было всех русских перерезать, но Костюшко <...> до злодеяния сего не допустил». — «Графу Суворову (под начальством фельдмаршала Румянцева) повелено принять команду над нашими войсками, в Польше расположенными, и воевать» (Грибовский, с. 83; Энгельгардт, с. 293).

22 июня. Четверг. Павловское. «НОВОСТЕЙ ЗДЕСЬ НИКАКИХ НЕТ. Поляков, слышно, побили, да и впредь надеяться можно, что им не будут удачи. <...> У нас по четвергам бывают ученья, то после одного столько бываешь обеспокоен <...>. Сегодня у нас последнее ученье; и завтра все батальоны и конница будут распущены по своим местам» (А. Боратынский — отцу, 22 июня 1794, л. 141). «Великий князь в Павловском — в неизменно дурном расположении духа, голова его переполнена призраками, он окружил себя людьми, честнейшего из которых

¹ Т. е. шпионов от государыни Екатерины.

можно колесовать без суда и следствия <...>. Великий князь кругом видит отростки революции. Везде он обнаруживает якобинцев, и недавно четыре несчастных офицера из его баталионов попали под арест за слишком короткие косы,— важная причина заподозрить в них склонность к мятежу <...>.— После м-ль Нелидовой самое доверенное лицо великого князя — Иван Павлович

КУТАЙСОВ,

некогда турок, после христиан, теперь комнатный слуга» (*Ростопчин, с. 93*).— В детстве, во время первой турецкой войны, он попал в плен при Кутаисе, отчего и получил свою фамилию. Павел принял его под свое покровительство: «велел воспитать на свой счет и обучить бритью. Он впоследствии сделался императорским брадобреем и, в качестве такового, ежедневно имел в руках императорский подбородок и горло, что, разумеется, давало ему положение доверенного слуги. Это был чрезвычайно смысленный человек, обладавший особенною проницательностью в угадывании слабостей своего господина. Надо, однако, сознаться, что он, по возможности, всегда старался улаживать все к лучшему, предупреждая тех, которые являлись к императору, о настроении духа своего господина. С течением времени он <...> был сделан графом» (*Саблуков, с. 31*). С июля еще одним доверенным лицом великого князя стал камергер государыни Екатерины Федор Васильевич

РОСТОПЧИН,

и вот по какому случаю: «Согласно разрешению императрицы, данному камергерам, оставаться сколько им угодно в Сарском Селе, они забросили свою службу у великого князя в Павловске, и вследствие этого Ростопчин, находившийся там, не мог никуда оттуда уехать. Выведенный из терпения этой особой ссылкой, он решился написать циркулярное письмо, довольно колкое, в форме вызова на дуэль всем своим коллегам. Это письмо было составлено так, чтобы осмеять каждого, разбирая подробно мотивы его небрежности. Все эти господа обиделись и пожелали драться с Ростопчиным. <...> — Эта история дошла до государыни, и она, желая дать пример, сослала Ростопчина в свое имение» (*Головина, с. 117—118*).— «Великий князь негодовал и передал мне, что я могу полностью на него полагаться. <...> За время моего отсутствия он не допустил к себе на дежурство ни одного камергера» (*Ростопчин — Воронцову, 20 июля 1794 и 20 августа 1795. — Ростопчин, с. 98, 104*).

ПОСЛЕДНИЕ ИЗВЕСТИЯ

16 (27) июля (9 термидора II года р. э.). РОБЕСПЬЕР В ПАРИЖЕ арестован вместе с прочими якобинцами — предводителями Комитета общественного спасения.— Все казнены.

11, 12, 13 сентября. Понедельник, вторник, среда. ПАВЕЛ В ГАТЧИНЕ проводит учения (маневры).— По преданию, Суворов однажды (не в этом году) побывал на гатчинских маневрах, но на прямой вопрос великого князя о впечатлении спаяничал по своему обыкновению: «Prince adorable, despote implacable»¹ (*РС, 1872, № 5, с. 770*).

24 октября. Прага, предместье Варшавы. СУВОРОВ В ПОЛЬШЕ «Чтобы вообразить картину ужаса штурма по окончании оно́го, надобно быть очевидным свидетелем. До самой Вислы на всяком шагу видны были всякого звания умерщвленные, а на берегу оной навалены были груды тел убитых и умирающих: воинов, жителей, жидов, монахов, женщин, ребят. При виде всего того сердце человека замирает, а взоры мерзятя таковым позорищем» (*Энгельгардт, с. 294—295*).— **1 января. Воскресенье.** «Манифест о прекращении возникшего в Польше восстания».— «Правление в Варшаве принято в наши руки».— «Суворов пожалован фельдмаршалом» (*Грибовский, с. 84, 83*).

1795

1 гевнабря. Из Петербурга на Каменный Остров, в Павловское, Гатчину и по всем баталионам: «Прикажите у себя поближе смотреть, нет ли или не будет из городу подосланных кого?»

¹ «Князь прекрасный, деспот ужасный» (*франц.*).

ХРОНИКА РАДОСТЕЙ И СКОРБЕЙ

7 января. Воскресенье. Родилась ВЕЛИКАЯ КНЯЖНА АННА ПАВЛОВНА — шестая дочь великого князя Павла Петровича и Марии Феодоровны.—
14 января. Воскресенье. Умерла ВЕЛИКАЯ КНЯЖНА ОЛЬГА ПАВЛОВНА — их пятая дочь.

С весны, по первым проталинам великий князь Павел Петрович с своими домашними (Мария Феодоровна, Нелидова, Кутайсов) переезжал обыкновенно в Павловское, а после тезоименитства Марии Феодоровны (22 июля) и до тезоименитства государыни Екатерины (24 ноября) жил в Гатчине, возвращаясь в свою половину Зимнего дворца только на зиму.— С некоторого времени государыня, надеясь, видимо, на охранительную силу ее воспитательного управления внуками, стала позволять Александру и Константину сначала только приезжать из Сарского Села к родителям в Павловское на ужины, а с 1794-го и в дневные часы, вследствие чего установился новый распорядок родственных отношений великого князя отца с великими князьями сынами: четырежды в неделю они стали посещать его и приобщаться к военному искусству вахт-парадов и плац-учений — оба не без удовольствия, ибо были дети своего родителя.

К СОБЫТИЯМ ВО ФРАНЦИИ

20 мая. Париж. Новые мятежи.— Новые казни.— **22 августа. Париж.** Новая конституция. Новая власть: директория.— **5 октября. Париж.** Новые волнения.— Новый командующий генерал Бонапарт разгоняет мятежников картечью.

К СОБЫТИЯМ В ПОЛЬШЕ

27 ноября. Петербург. «Указ сенату о составлении Курляндской губернии» (по прошению герцога Курляндского «о подвержении Курляндии под державу Российской»);— **14 декабря. Петербург.** «Манифест о присоединении великого княжества Литовского к России».— Окончательное прекращение королевства Польского: «Пруссии досталась Варшава и проч. <48 тыс. км²>, а Австрии Краков и проч. <47 тыс. км²>; России — Курляндия, Самогития, Литва, Воляния и части воеводств Хельмского и Бжестского до Буга <120 тыс. км²>. Наши войска вышли из Варшавы» (*Грибовский, с. 84—85*).

1796

ГАТЧИНСКАЯ КОМАНДА

к 1796 году состояла из:	Офицеры	Нижние чины
— в пехоте 4 батальона и егерская рота	74	1601
— в кавалерии 4 полка	40	584
— в артиллерии	14	214
— Всего, не считая великого князя: 2527	= 128	+ 2399

1 гентабря. Из Петербурга в Гатчину, Павловск, на Каменный Остров по всем батальонам: «Прикажите у себя поближе смотреть, нет ли или не будет из городу подосланных кого?» — **2 гентваря. Середа. Из Петербурга в Гатчину:** «По получении сего имеете вы, г. подполковник Боратынской, арестовать подполковника Пузыревского за его неисправности.— Павел».— **3 гентваря. Четверг. Оттуда же — туда же:** «По получении сего имеете вы, г. подполковник Боратынской, отдать опять палаш подполковнику Пузыревскому.— Павел».— **23 гентваря. Середа. Оттуда же — туда же:** «Подполковника Пузыревского <...> арестовать.— Павел» (*РА, 1870, т. 8, ст. 1440*).— То-то ли будет, как станет царствовать!

Кому править?

ГОСУДАРЫНЯ ПО-ПРЕЖНЕМУ НАМЕРЕНА ЛИШИТЬ СЫНА ПРАВ НА ПРЕСТОЛ И ОБЪЯВИТЬ НАСЛЕДНИКОМ ВНУКА. БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ АЛЕКСАНДРУ ПАВЛОВИЧУ РУССКИМ ЦАРЕМ?

«Мое положение меня вовсе не удовлетворяет. Оно слишком блистательно для моего характера <...>. Придворная жизнь не для меня создана <...>, кровь

портится во мне при виде низостей, совершаемых на каждом шагу для получения внешних отличий, не стоящих, в моих глазах, медного гроша. Я чувствую себя несчастным в обществе таких людей, которых не желал бы иметь у себя и лакеями; а между тем они занимают здесь высшие места, как, например, князь Зубов, Попов, Безбородко, оба графа Салтыковы, Марков и множество других (...). Словом, я сознаю, что не рожден для того высокого сана, который ношу теперь, и еще менее для предназначенного мне в будущем, от которого я дал клятву себе отказаться (...). В наших делах господствует неимоверный беспорядок; грабят со всех сторон; все части управляются дурно; порядок, кажется, изгнан отовсюду, а империя, несмотря на то, стремится лишь к расширению своих пределов. При таком ходе вещей возможно ли одному человеку управлять государством, а тем более исправить укоренившиеся в нем злоупотребления? (...) Мой план состоит в том, чтобы по отречении от этого трудного поприща (...) поселиться с женою на берегах Рейна, где буду жить частным человеком, полагая мое счастье в обществе друзей и изучении природы! (*Великий князь Александр Павлович — В. П. Кочубею, 10 мая 1796. — М. А. Корф. Восшествие на престол императора Николая I. СПб., 1857, с. 228; Кобеко, с. 370—371*).

Март. M-lle NELIDOW ПОКИДАЕТ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ: «Вы знаете вашего друга, Вы знаете, что когда новое чувство овладевает его сердцем, оно господствует над всеми его помыслами. Тогда все, что раньше имело для него значение, все то, что могло быть для него полезно, дорого и приятно, перестает существовать и делается даже тем более для него неудобным, что совесть подсказывает всю его нечестность, и он может забыть, лишь идя далее по пути зла (...). — Наскучив видеть, что его господин доверяет безупречно чистому лицу, (...) Кутайсов поклялся перед людьми, которых считает своими клеветами, (...) что он сумеет дать чувствам своего господина какое будет угодно ему направление. (...) Результат был тот, что мое поклонение и благоговейная привязанность к той, с которой я всегда желала и добивалась видеть великого князя в добрых отношениях, — с его матерью, — эти чувства, столь понятные (...), сделались для него подозрительными. После этого мне стало невозможно никого защищать без того, чтобы не возбуждать подозрений в нашем друге (...). Как только установились подобные отношения, слуга заронил и укрепил мысль завести связи совсем иные, чем те, которые его господин имел со мною» (*M-lle Nelidow — Александру Куракину, 5 мая 1795. — Шумигорский, 1898, с. 55—56*). — Кутайсов направил мысль и чувство великого князя на фрейлину Веригину, Наталию Федоровну — невесту С. И. Плещеева. — Плещеев воспользовался случаем и доложил Павлу о своем намерении жениться на Веригиной. — Тот поздравил и предоставил жениху и невесте достойные своего отношения апартаменты в Павловском и Гатчине. — Нелидова сказала великому князю, что он бесчестит свое имя, посягая на чужое счастье. — Павел, вероятно, намереваясь иметь с Веригиной отношения не менее платонические, чем с Нелидовой, удивился и ответил, что никто не видит ничего дурного в его рыцарском поклонении. — Нелидова была оскорблена изменой и удалилась от великого князя в Смольный монастырь, теперь уже на самом деле, и с апреля не появлялась ни в Павловском, ни в Гатчине.

Апрель. ВОЙНА В ЗАКАВКАЗЬЕ. ЗА СВОБОДУ ПЕРСИИ

«После окончания польских дел и по добровольном присоединении Курляндии к Российской империи прибыл в С.-Петербург персидский хан Муртаза Кулихан, лишенный своих владений Агою Магмет Ханом, захватившим Персидское государство. (...) Поданные от Муртазы Кулихана объяснения еще вяще убедили императрицу в том, что без военных мер невозможно было исторгнуть Персию из рук ее хищника, водворить тем спокойствие, восстановить нашу торговлю и оградить от оскорблений, производящих оную российских подданных (...), вследствие чего дано повеление генералу графу Валериану Зубову (брат Платона) с вверенною ему армиею вступить в Персидские пределы (...). — 17 апреля. **Четверг.** (...) Вскоре за сим город Дербент сдался на капитуляцию, и войска наши двинулись во внутренность земли, не встречая нигде сопротивления» (*Грибовский, с. 63—64*).

Высочайшие юбилеи

21 апреля. ВСЕРАДОСТНЕЙШИЙ ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ГОСУДАРЫНИ ЕКАТЕРИНЫ, САМОДЕРЖИЦЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ: Исполнилось 67 лет

Высочайшие роды

25 июня. Среда. Родился великий князь НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧ — третий сын великого князя Павла Петровича и Марии Феодоровны; будущий (с 14 декабря 1825) император всероссийский.

29 июня. О ВОСШЕСТВИИ НА ПРЕСТОЛ ИМПЕРАТОРА ПАВЛА. Слух «В самый Петров день в Елисаветграде на ярмарке, с произношением: *жак*¹, а в смятении народном некоторые пьяные стремились грабить; однако, как говорят, ничего важного не произошло. Но от кого именно начало возымел сей слух, не доискано, а видно, глас народа — глас Божий. Потом таким же образом было в Херсоне, в Николаеве и в других местах» (*донесение вознесенского губернского стряпчего уголовных дел К. Лохвицкого — генерал-прокурору А. Куракину, начало 1797 — Ключков, с. 260*).

29 июля. Вторник. СТО ДНЕЙ ИМПЕРАТРИЦЕ ЕКАТЕРИНЕ осталось жить на этом свете.— И в июле она предлагает Марии Феодоровне подписать акт об отстранении Павла от престола и назначении наследником Александра.— Мария Феодоровна в ужасе отказывается.

20 сентября. Суббота. Гатчина: ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ ПАВЛУ — 42 ГОДА *Астрологический комментарий:* «Родившийся между 15 дня сентября до 13 октября <...>, если благополучно проживет 42 год, то будет жить до 99 лет» (*Новый и полный астрономический телескоп... М., 1819; М., 1991, с. 37*).

Октябрь. Петербург. «ВТИХОМОЛКУ, ОДНАКО, ГОВОРИЛИ, что 1 января 1797 года должен быть обнародован весьма важный манифест».— «Носившаяся до того молва, якобы не намерена она <государыня> была оставить престол свой своему сыну, а в наследники по себе назначала своего внука, подавала повод многим опасаться, чтоб чего-нибудь тому подобного при кончине государыни не последовало» (*Саблуков, с. 19; Болотов, с. 169*).

1, 2, 3 ноября. НАКАНУНЕ

В Польше все спокойно; новых мятежей нет.— В Закавказье и на Каспийском море корпус Валериана Зубова готовится к дальнейшему завоеванию Персии.— В Англии первый министр Питт замышляет новую всеевропейскую коалицию против Франции с присоединением к оной турков.— Франция продолжает освобождение Европы от власти тиранов и завоевывает потихоньку Итальянский полуостров под командованием генерала Бонапарта.

Те же числа. КОГДА ЖЕ ПРИДЕТ НАСТОЯЩИЙ ДЕНЬ?

«Великий князь отец продлит нынче пребывание в Гатчине и останется там до нового года. Он занят обычными своими <военными> упражнениями и живет, утешаясь тем, что очередной день пережит — и слава Богу; ход времени тяготит его. Надо сказать, его положение неприятно во всех отношениях. Он должен постоянно испытывать собственное терпение, ничего хорошего в этом нет» (*Ростопчин — Воронцову, 5 ноября 1796, утро — Ростопчин, с. 155*).

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ ЖИЗНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II И ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ЦАРСТВОВАНИЯ ИМПЕРАТОРА ПАВЛА I

4 ноября. Вторник. Вечер. «Императрица <...>, по обыкновению, принимала свое общество в спальном комнате, разговаривала очень много о кончине сардинского короля и страшала смертью Льва Александровича Нарышкина <...>.

5 ноября. Среда. Утро. Зимний дворец <...>. Мария Савишна Перекусихина, вошедши, по обыкновению в 7 часов утра, к Императрице, для пробуждения ея, спросила, каково она почивала, и получила в ответ, что давно такой приятной ночи не проводила, и за сим Государыня, встав с постели, оделась, пила кофе и,

¹ Ж а к — «расхват, нарасхват, шерाप, ура. *На базар жак!* — кинулись все и расхватали что с лотка; *взять что на жак* — разграбить, расхватать» (В. И. Даль. Толковый словарь. Т. I, М., 1880, с. 524).

побыв несколько минут в кабинете, пошла в гардероб» (*Ростопчин, с. 158—159*) — «по позыву естественной нужды» (*Державин, с. 180*). «В сей день она слишком полчаса не выходила из гардероба, и камердинер Тюльпин, вообразив, что она пошла гулять в Эрмитаж, сказал о том Зотову; но этот, посмотрев в шкаф, где лежали шубы и муфты Императрицы (кои она всегда сама вынимала и надевала, не призывая никого из служащих), и видя, что все было в шкафе, пришел в беспокойство и, пообождав еще несколько минут, решил идти в гардероб, что и исполнил. Отворя дверь, он нашел Императрицу лежащую на полу, но не целым телом, потому что место было узко и дверь затворена, а от этого она не могла упасть на землю. Приподняв ей голову, он нашел глаза закрытыми, цвет лица багровый, и была хрипота в горле. Он призвал к себе на помощь камердинеров, но они долго не могли поднять тела по причине тяжести и оттого, что одна нога подвернулась. Наконец, употребля еще несколько человек из комнатных, они с великим трудом перенесли Императрицу в спальную комнату, но, не в состоянии будучи поднять тело на кровать, положили на полу, на сафьянном матрасе. Тотчас послали за докторами <...>. Прошло с час времени. Первый из докторов приехал Рожерсон. Он пустил в ту же минуту кровь, которая пошла хорошо; приложил к ногам шпанские мухи, но был, однако же, с прочими докторами одного мнения, что удар последовал в голову и был смертельный <...>».

5 ноября. 1-й час пополудни. Зимний дворец <...> К великому князю-наследнику <...> послан был с извещением граф Николай Александрович Зубов <...>.

5 ноября. 2-й час пополудни. Гатчина <...> В тот самый день Наследник кушал на гатчинской мельнице, в 5 верстах от дворца его. Пред обедом <...> великий князь и великая княгиня рассказывали Плещееву, Кушелеву, графу Виельгорскому и камергеру Бибикову случившееся с ними тою ночью. Наследник чувствовал во сне, что некая невидимая и сверхъестественная сила возносила его к небу. Он часто от этого просыпался, потом засыпал и опять был разбужаем повторением того же самого сновидения; наконец, приметив, что великая княгиня не почивала, сообщил ей о своем сновидении и узнал, к взаимному их удивлению, что и она то же самое видела во сне и тем же самым несколько раз была разбужена <...>.

5 ноября. 3-й час пополудни. Гатчина <...> По окончании обеденного стола, когда Наследник со свитою возвращался в Гатчину, <...> прискакал к нему на встречу один из его гусаров с донесением, что приехал в Гатчину шталмейстер граф Зубов с каким-то весьма важным известием <...>» (*Ростопчин, с. 158—161*).— Адъютант Павла Н. О. Кутлубицкий живописал эту сцену известным анекдотом: будто бы великий князь спросил у гусара, сколько Зубовых приехало, и, услыша, что только один, сказал, перекрестившись: «С одним можно справиться» (*РА, 1866, с. 1309*).— «Наследник приказал скорее ехать и не мог никак вообразить себе истинной причины появления графа Зубова в Гатчине. <...> По приезде Наследника в Гатчинский дворец, граф Зубов был позван к нему в кабинет и объявил о случившемся с Императрицею, рассказав все подробности. После сего Наследник приказал наискорее запрячь лошадей в карету и, сев в оную с супругою, отправился в Петербург, а граф Зубов поскакал наперед в Софию для заготовления лошадей <...>».

5 ноября. 4-й час пополудни. Петербург. <...> великий князь Александр Павлович был в слезах, и черты лица его представляли великое душевное волнение. Обняв меня несколько раз, он <...> убедительно просил ехать к Наследнику для скорейшего извещения, прибавив, что, хотя граф Николай Зубов и поехал в Гатчину, но я лучше от его имени могу рассказать о сем несчастном происшествии.— Доехав домой на извозчике, я велел запрячь маленькие сани в три лошади и чрез час прискакал в Софию. <...>

5 ноября. 7-й час вечера. София, почтовая станция на половине пути из Петербурга в Гатчину. <...> Тут первого увидел я графа Николая Зубова, который, возвращаясь из Гатчины, шумел с каким-то человеком, приказывая ему скорее выводить лошадей из конюшни. Хотя и вовсе не было до смеха, однако же тут я услышал нечто странное. Человек, который шумел с графом Зубовым, был пьяный заседатель. Когда граф Зубов, по старой привычке обходиться с гражданскими властями как с свиньями, кричал ему: «Лошадей, лошадей! Я тебя запрягу под Им-

ператора!» — тогда заседатель весьма манерно, пополам учтиво и грубо, отвечал: «Ваше сиятельство, запрячь меня не диковинка, но какая польза? Ведь я не повезу, хоть до смерти изволите убить. Да что такое Император? Если есть Император в России, то дай Бог ему здравствовать; буде Матери нашей не стало, то ему виват!» Пока граф Зубов шумел с заседателем, прискакал верхом конюшенный офицер, майор Бычков, и едва он остановил свою лошадь, показались фонари экипажа в восемь лошадей, в котором ехал Наследник. Когда карета остановилась и я, подошед к ней, стал говорить, то Наследник, услышав мой голос, закричал: «А, c'est vous, mon cher Rostopschin!» За сим словом он вышел из кареты и стал разговаривать со мною, расспрашивая подробно о происшедшем. Разговор продолжался до того времени, как сказано, что все готово; садясь в карету, он сказал мне: «Faites moi le plaisir de me suivre; nous arriverons ensemble. J'aime à vous voir avec moi»¹. Сев в сани с Бычковым, я поскакал за каретою. От Гатчины до Софии встретили Наследника 5 или 6 курьеров, все с одним известием от великих князей, от графа Салтыкова и прочих <...>.

5 ноября. 8-й час вечера. София — Петербург. <...> Попались еще в встречу около 20 человек разных посланных. <...> Не было ни одной души из тех, кои, действительно или мнительно имея какие-либо сношения с окружающими Наследника, не отправили бы нарочного в Гатчину с известием; между прочим, один из придворных поваров и рыбный подрядчик наняли курьера и послали.— Проехав Чесменский дворец, Наследник вышел из кареты. Я привлек его внимание на красоту ночи. Она была самая тихая и светлая; холода было не более 3°; луна то показывалась из-за облаков, то опять за оные скрывалась. Стихии, как бы в ожидании великой перемены в свете, пребывали в молчании, и царствовала глубокая тишина. Говоря о погоде, я увидел, что Наследник устремил взгляд свой на луну, и при полном ее сиянии мог я заметить, что глаза его наполнились слезами и даже текли слезы по лицу. <...> Я не мог воздержаться от повелительного движения и, забыв расстояние между ним и мною, схватя его за руку, сказал: «Ah, Monseigneur, quel moment pour Vous!» На это он отвечал, пожав крепко мою руку: «Attendez, mon cher, attendez. J'ai vécu quarante deux ans. Dieu m'a soutenu; peut-être, donnera-t-Il la force et la raison pour supporter l'état, au quel Il me destine. Espérons tous de Sa bonté» <...>².

5 ноября. 9-й час вечера. Петербург. <...> Вслед за сим он тотчас сел в карету и в 8 1/2 часа вечера въехал в С.-Петербург, в котором еще весьма мало людей знали о происшедшем.— Дворец был наполнен людьми всякого звания <...>, все с трепетом ожидали окончания одного долговременного царствования для вступления в другое, совсем новое. <...> Повторялись вопросы то о часе кончины, то о действии лекарств, то о мнении докторов. Всякой рассказывал разное, однако же общее было желание иметь хоть слабую надежду к ее выздоровлению.— Вдруг пронесся слух (и все обрадовались), будто Государыня при отнятии шпанских мух открыла глаза и спросила пить; но потом, чрез минуту, возвратились все к прежнему мнению, что не осталось ожидать ничего, кроме часа ее смерти» (*Ростопчин*, с. 161—164).— «Ее тело еще жило, но сознание умерло: в мозгу прервалась жила» (*Головина*, с. 154).— «Наследник, зашед на минуту в свою комнату в Зимнем дворце, пошел на половину Императрицы. Проходя сквозь комнаты, наполненные людьми, ожидающими востшествия его на престол, он оказывал всем вид ласковый и учтивый <...>, расспрося о всех подробностях происшедшего, он пошел с супругою в угольный кабинет <...>.

Ночь с 5 на 6 ноября. Зимний дворец <...> и туда призывал тех, с коими хотел разговаривать или коим что-либо приказывал» (*Ростопчин*, с. 164—165).— «Великий Князь Павел расположился в кабинете за спальней своей матери, так что все, кому он давал распоряжения, проходили мимо Государыни, еще не умершей, как будто ее уже не существовало» (*Головина*, с. 157).— «Павел тотчас же вытребовал к себе из Гатчины полковника Аракчеева. Аракчеев, получив прика-

¹ «Ах, мой милый Ростопчин!.. Сделай мне удовольствие: следуй за мной; мы прибудем вместе. Я люблю, когда ты рядом» (*франц.*).

² «Ах, Государь, какая минута для Вас!» — «Не сглазь, мой друг, не сглазь. Я прожил 42 года. Бог уберег меня и, быть может, даст мне сил и ума обустроить государство, для коего Он меня предназначил. Положимся на Его благость» (*франц.*).

зание, немедленно прискакал в Петербург, как был, в одном мундире, не взявши с собою решительно никаких вещей <...>. Павел принял его очень милостиво, тотчас же произвел в генералы и назначил комендантом Петербурга; наследник же престола, Александр Павлович, назначен Петербургским военным генерал-губернатором. Павел поставил их рядом, соединил им руки и сказал: <...> «Будьте вы оба вечными друзьями!» (*Сигунов, с. 241; Мартос, с. 301; Аракчеев так гнал, что был весь в пыли и грязи.— Александр Павлович, видя сие, дал ему свою чистую рубашку.— Аракчеев хранил рубашку всю жизнь и завещал похоронить себя в ней*).

6 ноября. «На рассвете, чрез 24 часа после удара, пошел Наследник в ту комнату, где лежало тело Императрицы. Сделав вопрос докторам, имеют ли они надежду, и получа в ответ, что никакой, он приказал позвать преосвященного Гавриила с духовенством читать глухую исповедь и причастить Императрицу Святых Таинств, что и было исполнено» (*Ростопчин, с. 165*).— «Под утро был получен приказ надеть русские платья. Это означало, что Государыня кончалась» (*Головина, с. 158*).

6 ноября. Утро. «Между тем все ежеминутно ожидали конца жизни Императрицы, и дворец более и более наполнялся людьми всякого звания» (*Ростопчин, с. 166*). «Я вошел в залу и столько же поражен был удивлением, сколько удручен печалью. <...> Знаменитейшие особы, первостепенные чиновники, управлявшие государственным делами, стояли как бы уже лишенные должностей своих и званий, с поникнутою головою <...>. Люди малых чинов, о которых день тому назад никто не помышлял, никто почти не знал их,— бегали, повелевали, учреждали» (*Шишков, с. 9*); «великие князья Александр и Константин были уже в мундирах тех баталионов, коими они командовали в Гатчинском модельном войске <...>».

6 ноября. <...> **В час пополудни** в коридоре, за спальною комнатою, накрыли стол, за которым Наследник и его супруга кушали двое <...>.

6 ноября. <...> **В три часа пополудни** приказано было вице-канцлеру, графу Остерману, ехать к графу Маркову, забрать все его бумаги по иностранным делам, запечатать и привезти; но не знаю, из чего граф Остерман вздумал, что препоручение привезти бумаги налагало на него обязанность, чтобы он сам внес их во дворец; а как оне были завязаны в две скатерти, то Остерман сквозь все комнаты дворца тащил эти две кипы бумаг точно так, как дети, играя, таскают маленькие салазки, нагруженные не по силам их.— Наследник приказал обер-гофмаршалу князю Барятинскому <Федору, Петроубийце> ехать домой, должность его поручил графу Шереметеву» (*Ростопчин, с. 166—167*).— «Княгиня Долгорукая просила Государя помиловать ее отца, князя Барятинского, но получила отказ <...>. Император ответил: «У меня тоже был отец, сударыня!» (*Головина, с. 167*).— «С трех часов пополудни слабость пульса у Императрицы стала гораздо приметнее; раза три или четыре думали доктора, что последует конец; но крепость сложения и множество сил, борясь со смертию, удерживали и отдаляли последний удар.— Тело лежало в том же положении, на сафьянном матрасе, недвижно, с закрытыми глазами. Сильное хрипение в горле слышно было и в другой комнате <...>».

6 ноября. 10-й час вечера. Зимний дворец. Рожерсон, войдя в кабинет, в коем сидели Наследник и супруга его, объявил, что Императрица кончается. Тотчас приказано было войти в спальную комнату великим князьям, княгиням и княжнам, Александру и Елене, с коими вошла и статс-дама Ливен, а за нею князь Зубов, граф Остерман, Безбородко и Самойлов. Сия минута до сих пор и до конца жизни моей пребудет в памяти моей незабвенною. По правую сторону тела Императрицы стояли Наследник, супруга его и их дети; у головы призванные в комнату Плещеев и я; по левую сторону доктора, лекаря и вся услуга Екатерины. Дыхание ее сделалось трудно и редко; кровь то бросалась в голову и переменяла совсем черты лица, то, опускаясь вниз, возвращала ему естественный вид. Молчание всех присутствующих, взгляды всех, устремленные на единый важный предмет, отдаление на сию минуту от всего земного, слабый свет в комнате — все сие обнимало ужасом, возвещало скорое пришествие смерти. <...>

6 ноября. <...> **Ударил первая четверть одиннадцатого часа.** Великая Екатерина вздохнула в последний раз и, наряду с прочими, предстала пред суд Всевышнего» (*Ростопчин, с. 169—170*).— «Екатерина великая не существует! Слова ужасные!»

(Грибовский, с. 33). — «Российское солнце погасло! Екатерина Вторая — телом во гробе, душою во небесах! Павел Первый воцарился» (Шшиков, с. 9).

6 ноября. 11-й час вечера. «Сын Ея и Наследник, наклоня голову пред телом, вышел, заливаясь слезами, в другую комнату; спальная комната в мгновение ока наполнилась воплем женщин, служивших Екатерине. <...> Слезы и рыдания не простирались далее той комнаты, в которой лежало тело Государыни. Прочие наполнены были людьми знатными и чиновными, которые во всех происшествиях, и счастливых, и несчастных, заняты единственно сами собой, а сия минута для них всех была тем, что страшный суд для грешных. Граф Самойлов, вышедши в дежурную комнату, натурально с глупым и важным лицом, которое он тщетно принуждал изъяслять сожаление, сказал: «Милостивые государи! Императрица Екатерина скончалась, а государь Павел Петрович изволил взойти на Всероссийский престол». Тут некоторые (коих я не хочу назвать не потому, что забыты были мною имена их, но от живого омерзения, которое к ним чувствую) бросились обнимать Самойлова и всех предстоящих, поздравляя с Императором. Оберцеремониймейстер Валуев пришел с докладом, что в придворной церкви все готово к присяге. Император со всею фамилиею, в сопровождении всех съехавшихся во дворец, изволил пойти в церковь <...>»

6 ноября. Половина 12-го ночи. <...> пришедши, стал на императорское место, и все читали присягу вслед за духовенством. После присяги императрица Мария, подошедши к Императору, хотела броситься на колена, но была им удержана, равно как и все дети. За сим каждый целовал Крест и Евангелие и, подписав имя свое, приходил к Государю и к Императрице к руке. <...> Таким образом кончился последний день жизни императрицы Екатерины» (Ростопчин, с. 170—171, 174).

7 ноября. Первый час ночи.

ПАВЕЛ ПЕРВЫЙ, ИМПЕРАТОР И САМОДЕРЖЕЦ ВСЕРОССИЙСКИЙ: МОСКОВСКИЙ, КИЕВСКИЙ, ВЛАДИМИРСКИЙ, НОВГОРОДСКИЙ, ЦАРЬ КАЗАНСКИЙ, ЦАРЬ АСТРАХАНСКИЙ, ЦАРЬ СИБИРСКИЙ, ЦАРЬ ХЕРСОНЕСА-ТАВРИЧЕСКОГО, ГОСУДАРЬ ПСКОВСКИЙ И ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ СМОЛЕНСКИЙ, ЛИТОВСКИЙ, ВОЛЫНСКИЙ И ПОДОЛЬСКИЙ, КНЯЗЬ ЭСТЛЯНДСКИЙ, ЛИФЛЯНДСКИЙ, КУРЛЯНДСКИЙ И СЕМИГАЛЬСКИЙ, САМОГИЦКИЙ, КОРЕЛЬСКИЙ, ТВЕРСКИЙ, ЮГОРСКИЙ, ПЕРМСКИЙ, ВЯТСКИЙ, БУЛГАРСКИХ И ИНЫХ: ГОСУДАРЬ И ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ НОВАГОРОДА НИЗОВСКИЯ ЗЕМЛИ, ЧЕРНИГОВСКИЙ, РЯЗАНСКИЙ, ПОЛОЦКИЙ, РОСТОВСКИЙ, ЯРОСЛАВСКИЙ, БЕЛООЗЕРСКИЙ, УДОРСКИЙ, ОБДОРСКИЙ, КОНДИЙСКИЙ, ВИШЕПСКИЙ, МСТИСЛАВСКИЙ И ВСЕЯ СЕВЕРНЫЯ СТРАНЫ, ПОВЕЛИТЕЛЬ И ГОСУДАРЬ ИВЕРСКИЯ ЗЕМЛИ, КАРТАЛИНСКИХ И ГРУЗИНСКИХ ЦАРЕЙ И КАБАРДИНСКИЯ ЗЕМЛИ, ЧЕРКАССКИХ И ГОРСКИХ КНЯЗЕЙ И ИНЫХ НАСЛЕДНЫЙ ГОСУДАРЬ, НАСЛЕДНИК НОРВЕЖСКИЙ, ГЕРЦОГ ШЛЕЗВИГ-ГОЛШТИНСКИЙ, СТОРМАРНСКИЙ, ДИТМАРСЕНСКИЙ И ОЛЬДЕНБУРГСКИЙ, ГОСУДАРЬ ЕВЕРСКИЙ И ВЕЛИКИЙ МАГИСТР ДЕРЖАВНОГО ОРДЕНА СВЯТОГО ИОАННА ИЕРУСАЛИМСКОГО И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ.

Взбреди российскому императору на ум сжечь Санкт-Петербург, никто не скажет ему, что деяние это сопряжено с некоторыми неудобствами, что даже в холодном климате нет нужды в столь большом костре; нет, все промолчат, в крайнем случае, поданные убьют своего государя (что, как известно, нимало не означает, чтобы они не питали к нему почтения) — но и тут никто не проронит ни слова.

Жозеф де Местр, с. 160

«Был составлен манифест, в котором оповещалось для всеобщего сведения о кончине императрицы Екатерины и о вступлении на престол императора Павла I <...>. Сенат и синод были в сборе и все войска под ружьем» (Саблуков, с. 21). —

«После полуночи были собраны все гвардейские полки на своих полковых дворах для присяги вступившему на престол императору Павлу I» (*Волконский, с. 179*).

7 ноября. «В течение ночи выпал глубокий снег, а к утру настала оттепель и пошел мелкий дождь» (*Саблуков, с. 22*).— «Я пошел на Дворцовую площадь, <...> увидел ходящих близ средних ворот Зимнего дворца нескольких офицеров <...>, пошел к ним из любопытства; каково же было мое удивление видеть самого наследника <Александра Павловича>, в 2 часа ночи, в мундире лейб-гвардии Семеновского полка нового <гатчинского> покроя, в андреевской ленте и шарфе по кафтану и с ним вновь назначенного Санкт-Петербургским комендантом генерал-майора Аракчеева <...>, расставляющих новые пестрые будки и часовых» (*Волконский, с. 178—179*).— «Едва мы дошли до дворцовой площади, так уже нам сообщено было множество новых распоряжений» (*Саблуков, с. 22*).— «Всякий час, всякий момент возвещал мудрую перемену, справедливую кару, заслуженную милость: двор и город остолбенели от изумления» (*Массон, с. 89*).— «Зубов утверждён во всех своих должностях. Его брат Николай награждён орденом Андрея Первозванного. Граф Салтыков и князь Репнин произведены в генерал-фельдмаршалы» (*Ростопчин — С. Р. Воронцову, 10 ноября 1796. — АкВ, т. 8, кн. 1, с. 175*).

Окончание впрёдъ

ГОТФРИД БЕНН

Фрагменты

С НЕМЕЦКОГО. ПЕРЕВОД СЕРГЕЯ МОРЕЙНО

Тень на стене

Ветвистую тень на стене
треплет полуденным ветром,
достаточно земная вещь,
в то же время, в оптическом смысле,
предполагающая достаточное участие
в небесных играх.

Ты намереваешься пойти дальше? Я бы
противился напору вдруг
хлынувших впечатлений —

молча лечь,
наблюдать собственные угодья,
почти поместье,
на целую вечность
застряв среди маков,
тем более незабвенных,
ибо они несли лето —

куда же еще?

Некто в старости

I

Не надраивай так каминные изразцы, Хендрикье,
и без этого пьянеет мой взор,
пьянеет послушно —
хотя есть нужда и в прочих напитках —
там вон статуя Будды,
китайское божество перелесков,
против порции Hulstkamp,
ну!

До сих пор ни одного мазка
молочно-белого или голубизной лыжни,
или ирландской зелени,
которую пробивает пурпур —
вечная моя однотонность,
мой теневой прилив —
не очень выгодно
всю жизнь неуклонно следовать этим путем.

¹ Готфрид Бенн (1886—1956) — один из крупнейших поэтов XX века, представитель самого мощного в Германии литературно-художественного течения — экспрессионизма. Единственный выдающийся художник слова, принявший фашизм. И вскоре — глубоко разочаровавшийся в нем. Его творчество было под запретом в гитлеровской Германии. После войны — властитель дум в молодой западногерманской поэзии.

Величие — где?
Хватаю грифель,
и вот уже знакомые образы сходят
с бумаги, холста
и брэнной мануфактуры —
результат: бронза Будды за чистый спирт —
но присяга под фикусами,
застолье красильщиков —
что за жанр!

...Трещотки,
попискивающие овечки,
переводные картинки,
фламандочки, рубенсики
внучатам
(таким же кретинам!).

А — Hulstkamp —
тинктура огня,
средоточие цвета,
мой коричнево-тенево́й —
флюиды щетины около глаз и сердца —

II

Дымит камин
— отхаркивается фаянсовый гусь —
поленья сыры,
промоглая ночь, тьма помолвлена со сквозняками —
довольно видений,
роскошный владчеству́ет
на Земле персиковый навал, четыре розочки
в год —
россыпью,
выведенных на подмости
вот этой рукой,
скукоженной,
в склеротических венах!

Все Джульетты, Офелии,
властолюбивы, нежны, порой кровожадны —
все податливые уста, стоны,
которыми я столь искусно манипулирую —
первые актрисы давно испарина, дым,
продукты распада, ржавчина, пудинг для крыс —
да и сердечный друг отправился к праотцам.

Эпоха вешает в шкаф сюртук.
Черепушки милордов и конюхов,
ход их мысли,
вывернутой мной наизнанку,—
господа хорошие протагонисты
все сплошь рого- и венценосцы,
королевства вселенной летят
бумажными змеями и нетопырями!

Недавно мне написал сэ́р Гон:
«The Rest is Silence»¹: —

¹ «Остальное — молчание» (англ.) — Шекспир, «Гамлет».

я думаю, про меня,
 конечно же, про меня,
 мертв Дант — такая-то плешь
 посреди двух столетий
 вплотную к образчикам моего красноречия —

но, если бы не они,
 не были б взбиты перины,
 ярмарки, плахи и бубенцы
 так бы не разгорались —
 провалы?? Скорее уж дупла,
 но мощная обезьянья челюсть
 мелет свою муку
 из тьмы, помолвленной со сквозняками,—
 поленья сыры,
 а на стене
 в портретной раме похрапывает дворецкий.

Вспомни напрасных

Когда отчаяние
 — которому ты лучшими часами, кстати,
 свободно походкой и дарами типа
 похмелья, утренней звезды и перемен,
 порою головокружительных,
 обязан —
 когда отчаяние,
 пылая гневом и неся угрозу
 из непостижимости,
 испытывает на тебе свою власть:

вспомни напрасных,
 их сладкие виски, интровертный облик
 преданных забвению,
 они не подавали надежд,
 зато так же любили цветы:
 и то сокрытое
 со скомканной вдруг усмешкой
 вносили в свое маленькое небо,
 которое сразу же гасло.

Статичные стихи

Непричастность к развитию —
 вот сокровенное мудрости,
 не забавляющейся
 внуками и детьми,
 холодно-невозмутимой.

Дороги ветвятся,
 скрещиваются,
 развилки и вилки ^{но}
 сугубые признаки ^и
 страдающего ^имиоидией.
 За моим окном
 — произносит мудрец —
 распростерлась долина,

в ней скапливаются тени,
два тополя означают путь,
ты знаешь — куда.

Относительность
есть лишь эвфемизм статичности:
линии проведены,
их можно продлить,
исходя из развития отростков —
ростки сублимируются —
также рои, стаи галок,
взвешенные в утренней красноте зимнего неба,

затем опадают —

ты знаешь — отчего.

64

Фрагменты

Фрагменты,
душевная экскреция,
кровавый плевок имеющего длиться столетия —

рубцы — прерванная беременность утра творения,
могущественные религии пятью веками размолоты в прах,
наука: подкопы под Парфенон,
Планк вместе с механикой квантов
рыдает в объятиях Кеплера и Кьеркегора —

однако случаются вечера, выдержанные в тонах
Отца всего сущего, зыбки, расплывчаты,
но неколебимы в своем молчанье
струящейся голубизны,
цвета всеотрешенности,
когда складывают
на коленях руки, так
по-крестьянски просто,
и предаются тихому пьянству
под наигрыш гармоники батрака —

и прочие,
затравлены внутренними неустройствами,
клаустрофобией,
экспрессией пластических форм
или любовной охотой.

Паралич чувств вкупе с припадками эротичности:
фигура сегодняшнего дня,
воплощенный вакуум,
лишь костюмом
обнаруживающий непрерывность личности,
сидящим, при условии качества ткани, лет десять.

Остальное — фрагменты,
вполголоса,
зачатки мелодий из окон дома напротив,
спиричуэлз
или же Аве Мария.

О. БЛОЦКИЙ

Ночной патруль

РАССКАЗ

Лейтенант только-только пришел на батарею, а солдат отслужил в ней два года, был «дембелем» и считал последние предотъездные дни. Может быть, он и уступил бы командиру взвода, вернул деньги молодым, но события разворачивались на глазах у всего подразделения. Дембель не только не пятился назад, но еще больше наглед, опустив левую руку в карман, а правой лениво скреб грудь.

Короче говоря, нашла коса на камень, и лейтенант не сдержался.

Он выбросил правую руку вперед, метя солдату в челюсть. Дембель оказался на удивление проворным — постарался увернуться, дернулся, но неудачно. Железный кулак, скользнув по лицу, пришелся как раз на кадык.

Дембеля бросило на взводного. Тот сделал шаг в сторону, и солдат рухнул на пол, захрипев и покрываясь потом. Кровь брызнула из носа и ушей. На раскрытых губах распустилась причудливым цветком розовая пена.

Облепившие место стычки солдаты, которые минуту назад радостно перемигивались, теперь топтались в нерешительности и вопросительно тарасили глаза на командира.

— Плащ-палатку, — скомандовал лейтенант, склоняясь к неподвижному телу.

На брезент уложили полумертвого дембеля и бегом потащили его в санчасть.

Начальник штаба полка разъяренно мерял шагами кабинет и орал так, что тряслись стаканы на тарелочке возле графина.

— Ты убить его мог, идиот! Ладно, вправили ему горло! А если перелом? Сил много? В горы корректировщиком¹ ходи!

— Да я...

— Молчать! — рубанул кулаком по столу подполковник.

Стаканы разом подскочили и покатались по полированной поверхности. Комбат — начальник лейтенанта — подлетел к столу, поймал стаканы, вернул их на место и замер рядом с лейтенантом, белым, как потолок в операционной, где оживляли дембеля.

Начштаба вновь заметался по кабинету. Казалось, он набирает начальную скорость, чтобы, разогнавшись, головой выбить кондиционер и умчаться в голубое поднебесье.

— Нет, я так больше не могу! Одни ублюдки из Союза приходят! В первом бате Храпов едва должность принял, как на чарс² его потянуло. Нет чтобы дураку у такого же бестолкового офицера попросить, так он солдату приказ отдает. Приказываю, мол, достать. Тот и достал — в особом отделе. Стукачом боец оказался — в школу КГБ поступать хочет. Плюсы себе набирает — стучит на офицеров, скотина. А Узгенов? Под обстрел раза два попал на заставе, понял, чем это пахнет, и ногу себе прострелил. Под дурака решил закосить — осколком мины ранило. Теперь этот, мордovorот, своих подчиненных гробит.

¹ Офицер-артиллерист. На операциях идет впереди, засекая огневые точки противника и передавая их координаты своей артиллерии.

² Наркотик, анаша.

Что, сильный? — теснил лейтенанта в угол подполковник с искаженным лицом. — Сильный, да? Говори! Не молчи, Сигов!

Лейтенант опустил глаза и сделал едва заметный шаг назад.

— Никак нет, — промямлил он, не решаясь смотреть в глаза подполковнику.

— Никак нет! — взвился начштаба. — А почему? Как? Сколько раз предупреждал: не умеете бить морды слонам — не беритесь. А если взялся, делай так, чтоб никто не видел, не знал. Этот же у всего полка на глазах! Ну, ничего, — затряс желтым от никотина пальцем начштаба, — ты мне ответишь за это, паскуда! Партбилет на стол положишь, и из Афгана мы тебя вышибем, как этих дурачков — Храпова и Узгенова. В Союзе будешь служить, а может, напрямую в народное хозяйство.

Лейтенант побледнел.

— Това... Товарищ подполковник! Я прошу, очень прошу, — забормотал Сигов, — ... умоляю вас — не надо в Союз!

— Что? Позора боишься? — вытянул губы трубочкой начштаба.

— Не надо, товарищ подполковник. На самую опасную заставу переведите, в самые тяжелые колонны посылайте, но в Союз не надо. Стыдно в Союз, товарищ подполковник! — голос лейтенанта дрожал.

— А солдата по лицу бить не стыдно? — взвизгнул начштаба.

Ругань и зубовой скрежет вновь обрушились на лейтенанта. Подполковник орал, широко раскрыв рот, и фанерные стены комнаты вибрировали. Начштаба бегал вокруг стола, и тот покачивался, припадая то на одну, то на другую сторону. Подполковник приближался к Сигову, подносил сжатый кулак с редкими белесыми волосиками и тыкал им в лицо лейтенанту.

Сигов стоял, как изваяние, ни разу не шелохнулся, только часто хлопая глазами. Решил, наверное, перенести все, только бы остаться в Афгане.

Когда начштаба, задыхаясь, стал чертить круги возле офицеров с меньшей скоростью, за дело принялся опытный, тертый капитан Горбунов. Его внезапно одолел кашель, и он поднес руку ко рту.

Подполковник, громко дыша, схватил графин и стал хлебать воду прямо из горлышка.

— Гхе, гхе, гхе, — вновь зашелся в кашле Горбунов.

Запрокинувший голову подполковник скосил глаза. Комбат перехватил взгляд и тут же неторопливо начал.

Слова его покатались медленно, спокойно, размеренно и даже чуточку скорбно:

— Товарищ подполковник, Сигов, безусловно, идиот. Он запятнал честь батареи, полка, и прощения ему нет. Но если разобраться, то Маркова убить мало. Отпетый негодяй, слово даю.

Начштаба грохнул графин на стол и обреченно махнул рукой.

— И ты туда — покрывать своего. Хороша компания, нечего сказать.

— Никак нет, — возразил Горбунов. — Вы Маркова не знаете. Он у молодых деньги забирал. Сигов увидел, вмешался. Так этот подлец и бровью не повел. Деньги не отдал и еще куражиться начал: «Вы кто такой? Я в Афгане два года, а вы три недели», — повторил капитан и продолжил, как бы размышляя сам с собой: — За такие слова, по моему мнению, убивать надо. Что будет, если каждый бойчишка начнет считать свои заслуги? Да было бы что считать! Паршивец в каких-то задрипанных колоннах побывал, на несколько операций сходил и мнит себя героем. Конечно, если бы там был я или кто-нибудь другой из офицеров батареи, подобных бы разговоров не было. А Сигов что? Опыта маловато. Вот и решил Марков над ним поиздеваться, при всех, замечу. Как после этого взводному работать? Подонок на дембель уйдет, а другие-то останутся. И что, тоже будут боевые считать?

Подполковник вонзил взгляд в лейтенанта.

— Так и было?

Сигов вытянулся кивнув.

Начштаба дергал себя за ухо. Горбунов продолжал обволакивать его спокойной, вкрадчивой речью:

— Не сдержался взводный. За это мы его накажем. Обязательно. Что так

получилось — с кровью, — это не по злобе. Сигов сам по себе парень хороший. Работает как вол. Вышлем в Союз — кто придет? Сами знаете, сейчас там все вольнят. Выдернуть кого-то сюда — мертвое дело. Все тут же оказываются многодетными, больными, хромыми или такими покалеченными, что их в гроб пора паковать. А Сигов парень здоровый, — начштаба и капитан почти одновременно рассмеялись, — холостой. По дому не тоскует, голову всякой дурью не забивает — день-деньской, как белка в колесе, во все вникнуть пытается. Может, дадите ему испытательный срок, товарищ подполковник? Посмотрим. Если что не так — вышвырнем, и дело с концом.

Начштаба осклабился, обнажая передние, потемневшие от постоянного курения, зубы.

— Баюн ты, Горбунов. Без мыла в задницу влезешь. Почему в замполиты не пошел?

— Потому что совесть до конца не потерял, — откровенно признался комбат.

Подполковник, как и любой другой офицер, вкалывающий от раннего подъема и до глубокой ночи, не любил замполитов. Он громко загоготал, откинувшись на спинку стула.

Отсмеявшись, начштаба закурил и задумался.

Сигов и Горбунов настороженно молчали. Лейтенант чувствовал, как холод обручем стягивает низ живота.

Наконец начштаба шевельнулся, заелозил пальцем по бумагам, лежащим на столе. Палец уперся в какую-то строку. Подполковник медленно поднял голову. Взгляд напряженный и решительный. Глаза холодные.

Сигов вытянулся по стойке «смирно».

— Вот что, Горбунов, — начштаба точно гвозди вколачивал в толстенную доску, — у Сигова есть шанс. Один. Послезавтра ночной патруль. Пусть заступит. Пусть службу понесет. Может, что-нибудь и выйдет.

— Так точно, товарищ подполковник, — вспыхнул Сигов, — выйдет, не сомневайтесь!!

Но, напорвшись на колючие, ледяные глаза подполковника, лейтенант замолчал.

Начштаба, усмирив взглядом Сигова, продолжил так, будто того и вовсе нет в кабинете:

— Смотри, Горбунов, это его последний шанс. Патруль должен быть патрулем, а не мули-вули. Понял меня?

— Понял.

Напускное равнодушие и скрытое лукавство комбата моментально испарились. Официально-серьезный капитан кивнул.

— Идите.

Офицеры отдали честь, повернулись, как положено, через левое плечо и вышли из кабинета.

На ступеньках штаба, вытягивая трясущимися пальцами сигарету из пачки, протянутой капитаном, заглянул ему в лицо счастливый Сигов.

— Комбат, не бойтесь, не подведу!! Начштаба будет доволен!

Горбунов посмотрел на счастливое, дурашливое лицо лейтенанта и грустно улыбнулся.

— Колюха, Колюха! Не говори «хоп» раньше времени. В модуле обо всем поговорим.

В небольшой комнатке комбата густо-синие от дыма. Кондиционер захлебывался, чихал и булькал, но не успевал даже разогнать по углам плавающие клубы дыма.

На кровати, под цветными фотографиями семьи, лежал Горбунов. В ногах у него примостился старшина батареи — юркий, как сперматозоид (определение капитана), азербайджанец Тофик Юнусов. У изголовья на табурете — Сигов или, как теперь его называл комбат, «смерть дембелям».

— Значит, Тоф, не судьба тебе попасть в патруль, — закончил рассказ о передрягах в штабе капитан.

Юнусов понимающе взглянул на Сигова.

— Ясна, командир. Нада так нада. Хотел себе магнитофон купить — потом сделаю. Умирай, но товарища спасай,— засмеялся Юнусов.

Капитан перехватил затравленный, почти бессмысленный взгляд Сигова и вздохнул:

— Человек ты здесь новый, Коля. Еще, считай, ничего не видел. Со временем все узнаешь. Давай лучше, как любит наш замполит говорить, ближе к телу.— Горбунов перевернулся на бок, оперся на руку головой.— На ночь по Кабулу от частей выставляются патрули. Не везде, конечно, а в определенных местах: возле госпиталей советских, около посольства, вокруг аэродрома и на крупных перекрестках в центре города. Вечером они заступают, а утром — сменяются. Ночь для волка — особая пора.— Горбунов хмыкнул и схватился за подбородок.— В это время он и кормится. Мы тоже. Ночной патруль опасная вещь, но денежная. За ночь тысяч двадцать — сорок сделать можешь. Цифра эта тебе ничего не говорит, в местных деньгах ты еще не разобрался. Так вот, если твою зарплату за месяц взять и перевести в афшки, то получится,— капитан запнулся подсчитывая. Юнусов немедленно подсказал:

— Шесть с половиной, командир.

— Видишь, за ночь в среднем четыре получки сделаешь. Если повезет, расклад хороший будет,— капитан, как всякий уважающий себя офицер, играл в преферанс,— а то и больше. Способы разные. Прimitивные, безусловно, однако надежные, не раз проверенные. Можешь бурбухайку¹ тормознуть, можешь дуканчик распотрошить — это дело вкуса и возможностей. Подробности тебе Тоф объяснит.

Прапорщик ободряюще похлопал тонкой худой ладонью Сигова по плечу:

— Конэчна, объясню. Кое-что знаем, кое-что умеем.

Все это время лейтенант ошалело моргал и пытался понять — разыгрывают его или нет.

— Только не надо делать большие глаза, Сигов,— прибавил Горбунов, внимательно наблюдавший за лейтенантом.— Это единственный шанс. Другого нет и не будет. Думаешь, зря он тебя в ночной патруль посылает? Просто так? Да у него такса — десять тысяч. Заступаешь в патруль и шныряешь по городу. А потом отдаешь ему десять. Все остальное, разумеется, твое. Надеюсь, понимаешь, что отстегнуть сейчас ты должен будешь все. Хорошо одно — начштаба мужик конкретный. Он в долгу не останется. Не получится — вылетишь в Союз. И там об тебя каждая сволочь ноги будет вытирать,— на полном серьезе пообещал комбат и перевернулся на живот, зашарив рукой под кроватью.

Нашел и протянул Сигову банку пива.

— Пей. Отойди немного. Тебе сегодня досталось.

Сигов неумело потянул за колечко. Пена брызнула и уселась на рукав. Горбунов с Юнусовым переглянулись и беззлобно рассмеялись.

— Ничего, научится,— сказал Тофик,— я тоже раньше пива в банках не видел. В патруль будет ходить, в колоннах — ящиками-машиками пить будет.

Сигов сделал несколько вялых глотков и безвольно опустил плечи.

— Не нравится? — удивился комбат.— Это с непривычки. Пройдет.

— Нравится.

— А что не пьешь?

Сигов загнувшись посмотрел на капитана.

— Начальник штаба такой принципиальный. Как ему деньги отдавать? Он же меня за это под трибунал, сразу!

Комбат глянул на вспотевшего Сигова и махнул рукой.

— Опять двадцать пять. Я ему про Фому, а он мне — про Ерему. Тоф, хоть ты объясни!

— Э-э-э! — сдавленно, с хрипом вскрикнул азербайджанец. Лейтенант вздрогнул, испуганно посмотрел на Тофика.— Что объяснить? Что сказать? Начштаба все деньги носят. Он тоже дэмбэл — скоро замена. Пайса-майса начштаба во как нада,— прапорщик вонзил острый небрежно выбритый подбо-

¹ Наши так именовали афганские машины.

родок в потолок и провел напряженным ребром ладони по горлу.— Принесешь ему — все будет. Не принесешь — ничего не будет. Тоф месяц назад командировка ездил — старый дедушка умер. Никто не отпускал. Не прямо родственник.

— Не прямой,— поправил комбат, изучая лучистые трещины, паутинками разбежавшиеся по потолку.

— Да, я и гаварю — не прямо. Так что? Принес Тоф начштаба двадцать тысяч и паэхал Саюз командировка. А ты гаварышь, дэнги он нэ берет. Берет. Все берут! — озлился на Сигова Юнусов.

— Хватит, Тоф, не добивай парня. Расслабься,— почти приказал комбат и засвистал какую-то простенькую, но популярную мелодию. Сигов попытался вспомнить ее, но так и не смог этого сделать.

Юнусов принялся молча вылавливать сигарету из полупустой командирской пачки.

От подобной правды Сигова мутило. Он согнулся, опустил голову на грудь и грел ладонями пустую, теплую жестянку. От бессчетного количества выкуренных сигарет голова трещала, дым выдавливал глаза из глазниц, и мысли были рваные, беспорядочные.

Все молчали. В окне по-прежнему мелко трясся кондиционер. Было слышно, как за дверью, в коридоре, топали солдаты, спеша к умывальникам.

— Пойми,— бесстрастно сказал Горбунов, все так же глядя вверх.— Никто тебя никуда не заставляет идти. Тоф пойдет — он давно просится, да очередь не подходила. Но поверь, не будет денег — вылетишь в Союз беспартийным и опозоренным. Задушат они тебя. С ответом не тороплю. Подумай, а к вечеру скажи. Не бойся — трусом тебя никто считать не будет. Решать — твое право.

— А что решать? — спросил Сигов. По его горлу изнутри словно протянули рашпиль, и он закашлялся, задыхаясь, хватаясь за воротник куртки.

Тофик принялся колотить лейтенанта по спине.

— Что решать,— выдавил наконец Сигов, поворачивая покрасневшее лицо к комбату,— тут нечего решать. Пойду я.

— Подумай.

— Пойду! — банка треснула сминаясь.

— Ай, маладэц,— обрадовался Юнусов.— Главное — нэ бойсь! Всэ кагда-та что-та начинают.

Горбунов сел.

— В таком случае запомни — осечки быть не должно. Поймают наши — будешь сидеть в тюрьме.

— Э-э-э! Кто поймаэт, командир?! Такие же. Будут приставать — падэлись. Нэ жадничай! — посоветовал Тофик Сигову.

— Впрочем, я не слышал, чтобы кто-то из патрулей залетел на таком деле. Тоф тебя проинструктирует, и людей тебе дадим надежных, молчаливых.

Горбунов потянулся. Кости весело хрустнули.

— Ладно, Коля, отдыхай. Не бери в голову — все обойдется. Вижу, устал. Подкосила тебя правда-матка. Иди спать — легче станет.

Сигов кивнул головой, почему-то пожал руки Юнусову и Горбунову, а затем вышел.

И забываясь в мягком отупляющем сне, проваливаясь в ватное забытье, шептал: «Я должен быть сильным, как комбат. Я должен им доказать...»

И заснул, стиснув зло зубы.

Колонна из Газней рвалась к Кабулу.

На покато́й горе без единого деревца, врывшись в сухую землю, в серых, неказистых четырехугольных домишках, закутавшись в маскировочные сети, стояла шестая застава десантуры. Она прикрывала дорогу, по которой стремительно неслись машины.

Часовым на заставе они казались маленькими жучками. Темно-зеленые насекомые изо всех сил мчались вперед, да так скоро, что не было видно колотящих по земле ножек.

«Уралы», «КамАЗы», «газы», разбитые бэтэрами и бээмпэ, напрягая все

свои силы, стремились пройти кишлак Мухаммеддарра, а попросту — Мухамедку, оторваться от нее, хищно присосавшейся к дороге.

Распущенные, хлопающие на ветру, выгоревшие, белые брезентовые тенты; черные, тонкие жала пулеметов, воткнутые в густую зелень справа.

В одном из «КамАЗов» старшим машины — прапорщик Бочков.

Еще задолго до Мухамедки поднял он боковое стекло с перекинутым через него толстым бронезиловым и передернул затвор автомата. Поставил предохранитель на автоматический огонь и орал как оглашенный:

— Быстрее, Семен! Жми, жми, бача! Давай! Ходу!

Глаза у Бочкова лихорадочно блестели, лицо перекошилось от страха.

Голой до пояса водитель разогнал машину на четвертой скорости, давил ногой в тапочке на педаль газа. Стрелка спидометра лезла вправо. Солдат переключился на пятую скорость. Стрелка, дрожа, перепрыгнула за цифру 120. Семенов закусил нижнюю губу, вцепился глазами в дорогу.

Вдоль нее — сгоревшие, искореженные остовы грузовиков; перевернутые или, точно присевшие на колени, с оторванными напрочь колесами, закопченные бронетранспортеры без пулеметов.

Рядом с асфальтом, исполосованным следами огня, белыми кристалликами соли — мелкое битое стекло и россыпи тусклых гильз.

Солдату вдруг подумалось, что выполз из зарослей огромный дракон, дохнул огненным смерчем на машины и застыли они, обезображенные, прерывая свой бег. А черные, обугленные полосы на самой дороге — следы шершавого языка дракона смерти, что живет в Мухамедке.

Если кошмар при виде разбитой колонны вселял в солдата ужас, сродни тому, когда читаешь сказку, то прапорщик попросту дрожал от страха, стискивая потными пальцами теплый металл автомата.

Неделю тому назад он встретился с этим драконом и видел его смертельный оскал.

Горели и взрывались машины. Люди выпрыгивали, выползали из них, скатывались на обочину.

Пули свистели, визжали, скрежетали и роями носились над дорогой. Раскаленные осы рвали на части все, что попадалось им на пути. Впивались в броню¹, злобно отскакивали и вновь кидались в атаку. Насмерть укусить не получалось, и тогда на помощь осам из «зеленки» торопились маленькие смерчи — гранатометные выстрелы.

Пламя, копоть, гарь.

Мат, стоны, ярость.

Бочков, распластавшись на земле за колесами «Урала», под его днищем, безостановочно садил из автомата в ощерившуюся зеленую чащобу. Автомат дрожал. Ствол постепенно становился синева-то-сизым.

В ушах давило, в голове звенело, а Бочков что-то бессвязно выкрикивал, стрелял и снова кричал, бросая молящие взгляды направо. Там отчаянные парни на боевой машине пехоты, вроде бы и не замечая огненно-свинцовых волн, которые часто и упруго накатывались на них, пытались столкнуть с дороги пылающие машины и освободить путь застрявшей в ловушке колонне.

Частые деревья и кустарники — логово дракона — становились реже. Наконец они окончательно иссякли. Справа пошла безжизненная мертвая равнина с редкими опухольями холмов.

Бочков захохотал, дернул предохранитель вверх и опустил стекло. Густые теплые потоки воздуха загуляли по кабине.

Прапорщик высунул потное блестящее лицо в окно и три раза сплюнул. Слюны не хватило — горло пересохло, и Бочков закашлялся. Потом откинулся на дерматиновое сиденье, достал сигареты и долго, взахлеб, радостно матерился. Кровавого цвета пачка «Примы» дрожала в его руке.

— Что, Семен, скоро водочку будем пить и женщин гладить?

Прапорщик прикурил сразу две сигареты, одну воткнул в зубы водителю.

— Что молчишь?

¹ Бронированная техника: БТР, БМП, танки.

— Не пью, поэтому и молчу.

Бочков даже взвизгнул.

— Знаю, где вы бражку гоните. Ничего, как созреет — так и конфискую. Но ты не расстроишься? Ведь не пьешь, да? — съехидничал Бочков и затараторил: — А я вот — выпью. После такой, братан, дороги очень даже полезно. В прошлый раз страху здесь натерпелся! Как начали долбить душары, так думал, все — не вылезем. Точно ужака под колесами ползал. Сейчас на машины смотрел — вспоминал, а сердце в самой глотке колотится. Веришь, нет?

Семенов мотнул стриженной головой. Сам он в той колонне не был, но видел вернувшихся ребят и слышал их сбивчивые рассказы. Ходка в самом деле была страшная.

— Теперь, Семен, к инфекции¹. Там наше место, — обмякал все больше прапорщик. — Отменная стоянка! Забор, а за ним, в модулях, сто баб — бесхозные и на любой вкус. Ой, есть там у меня одна. — Бочков сладко зачмокал губами. — Королева красоты.

Солдат с сомнением взглянул на маленького, круглого Бочкова. Прапорщик этого не заметил.

— В прошлый раз, когда уезжал, так расстроилась, так расстроилась. Места себе не находила! Чуть не плакала. Ничего — сейчас она будет рыдать от восторга.

Бочков залихватски подмигнул водителю и мечтательно замолчал.

Колонна остановилась на пустыре слева от инфекционного госпиталя. Еще не успели опасть на землю клубы поднятой колесами пыли, как к машинам со всех сторон кинулись афганцы. Здесь, впрочем, как и на другой стоянке — Тепло Стане², они имели свой интерес.

По ценам гораздо ниже, чем на кабульских базарах, где можно было достать абсолютно все, они скупали в приходящих колоннах ходовой и дефицитный товар: теплое нательное белье, матрасы, кровати, запчасти для машин, ящики говяжьей тушенки, топливо, муку, сгущенку, радиостанции, сахар, мешки риса, бушлаты и оружие, если находились смельчаки, которые отваживались его именно здесь сбывать. Затем с большой выгодой афганцы все это перепродавали.

К Бочкову подскочил невысокий черноволосый парень в широченных штанах и длинной, как платье, рубахе. Он схватил прапорщика за руку и радостно затряс.

— Здравствуй, командор! Что привез? Товар есть? Давай! Беру!

— Э, Толик, — попытался вырвать руку из немойтой ладони Бочков, — завтра приходи. Некогда сейчас — к ханум иду. Понял, да?

— Другому товар отдаешь? — испугался афганец и не только не выпустил руки прапорщика, а еще сильнее сжал ее.

— Да нет. Тебе отдам. Как всегда. Товар есть — два кондиционера, один тент камазовский, три палатки. Все новое — муха не сидела.

— Давай! Давай! Сейчас беру! — торопил афганец.

— Ну ты и бестолковый, — разозлился Бочков и высвободил наконец руку, — завтра приходи. С деньгами.

— Не обманешь, командор?

Бочков достал чеки из кармана и помахал ими.

— К ханум тороплюсь. Водка нужна. Понял?

Услышав о водке, парень тут же поверил прапорщику и потянулся к деньгам.

— Сколько?

— Две большие.

Афганец мгновенно исчез, растворясь среди машин и спящих вокруг солдат. Появился он также внезапно, достав из-за пазухи бутылки.

— Только мне, командор, товар отдашь, — крикнул напоследок, устремляясь в глубь колонны.

¹ Инфекционный госпиталь, расположенный на окраине города.

² Так называли район Кабула, предместье его, откуда начиналась дорога на Хайратон, Джабаль-ус-Сарадж, Чарикар.

Бочков стал готовиться к походу в гости. Он достал из пакета новую, аккуратно сложенную форму и прямо у машины, демонстрируя синие солдатские трусы, переоделся. Затем в ход пошли гуталин, щетка и бархотка. Прапорщик долго пыхтел, возился и громко чертыхался. Через некоторое время туфли сияли. Бочков сгонял водителя за теплой водой и принялся тщательно скрести щеки и подбородок безопасной бритвой. Все из того же волшебного пакета он извлек белое вафельное полотенце. Развернул его — в середине оказался одеколон. Прапорщик закрыл глаза и принялся колотить по щекам ладонью, щедро поливая ее остро пахнущей жидкостью.

Семенов сидел возле машины, курил и зачарованно водил глазами за суетящимся Бочковым.

Наконец прапорщик вскочил на подножку машины и заглянул в зеркало. Потом осторожно ступил на землю, чтобы не запылить туфли, и одарил солдата улыбкой:

— Главное, Семен, в нашем деле — обхождение. Запомни, бача, женщины от этого теряют сознание и сразу падают на кровать. Особенно здесь. Любят они культуру.

«Культуру, — ехидно подумал водитель, ухмыляясь. — Чеки они любят — поэтому и валяются».

По рассказам более опытных ребят знал Семенов цены на многих госпитальных «телок», которых они между собой называли — «чекистки».

Реденькие бровки Бочкова стянулись к переносице.

— Нечего лыбиться! Уйду — чтобы порядок был. Машину подгонишь к злобинской, состыкуешь задницами впритирку и всю ночь — сторожить. Пропадет что-нибудь — значит, ты, собака, продал. Голову оторву! За оружием смотри. Если что — убью!

Перед лицом солдата заплясал кулак, от которого резко отдавало одеколоном.

Водитель поскучнел — Бочков был скор на расправу и имел тяжелую руку.

А к прапорщику после такого дружеского совета вернулось отличное настроение. Губы растянулись в улыбке, и он похлопал Семенова по острому, худому плечу.

— Служи, сынок, как дед служил, а дед на службе не тужил. Жди утром.

Бочков схватил крепкий полиэтиленовый пакет, где кроме водки лежал какой-то аккуратненький сверточек, перевязанный чуть ли не алой кокетливой ленточкой, и рысью заспешил в «инфекционку».

Появился прапорщик значительно раньше названного срока. Еще вовсю гремели магнитофоны в госпитале, где гуляла добрая половина колонны. Видимо, не у одного Бочкова была там своя «королева красоты».

Прапорщик шел, спотыкаясь, не разбирая дороги, и злобно ругался.

С трудом он заполз в кабину. Семенов включил свет и обомлел. Лицо Бочкова — сплошь свежайшие ссадины и царапины. Из толстенной, вывороченной губы сочилась кровь. Куртка в нескольких местах разорвана. Спереди — темные крупные пятна, спина в пыли и грязи. Судя по всему, кто-то очень долго валтузил прапорщика по земле.

— Твою мать, твою мать, — упрямо и твердо произносил Бочков, то и дело поднося разбитые руки к лицу. — Твою мать, обезьяна желалабадская.

Семенов схватил котелок и вывалился из кабины.

— Твою мать в три погигели, шлюха подзаборная, — как заведенный, продолжал заклинать Бочков.

Возле него озабоченно суетился Семенов. Опускал кусочек марли в теплую воду. Потом, закусив губу, осторожненько, слегка прикасаясь, водил им по лицу и рукам Бочкова, стирая засохшую корочку.

Пьяный прапорщик, как малое дитя, послушно поворачивался в руках Семенова и все твердил:

— Мать твою так, блядь кабульская.

Наконец солдат закончил. Оторвал кусочек марли побольше, окунул его в котелок и протянул прапорщику.

— К губе приложите. Поможет.

— Сигарету и выключи свет,— простонал Бочков.

Мир раздвинулся и замелькал разноцветными всполохами на аэродроме, запереливался бесчисленными огоньками далекого города.

В кабине, искрясь, рдели красные точки. Они то исчезали, то появлялись вновь.

— Козлы! Гады полосатые! — взвыл Бочков.

— Кто?

Прапорщика прорвало, и он закричал, давась словами:

— Десантура — козлы! Змеи полосатые, которые за аэродромом стоят. У-у-у, гады! Сижу, значит, выпиваю культурненько, а тут они вдвоем вваливаются. Я им и говорю: «Давайте, мужики, завтра увидимся. Вы, наверное, адресом ошиблись». А шлюха как заверещит: «Не уходите! Оставайтесь! Это он адресом ошибся!» Это я ошибся?! — заревел Бочков и грохнул кулаком по панели.— Ох, хотел я этой стерве в морду съездить, да бугаи навалились. Здоровые, сволочи! — прапорщик надолго замолчал, а потом начал бессвязно бормотать: — Но... короче... обман... получился... здесь.— Бочков затих, уронил голову на грудь и шумно задышал, постепенно выравнивая дыхание.

По кабине густо плыл запах перегара. Семенов морщился и хватал воздух ртом.

Музыка за бором, сложенным из бетонных плит, умолкла. На аэродроме гудели, взлетая и заходя на посадку, самолеты, нервно мигая красно-желтыми фонарями.

От инфекции к уснувшим машинам торопливо скользнуло несколько теней. Солдаты спешили обратно.

Бочков сопел, шлепал губами, постанывал и беспокойно ворочался на сиденье.

Подбородок у Семенова пополз вниз. Он начал засыпать, когда прапорщик охнул, распрямился и вцепился ему в руку.

— Семен, ты?!

— Я!

— Заводи!!

— ???

— Заводи. На Теплый Стан рванем. Давай! Живет там одна, безотказная — в любое время дня и ночи.

— Товарищ пра...

Бочков разжал пальцы и снизу-вверх двинул рукой. Голова откинулась назад.

— Быстрее,— зверел прапорщик,— не то я...

Машина тронулась.

— Фары будешь включать, когда скажу. За водкой еще заедем,— словно в лихорадке трясся Бочков и жадно тянул воду из фляги.

Глубокой ночью патрульный бэтээр снялся с поста и пошел к Теплому Стану. Опытный водитель фар не включал. С двух сторон наполнили на дорогу квадраты глиняных дувалов. За их стенами лениво взбrehивали собаки.

С гор, окружающих Кабул, трассеры вычерчивали разноцветные пунктиры. Стрельбы слышно не было. Казалось, что светлячки перелетают со склона на склон, останавливаясь на время, чтобы передохнуть.

Сигов сидел наверху и зябко поводил плечами. Холодало. Рядовой Рамишвили, который был рядом, участливо прошептал:

— Сейчас. Место тихое. Дуكان далеко от домов.

Бронетранспортер свернул налево. Механик-водитель сбросил газ, и машина беззвучно покатила по асфальту.

Остановились впритирку возле металлического длинного контейнера. В таких по железным дорогам и в трюмах судов перевозят грузы. Смекалистые афганцы приспособили их под магазинчики.

Солдаты схватили плащ-палатку, мягко сползли на землю и завозились возле замка. Дверь приоткрылась.

Сигов сидел на холодной броне. Затылок сдавило. Курить хотелось до

умопомрачения. Лейтенант, пересиливая себя, сошел на землю и заглянул в контейнер. Вспыхивал тоненький вороватый лучик. Солдаты накидывались на пестрые целлофановые пакеты, которые стопками высились на стеллажах, и швыряли их на брезент.

— Скоро?

— Есть товар! Есть! — радостно ответил Рамишвили.

Сигов насторожился — где-то вдалеке зашумел мотор. Сердце гулко цеплялось за ребра. Лейтенант вскарабкался на бронетранспортер и сунул голову в люк.

— Бойко, послушай! Кажется, едет кто-то!

Солдат вынырнул из машины, наставил ухо.

— Точно. В нашу сторону.

Механик-водитель тонко и длинно свистнул. Из контейнера выглянул Рамишвили.

— Шухер! Едет кто-то. Сматываемся! — выпалил Бойко, юркнул вниз и стал запускать двигатели.

Солдаты выскочили из дукана, выволокли тую и начали тягивать его на машину.

Сигов сжимал и разжимал пальцы. Машина шла в их направлении.

— Сейчас налево, — приказал Бочков. — Фары вруби, дубина. Через пятьсот метров справа — дувал. Там Ахметка живет. Бухала у него — море!

Голубоватые конусы выжрали тьму перед машиной. В них — продолговатая темно-красная коробка контейнера, а рядом — бронетранспортер. Номер закрыт ящиками. Но рядышком — не спрятанная эмблема, парашют с самолетиками. Человек в бушлате напряженно смотрит в их сторону, козырьком держа ладонь над глазами.

— Десантура!! — завизжал Бочков, схватил автомат, сбросил предохранитель и высунул ствол в окно. — Гони, Семен, гони! Обороты! Ща я этим козлам покажу, чтобы помнили долго, суки полосатые!!

— Мимо пройдет, — донесся голос Бойко снизу. — Шарятся по городу просто так. Нажрались и катаются.

У Сигова чуточку отлегло от сердца, но из кабины «КамАЗа» ударила по бронетранспортеру густая автоматная очередь.

Лейтенант упал на землю и застонал.

Машина промчалась рядом, растворилась во тьме.

Солдаты подбежали к Сигову. Он молчал. Рамишвили с разгона упал возле него на колени. Фонарик выплюнул белое пятнышко света.

Лейтенант лежал на спине. Глаза недоуменно распахнуты. На левой стороне груди чернели и наливались округлые пятна. Пальцы сжаты в кулак. Правая нога подвернута.

Рамишвили медленно приподнялся.

— Биджебо! Чвени камандири моклес¹, — цепenea, проговорил он.

Первый опомнился Бойко.

— Плащ-палатку сюда и в госпиталь! Скажем, душары пост обстреляли.

Через несколько месяцев в батарею, на имя командира, пришло письмо.

Округлый, ровный, детский почерк.

«Наш пионерский отряд... Сигов Николай Иванович... Борется за право... Гордимся выпускником школы... Воин-интернационалист... рассказать о последнем бое героя... Собираем деньги на памятник... шефство над родителями героя-офицера... Создаем музей... будем достойны имени...»

Горбунов, прочитав письмо, вызвал замполита.

— Слышь, — сказал капитан, морщась, — ответить надо. Только ты уж там подвиг хороший придумай, чтобы прямо на героя тянул. Выдумай что-нибудь или из книги какой-нибудь, что про войну, спиши.

А про себя подумал: «Хороший был парень, да карта не так легла».

¹ — Ребята, наш командир умер (груз.).

МАРИАМ ЮЗЕФОВСКАЯ

Камни

РАССКАЗ

Автобус подкатил к вокзалу, когда летние ленивые сумерки уже опустились на землю. В окно были видны небольшая площадь, решетчатый навес, увитый густым плющом, одноэтажное кирпичное здание с пышным цветником под окнами. От всего веяло покоем и уютом. Водитель высунулся из кабины: «Пшыстанэк, пани». На станции было тихо и малоллюдно. Влюбленная парочка да примостившийся на скамье возле дома старик, который то ли спал, то ли подремывал. Пройдя через площадь, мощенную цветными мраморными плитами, я заглянула в окошко кассы. Пожилая женщина, не отрываясь от вязания, приветливо кивнула мне:

— Слухам пани.

— Пшэпрашем,— робко обратилась я, с трудом нанизывая чужие слова,— где здесь хотел «Эуропа»?

Она улыбнулась:

— То близко. В гурэ,— и махнула полной рукой.

— В гурэ? — неуверенно переспросила я.

Женщина мельком посмотрела на меня, покачала головой и, отложив в сторону вязание, вышла из своей каморки на крыльцо:

— Пани тшеба ийти до замку,— она показала в ту сторону, где узкая улочка начинала круто карабкаться вверх. Лишь тут я заметила высящиеся на горе башни. Окруженные высокой зубчатой стеной, они словно нависали над окрестными домами, что лепились у их подножия.— Пани здалека? — с любопытством спросила женщина.

— Так,— коротко ответила я,— бардзо дзенькуе.— И, перебросив сумку через плечо, быстро пошла.

Улица уже готовилась ко сну. Гремя железными шторами на окнах, хозяева маленьких лавчонок запирали их на ночь. В домах зажигались огни. В сумерках казалось, что серая стена замка движется мне навстречу. Я шла, все убыстряя шаг,— вот-вот должно было окончательно стемнеть. У ворот замка, к которым, словно к устью реки, стекалось несколько улиц, в нерешительности остановилась. Огляделась. Вокруг — ни души. И мне стало не по себе. Но в тот же миг за моей спиной раздался задыхающийся хрипловатый голос: «Просто, пани, просто (прямо)». Где-то в отдалении послышались тяжелые шаркающие шаги. Я пошла вперед. Улица, круто вильнув, вдруг засияла неоновым светом реклам и оглушила. Казалось, я попала в другой город. «Хотел «Эуропа»,— с облегчением прочитала мерцающие разноцветными огнями буквы и толкнула тяжелую дверь. За конторкой сидел худощавый рыжеволосый мужчина.

— Есть ли свободный номер? — спросила я по-польски с запинкой.— Фирма «Полония» заказывала.

— Мы ждали пани,— засуетился он, взял ключ и, выйдя из-за конторки, повел меня вверх по скрипучей деревянной лестнице.

Даже в тусклом свете старомодных ламп, подвешенных к потолку на почерневших цепях, были видны облупленные рамы картин и проплешины ковра. Несколько раз под моей ногой, сухо потрескивая, оседал паркет.

— Прошэ бардзо,— портье распахнул передо мной дверь,— пани тут будет хорошо. Номер люкс,— и бесшумно исчез.

Я вошла и огляделась. Широкая деревянная кровать с резными высокими спинками занимала чуть ли не весь номер. В углу, отгороженном шаткой ширмой с продраным в нескольких местах блеклым шелком, стоял умывальник. Его мраморная чаша была в трещинах. Из позеленевшего крана мерно капала вода. Подойдя к окну, откинула пахнущую пылью портьеру. На противоположной стороне улицы были видны парусиновые зонтики, освещенные мягким светом разноцветных фонарей. Под ними, за белыми круглыми столиками, сидели люди. Легкий ветерок играл фестонами зонтов и листвою деревьев. Слышался тихий говор, приглушенный смех. На миг почудилось, что в этом городке люди живут покойно и счастливо. Внезапно кольнуло острое чувство зависти. Захотелось хотя бы ненадолго окунуться в эту праздную, беспечную жизнь. Но дорожная усталость взяла свое. «Завтра, завтра»,— шепнула себе. Уже в постели, в полудрёме вдруг всплыл задыхающийся надтреснутый голос: «Просто, пани, просто», шаркающие, то затихающие, то приближающиеся шаги. «Быть может, мне показалось?» — подумала я. Сон скомкал эту мысль и отодвинул в потаенный закоулок памяти.

На следующий день, закончив служебные дела, пошла осматривать крепость. Меня кружило по запутанным горбатым улочкам, где дома, украшенные обветшавшей лепниной и гербами, льнули к серым крепостным стенам, словно ласточки гнезда. Между ними высились поросшие травой и тонкими низкорослыми деревьями угрюмые полуразрушенные сторожевые башни. На одной была прикреплена мраморная доска. Переступая с камня на камень, я подошла ближе. Буквы стертые, блеклые. Их с трудом можно было разобрать. И тут раздался этот надтреснутый голос: «Пшэпрашам, пани, ктура годзина?» Я обернулась. В нескольких шагах от меня стоял старик. Худое горбоносое лицо, высокий лоб с большими залысинами, остатки густых седых волос, небрежно свисающих на засаленный ворот ношеного пиджака. «Пшэпрашам, пани, ктура годзина?» — нерешительно повторил он, напряженно всматриваясь в мое лицо. Машинально взглянув на часы, ответила: «Пани не муве по-польску». Блеклые голубые глаза старика блеснули, а тонкий рот изогнулся в любезной усмешке: «Инглиш? Франсе? Дойч?» Я отрицательно покачала головой. Не отводя своего странного взгляда, он осторожно, вкрадчиво обронил: «Идиш?» Я сдержанно кивнула и, чуть помедлив, добавила по-русски: «Очень плохо». В тот же миг лицо его просияло: «Значит, не ошибся!» Он порывисто шагнул мне навстречу. Осторожно взял под локоть: «Пани позволи?» И когда с его помощью выбралась на серый булыжник улицы, как-то старомодно приосанился, сдвинул стоптанные башмаки: «Разрешите представиться: Ицхак Зибуц». Я назвала свое имя. Старик радостно засмеялся:

— Это библейское имя. Да, библейское,— и склонился над моей рукой. Мне стало неловко. В далекой юности стеснялась и необычного имени, и своего еврейства.— Цалуе рончки пани,— пробормотал он, странно захлебываясь. Потом выпрямился, достал из кармана мятую грязную тряпицу, промокнул ею глаза, торопливо произнес: — Моя фамилия пани ничего не говорит, но Зибуцы в этом городе живут уже восемь веков,— по-русски старик изъяснялся бегло, ничуть не затрудняясь. Лишь легкий акцент да отдельные польские слова, которые изредка вставлял, выдавали, что этот язык для него не родной.— Эта вежа была построена на деньги кагала,— и кивнул в сторону башни,— она называется Жидовинской. На таблице,— он показал на мраморную доску,— написано, что в двенадцатом столетии тут уже жили пять,— словно для того, чтобы эта цифра прочно запечатлелась в моей памяти, поднял вверх растопыренные пальцы: — Пять еврейских семей.— И значительно посмотрел на меня.— Надеюсь, пани это интересно.

— Да,— коротко ответила я, отводя глаза. Теряясь под его пристальным взглядом, поддела носком туфли обломок камня.

— Время, пани,— вздохнул старик,— время всегда рушит. Эту таблицу я поставил сразу после войны. Прошло всего пятьдесят лет, и она стерлась,— опустив голову, глухо пробормотал: — Все старится. Нужны силы, деньги. Наша семья была очень богата. Дома, фабрики. Но пришла эта власть. Пся крзв. Все забрала,— на его худом лице заиграли желваки. Однако тотчас опамятовался.

С недоброй усмешкой обронил: — Не вам рассказывать. Эту заразу занесло сюда с вашей стороны.

Я попыталась перевести разговор:

— Вы хорошо говорите по-русски.

Старик пожал плечами:

— Это был мой хлеб. Переводы, экскурсии. Нужно было как-то зарабатывать. А язык знаю с детства. Людям моего круга давали образование. Вначале домашние учителя, потом гимназия,— на миг заплулся,— и два года плена у вас.— Заметив мое недоумение, жестко повторил: — Да, да, плена. Хотя считалось, что идет формирование польской армии. Нас держали в лагере. За колючей проволокой. Мне с трудом удалось бежать.— Зибуц вздернул подбородок, и на его жилистой шее проступил острый кадык. Внезапно горячо воскликнул: — Простите, пани, но я ненавижу вашу страну. Здесь ее мало кто любит. Слишком много горя принесла она Польше.

От его слов повеяло такой враждебностью, что стало страшно. Старик виновато посмотрел на меня:

— Великодушно простите. Ни в коем разе не хотел обидеть пани. Какое отношение может иметь айдыше меншь (еврейский человек) к тому, что делалось в той бандитской стране?

— А вы к Польше? — с неприязнью бросила я.

Он горько усмехнулся. Покачал головой:

— Теперь мне понятно, почему пани не уехала из этой варварской страны.

— Это мое право,— резко оборвала я.

Старик точно не слышал меня:

— Кажется, мы с пани одной крови. Наша несчастная любовь к чужой земле. Зибуц знает, что это такое,— его голос дрогнул. Порывисто вынув серую тряпицу, вытер лоб.— я дорого заплатил за свою ошибку. Уже ничего не исправит. Но пани должна знать. Что бы аид (еврей) ни делал — ему рано или поздно показывают на дверь. Так говорил мой отец. К сожалению, история это подтверждает.

— Прошу прощения, мне нужно в отель,— сухо сказала, не глядя ему в лицо.

— Пани, кажется, остановилась в «Эуропе»? — осторожно спросил старик.

Я кивнула.

— Позвольте проводить пани,— и чопорно поклонился.

Он вел меня какими-то узкими кривыми улочками. По дороге то и дело учтиво подавал руку: «Позвольте, пани». Внезапно остановился возле обветшавшего двухэтажного здания:

— До войны тут был хедер, библиотека. Все это финансировали мы, Зибуцы,— и двинулся дальше неспешной стариковской походкой. Какое-то время шли молча, вдруг он отрывисто спросил: — Пани надолго к нам?

— В конце недели уезжаю домой,— ответила я.

— Так быстро? — неожиданно встревоженным голосом воскликнул Зибуц и озабоченно нахмурился. Я с удивлением посмотрела на него. Он тотчас смущенно усмехнулся.— Пани разместили в номере семь, так?

— Откуда вы знаете? — поразилась я.

— Когда-то это был самый комфортабельный номер. Люкс. Там еще есть такие голубые ширмы? — не дожидаясь ответа, с ненавистью выдохнул: — Эта власть все уничтожила. Вначале украла, а потом уничтожила. Ганувим (воры)! Ширму мой дед заказал в Китае. То был его отель. На ступенях сохранилась надпись: «Арон Зибуц». Вы заметили?

— Нет,— и в растерянности покачала головой.

Мы прошли под полукруглой аркой к кованым воротам крепости, куда уже доносился шум города. Я с облегчением вздохнула: «Еще несколько минут вежливого прощания — и все».

Он остановился, взял мою руку и поднес к своему шершавому, плохо выбритому лицу.

— Дзенькуе, пани,— голос его дрогнул,— могу ли встретиться с вами завтра? — старик просительно заглянул мне в глаза.— Пани будет интересно. Зибуц знает этот город, как свою ладонь.

— Благодарю, но у меня мало времени, — и неопределенно пожала плечами. «Почему он так навязчив?» — мелькнула тревожная мысль.

— Пани не скучно одной? — старик натянуто улыбнулся.

— Я привыкла, — сказала и в тот же миг пожалела об этом — все свои беды и радости давно научилась носить в себе.

Его глаза блеснули любопытством:

— Разве пани не замужем? У пани нет детей?

— Взрослый сын. Он далеко, — неохотно ответила и сделала крохотный шаг назад. Что-то в этом человеке все больше и больше настораживало меня.

— У Зибуца есть к вам дело. Очень важное. Но я должен присмотреться к пани. Лучше узнать, — глухо произнес он. Я осторожно вытянула из его ледяной руки свои пальцы. — Пани обиделась или просто боится? — старик торопливо, бессвязно забормотал: — Вас послал сам Бог. Кажется, мои молитвы наконец-то дошли до его уха. Когда увидел, как пани сошла с автобуса, сразу подумал: «Ицхак, гиб а кик ауф дизе айдише ойген (посмотри на эти еврейские глаза)».

«Айдишэ ойген!» Я невольно отшатнулась. Пересилив растерянность, вытолкнула из себя:

— Разве вы были вчера на вокзале?

Он кивнул и опустил темные тяжелые веки:

— Вот уже пятьдесят лет хожу туда. Там моя синагога. Там молюсь за всех усопших. А с тех пор, как понял, что дни мои сочтены, хожу туда каждый день. Знаете, зачем? — наклонившись, таинственно прошептал: — Жду честного, надежного еврея, — проницательно посмотрел на меня. И вдруг закатился отрывистым лающим смехом. — Пани сейчас подумала: «Ненормальный старик». Правда?

— Что вы? — смутилась я. Он угадал мою мысль.

— Ничего. Это бывает, — снова засмеялся Зибуц, — обо мне в этом городке многие так думают. А весной один еврей из Вильно прямо сказал: «Ду ист мишигинер альтер (ты сумасшедший старик)», — все еще улыбаясь, заглянул мне в лицо и настойчиво спросил: — Так пани позволит зайти до нее завтра в отель?

— Нет, — вырвалось у меня. Губы его обиженно дрогнули. Я смешалась и покраснела. — Быть может, лучше здесь? Часов в пять?

— Дзенькуе, пани! Бардзо дзенькуе, — он с достоинством поклонился и пошел, шаркая разбитыми туфлями. На согбенных плечах, точно на перекладине, болтался неумело залатанный пиджак.

«Как сказал этот старик? Айдише ойген». Я порывисто достала из сумочки черные очки. Нерешительно повертела их перед собой, прикрыла глаза и надела. Прохладные металлические дужки покойно легли за уши.

...Невесть откуда вдруг пахнуло кислым духом деревенской избы. И тотчас смутным пятном выплыло бледное осунувшееся лицо тети Сони, ее пышные светлые волосы, закрученные в тугий узел. Она прижимала к себе сверток, откуда доносилось слабое покряхтывание.

— Сейчас, сейчас, майне киндэрэ (мое дитя)! Сейчас! — тетка начала суетливо расстегивать надетые одну поверх другой кофты. Через минуту раздалось мерное почмокивание. — Это счастье, что до сих пор не пропало молоко, — глухо бормотала она. — Знаешь, вчера приснился сон, будто к нам в дом ворвались какие-то люди и забрали ребенка...

— Соня, прошу тебя! Замолчи, — перебила ее мама, — ты мешаешь своими разговорами. — и я почувствовала, что в ней закипает раздражение. Она дернула меня за плечо. — Сиди прямо! Не вертись! — в ее руке тихо повизгивали ножницы.

— Я думаю, что сон в руку. Твоя затея со стрижкой ничего не даст, — словно не слыша, продолжала тетка, — посмотри на ее глаза. Это типичные айдише ойген. На днях Лукерья мне говорит: «Сиротка-то ваша не русская, видать! Зачем вы ее при себе держите? Отдали бы куда-нибудь от греха подальше».

— Я это уже сто раз слышала. Замолчи наконец! Прикуси свой поганый язык! — тонко вскрикнула мама.

В нашем закутке повисла опасная тишина. Было слышно лишь отрывистое лязганье ножниц. Изредка с хозяйской половины доносилось залиvistое похрапывание глухой бабки Лукерьи. «Опять ссорятся,— с тоской подумала я. Внезапно пронзило: — А ведь это из-за меня»,— и, почувствовав на себе пристальный взгляд тети Сони, невольно съежилась. В тот же миг ослепила острая боль.

— Мама! — сорвалось с моих губ.— Мама!

— Опять?! — мама схватила меня за подбородок и наклонилась к моему лицу.— Забудь это слово! Забудь! Никто не должен знать, что ты моя дочь. Запомни! Мы подобрали тебя по дороге. Ваш эшелон разбомбили.

— Увидишь, мы все погибнем из-за нее,— донесся из темного угла голос тетки.

— Соня, смотри! Кровь! — несколько секунд мама пристально разглядывала свои пальцы и вдруг начала лихорадочно ошупывать меня.— Тебе больно? Скажи, где? — ее шершавая рука пробежала по лбу, затылку, на миг замерла в маленькой беззащитной ямке, где еще совсем недавно начиналась моя тугая иссиня-черная коса.— Соня,— отрывисто скомандовала она,— дай йод. Я поранила ей ухо. Майнэ мэйделэ. Майнэ унглиоклихэ мэйделэ (моя несчастная девочка),— мамины сухие губы осторожно коснулись моего виска.— Соня, давай быстрее,— подгоняла она.

— Йод? — с запинкой переспросила тетка.— Но там осталось совсем немного. Всего несколько капель. На самом доньшке. Только для ребенка. Ты же знаешь, у нее никак не заживает пупок.

— Только для ребенка? — злобно прошипела мама.— Значит, мое дитя для тебя — мусор? Завтра же моей ноги тут не будет. Посмотрим, как ты здесь выживешь одна.

— Не говори глупостей,— устало, словно из последних сил прошелестела тетка,— у тебя нет денег. Куда ты пойдешь? Немцы уже совсем близко.

— Близко? — в бессильной ярости, словно эхо, повторила мама.— А из-за кого мы застряли на этом полустанке? Из-за кого нас посадили с поезда? — она с силой оттолкнула меня и, зажав в руке ножницы, мелкими шажками, точно крадучись, начала подступать к тетке, которая, мигом подхватившись, попятилась к черной бревенчатой стене.

— Ты же сама видела. Ребенок горел словно в огне,— тетка судорожно прижимала к себе сверток, заслоняя его своим телом.

Кубарем скатившись с высокой лавки, я бросилась между ними. Секунду-другую мама пристально смотрела на меня, точно не узнавая. Потом бессильно разжала кулак. Ножницы упали на пол.

Через несколько дней, проснувшись среди ночи, я увидела колеблющееся пятно света. Осторожно ошупала тугую повязку.

Ухо уже почти не саднило. «Отчего они так поздно не спят?» Эта тревожная мысль окончательно разорвала тонкую пелену дремы. Я бесшумно скатилась к краю лежанки. Две светлые головы склонились над столом. На нем был расстелен мамин черный жакет.

— Не кромсай, из этого для нее нужно выкроить пальто и капор,— невнятно произнесла мама, перекусывая нитку.

— Просто счастье, что моя девочка пошла в нашу породу,— тетка низко склонилась над столом, и голос ее был едва слышен.

— Посмотри, как косо идет у тебя шов,— неприязненно сказала мама,— меньше разговоров — больше дела. Осталось совсем мало времени. На следующей неделе меня с ней обещали подвезти на санях.

— На следующей неделе? — испугалась тетка.— А крестик? Ты успеешь достать ей крестик?

— Я уже все сделала,— сумрачно отрезала мама. Отблеск огня упал на ее лицо. И над ним вспыхнула корона золотистой косы.

— Может, подождешь? — нерешительно предложила тетка,— нехорошо разлучаться в такое время. И потом, что мне сказать Лукерье?

— Выкручивайся, как можешь. Ты сама этого хотела,— с ненавистью усмехнулась мама.

Я осторожно отползла назад, в душную темноту лежанки...

...Сорвав с себя темные очки, бросила их в сумочку, отрывисто шелкнула замком и быстро, едва не сбиваясь на бег, пошла по улице. «Этот несчастный старик! Все из-за него!» Мне то и дело чудились за спиной шаркающие шаги. У входа в отель невольно замешкалась. На сбитых каменных ступенях черным мрамором были выложены буквы: «Хотел «Эуропа». Арон Зибуц». «Значит, это правда! Тебе-то что до этого?» — одернула я себя и, решительно ступив на букву З, толкнула тяжелую дверь. Но едва вошла в номер, как тотчас кинулась к хрупкой суставчатой ширме. В свете догорающего летнего дня на бледном, выцветшем, почти белесом шелке неясно проступала гора. Ствол одинокой, изогнутой чуть не до земли сосны был обезображен грубым швом. Видно, кто-то наспех, небрежно сшил место разрыва.

— Ганувим (воры)! — невольно сорвалось с моих губ, но тотчас спохватилась. — Запомни, — твердо сказала вслух, — завтра в пять ты запрещаешься в номере и никуда не выйдешь!

«А вдруг он придет в гостиницу? — Я представила себе его, бедно одетого, робко жмущегося в полутемном углу холла к стене. — А будь он не еврей, а поляк, грек, турок? — шепнул насмешливый голос. — Отчего цепляемся друг за друга? Что связывает нас? Какое мне дело до этого старика? До всех евреев мира?»

В пять часов была у ворот крепости. Старик уже ждал. Все в том же пиджаке, тех же стоптанных башмаках. Но шею его подпирал высокий пожелтевший воротник белой рубашки, под ним темнела строгая черная бабочка. Он сдержанно поздоровался, протянул маленький букетик фрезий:

— Пани, наверное, голодна? Тут есть близко небольшая тихая ресторация. Можно выпить рюмку вина, — Зибуц светски улыбнулся. — И потом, польская кухня славится. Поляки любят хорошо поесть.

Я нахмурилась, едва сдерживая закипающее раздражение:

— Благодарю вас. Спешу.

И тут словно подменили его:

— Сегодня пани не должна спешить. Дело, о котором вам говорил, требует времени, — Зибуц капризно сжал губы.

О, как мне знакомо это еврейское упрямство. Все или ничего! Эта необузданная целеустремленность паводка, который сметает любые препятствия, чтобы достичь призрачной цели. С легкой усмешкой посмотрела на него.

— Нет, нет. Пани должна пойти со мной в ресторацию. Для нас этот день должен стать праздником. Я хочу угостить пани. Пусть пани не думает, у меня есть много долларов, — он суетливо полез в карман, вытащил пачку зеленых купюр. Заметив мой настороженный взгляд, вздернул подбородок. — Это есть чистые деньги, пани. Мне их прислал один человек из-за границы. Я присматриваю за еврейскими памятниками. Видите ли, — он на миг запнулся, — Ицхак Зибуц здесь остался единственный еврей, — по его губам скользнула жалкая улыбка.

Холодок пополз по моей спине:

— Где же все остальные?

Он пожал плечами:

— Кого убили немцы, кого братья-поляки, остальные умерли или убежали. Неужели вы не слышали, что было здесь в шестьдесят восьмом году? — старик сумрачно посмотрел на меня. — Все бросали. И уносили ноги.

— А ваша семья? Жена? Дети? Внуки?

Прости меня, Господи! Разве мы знаем, что творим. Так хотелось уличить его во лжи. Припереть к стенке. Его правда для меня была нестерпима, вонзалась в душу, точно острый шип. «Неужели меня ждет та же участь?» Я посмотрела ему в глаза, словно пытаюсь заглянуть в свое будущее. Он смущенно пожал плечами:

— Мы с моей Рахел так и не поженились. Зибуц есть старый кавалер (холостяк), — и, виновато рассмеявшись, опустил голову. Потом опять вытащил свою серую тряпицу. Начал комкать ее. — Видите ли, это долгая история. Пани чужой человек. Но пани должна ведаць. Иначе она не поймет. Дело в том, — он на миг запнулся, — дело в том, что на мне кровь и проклятие. Я погубил всю свою семью, — старик заговорил быстро, сбивчиво: — Нет, нет. Я не ищу себе

оправдания. Но нужно было знать несчастный характер моего отца. Суровый, запальчивый, как спичка. Все в доме страдали от этого характера. Теперь, когда я уже намного старше его, часто думаю: больше всех страдал он сам. Но тогда, — голос Зибуца дрогнул, — тогда, случилось, ненавидел, как врага. Сколько себя помню, отец разговаривал со мной с какой-то скрытой насмешкой. Словно я был недостойн его. Когда вырос, начал отвечать ему тем же. И не было случая, чтоб он сказал: «Черное», а я в ответ не сказал: «Белое». Будто кто-то толкал меня изнутри. Моя бедная мама! Она крутилась между двумя огнями. И ничего не могла поделать. Мы жили рядом, обменивались пустыми словами, но каждый был в любую минуту готов к худшему. Зибуц очень болтлив, правда? — внезапно отрывисто спросил он. — Но когда долго носишь в себе... — и беспомощно усмехнулся.

— Нет, нет, что вы! — потупившись, боясь встретиться с ним глазами, ответила я.

— Это случилось летом. До начала войны оставались считанные месяцы, — продолжал Зибуц. — Мы собрались в доме дедушки на субботний обед. Ждали отца. Он вошел, размахивая листом гербовой бумаги. Это был сертификат на въезд в Палестину. К тому времени англичане уже перекрыли пути для беженцев. «Это чудо! — закричала мама, — Мы спасены!» — и кинулась всех целовать. За столом говорили только о Палестине. Я молчал. Сама мысль о бегстве претила мне, казалась позорной. И потом, в те годы я считал себя скорее поляком, чем евреем. Отец знал. Мы не раз спорили с ним. «Отступник», — кричал он в гневе по-польски, как бы показывая, что его сын не достоин родного языка. Теперь понимаю — он мучался. Но в тот вечер, чувствуя на себе его тяжелый взгляд, все больше и больше накалялся. Вдруг отец громко сказал: «Хватит нам греться у чужого костра радостей и печалей. Это время не для глупых слов и поступков». Вначале никто ничего не понял. Лишь мама, сразу почувствовав неладное, положила руку на мое плечо. Я часто думаю, что толкнуло его при всех затеять этот опасный разговор? Хотел предостеречь меня? Или просто потерял голову от волнения и удачи? Быть может, то была судьба? Но я принял это как вызов. Между нами завязался спор. Вы видели когда-нибудь, как весной прорывает запруду? — неожиданно прервал себя Зибуц. — Ничто уже не могло нас остановить. Ни слезы мамы, ни окрики деда. На следующий день я записался волонтером в польскую армию. Потом война, отступление, плен, — старик махнул рукой. — После войны наша старая служанка Франя рассказывала, что они ждали меня до последней минуты. Мама наотрез отказалась уезжать, — Зибуц на миг умолк. Потом улыбнулся своей жалкой дрожащей улыбкой. — Не мне вам говорить. Вы сами знаете, что такое аидише момэ (еврейская мать).

— Да, да, — поспешно кивнула в ответ...

— С кем ты здесь останешься? Соня уже уговорила твоего мальчика. С этим ничего не поделаешь. Так или иначе, еще год, два, и он все равно отошел бы от тебя. Ты еще этого не знаешь, но когда дети взрослеют, они становятся чужими, — задрав вверх голову, мама пыталась поймать мой взгляд.

«Знаю, мама! Уже знаю». Мне так хотелось поделиться своей болью. Но, сцепив зубы, упорно глядела в пол, словно для того, чтобы лучше запомнить ее больные, отекавшие ноги.

— Оглянись! Все давно уехали. Кацы, Горелики, Заксы, — мама загибала один за другим сухонькие морщинистые пальцы, — на нашей улице мы остались последние, — она дернула меня за руку. — Что молчишь? — внезапно цепко схватила и потащила по длинному извилистому коридору. — Идем. Еще есть время. Можно все изменить.

— О чем ты, мама? — слабо сопротивлялась я.

Из-за поворота доносился приглушенный голос тети Сони:

— Женя! Куда ты пропала? Пишки! Простыни махровые — пять штук, простыни льняные — двадцать, наволочки...

Мама рывком распахнула белую высокую дверь. Тетя Соня обернулась и, смерив меня взглядом, процедила:

— А, наша шикса (иноверка). Явилась, не запылилась.

— Нам нужно серьезно поговорить, — храбро начала мама, и я заметила, как жалко дрожат у нее щеки.

— Поговорить? — деланно удивилась тетя Соня. Я перехватила испуганный мамин взгляд.— О чем говорить? — все больше и больше раскаляла себя тетя.— Я давно раскусила эту штучку! Она из тех, кто умеет устраиваться в жизни. Знаешь, для чего разводит эти турусы на колесах о Родине? Чтобы не перетрудиться. Багаж, документы — пусть все старухи тащат. Только смотри! Не прогадай! А главное — не рассчитывай на мальчика. Он уедет с нами. Ты опять плачешь? Хочешь совсем ослепнуть? — внезапно набросилась она на маму.— Мало пролила из-за нее слез во время войны? Не бойся! Через полгода твоя любимица зайвится туда на все готовенькое!

Я отступила в полутьму коридора и плотно закрыла дверь.

— Ты не должна обижаться. Соня очень устала. Обещай еще раз все обдумать. Помни, ты остаешься здесь совсем одна,— задыхаясь, мама, наконец, нагнала меня.

— Я привыкла одна,— отрывисто бросила в темноту коридора, нащупывая холодную ребристую головку английского замка.

— Зачем ты так? — упавшим голосом прошептала мама и тихо всхлипнула.

— Не нужно! Слышишь? — и прижала к себе хрупкое старушечье тело.— Оставайся здесь со мной.

— Здесь? — с ужасом вскрикнула мама.— Ты ничего не понимаешь. Ты была еще маленькая, когда началась война,— залепетала она.— Я тоже никуда не хотела уезжать. Но Соня настояла. Твой отец, светлая ему память, с трудом посадил нас на последний поезд. Если б не Соня...

— Что произошло между вами? Почему мы с тобой уехали от бабки Лукерьи? — внезапно вырвалось у меня.

— От бабки Лукерьи? — повторила она растерянно.— Кто тебе рассказал?

— Я помню, мама,— и в упор посмотрела на нее.

— Что ты помнишь? Что?

— Крестик на шее. Сани. Снег. Сильный мороз. Ты толкала меня: «Не спи, Маша! Не спи!» Меня тогда звали Машей. Ты все время твердила: «Тебя зовут Маша Кулешова».

Мама резко отпрянула:

— Не может быть! Прошло столько лет!

— Всего лишь полвека,— натянуто улыбнулась я,— из-за чего вы поссорились?

Мама сникла под моим взглядом:

— Какое теперь это имеет значение? Важно то, что мы все выжили...

Я напряженно смотрела на беспрестанно шевелящиеся, бесцветные губы старика. И вдруг неожиданно для себя сказала:

— Вам приходилось когда-нибудь ездить зимой в санях?

— Зимой? В санях? — седые брови Зибуца изумленно поползли вверх.— Цо пани муви? Не разумею,— от удивления он перешел на польский. Потом нахмурился: — Боюсь, вы слишком похожи на мою Рахел. Она тоже всегда думала о своем. То, что было ядром всей моей жизни, ей казалось всего лишь никому не нужной скорлупой. Рахел считала, что я жестокий человек,— он испытующе посмотрел, словно призывая меня в судьи.— Да, я не хотел иметь детей. Я просто боялся. Этот безумный мир, эта власть,— он на миг запнулся,— и потом мой характер. Чем старше становился, тем все больше и больше чувствовал, что похож на отца. «Нет,— сказал себе,— это счастье не для тебя, Ицхак!» Рахел не могла меня понять,— внезапно с раздражением вскрикнул Зибуц,— ей хотелось кого-то пеленать, нянчить, кормить. А тут начались отъезды. Она решила все бросить и попытаться устроить свою жизнь там. В последние месяцы мы часто ссорились. Она плакала: «Зачем ты хочешь, чтоб я вышла за тебя замуж? Разве тебе нужна семья? У тебя есть твои камни!» — произнесла последнее слово, он вдруг замер. Потом властно схватил меня за руку.— Идемте. Здесь недалеко.

Старик шел так быстро, я едва поспевала за ним. Куда делось его шарканье, его шажки — маленькие, робкие, словно нащупывающие твердую почву под ногами. Петляя дворами, вывел к заброшенному пустырю, заросшему кустами. Неподалеку высились многоэтажные дома. Оттуда доносился приглушенный шум машин. Где-то в стороне была дорога. Тут царил тишина, словно мы вдруг оказались за городом.

— Уже близко,— кинул старик через плечо. Я все больше и больше отставала от него. Ноги путались в густой колкой траве.— Здесь!

Зибуц остановился возле невысокой гранитной глыбы, достал свою серую тряпицу. Что-то нашептывая и сокрушенно качая головой, начал тереть невидимое глазу пятнышко. Я украдкой огляделась. Через весь пустырь от камня по направлению к шоссе, на равном расстоянии друг от друга, виднелись приземистые гранитные столбики.

— Что это?

Зибуц словно очнулся.

— Тут их всех выстроили в колонну и повели этой дорогой в газовни,— он махнул в сторону столбиков.

— В газовые камеры? — переспросила, ощущая знобящую пустоту в груди. Лицо старика оставалось спокойным и бесстрастным.

— После — печь,— будничным тоном продолжал Зибуц,— а пепел — в яму. Сейчас мы пройдем с вами по этому пути, и вы увидите это место.

— Давайте в следующий раз,— малодушно взмолилась я,— вы, наверное, устали.

Он пожал плечами:

— Это была моя работа. Я водил здесь экскурсии,— и бросил на меня проницательный взгляд.— Там мой дом. Мы зайдем. Поговорим о деле. Времени осталось очень мало. Вам скоро уезжать. Следующего раза, сами понимаете, может не быть,— и пошел, не оглядываясь, словно сознавая свою власть надо мной.

Мы завернули за угол и оказались перед крохотным домиком, вросшим чуть ли не до половины в землю. Он стоял, зажатый между высотными зданиями. Казалось, присел на корточки. В палисаднике высилась белая мраморная стена, испещренная сверху донизу крупными квадратными буквами. Все было обнесено невысоким покосившимся штакетником.

— Муй маёнтэк (имение),— невесело усмехнулся Зибуц.

— Что здесь написано? — я угрюмо кивнула на мраморную стену.

Он повернулся к ней лицом, достал из кармана очки. Одна дужка была привязана грязной тесемкой. Повертел их в руках и, не надевая, начал нараспев:

— Мишпаха (семья) Коган, мишпаха Вайсман, мишпаха Зибуц,— внезапно оглянулся,— наверное, это грех. Я не написал здесь имен. Но тогда бы все не вместились. Тут,— он шаркнул ногой по земле,— больше двух тысяч семей,— и повторил по-еврейски: — Цвай таузенд.

— Вам нужно отдохнуть,— шепнула чуть слышно.

Старик рассеянно кивнул. Вдруг оживился:

— Как вам камни? — и приосанился.— Конечно, нужно бы повыше. Но у меня было мало пенёндзув, денег! И потом, кто же знал, что камни, как старые люди, с годами врастают в землю? А сколько потратил сил! — Зибуц прикрыл глаза.— Ездил, выбирал. И как торговался! Из-за каждого гроша. Ведь у меня не было прежнего богатства! Но, думаю, в грязь лицом не ударил,— он надменно усмехнулся,— разве вы где-нибудь видели такое?

Усмешка покорибила меня:

— Как можно жить в этом доме? Ступать по этой земле?

Он сразу сник и печально посмотрел на меня:

— Да, да. Вы правы. Как низко мы пали по сравнению с другими народами. Даже самое малое можем получить только путем хитрости. Я купил кусочек земли. Слепил домик. На последние деньги поставил камень. Но у меня не было другого выхода. После войны эта власть разрушила еврейское кладбище. Там построили вокзал.

— Вокзал? — на мгновение все поплыло передо мной. «Так вот отчего такая буйная зелень! Вот откуда мощенная разноцветными мраморными плитами площадь!»

Мы вошли в дом. Старик придвинул мне единственный стул и засуетился: «Чай? Кофе?» Не дожидаясь ответа, подошел к старому шкафчику, скрипнув дверцами, достал две чашки и исчез за перегородкой. Я сидела, боясь шевельнуться. Будто издалека доносилось шарканье ног, тихий шорох, едва слышная капель воды.

«Уходи отсюда быстрее!» — шепнул рассудочный голос.

Я порывисто встала со стула. И в тот же миг ко мне подскочил Зибуц. Словно все это время чутко прислушивался, подстерегая каждое мое движение.

— Найн, найн! Вы не уйдете! — он захлебнулся. Медленно перевел дыхание. — Выслушайте. Прошу вас. Вы — честный человек. Зибуц не зря прожил столько лет. Он знает людей. Зибуц хотел бы иметь такую дочку. Я уже говорил. Здесь весной приезжал один аид из Вильно. Сразу понял, что это тот еще гешефтмахер. Нет! Мне такой человек не нужен. Зибуц выбрал вас, — старик умолк. Казалось, собирается с духом. Внезапно побледнел и медленно, торжественно произнес: — Ицхак Зибуц решил подарить вам этот дом и землю, — он взял меня за руку, — это очень дорогой подарок. Земля стоит больших денег. Но там есть условие, — он кивнул на какие-то бумаги, лежащие на простом дощатом столе, — да, условие, — твердо повторил Зибуц. — Вы никогда не сможете продать эту землю, и вы должны следить за памятниками. Для этого я оставляю вам счет в банке, — старик строго взглянул на меня. — Помните! Только на памятники, — глаза его лихорадочно блстели. Лицо нервно подрагивало.

Я отшатнулась. «Нет!» — чуть было не крикнула, но лишь крепче сжала губы...

...Мама напряженно смотрела прямо перед собой.

— Не сердись. Хочу тебе сказать одну вещь. Если здесь что-нибудь начнется, не выходи на улицу без темных очков. Твои глаза тебя выдадут.

— Хорошо, мама, — покорно ответила я.

Едва вышли из автобуса, она сразу же вынула из потрепанной соломенной сумочки старинный китайский зонтик: на голубом фоне — белые пагоды, с треском раскрыла его. От августовской жары ее лицо было в бисеринках пота.

— Начнем с дяди Кимы — он прямо у входа. Потом подойдем к бабушке с дедушкой, потом к моей школьной подруге Рае Гутман — это по той же аллее, потом к папе... — наморщив лоб, она долго перечисляла далеких и близких родственников. — Посмотри, кажется, никого не забыли? — И заглянула в список, который я держала перед собой.

Мы стояли в чахлой тени полузасохшего дуплистого клена.

— И еще, — сказала она безжизненным, тусклым голосом, — конечно, не дай Бог, но может такое случиться, что у тебя не будет денег на цветы. Знай — это не важно. По нашему обычаю цветы не нужны. Главное подойти и постоять хоть пару минут.

— Хватит, мама, — мягко перебила ее, — смотри, тетя Соня идет.

Она еще издали замахала нам громадным букетом:

— Такое пекло! — как всегда, в последнее время была раздражена и взвинчена. — Только давайте быстрее! Еще куча дел, — и бросила на нас нетерпеливый взгляд.

— Сегодня быстрее не получится. Я должна со всеми попрощаться, — твердо ответила мама, — и не смей подгонять! — В ее выцветших глазах вдруг вспыхнули прежние, давно забытые искры гнева. Она повернулась ко мне. — Ну, веди. Сейчас мы с тобой проверим, все ли ты запомнила, — взяла под руку и пошла, не оглядываясь, словно мы с ней были только вдвоем.

Перед нами высилась давно небеленая, облупившаяся стена кладбища. Железные кованые ворота распахнуты настезь...

...Старик исподлобья смотрел на меня. Я каменно молчала. Внезапно он крепко сжал мои пальцы. И боль вернула к действительности.

— Нет!

— Зачем же пани называет себя еврейкой? — Зибуц окатил холодным взглядом.

— Это не зависело от меня, — хмуро произнесла я, — да и потом, какая разница? Человек есть человек.

— Вот как! Тогда подойдите сюда! — он подтолкнул меня к висевшему на стене маленькому зеркальцу. — Посмотрите внимательно. Разве эта женщина не плод с древа Израилева? Кто дал вам право захлопывать за собой дверь

в еврейство? Или, быть может, пани выкрест? У нас тут есть такие. Ходят в костел. Целуют ксендзу ручку,— он гадливо передернулся.

«Выкрест? Вот оно что! Веребочка с крестиком! Но это было так давно». И, непроизвольно коснувшись шеи, пробормотала:

— Все люди.

— Но если пани безразличен ее народ, то почему не изменила ему? Почему не взяла себе другое имя? Фамилию? — губы Зибуца сложились в презрительную усмешку.— В конце концов, за деньги можно сделать все! — Я пожала плечами. В этот миг мне хотелось лишь одного — вырваться из этого дома. Старик, не дожидаясь ответа, высокомерно прищурился.— Понимаю, пани хотела остаться честной. Вы предали наши страдания! — вдруг вскрикнул он, и в его блеклых голубых глазах мелькнула ярость.

«Почему людей объединяют лишь боль, ненависть и страх перед грядущей опасностью?» — на меня навалилась нестерпимая безысходность.

— У каждого народа своя судьба,— угрюмо ответила я.

— Мне жаль пани. У пани, кроме самой себя, никого в этом мире нет. Вам не страшно одной? — и требовательно посмотрел мне в глаза.

Неприязнь к старику нарастала с каждым его словом. «Этот человек хочет разобрать тебя на части, точно забавную игрушку, потрогать все твои рычажки и пружинки. И только для того, чтобы заставить сделать то, что считает нужным».

— А вам? — отрывисто спросила я.

Мои слова озадачили его.

— Страшно? — медленно произнес он.— Да, вначале было страшно. Но потом понял, что не один. Они всегда со мной,— он кивнул на пол. И мне стало жутко.

Я сделала нерешительный шаг к двери.

— Одну минуточку,— не спуская с меня глаз, Зибуц быстро подошел к столу. Лихорадочно вороша бумаги, вкрадчиво спросил: — А деньги пани не интересуют? Нет?

— Как вы смеете? — вспыхнула я.

Он залился высоким пронзительным смехом.

— Так и знал. Все русские евреи такие. Никто из вас не знает, зачем послан в этот мир. Ничего за душой. А гордости, что у пана Потоцкого. Кто был ваш дед? Портной? Продавец рыбы?

— Сапожник,— с вызовом отозвалась я.

— Молоток и колодки,— Зибуц снова засмеялся,— это сразу видно. Женщина два дня в городе и ни на грош ничего не купила себе. Где ваши украшения? Кольца? Серьги? Вы не знаете, что могут дать деньги! У вас никогда их не было. На то, что оставляю, вы безбедно проживете до конца своих дней. Я с того света не смогу проверять ваши счета! Сколько людей хотело бы быть на вашем месте! Этот еврей из Вильно...

— Чем вы торгуете? — сдавленно выкрикнула я.— Мелкий лавочник!

Он ошеломленно посмотрел, потом взгляд его скользнул к маленькому окну. Через грязное стекло была видна задняя бугристая сторона памятника. Она позеленела от сырости и заросла мхом. Из глаз старика выкатилось несколько мутных капель. Они медленно поползли по впалым щекам, по тонкому длинному носу.

— Вы не должны так говорить. Тут приезжал большой начальник. Предлагал квартиру, деньги. Я им сказал: «Найн! Зибуц не продает пепел евреев». В этом городе все ждут моей смерти. Когда-то здесь была окраина, а сейчас — центр. Им нужна земля. И они свое дело сделают,— он наклонился, и я почувствовала тяжелый запах больного старого человека.— Эти люди подкупили доктора, у которого лечусь. Следят за мной. Перехватывают письма,— выкрикивал он тонким прерывистым голосом.— Теперь у меня нет выбора. Слишком долго тянул. Мои дни сочтены.

Я стояла, вжавшись в косяк. Наконец, хрипло выдавила из себя:

— Мне нужно подумать.

— Гут,— прошептал старик и открыл дверь.

Вечером следующего дня кто-то постучался ко мне в номер.

— Пани позволит? — у порога стоял портье.— Письмо от пана Исакия,— и, двусмысленно усмехаясь, протянул мне конверт.— Пан в кавярне,— продолжал он по-польски, показывая в сторону окна, из которого были видны разноцветные зонтики.— Хочу вам поведать, пан Исакий странный старик. Это все знают,— прищурившись, портье покрутил пальцем у виска.— Он обещал пани наследство?

— Так,— растерянно пробормотала я.

Портье коротко хихикнул:

— Пан всегда приходит к приезжим и обещает наследство. Весной один пан из Литвы...

— Спасибо,— я захлопнула дверь.

Торопливо надорвала конверт. Из него выпала записка. Старомодным витиеватым почерком на плотной глянцевиной бумаге была выведена всего одна строчка. «Осталось мало времени. Я жду. Ицхак Зибуц». Прячась за занавеской, бросила быстрый взгляд на площадь. Ресторанчик еще не работал. Столики были пусты. Лишь за одним, глядя в упор на мое окно, сидел Зибуц. «Конечно, старик не в своем уме. Как раньше не догадалась? Торопливая, сбивчивая речь. Напряженно-пристальный взгляд. Этот дом! Все было ясно с первой же встречи!» — и быстро отступила в глубь комнаты.

До конца моего пребывания в городе оставалось несколько дней. Теперь с работы бежала прямо в гостиницу, нигде не останавливаясь. Но все равно то и дело сталкивалась с Зибуцем. Он облюбовал скамейку у входа в отель. Обычно сидел, подперев рукой голову и перекинув ногу за ногу. Но ни разу за все это время не сделал даже попытки заговорить со мной. Встречаясь взглядом, сдержанно кланялся, тотчас отводя глаза.

В последний вечер я рано легла спать и сразу же уснула.

Но среди ночи внезапно проснулась, словно кто-то толкнул меня. Я открыла глаза. В номере было темно.

Створки приоткрытого окна тихо поскрипывали от порывов ветра. «Наверное, будет дождь,— мелькнула полусонная мысль, и вдруг обожгло: — А ведь ты отлично знаешь — старик в здравом уме. Что с того? — угрюмо попыталась возразить.— Почему я должна взваливать на свои плечи такой непосильный груз? Разве в этом мое предназначение?»

Встала, зажгла свет и подошла к окну. Город спал. Как и в первый день, с завистью подумала о чужой покойной жизни. Внезапно в тусклом свете фонаря заметила за одним из столиков чей-то неясный силуэт. «Да ведь это Зибуц!» — отпрянув, стремительно задернула портьеру и прислонилась к стене. Меня охватило смятение. Наконец, собравшись с духом, метнулась было к двери. Но сразу замерла в нерешительности. «Наверняка на ночь отель запирается. Значит, придется будить портье,— представила его быструю недобрую усмешку.— Что же делать?» Когда вновь осмелилась взглянуть на площадь, человека за столиком не было.

Утром следующего дня пришла на вокзал. Автобус уже был на остановке. Стараясь не глядеть по сторонам, быстро вошла в салон, села на свое место и прикрыла глаза. Но вот дверь с шипением закрылась. Я украдкой посмотрела в окно. Зибуц сидел на краешке скамьи. Не то спал, не то подремывал. Внезапно поднял веки. На мгновение наши взоры скрестились. Он равнодушно, точно мы были незнакомы, отвел взгляд. Я рывком приподнялась. «Подождите!» — чуть было не сорвалось с моих губ. Но в тот же миг автобус резко тронулся. Меня отбросило назад.

АВГУСТ МУРАН

Блуждают звезды в языке...

* * *

Зачем в пылающей строке —
как отраженье небосвода
в текущей медленно реке —
есть совершенство и свобода...

Я тем живу который год,
как в жизни нет и не бывает.

И лишь безумный звездочет
по книгам будущее знает.

И только в Прошлое свое
перелагаю веру в чудо.
Текут стихи в небытие...
Куда? Надолго? И откуда?..

* * *

Как редко я в жизни гордился
своим азиатским лицом
и, как пионер, открестился
от матери было с отцом.

И больше молчанием мама,
чем словом, не может сказать
о силе Грядущего Хама,
сломившего сына и мать.

Не сможет сказать и поныне
о вспухнувшей с каждой строфой
каленным железом на сыне
прожженною пятой графой,

о долго, с упорством калеки,
стремящемся вспять, вкривь и вкось
в ту Светлую Даль человеке,
в которой пожить не пришлось...

Воронкою Дантова Ада
не память сжимает меня —
а вечность из хрипов «не надо!»
в полымя несет из огня.

Как будто рождаясь когда-то —
раскаяньем первым объят —
мне Мир был открыт как РАСПЛАТА,
где я без вины виноват.

¹ Август Иванович Муран родился в 1965 году в Якутии. Окончил Ленинградский университет, стажировался на кафедре философии культуры ЛГУ. Печатался в Якутске, в Москве, в Париже. В Якутске издан сборник стихов «В переулках судьбы» в 1988 году. Живет в Якутске.

* * *

В те мгновения перед расстрелом
Достоевский молился навзрыд
между собственным Словом и Делом...
Вот таким предо мной он стоит.

...Вот таким и стоит предо мною
сн один на один со свечой.
Окруженный Россией и тьмою,
разделенных Бессмертной Душой.

И оттуда, что скрыто расстрелом,
его взглядом в себя заглянуть,
вместе с ним приподняться над телом
...и не сделаться лучше ничуть.

88

Памяти умершего художника

Малое счастье саха...

А. Кулаковский

Все чаще мне снится художник,
художник, что болен собой...
детдомовец, казеннокоштник,
со слишком советской судьбой.
Пронесят якутские судьбы
их потустороннюю суть.
О как в эту скрытую суть бы
пытливым умом заглянуть...
Кто видел пространства иные,
кто слушал смертей Голоса —
из огненной дикой стихии
случайно на свет родился.
На что была эта квартира
тому, кто воистину был
посланником Верхнего Мира¹
и жизнь свою поторопил.
Он умер, конечно, в общаге...
И только уже потому,
что стали холсты и бумаги
совсем неподвластны ему.
Короткое счастье якута,
кривая судьба якута...
Бредущего из ниоткуда.
Добравшегося в никуда...

Вот так и закончил художник
с открытым якутским лицом...
Что пьяница был и картежник
и не был, конечно, дельцом.
Короткое счастье якута
так быстро подходит к концу...
И так не идет почему-то
к якутским глазам и лицу.
От образов несовершенно,
от несовершенно людей
стремглав промелькнул
во Вселенной
всей страшной судьбою своей...
Туда, где молочные реки
размыли свои берега
и в каждом земном человеке
уже не увидит врага...
Туда, где потоки кумыса,
омыв небожителей пир,
с обильных столов пролилися
по карточкам в наш Средний Мир...
И там уже, кем бы он ни был
и где мне не видно ни зги,
Якутское Звездное Небо,
немного ему помоги!

* * *

Стихи рождаются из боли,
от смерти что на волосок,
и окруженный воин в поле
стреляет сам себе в висок.

Неумолимая стихия
сама с собою говорит.
Не слышит, сколько ни пищи я,
не дышит, если не болит.

¹ В якутском эпосе Вселенная состоит из Нижнего, Среднего и Верхнего Миров.

И с каждой новой каплей крови,
всю жизнь свою сводя на нет,
я вечность слышу в каждом слове
и обращение планет.

И разве мог не стать поэтом,
рожденный на материке,
где по неведомым приметам
блуждают звезды в языке,

где, снова преломляя око,
сквозь время проникает взгляд
и выдыхаются глубоко
тысячелетия назад...

Библиотека отца

Эта отцовская библиотека
стала моею в назначенный час
и расстоянием от века до века
соединила во времени нас.
Остановившая время квартира
перенеслась в девятнадцатый век,
отгородившись от целого мира,
как захотел того сам человек.
С кем умерла его библиотека,
а не чужой окружающий мир.
И переплеты в душе человека
долгою жизнью затерты до дыр...
Заговоривший сквозь время
стихами,
сквозь обращение звезд и планет,
все расстояния смог между нами
преодолеть только
Внутренний Свет.
Лишь возвращение к отчему дому,
вымощенное судьбою отца,
мне приоткрыло весь мир по-иному
и показало с другого конца...
Там никому никогда не знакомы,
перевернувшие все падежи,
окаменевшие в слове погромы,
нерастворимые даже во лжи.

Там со стены над столом
в кабинете
тихо по-детски смеется Толстой
мне со своей недоступной планеты,
как не научится кто-то другой...
Чтобы в стеснившем его переплете
все разгорался бы и не потух
неукротимой фантазией Гете
не поддающийся Разуму Дух.
В эти часы раздвигаются своды,
нет между Жизнью и Смертью
границ,
тысячелетья уходят за годы
и отступают с классических лиц.
Время вокруг пролетает незримо,
и, задыхаясь, судьба говорит,
дышит поэзией Древнего Рима
и выдыхает ее на санскрит...
Чтобы смиренные вечностью
страсти
облюбовали во времени миг —
соединив в одно целое части
мною когда-то прочитанных книг...
Чтобы границы духовной отчизны
стали поэту сквозь время видны
до небывалой подъемами жизни,
до небывалой в стихах глубины...

* * *

Молчите, другие поэты,
уже вы мешаете мне
по-своему капельки света
почувствовать в зимнем окне.

Чтоб звуки потом как мне надо
рукой воплотить на листе,
где айсберга будет громада
строфой лишь на треть в высоте.

Чтоб детский пронзительный Голос
в горах подготовил обвал
и что от него расколосось,
вперед на столетия знал.

АЛЕКСАНДР ПУТКО

О кавалерах красной пуговицы

ВОСПОМИНАНИЯ НЕСОСТОЯВШЕГОСЯ АКТЕРА

Почему я не стал киноартистом? Этот вопрос мне задавали потом многие. Да и сам я задумывался, как это получилось, что путь мой, казалось бы, сразу определившийся в детстве, вдруг вильнул в сторону. А ведь было какое-то озарение, словно пронесся перед глазами пестрый хвост сказочной жар-птицы. Не сумел ухватить вовремя? Не повезло? А может быть, почувствовал, что не нужно, что не мое это? Только стал я уходить все дальше и дальше от того, что вошло в душу, захватило, полюбилось, да и сейчас сидит во мне прочно.

ВСТРЕЧА С ВОЛШЕБНИКОМ

А случилось это очень давно — летом 1938 года. Ничто в тот день не предвещало чуда. Мы гоняли мяч на боковой аллее Тверского бульвара. Мимо за чугунной оградой с грохотом проносились трамваи. Можно было прокатиться на подножке пару остановок — от гранитного Тимирязева до бронзового Пушкина, который в то время еще стоял в конце бульвара и, задумчиво склонив курчавую голову, взирал на противоположную сторону площади, словно догадывался, что со временем переставят его туда вместе с пьедесталом. Произошло это в 1950 году. А тогда на противоположной стороне площади громоздились еще не убранные груды битого кирпича — остатки снесенного Страстного монастыря.

Потные и чумазые, носились мы в пыли за мячом. Играли, как всегда, азартно — двое на двое в одни ворота, которые защищал наш испытанный вратарь Ванька-Китаец, прозванный так за узкие, чуть раскосые глаза.

Вот тут-то и появился волшебник.

Поначалу его никто не заметил. Да и не очень он походил на волшебника: невысокий, добродушный на вид толстячок в круглых роговых очках, в широких клетчатых штанах-гольфах и тупоносых ботинках. Он подошел к Ваньке и вкрадчиво спросил:

— Мальчик, хочешь сниматься в кино?

Тот глянул в сияющие очки толстяка и деловито шмыгнул носом:

— Угу.

— Вот и прекрасно. Приходи завтра на киностудию. Это недалеко — в Лиховом переулке.

В руке его появился небольшой картонный квадратик.

— Это пропуск, не потеряй. Адрес на нем написан. Предъявишь при входе вахтеру, и тебя пропустят. Понял?

— Угу! -- осипшим от волнения голосом ответил Ванька.

Волшебник, сделав свое дело, как и полагается, исчез, а мы, обступив счастливец, разглядывали пропуск. На нем было написано:

Дорогой друг!

Киностудия «Союздетфильм» приглашает тебя
на просмотр детей для съемок в кинофильме
«Сибиряки».

Мы отчаянно завидовали Ваньке-Китайцу. Еще бы! Он станет киноартистом, знаме-

Печатается с сокращениями.

Александр Путко (1925—1992) — писатель, радиожурналист. В № 6 за этот год «Дружба народов» опубликовала подборку его рассказов «Эпиталама по-фронтовому».

нитым на всю страну. В то время на экраны выходило четыре-пять картин в год. Телевидения еще не было, поэтому каждый фильм смотрели практически все. А многие и не по одному разу. И, разумеется, знали в лицо всех артистов, даже исполнителей небольших эпизодических ролей. Их сразу узнавали на улице, о них рассказывали всевозможные удивительные истории. А мы — мальчишки — отождествляли их с героями.

Слава приходила ко всем снимавшимся в кино, независимо от исполнительского мастерства. Уже сам факт появления человека на экране делал его знаменитым.

Почему же такое счастье привалило не мне, а Ваньке-Китайцу? Придя домой, я стал внимательно разглядывать себя в зеркале и все больше убеждался, что судьба обошла меня справедливо. Ну, в самом деле, какой из меня артист? Лицо так себе. Самое обыкновенное, ничем не примечательное, к тому же чумазое. Коленки в ссадинах. А главное, волосы торчат во все стороны вихрами. Сколько раз мама говорила, чтобы я сходил в парикмахерскую!

Вскоре весь двор знал, что Ванька-Китаец будет сниматься в кино. А на следующий день мы ватагой увязались за ним на киностудию. Избранник судьбы снисходительно разрешил сопровождать себя. До Петровских ворот ехали на подножках трамвая. В то время двери вагонов автоматически не закрывались и мальчишки с шиком ездили, стоя на нижней ступеньке, держась за деревянный поручень. От остановки до Лихова переулка рукой подать.

Невероятные события начались сразу, как только мы приблизились к четырехэтажному желтому зданию киностудии. На площадке у подъезда стоял... Петр Алейников! Сам Петр Алейников, как и в кино — улыбчивый, чудаковатый, на вид простоватый, полюбившийся нам по фильмам «Семеро смелых» и «Комсомольск». Он беседовал с пожилым седовласым человеком, курившим изогнутую трубку, наверное, тоже ужасно знаменитым. Мы были уверены в этом хотя бы потому, что он, не обращая внимания на нас, стоящих с разинутыми ртами, запросто разговаривал с самим Петром Алейниковым.

А Ванька совсем задрал нос, будто и он здесь свой человек. Уверенно потянул на себя тяжелую дверь. И мы за ним вошли в вестибюль, заранее готовые к тому, что нас сейчас же вытурят отсюда, как непрошенных гостей, как посторонних, которым почему-то всюду вход воспрещен.

Достав из кармана карточку, уже изрядно потертую и захватанную нашими пальцами, Ванька с независимым видом предъявил ее усатому старику вахтеру, сидящему за столиком у двери.

— Живее! В тот коридор, первая дверь налево! — сказал вахтер, не взглянув на Ванькин пропуск и явно обращаясь ко всем нам.— Поторапливайтесь, там уже все собрались!..

Не дожидаясь вторичного приглашения, мы прошмыгнули в боковой коридор и оказались в толпе детей. Какая-то женщина тут же подошла к нам и записала наши фамилии в длинный список. Некоторые дети были с родителями. Папы и мамы волновались. Каждый давал советы своему чаду, одергивая, поправляя его одежду, приглаживая волосы:

— Когда войдешь, не забудь поздороваться!

— Не вздумай сунуть руки в карманы!

— Если тебя о чем-нибудь спросят, отвечай четко и ясно!..

Женщина со списком то и дело громко произносила чью-нибудь фамилию, и тот, кого она называла, сразу робел, становился ниже ростом и на ватных ногах входил в открывающуюся перед ним дверь.

Помню большую комнату, высокие окна со шторами. Напротив входной двери длинный стол. За ним несколько человек — мужчины и женщины. Главный из них (это сразу чувствовалось) — крупный, высоколобый, с небольшими седоватыми усиками под заостренным, опущенным вниз носом, сидел в центре. Рядом откинулась на спинку стула, положив перед собой длинные тонкие руки, высокая, худая и угловатая женщина с текущими по плечам льняными волосами. Я видел ее глаза, устремленные на меня, — светлосерые, широко раскрытые и очень заинтересованные.

Я еще не знал, что судьба свела меня с выдающимися деятелями кино Львом Владимировичем Кулешовым и Александрой Сергеевной Хохловой.

Александра Сергеевна попросила меня прочитать какое-нибудь стихотворение, лучше всего басню. Я волновался. Во-первых, боялся разоблачения, поскольку находился на киностудии незаконно, не имея карточки-приглашения. Во-вторых, боялся при чтении

сбиться, забыть слова. И никак не мог решить, какое стихотворение прочитать — я знал их много, но ни одного твердо. Да и не любил я декламировать. Мне казалось, что стихи нужно читать торжественно и с завыванием. Подумав, я спросил, можно ли прочитать рассказ.

— Можно,— кивнул Лев Владимирович.— А какой рассказ ты хочешь читать?

— «Баню».

Это было верхом нахальства. Вернее, нахальством от страха. Рассказ Михаила Зощенко «Баня» я наизусть не знал. Помнил его приблизительно и потому честно предупредил, что рассказывать буду своими словами. Кулешов высоко поднял брови и посмотрел на меня с любопытством.

Я читал, изо всех сил подражая замечательному артисту Владимиру Яковлевичу Хенкину, в то время чрезвычайно популярному, часто выступавшему по радио. Я даже прикартавливал, как Хенкин. Зрители за столом то и дело покатывались, Кулешов утирал слезы. И я был уверен, что им нравится рассказ и то, как я талантливо его читаю. Это меня окрыляло и вдохновляло. Лишь потом, спустя годы, я ужасался, вспоминая эту сцену: вихрастый тринадцатилетний шкет читает Зощенко перед крупнейшими мастерами кино. Читает, чудовищно перевирая текст, неся отсебятину и при этом еще изображая Владимира Яковлевича Хенкина! Было над чем хохотать!

Но, видимо, моя непосредственность и искренность, наконец, и нахальство понравились Кулешову и Хохловой. Они еще не раз просили меня читать «Баню».

Позднее в одной из статей Льва Владимировича я прочитал, что, отбирая исполнителей главных ролей в «Сибиряках», он просмотрел несколько сотен детей. Но в ту пору я не представлял себе, насколько серьезен этот конкурс. И каждый раз с радостью приходил на киностудию, где все было необычно и интересно, где в полумраке просторного, как мне тогда казалось, вестибюля можно было в любую минуту увидеть кого-нибудь из очень известных артистов, причем даже в игровом костюме и гриме.

Отбор детей затянулся. Меня вызывали, фотографировали, снимали пробные кадры на пленку. Впервые увидев себя на экране при просмотре пробы, я ужаснулся. Мне показалось, что я очень плохо получился, все делал фальшиво, все не так. И, значит, меня обязательно забракуют. На самом же деле (я это узнал потом) моя кандидатура на одну из главных ролей была утверждена почти сразу. А вот напарника мне подбирали очень долго. Наконец и он был найден — мой тезка Саша Кузнецов, ныне ученый-орнитолог, писатель, известный альпинист, мастер спорта, человек разносторонний, увлекающийся: собиратель старинного оружия и наградных знаков, любитель чеканки. Но в те предвоенные годы он был, как и я, просто московским мальчишкой, случайно попавшим на киностудию «Союздетфильм».

Что же касается моих друзей, с которыми я впервые пришел на студию, в том числе и Ваньки-Китайца, то их не взяли сниматься даже в массовках. Почему-то они не подошли. Но не беда. Они избрали иные пути в жизни. Ванька, например, стал летчиком гражданской авиации, летал на воздушных лайнерах по дальним трассам. Но тогда он был обескуражен: ведь это его пригласили на киностудию, ему дали карточку-пропуск, а сниматься взяли меня! Обидно, конечно.

ВОПРОС РЕШЕН — Я БУДУ СНИМАТЬСЯ

Итак, вопрос решен — я буду сниматься. Моя мама — машинистка, измученная постоянной сверхурочной работой, в полном смятении подписала договор с киностудией. Подписала, конечно, не сразу, а после долгих волнений, выслушав массу советов людей сведущих и несведущих. Случалось, разговоры велись и при мне.

— Ни в коем случае! — размахивали руками одни.— Кино дурно влияет на детей! Там бог знает какие нравы! Он такого насмотрится! (Это обо мне.) У них, у артистов, ведь как? Деньги гребут лопатой, ну и, понятно, всякое себе позволяют...

— Это прекрасно! — уверяли другие.— Кино, как и всякое искусство, возвышает человека. А может, у него талант! (Это тоже обо мне.) Представь, ты ему запретишь сниматься и погубишь талант, сломаешь жизнь сыну! Он тебе этого не простит!..

— Кино оторвет его от учебы,— предостерегали третьи.— А он и так не блещет успехами.

— Пусть поработает,— советовали четвертые.— Пусть узнает, что такое трудовой

заработок. Как-никак деньги, и притом немалые. Сколько ты еще будешь стучать на машинке по ночам? Сколько будешь биться за каждую копейку? Вот и отдохнешь немного, сил наберешься, здоровье поправишь.

Поправить здоровье мама, увы, не могла. Она болела туберкулезом — болезнью в то время практически неизлечимой. Жили мы с ней в десятиметровой комнате в большой коммунальной квартире на улице Станиславского. Наше окно на первом этаже выходило на магазин кустарных изделий, на широкие окна, заставленные резной мебелью, расписной посудой, шкатулками. Все это стоило очень дорого и маме было не по карману. Мы жили скромно на ее мизерную зарплату, хотя, признаюсь честно, я не ощущал этого. У меня было все необходимое: кое-какая одежка, перешитая из вещей более состоятельных, но тоже небогатых родственников. Были у меня многократно чиненные ботинки, выдавший виды школьный портфель, набитый учебниками и тетрадями. И еще книги. Много книг, истрепанных от частого перечитывания. Пушкин, Лермонтов, Чехов, Марк Твен, Стивенсон, Ильф и Петров, Гюго, Дюма, Зоценко... Мама говорила, что в интеллигентной семье обязательно должны быть книги.

Увлекался я и рисованием. Все находили, что у меня есть способности, а мама мечтала, чтобы я стал художником. Некоторое время по ее настоянию я даже занимался в изостудии Дома пионеров. Но рисовать вазы с цветами, яблоки, помидоры мне быстро надоело. Я рисовал дома иллюстрации к прочитанным книгам: гладиаторов, индейцев, героев гражданской войны.

В моей вихрастой голове был полный сумбур от всего увиденного, услышанного, прочитанного. В дневнике всегда множество замечаний: «рисовал на уроке алгебры», «читал на занятиях по ботанике», «убежал с урока черчения».

Бедная мама! Представляю, как нелегко ей было решиться поставить подпись на договоре. Студия за это обязуется платить ей триста пятьдесят рублей в месяц. Как раз столько же, сколько мама зарабатывала, сидя ежедневно за машинкой по десять-одиннадцать часов.

Фильмы тогда снимались очень долго. Подготовительный период растянулся на несколько месяцев. Казалось, меня совсем забыли. Я приуныл: вдруг они там чего-нибудь передумали.

И вот, когда я совсем стал терять надежду, вдруг позвонили из киностудии. Меня вызывали на съемку.

«Союздетфильм» выпускал кинокартины для юных зрителей. В студии всегда было много детей, особенно в те дни, когда снимались массовки. Дирекция установила строгий порядок: слоняться по коридорам, служебным кабинетам и павильонам нам не разрешалось. Мы должны были находиться либо на съемочной площадке, либо в детской комнате.

Детская комната. Посередине на столике маленький бильярд со стальными шариками, у стен стулья, диван, тумбочка с аквариумом, шкаф с книжками и настольными играми. У двери за небольшим столом сидела женщина, похожая на врача: в белом халате, худощавая, всегда усталая и задерганная. Это была заведующая детской комнатой Татьяна Захаровна Поволоцкая. От нее я узнал, что Лев Владимирович Кулешов — один из основателей советского кино, что он еще до революции работал на кинофабрике «А. Ханжонков и К^о», был художником, декоратором, актером и режиссером. В ту пору, когда судьба свела меня с Кулешовым, его уже называли «дедушкой советской кинематографии», а ведь было ему тогда всего сорок!

Татьяна Захаровна с увлечением рассказывала нам о том, как снимались первые советские фильмы, как уже в 1919 году начала работать Первая Госкиношкола, в которой преподавал Кулешов, а его учениками были Пудовкин, Фогель, Подобед, Оболенский, Хохлова, а позднее Галаджев и Эйзенштейн.

Несколько слов о фильме, в котором мне предстояло сниматься. Я оцениваю его по меркам и понятиям сегодняшнего дня. Но следует иметь в виду, что в те годы представления были иными, даже у такого мудрого и талантливого художника, как Лев Владимирович Кулешов.

Сценарий был слабым и конъюнктурным. Действие фильма происходило в сибирском селе Новая Уда, где в предреволюционные годы находился в ссылке Сталин. Двое школьников — Сережа и Петя — узнают от старика охотника, что Сталин подарил одному местному жителю свою трубку. Этот сибирский крестьянин в годы гражданской войны стал

партизаном и погиб в бою с японскими интервентами. А трубка Сталина как драгоценная реликвия переходила из рук в руки. Есть на ней заметка — след японской пули под кольцом. Ребята решили разыскать эту трубку и передать ее Сталину. Во время поисков в тайге с ними происходят всевозможные приключения. Наконец, трубка найдена — та самая, пробитая пулей. А тут, кстати, Петю и Сережу награждают за отличную учебу поездкой в Москву. И заключается все их встречей со Сталиным у пионерского костра, разведенного прямо в Кремле неподалеку от Царь-пушки.

Даже в те времена это выглядело развесистой клюквой. Кулешов постарался подправить сценарий. После его правки встреча в Кремле не состоялась наяву, а лишь привиделась во сне одной из девочек-школьниц.

Юных сибиряков — Петю и Сережу — должны были играть мы с Кузнецовым Сашей. Сценарий нам не нравился. Все в нем казалось неинтересным, фальшивым, не таким, как в жизни. Мы слышали, как его ругали Кулешов и Хохлова.

Почему же Кулешов все же согласился снимать фильм?

До «Сибиряков» в течение семи лет он не снял ни одной картины. После выхода на экраны его «Великого утешителя» (это было в 1933 году) начался самый трудный, можно сказать, трагичный период в жизни Кулешова. Его новаторские изобразительные приемы и нетрадиционный литературный материал, к которому он обращался, настораживали официальных блюстителей киноискусства.

«Великий утешитель» получил высокую оценку таких мастеров, как Эйзенштейн, Юткевич, Пудовкин, Барнет. Но это было мнение отдельных представителей творческой интеллигенции, а критика, как она сама утверждала, ориентировалась на мнение масс. Кулешов не осудил О. Генри до конца, не сверг идола буржуазной романтики, писали газеты. «Перед нами одна из самых чуждых нашему зрителю картин, какие только были на советском экране». При обсуждении фильма на одном из заседаний в резолюции было записано: «Путь Кулешова за последние годы шел под знаком крупных художественных и политических ошибок».

И еще один любопытный документ: опубликованные итоги организованного диспута зрителей после просмотра «Великого утешителя» в кинотеатре на Арбате: «По высказываниям зрительская аудитория очень резко выявила себя классово и даже, скорее, по образовательному уровню. Рабочий сказал, что он ничего не понял. Вузовка поняла картину, много о ней думала, но кое-что не поняла... Выступал дворник — сказал, что ничего не понял, говорит, лучшая кинокартина — это «Каштанка».

Семь лет после всего этого Кулешов находился в простое. Он преподавал в институте кинематографии, создал прекрасный учебник кинорежиссуры, читал лекции руководящим работникам кино, но снимать фильмы ему не давали.

Писатель, если его не печатают, все же может продолжать работу в надежде, что его книги когда-нибудь увидят свет. Художник, которого не выставляют, тоже может не прерывать работы, писать картины впрок. Другое дело кинорежиссер. Ему для осуществления творческих замыслов нужна съемочная группа, аппаратура, павильон, декорации, костюмы, пленка и многое-многое другое. Творить для будущего в одиночку он не может. Каково же было художнику, мастеру, великому нигроманту, как его потом назвал Сергей Юткевич, находиться в вынужденном творческом простое семь лет в пору своего расцвета! Получив наконец возможность работать, Кулешов не мог упустить ее. Это было бы выше его сил.

Во-вторых, даже в слабой литературной основе он надеялся проявить себя. И сумел ведь! Но об этом потом.

В-третьих, отказ снимать фильм о Сталине мог получить политическую оценку со всеми вытекающими в те годы последствиями. Находившийся в опале Кулешов наверняка учитывал и это.

И, наконец, в-четвертых, (это скорее не причина, а утешение), сценарий был хоть и плох, но не хуже других таких же наивных, плакатных сценариев, принимавшихся к производству. По-настоящему хороший сценарий был в те годы редким исключением.

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ КИНО

Не знаю, как в других киногоруппах, но у Кулешова все делалось весело, с огоньком. Всегда было место шутке, веселому розыгрышу.

Конечно, атмосфера в киногруппе зависела не только от Льва Владимировича, но и от его товарищей по работе — людей необыкновенных, связанных многолетней дружбой, а главное, творчеством. Александра Сергеевна Хохлова, Леонид Леонидович Оболенский, Петр Степанович Галаджев, Сергей Петрович Комаров — люди высокой культуры, живая история кино. Никто из маминих советчиков, гадая, следует ли отдавать меня в кино, даже не подумал об этом. Считали, сколько я буду зарабатывать, сетовали, что придется пропускать уроки в школе. И никому в голову не пришло, что я буду находиться среди выдающихся деятелей искусства, смогу разговаривать с ними, слушать их рассказы и жадно впитывать каждое их слово. Да одного этого было достаточно, даже более чем достаточно, чтобы отбросить все сомнения!

С каким интересом слушал я рассказы Кулешова о том, как он работал в хронике во время гражданской войны! С оператором Эдуардом Тиссэ из открытой легковой машины они снимали бой с колчаковцами. Неожиданно машина застряла в пятидесяти метрах от вражеской пушки. Казаки сначала оторопели от наглости красных, затем, опомнившись, стали стрелять прямой наводкой, а Тиссэ снимал из машины пушку и панорамой — разрывы снарядов. Снимал с руки тяжелым аппаратом «Дерби».

— А в двадцатом году — польский фронт,— продолжал Лев Владимирович.— Со мной были мои ученики по школе кинематографии: Хохлова, Оболенский, Рейх. Мы написали сценарий и сделали картину наполовину игровую, наполовину хроникальную. Это была, кажется, первая советская картина, снятая на материале гражданской войны. Ленин смотрел ее дважды, и она ему очень понравилась.

Лев Владимирович говорил об этом с нескрываемой гордостью.

Высокий, тонкий, аристократичный Оболенский, с изящными усиками и старомодной тростью, и плотный, коротконогий, такой земной балагур Галаджев увлекательно рассказывали о школе Кулешова, о съемках фильмов в первые годы Советской власти, когда все держалось на энтузиазме.

— Я занимался в школе Кулешова и подрабатывал у Мейерхольда: в одном из спектаклей исполнял чечетку на высокой деревянной конструкции,— вспоминал Леонид Леонидович Оболенский,— ставила мой танец знаменитая Людмила Гетье. И вот, представьте себе, привела она на репетицию своего ученика --- невысокого, с огромным лбом. Ну, какой из него танцор? — подумал я. А молодой человек, возможно, уловив усмешку в моем взгляде, неожиданно выбил такой замысловатый чечеточный «ключ», что все ахнули от восхищения.

Разговорились. Он с интересом стал расспрашивать меня о школе Кулешова, о нашей работе в кинематографе, о монтажных экспериментах Льва Владимировича. В тот вечер мы так и не расстались. Почти всю ночь проговорили, прогуливаясь от Пушкина к Тимирязеву, от Тимирязева к Пушкину. (Все тот же бульвар моего детства!) Под утро я проводил его домой — он жил у Чистых прудов. А через несколько дней Людмила Гетье познакомила его с Кулешовым. Он стал ходить на наши занятия...

Я слушал рассказ Леонида Леонидовича и думал: а что, если бы не было той чечетки в спектакле у Мейерхольда, той встречи и знакомства, ночной беседы на бульваре? Неужели бы иначе сложилась биография Эйзенштейна — он не пришел бы в кинематограф, не создал бы своего великого «Броненосца Потемкина»? Нет, конечно, так или иначе все это должно было состояться, но тем не менее Леониду Леонидовичу Оболенскому очень повезло в жизни!

Затаив дыхание, слушал я рассказы Сергея Петровича Комарова:

— Кино тогда было немым. А как в немом фильме добиться зрелищности? Разумеется, за счет эффектных сцен: драки, погони. А трюковые съемки только зарождались. Значит, многое приходилось делать по-настоящему. Мы, например, прыгали с крыши на крышу, перебежали через ущелье по шаткому мостику. Фогель однажды исполнил веселый танец на венчике заводской трубы. Риска мы не боялись. Тот же Фогель в кулешовском «Мистере Весте» выполнил смертельный трюк. Джудди, которого он играл, перебирается по канату, протянутому между домами на высоте шестого этажа. В тот момент, когда он почти достигает цели, канат обрывается. И Джудди, держась за его конец, описывает в воздухе гигантскую дугу, влетает в одно из окон.

Фогель выполнил этот трюк без страховочной сетки. Единственной страховкой был кожаный манжет, прикрепленный к канату.

Оболенский, Галаджев, Комаров, Хохлова — все они, люди высокообразованные, по-настоящему интеллигентные, были, разумеется, и великолепными рассказчиками.

Большая часть этих историй описана в литературе, в частности, в книгах Кулешова и Хохловой. Теперь они уже стали хрестоматийными. Но тогда, слушая рассказы основоположников советского кино, мы получали представление о том духе преданности и самоотверженности, без которого вообще не может быть настоящего искусства.

САМАЯ ТРУДНАЯ РОЛЬ ИРАКЛИЯ АНДРОНИКОВА

Судьба свела нас и с другими замечательными людьми. В «Сибиряках» снимались Дмитрий Николаевич Орлов, Тамара Петровна Альцева, Даниил Львович Сагал, Георгий Францевич Милляр, Андрей Андреевич Файт.

На роль Сталина пробовались три актера. Самым первым и, по общему мнению, самым удачным исполнителем был Ираклий Луарсабович Андроников — уже тогда прославленный имитатор, автор устных рассказов, литературовед.

Невысокий, кряжистый, одетый в сапоги и защитного цвета френч, он походил на Сталина даже без грима. Развалистой, неторопливой походкой вождя, уже по пути входя в роль, Ираклий Луарсабович направлялся в гримерную, усаживался в кресло перед большим зеркалом и пристально вглядывался в свое отражение, щурясь, вскидывая бровь по-сталински — изломом.

Многочисленные зрители, не только мы, но и взрослые, толпились у двери в ожидании чуда. Гример-Художник Владимир Георгиевич Яковлев священнодействовал. («Художник» с большой буквы — это не описка и не опечатка.) Разложив перед собой на столике множество фотографий Сталина, он тонкими нервными пальцами, скорее музыканта, чем живописца, накладывал тон на лицо актера, натягивал на его голову парик, изменял форму носа с помощью специального пластыря гуммозы, подводил морщины.

Наступал кульминационный момент. Владимир Георгиевич доставал из ящика усы, тщательно обмазывал клеем и, осторожно приложив, утверждал их под носом Андроникова. У зрителей вырывался вздох восхищения. Теперь, с усами, это несомненно был он — великий рулевой. Углубленный в свои думы, никого уже не видящий, точно знающий, что мы расступимся и пропустим его, он поднимался с кресла и шел своей развалистой походкой в павильон, где уже все было готово к съемкам.

Ираклий Луарсабович очень серьезно работал над этой ролью. Подолгу стоя у зеркала, повторял одну и ту же фразу на разные лады, то снижая, то усиливая грузинский акцент, отработывая мимику и жесты, характерные для его героя. Говорят, у него была пластинка с речью Сталина на XVII партсъезде, и он прослушивал ее многократно каждый день.

Как-то раз из озорства я изобразил Андроникова, репетирующего роль Сталина. Кулешов видел это и от души хохотал.

А спустя несколько дней на съемках потребовалось меня чем-нибудь занять, пока оператор Михаил Николаевич Кириллов устанавливал свет. Ослепленный мощными лампами, изнывающий от жары, я с нетерпением ждал, когда кончится эта пытка. Видя мои мучения, Кулешов крикнул:

— Ну-ка, Сашка, изобрази Андроникова!

Я, конечно, с удовольствием стал выполнять его просьбу. Все смеялись. Вдруг отчетливо прозвучал обиженный голос Ираклия Луарсабовича:

— Безобразие! Нашли над чем смеяться!

Никто не ожидал, что он войдет в павильон — в снимавшейся сцене Андроников не участвовал. Но на беду, как раз в это время ему зачем-то понадобился Кулешов. Все смотрели на меня и не видели его приближения. Я тоже не видел, потому что был ослеплен софитами. Получилось неловко. Смех оборвался. Кулешов с озорной и в то же время виноватой улыбкой развел руками:

— Ираклий Луарсабович, дорогой, кто же мог знать, что вы придете?

— Извинение более чем сомнительное! — буркнул Андроников.

В темной части павильона послышались его сердитые удаляющиеся шаги.

До сего дня для меня остается загадкой, как мог Ираклий Луарсабович — человек большого ума, несомненно обладающий чувством юмора, серьезно обидеться на мальчишку тринадцати лет, пусть даже поступившего бестактно. А ведь он обиделся и возненавидел меня. Раздраженно жаловался Кулешову, что «этот противный мальчишка мешает ему работать над образом Сталина». Наша взаимная неприязнь быстро переросла в откровен-

ную, нескрываемую вражду. Я тоже был хорош гусь — умышленно перевирал отчетство Андроникова, с самым невинным видом называя его Луарснабычем. Он возмущался, выходил из себя, кричал, что я хулиган, требовал, чтобы меня наказали. А всех это забавляло.

Интересно, что спустя много-много лет, будучи уже далеко не молодым, я встретился со стариком Андрониковым. Он меня, разумеется, не узнал. Но когда я объяснил, что перед ним тот самый Сашка из «Сибиряков», пакостник, доставивший ему столько неприятностей, он расхохотался. И, обняв меня за плечо, признался, что ему очень хотелось мне отомстить. Он даже следил, не курю ли я тайком, чтобы мне всыпали по первое число.

«Не понимаю,— сказал он, пожав плечами,— почему ты вызывал у меня такую неприязнь?» — «Может быть, потому, что до этого вы изображали всех. А тут нашелся нахал, который посмел ударить вас вашим же оружием,— предположил я.— Да и был бы кто-нибудь посolidнее, а то какой-то уличный сорванец, случайно попавший в кино». — «Возможно,— согласился он, подумав.— Сейчас уже не могу вспомнить, но, думаю, ты изображал меня похоже. Иначе чего бы я злился?»

Помню две коробки с пленкой. Необычные — очень красивые, блестящие, должно быть, заграничные. И наклейки на них были необыкновенными: яркими, глянцевитыми, с четко напечатанными буквами:

Пробные кадры к фильму «Сибиряки»
В роли тов. Сталина — И. Андроников
Сережа — А. Кузнецов
Петя — А. Путко

Пленки были приготовлены для отправки в Кремль. Их просмотрел Сталин. «Хороший артист Андроников,— сказал он.— Но почему не Геловани?» Кулешов, однако, не спешил приглашать Геловани. Он еще пробовал артиста Гольдштаба и сам забраковал его.

Вскоре на киностудии появился проверенный и многократно утверждаемый на роль вождя М. Геловани. Был он высок ростом, строен, красив, эlegantен. Нас он встретил доброй располагающей улыбкой у себя в роскошном гостиничном «люксе». На маленьком столике специально для нас были приготовлены бутылки с фруктовой водой, на тарелках лежали бутерброды и пирожные.

Мы репетировали сцену для новой кинопробы. За широким окном простиралась Манежная площадь. Мы видели Кремль и длинное желтое здание за ним, в котором, возможно, в это время находился настоящий Сталин. И, как ни странно, это создавало особый настрой.

В перерыве между репетициями мы с наслаждением пили сладкую шипучую воду, а краем уха слушали, о чем говорят взрослые. Кулешов объяснял Геловани, что на этот раз ему предстоит впервые изображать Сталина не молодого, а современного, то есть шестидесятилетнего. Геловани кивал головой и вежливо улыбался. Он-то знал, как следует играть Сталина!

Потом были пробные съемки. Геловани пришел на студию со своим личным гримом. С восхищением разглядывали мы шикарный кожаный чемоданчик с блестящими замочками, с большим овальным зеркалом на откидной крышке, со множеством ячейек-клеточек для грима разных цветов, с растушевками, кисточками и какими-то другими замысловатыми инструментами. И вот загримированный Геловани — красивый, величественный, благоухающий, твердой походкой направился в павильон, вежливо улыбаясь встречным — знакомым и незнакомым.

Снятую пробную сцену отправили в Кремль. А вскоре стало известно: Геловани утвержден на роль товарища Сталина. Я думаю, что Ираклию Луарсабовичу Андроникову не повезло лишь по одной причине: он был чересчур похож на своего героя.

СНИМАТЬСЯ В КИНО ТРУДНО

Выпало мне счастье хоть и не долго, но все же быть рядом с Дмитрием Николаевичем Орловым — актером, можно сказать, первой величины. Мы с Сашей Кузнецовым и раньше хорошо знали Дмитрия Николаевича по его выступлениям в радиопередачах. Я жил рядом с Театром Революции и часто бывал в нем, так что видел Дмитрия Николаевича во многих спектаклях. А в кино он сыграл всего лишь три роли. Три небольшие эпизодические роли.

И все они были исполнены с таким блеском, что сразу запомнились зрителям. Кольчужный мастер-озорник Игнат в «Алекса́ндре Невском», рабочий Коробов в фильме «Ленин в 1918 году» и, наконец, последняя роль охотника-наи́йца Дошиндона в «Сибиряках» — мудрого, лукавого носителя таежных преданий.

Почему же это была последняя роль Дмитрия Николаевича в кино? Ответ на этот вопрос я нашел гораздо позднее, прочитав выдержки из дневника артиста.

Вот что писал он в 1940 году:

«Трудно в кино, мучительны установки света. Больше приготовлений, нежели самой съемки. Роль Дошиндона мною как будто ощущается. Выхожу постепенно из образа абстрактного, поэтического в участника жизни...»

«Сниматься в кино трудно: надо безошибочно знать последовательную жизнь образа, потому что при медлительном способе работы еще и берут-то непоследовательные куски: сперва конец, где-то начало, потом середина...»

«Стоит жара. Сниматься в кино трудно. Что-то выйдет из Дошиндона. Л. В. Кулешов работает приятно, оператор М. Кириллов очень медленно устанавливает свет.»

«Сегодня фактически закончил съемки Дошиндона. Сниматься было трудно. (Горело 50 000 свечей.) Но мне под конец стало жалко, что вот и конец роли. Как-то выйдет мой Дошиндон, которого я полюбил?» (18 июля 1940 г.)

У Дмитрия Николаевича была тяжелая болезнь сердца. И, видимо, он просто физически страдал от всех киноперегрузок. Но для нас близкое общение с ним было настоящим праздником. Мягкий, добрый, удивительно скромный и добросовестный. Даже самой маленькой роли он отдавал себя целиком. Оттого-то и «трудно сниматься», повторявшееся рефреном в его дневнике.

С ним мы никогда не чувствовали той невидимой стены, которая довольно часто возникает между детьми и взрослыми актерами. Проблема эта известна: искренность и непосредственность детей, снимающихся в кино, — «опасный» фон для взрослого партнера: сразу выпирает, становится очевидной всякая фальшь в его игре. Помню, спустя много лет Георгий Францевич Милляр, тоже снимавшийся в «Сибиряках», признался мне, уже взрослому, что ему было очень трудно и даже страшно играть с нами.

Естественность, с которой мы держались перед камерой, объяснялась, как мне теперь кажется, не только нашей детской непосредственностью. Кулешов поощрял импровизацию, всегда с видимой серьезностью относился к нашим замечаниям, особенно если речь шла о репликах героев-детей. Он объяснял содержание эпизода, задачи исполнителей, а затем предоставлял нам возможность говорить в кадре своими словами. Александра Сергеевна вспоминала, как необычно мы вели себя на озвучивании. Мы с Сашей Кузнецовым, глядя на экран, «ловили» первое слово, а затем, обернувшись друг к другу, продолжали играть, как во время съемок. И, как правило, произносимый текст полностью совпадал с изображением!

Знакомая девочка, соученица, подарила мне на день рождения томик с пьесами Шекспира. Из самых добрых побуждений старательным красивым почерком она написала в углу титульного листа: «Юному талантливому киноартисту Саше Путко на память от Люды К.». Случилось, что эта книга попала на глаза Татьяне Захаровне Поволоцкой.

— Так ты, оказывается, артист, да еще и талантливый? — изумилась она.

Что было ответить? Если говорить начистоту, то в душе я действительно считал себя талантливым артистом. Иначе почему же из многих людей для съемок отобрали именно меня? Почему такие знаменитые мастера кино, как Кулешов и Хохлова, довольны моей игрой? А разве не доводилось мне слышать на просмотрах отснятого материала, как взрослые работники киностудии, не замечая нашего присутствия в зале, говорили с восхищением: «Особенно хороши ребята!» Но, конечно, я понимал, что нужно быть скромным и собственное мнение о своей талантливости следует держать при себе. Поэтому на вопрос Татьяны Захаровны я энергично замотал головой: нет-нет! Я ни в коем случае не считаю себя артистом! Мне и в голову не придет такое!

Через несколько дней, когда ребята собрались перед съемками в детской комнате, Татьяна Захаровна, обратившись ко всем, спросила:

— Как вы будете себя вести, если вам подарят книгу с надписью: «Юному талантливому артисту?»

Никто, слава богу, не знал, что речь идет обо мне. Отвечали по-разному. Один сказал, что зачертил бы эту надпись чернилами, другой — что он вырвал бы страницу и изорвал бы ее на маленькие клочки, третий уверял, что вообще не принял бы такого подарка.

Не знаю и сейчас не могу сказать, насколько искренними были мои товарищи. Но честно признаюсь, что и потом, когда книга с дарственной надписью Люды оказывалась у меня в руках и я читал: «Юному талантливому артисту...» — мне было приятно.

Всему приходит конец. Настал день, когда были отсняты и озвучены последние кадры, когда закончился монтаж и состоялся просмотр фильма перед сдачей. Все считали, что он получился.

Вот некоторые из оценок в печати: «В «Сибиряках», — писал известный критик О. Леонидов, — мы видим как бы второе рождение Л. В. Кулешова, пришедшего к современной нашей теме с взволнованностью настоящего художника и во всеоружии высокого мастерства».

«Режиссер наполнил схемы сценария очень ценным, хорошим вдохновением», — отметил В. Шкловский. А вот мнение Р. Юренева: «Сибиряки» — безусловно удача режиссера. И не потому, что режиссерское мастерство поразительно. Короткий срок и дешевизна постановки, чудеса кулешовского монтажа, чудеса дорисовки кадра, полное и свободное владение всеми техническими возможностями — все это налицо, но это не удивляет, это — не основное. Найдена возвышенная простота, найдено верное ощущение жизни».

Много лет спустя мне довелось беседовать с С. И. Юткевичем — близким другом Кулешова, к тому времени уже ушедшего из жизни. С какой теплотой говорил Сергей Иосифович о Кулешове, о его работе над «Сибиряками»:

— Это было поразительно: на слабой, в общем-то, никуда не годной литературной основе Лев Владимирович сумел создать по-настоящему романтическую, высокохудожественную ленту! Ряд кадров из «Сибиряков» в последующие десятилетия, да и сейчас, служат наглядным пособием для студентов ВГИКа. А сколько было открытий и новых приемов, которые взяли потом на вооружение многие режиссеры, в том числе и я!

И все же, — сокрушенно вздыхал Сергей Иосифович, — фильм не мог стать явлением в искусстве кино, не мог из-за слабости, надуманности темы.

«Сибиряки» вышли на экран в конце 1940 года. Были, как водится, торжественные премьеры, встречи со зрителями в кинотеатрах, аллодисменты, подарки. Я видел свои портреты в газетах и журналах, на огромных афишах кинотеатров — портреты чудовищные, совсем непохожие. Почти в каждой рецензии особо отмечали хорошую игру детей, но, честное слово, меня это не радовало. Мне было грустно до боли. «Неужели все кончено? — думал я в полном смятении. — Фильм снят, и я никому больше не нужен».

Прохожие узнавали меня на улице. Наверное, многие ребята из школы и нашего двора завидовали моей славе. А мне было тошно и не хотелось ничем заниматься. Я ходил как в воду опущенный. И только мама понимала мое состояние.

Не знаю, сколько раз она смотрела «Сибиряков». Много, очень много. Смотрела, где только могла, — на просмотрах, в кинотеатрах. И всегда после сеанса, когда загорался свет, в ее глазах стояли слезы радости, гордости, ликования. Друзья и знакомые ее поздравляли. А дома она видела мои страдания. И утешала, как могла: «Ничего, Сашуленька, потерпи. Тебя обязательно пригласят сниматься еще».

Однако прошел месяц, прошел другой. Я уже вспоминал свою работу в кино, как сказочный сон. И вдруг звонок. Меня вызывали на киностудию! Вызывали для съемок в новом фильме!!!

Я, конечно, не удержался, приехал задолго до назначенного времени. Та же детская комната. И Татьяна Захаровна в белом халате на том же месте за столом. Она сразу же стала расспрашивать о здоровье мамы, о моих отметках в школе. А меня интересовало только одно: в каком фильме я буду сниматься?

Вскоре все выяснилось. Несколько дней назад, при сдаче в Комитете кинематографии, забракован приключенческий фильм «Случай в вулкане». Доработку его решили поручить Кулешову. Нужно было за короткий срок — две-три недели — коренным образом переделать фильм, снятый другим режиссером. Кулешов отказывался, но руководство Комитета и студии настояло на своем. За несколько дней Лев Владимирович переписал сценарий. Ему помогали Александра Сергеевна Хохлова и Осип Максимович Брик. По самым скромным подсчетам, нужно было полностью переснять половину материала. В новом варианте появились два новых персонажа: судовой повар и его помощник — поваренок. Повара играл П. С. Галаджев, а поваренка — я. Роль эпизодическая, но какое это имело значение?

Я снова был в павильоне. Значит, меня помнят, я нужен. И работа в кино не кончена. Я попал в число тех ребят, которые после первого фильма снимаются во втором, третьем...

Среди нас такими ветеранами были Боря Рунге, Катя Деревщикова, Алеша Лярский, Дагмара Дерингер, Игорь Смирнов, Витя Селезнев.

Сцена, в которой я был занят, снималась всего два дня, но за это время я успел побывать во всех знакомых мне местах на студии, в том числе, конечно, и в цехе, где руками великолепных мастеров был изготовлен макет дымящегося вулкана. Во время съемок я находился среди артистов, пожалуй, самых популярных в те годы. В сцене участвовали П. Алейников, В. Шишкин, М. Трояновский и уже хорошо знакомый мне по «Сибирякам» А. Файт.

Кулешов добросовестно выполнил поставленную перед ним задачу, но и этот фильм успеха иметь не мог. Он был задуман другим режиссером. Кулешов лишь спас затраченные средства. Он и сам не рассчитывал сделать больше.

Очевидно, это была трагедия последних лет жизни Кулешова. Художник огромного общепризнанного таланта (ни одна из историй киноискусства не начиналась без упоминания его имени) так и не смог раскрыть себя до конца. В пору творческой зрелости снимать ему не давали. Потом хоть и давали, но не то, что он хотел. А когда наконец открылась возможность работать в полную силу, пришла старость, наступила усталость физическая и моральная.

ВОЙНА ВОРВАЛАСЬ В НАШУ ЖИЗНЬ

Война ворвалась в нашу жизнь ясным воскресным днем. Незадолго до этого мне исполнилось пятнадцать лет. Дурацкий возраст! Вроде бы ты уже взрослый — все знаешь, все понимаешь, считаешь себя мужчиной. Но, с другой стороны, ты ребенок: паспорта у тебя еще нет, значит, нет и никаких прав на самостоятельность. Эх, родился бы я года на три пораньше!

Мне был непонятен ужас мамы. Она плакала, спрятав лицо в ладони. Чего плакала? Разве не ясно, что Красная Армия расколосматит фашистов в самое короткое время? Разгромит их, как громила самураев и белофиннов. Разве не говорил Ворошилов, что воевать мы будем только на чужой территории? Своей земли ни пяди... А наши танки и пушки? Мы же видели на парадах, какая у нас могучая техника! А летчики? «Дальше всех, выше всех, быстрее всех!..» И вообще Гитлеру скоро конец — у него в Германии вот-вот вспыхнет революция. Поднимется рабочий класс. Рот фронт!..

Но мама, жившая старыми представлениями о первой мировой войне, продолжала плакать и причитать сквозь слезы: «Только бы тебя не взяли на фронт. Ты у меня один, Сашуленька мой, больше у меня никого нет!» Вот что значит женщина! Да кто же меня возьмет на фронт! Я бы с радостью, хоть каким-нибудь поднощиком патронов или санитаром. Нечего и соваться — прогонят и разговаривать не станут!

По радио передавали сводки «От Советского информбюро»:

«Крупные соединения советской авиации в течение дня вели успешную борьбу с танками противника... В ходе боя отдельным танковым группам противника удалось прорваться в район Вильно... Упорным сопротивлением и активными действиями наших наземных войск пехотные соединения противника... отсечены от его танковых частей. Попытки противника прорваться на Бродском и Львовском направлениях встречают сильное противодействие контратакующих войск Красной Армии, поддержанных мощными ударами нашей авиации. В результате боев механизированные соединения противника несут большие потери...»

Немецкий летчик, взятый в плен... заявил: «С русскими воевать не хотим, деремся по принуждению. Война надоела; за что деремся, не знаем... Перед самым боем нам дают водку».

А мама все плакала! И я, как настоящий взрослый мужчина, старался ее успокоить, читая вслух газетные сообщения об убедительных успехах наших войск в те первые дни войны.

Все переводилось, перестраивалось на военный лад: работа магазинов, транспорта, предприятий, поликлиник.

На военные рельсы переводила свою работу и киностудия «Союздетфильм». Она получила задание приступить к съемкам оборонных кинокартин. Лев Владимирович Кулешов с Аркадием Гайдаром спешно писали сценарий новой серии о Тимуре и его команде. Детей — участников фильма, в том числе и меня, утвержденного на роль Гейки, было решено отправить в деревню Шакшу под Уфой, где предполагались натурные съемки.

Из Москвы мы выезжали налегке — с небольшими чемоданчиками или рюкзаками. Набор вещей, как обычно для пионерского лагеря: три смены маек и трусов, носки, рубашки, одежда на случай непогоды, пара полотенец, зубной порошок, мыло. В отдельном пакете пара бутербродов, жареный цыпленок и пара крутых яиц на дорогу. Захватил я и любимую книгу — «Избранные произведения. М. Ю. Лермонтов».

Мама приехала провожать меня на Казанский вокзал. Она была в слезах. Стесняясь товарищей, я отвел ее в сторону.

— Ну что ты все время плачешь? Ничего со мной не случится — не маленький. Закончим съемки и через полтора месяца вернемся. К тому времени, наверное, и немцев добьют.

Я был уверен, что во всех жизненных вопросах разбираюсь лучше мамы. Она газет не читала и радио не слушала. Только работала и работала. Стучала на машинке целый день и еще вечером оставалась на сверхурочную. Бывало, посоветую ей сходить в кино, посмотреть новый интересный фильм, она только рукой махнет: «Что ты, какое кино! Устала я, Сашуленька, мне бы на часок прилечь, отдохнуть». И долго мучительно кашляла в скромный платок.

Мог ли я знать, прощаясь с ней на вокзале, стыдясь ее слез, что вернусь в Москву лишь через пять лет, будучи офицером, и уже никогда не увижу маму. Сообщение о том, что она умерла от туберкулеза, я получил, находясь в полевом госпитале на 2-м Украинском фронте. Все это будет после, а тогда — летом 1941 года — бодро, с песнями мы направлялись на съемки, не подозревая, что детство наше кончилось, хотя мы по-прежнему именовались детьми-актерами. И сопровождала нас заведующая детской комнатой «Союздетфильма» Татьяна Захаровна Поволоцкая, взявшая в собой четырехлетнего сынишку Эдика.

Около месяца прожили мы под Уфой в ожидании выезда съемочной группы. Поселили нас в старинном особняке — профсоюзном доме отдыха. Поначалу все было, как в обычном пионерском лагере, с той лишь разницей, что роли пионервожатого, завхоза, воспитателя взяла на себя Татьяна Захаровна и все сумела организовать: питание, мытье в душе, спортивные игры. Даже музыкальные вечера у нас были. На террасе стоял рояль. Каждый вечер за него садился очень серьезный крепыш, поправлял очки и вопрошающе смотрел на нас: что играть? «Походную!», «О кайри, о кайра!», «Картошку», «Три танкиста!» — несло со всех сторон. Крепыш — это был Коля Кутузов — решительно брал первый аккорд, и мы, обступив рояль, дружно пели наши любимые песни или с удовольствием слушали, как поет Коля. Репертуар у него был весьма разнообразный. Он мог исполнить куплеты Мефистофеля или дуэт из оперетты «Белая акация», русскую народную «Степь да степь кругом» или веселую пионерскую. Мы и сейчас, изредка встречаясь с ним, вспоминаем те музыкальные вечера. Ныне Коля, вернее Николай Васильевич Кутузов — народный артист РСФСР, лауреат Государственной премии, председатель Всесоюзного хорового общества, главный дирижер Академического хора русской песни Центрального телевидения и радио. В детстве он обладал удивительно красивым и сильным голосом и выступал в концертах с популярным в то время Красноармейским балалаечным ансамблем. Его звонкий чистый голос часто звучал по радио и был записан на патефонные пластинки. Кроме того, Коля Кутузов снялся в фильме «Тимур и его команда», где играл Гейку и пел пионерскую песню «Возьмем винтовки новые, на штык — флажки». Так уж получилось, что во второй серии — в «Клятве Тимура» — Лев Владимирович на роль Гейки решил взять не Колю, а своего, проверенного, то есть меня.

Каждый день мы слушали радио в надежде на скорые перемены в ходе боевых действий. Однако сводки Информбюро становились все более непонятными. Немцы почему-то продолжали наступать, несмотря на огромные потери. Их самолеты совершали нападения на Москву, а тон сообщений был по-прежнему бодрим: «Близится час разгрома кровавого фашизма!»

Тем временем в планах студии что-то изменилось. Съемочная группа Кулешова выехала в Белый Яр — небольшой поселок близ Ульяновска. И вскоре всем нам во главе с Татьяной Захаровой пришлось переехать туда. В Белом Яру нас разместили в одном из классов местной школы. Я был счастлив снова увидеть Льва Владимировича и Александру Сергеевну, оператора Михаила Николаевича Кириллова, его ассистента Юру Разумова, звукооператора Колло Озорнова, — всех тех, кто работал в «Сибиряках». Хохлова передала мне письмо от мамы. Она сообщала, что эвакуируется со своим учреждением в Новосибирск и обязательно оттуда напишет. Вскоре начались съемки.

СТЫДНО БЫТЬ СУЕВЕРНЫМ

Вечерами Кулешов с ружьем отправлялся на охоту в лес. Часто брал с собой Ливу Щипачева, мальчика, исполнявшего роль главного героя — Тимура. Приносили уток, бекасов.

Однажды, повстречав их, идущих на охоту, я от души пожелал им удачи. Кулешов переменялся в лице и закричал на меня:

— Неужели ты не знал, что охотникам желают ни пуха, ни пера! Черт тебя принес на нашу голову! Теперь нечего идти — дурная примета!..

Охота, на мою беду, и в самом деле оказалась неудачной. Утром Лев Владимирович смотреть на меня не хотел. И когда я с ним поздоровался, он что-то буркнул в ответ ворчливо.

Вот те раз! Кулешов — самый мудрый, самый талантливый, самый высококультурный человек из всех, кого я когда-либо встречал, оказался суеверным, как темная деревенская старушка! Ну уж извините, с предрассудками следует бороться самым решительным образом. Вечером, когда они с Ливой отправились на охоту, я их подкараулил и, будто бы случайно выйдя навстречу из-за угла, с невинным видом вновь пожелал им удачи. Бог ты мой, что тут произошло с Кулешовым! Он подпрыгнул, в ярости затопал ногами. На меня посыпались проклятия.

— Ливий, — кричал он, — всыпь этому паршивцу по первое число! Я не имею права — он ребенок, лицо неприкосновенное! Но тебе ничего не будет, врежь ему, я тебе разрешаю! Даже прошу!..

Пришлось пуститься наутек.

Потом от Ливы я узнал, что Кулешов, собираясь на охоту, стал высылать его на разведку, проверить, нет ли меня поблизости. И шли они, прячась, пробираясь из поселка задними дворами. Оба мы смеялись над слабостью Кулешова. Но вот что интересно, я за нее полюбил Льва Владимировича еще больше. Кумир оказался обыкновенным человеком.

Между прочим, охота для Льва Владимировича и Ливы была не столько развлечением, сколько промыслом, добычей пропитания. Как-то незаметно, но очень быстро наш быт менялся, становился все более суровым.

Татьяна Захаровна и администратор съёмочной группы делали все, что могли: добывали у жителей поселка картошку и помидоры, по договоренности закупили в магазине крупы. Где-то раздобыли большой жестяной чайник, кастрюлю, сковороду, кружки, несколько тарелок. Мы ловили в речке плотву, окуньков и пескарей. Все шло в общий котел.

К началу учебного года пришлось освободить здание школы. Девочек разместили в поселке. Катя Деревщикова жила в одной комнате с актрисой Мариной Ковалевой. Они были сестрами на экране, теперь стали сестрами в жизни. Ливу Щипачева приютили у себя Лев Владимирович и Александра Сергеевна. А нас, десятерых ребят — Володю Пименова, Колю Кутузова, Артема Грота, Игоря Соколова, Колю Леонова, Игоря Смирнова, Петю Гроховского, Бориса Афанасьева, Юру Харламова и меня — поселили в старой, почему-то пустовавшей избушке на окраине села. Две комнатухи с подслеповатыми окошками, посередине большая русская печь. Для нас раздобыли несколько кроватей. На всех не хватило. Старшие — те, кому больше четырнадцати лет, — в том числе и я, спали на полу.

Досняли последние кадры на натуре. Кончался сентябрь, становилось все холоднее. Мы с нетерпением ждали возвращения в Москву, но отъезд откладывался, сначала на два дня, затем на неделю. Нам объявили, что въезд в Москву ограничен, что для этого нужен специальный вызов дирекции студии. А вызова почему-то не присылали.

Ударили холода. Мы пытались топить печь, но мальчишкам-горожанам она не поддавалась. Дыма получалось много, а тепла почти никакого. Холодом несло из всех щелей. И тут какая-то болезнь стала валить нас всех подряд. Температура под сорок, озноб, бред, головная боль. Лечились, как могли — аспирином, пирамидоном, горячим чаем. У меня к тому же начался фурункул.

Татьяна Захаровна с ног сбилась. Куда-то безуспешно ездила за врачом, доставала лекарства. А вскоре слегла сама. Да как тяжело заболела, что отвезли ее в город, в больницу. Четырехлетний Эдик остался с нами. Я к этому времени стал поправляться и, как умел, ухаживал за малышом: кормил, укладывал спать, рассказывал ему сказки, сажал на горшок. Так получилось, что никто в группе не знал о нашем бедственном положении. Все были заняты своими хлопотами: готовились к отъезду, добывали пропитание. А мы жили на отшибе, за помощью ни к кому не обращались, не жаловались.

В конце концов все обошлось: больные поправились, через полторы недели вернулась из больницы Татьяна Захаровна, похудевшая, едва державшаяся на ногах, но по-прежнему энергичная и в своей любви к нам неистовая. Она тут же добилась разрешения, чтобы нам из скудных запасов костюмерного склада выдали кое-какие вещи. Ведь мы совсем обносились. Мне досталась матросская тельняшка и теплые штаны-шаровары, Ливе — бутфорские сапоги на тонкой подметке, сшитые из брезента, и телогрейка. Дали нам постельное белье и байковые одеяла.

А вызова из Москвы не присылали. Все можно было пережить — неопределенность нашего положения, холод, болезни, скудное питание, если бы не вести с фронта — непонятные, тревожные и малообнадёживающие, несмотря на их по-прежнему бодрый тон.

Наконец пришло распоряжение группе Кулешова до получения вызова из Москвы направиться в Ульяновск. Детей, не занятых в последующих павильонных съемках, в сопровождении Татьяны Захаровны направить в Уфу.

Мы распрощались. Теперь в группе Кулешова нас оставалось совсем немного: Лива Щипачев, Володя Пименов и я. С отъездом Татьяны Захаровны мы перестали считаться детьми. Администратор стал выплачивать нам деньги по общей ведомости. Выплата часто задерживалась. Уже вступили в полную силу нормы жизни военного времени, когда кусок хлеба нужно было растянуть на весь день, а тарелка супа с волокнами разваренных консервов казалась лакомым блюдом.

Официально мы уже не считались детьми, но в съемочной группе к нам относились с прежней заботой не по обязанности, не по условиям договора, а по доброте душевной.

Я всегда с большой теплотой и благодарностью вспоминаю звукооператора Николая Давыдовича Озорнова, а тогда просто Колю, с которым довелось нам жить в одной квартире, снятой для нас на окраине Ульяновска. Как старший, Коля установил строгий распорядок дня, учил меня следить за одеждой и обувью, не унывать в трудную минуту, в общем — быть мужчиной. А главное, и это уж точно я буду помнить всегда, он делился со мной едой, как бы незначай подкармливал меня салом, которое исхитрился где-то раздобыть. Только тот, кому доводилось длительное время жить впроголодь, сможет по-настоящему оценить это.

Наступала поздняя осень. Шли унылые холодные дожди, а временами — мокрый снег, дули пронизывающие ветры, а ночью раскисшую землю сковывал тонкий ледок. Каждое утро мы пробирались по непролазной грязи к центру города, к месту общего сбора — в заставленный стульями вестибюль гостиницы. Здесь нам объявляли, что вызов из Москвы пока не пришел. Возможно, придет завтра. С тем мы и разбрелись. Надежд на возвращение с каждым днем становилось все меньше и меньше. Нам объявили, что вызова в Москву не будет: киностудия «Союздетфильм» эвакуирована. Нам надлежит ехать в Уфу, чтобы там доснять павильонные сцены.

О КАВАЛЕРАХ КРАСНОЙ ПУГОВИЦЫ

До этого я видел теплушки только в кино — в фильмах о гражданской войне. Огромный четырехосный вагон, загроможденный ящиками с аппаратурой, тюками, нашими чемоданами и мешками. По сторонам нары. И кто придумал называть такие вагоны теплушками? Скорее — морозильник. Дощатые стены вагона у окошек и двери присолены инеем. Иней на клепках и железных скобах. Еще в Ульяновске мы натаскали ведрами уголь с обнаруженной на путях платформы. Топливо добывали украдкой, чтобы станционные стрелки-охранники не заметили. Раскаленная докрасна печурка обогревала лишь небольшое пространство вокруг себя.

3 ноября тронулись. День Октябрьской революции отмечали в пути, проезжая Бугульму. Кулешов предложил в честь торжественной даты устроить вечер воспоминаний. И сам рассказал, как вместе с оператором Левицким снимал Ленина на закладке памятника Карлу Марксу. Я видел эти кадры в музее В. И. Ленина, но никак не предполагал тогда, что жизнь сведет меня с их создателем.

— А между прочим,— с гордостью заметил Лев Владимирович,— там, среди слушающих речь Ленина, снят и я. Стою на переднем плане во весь рост в черной кожаной куртке и белой рубахе. Красивый двадцатидвухлетний..

Сразу вспомнили Маяковского, с которым Кулешов и Хохлова дружили..

Но, пожалуй, самое большое впечатление произвел на меня рассказ Петра Степанови-

ча Галадзева о коллективе кулешовцев в первые годы после революции. Какие же это были энтузиасты! Какие бескорыстные, преданные искусству люди! Для поощрения особо отличившихся на съемках придумали шуточные наградные знаки — обыкновенные небольшие цветные пуговицы, которые пришивались к лацкану пиджака. Совершил трудовой подвиг — получай синюю пуговицу. А за подвиг, связанный с риском для жизни, — красную. За такие подвиги, совершенные дважды или трижды, торжественно вручалась высшая награда — белая пуговица.

На съемках «Луча смерти» знаменитый летчик-ас Леонид Минов дважды поднимал самолет «по ветру». Это было строжайше запрещено. К тому же, поднимая в воздух аэроплан, Минов должен был провести его таким образом, чтобы колеса пронеслись по обе стороны съемочной камеры над головой оператора. Этот эффектный кадр придумал Кулешов, находившийся во время съемок, конечно же, рядом с оператором. В общем, рисковали все — и сам летчик, и те, кто его снимал. Свою задачу он выполнил блестяще. И наградой за это была торжественно врученная ему... красная пуговица.

Недавно я познакомился и сдружился с известным пилотом Евгением Ивановичем Борисенко. Я поинтересовался, насколько с его точки зрения был опасным трюк Леонида Минова. Евгений Иванович покачал седой головой и сказал: «Счет шел на сантиметры. Если бы Минов чуть-чуть ошибся, что при взлете по ветру, да еще на той технике, вполне было возможно, он угробил бы и себя, и тех, кто его снимал».

Евгений Иванович мог судить об этом с полным знанием дела. И не только как летчик высшего класса. Ведь ему самому доводилось выполнять смертельные трюки в кино. В фильме «Валерий Чкалов» он повторил знаменитый пролет под мостом. Зазор между крылом самолета и полукруглой аркой в самом широком месте составлял 50 сантиметров. «Причем Чкалов пролетел под мостом один раз, а я — четырежды, — не без гордости и даже с некоторой шутливой заносчивостью заметил Борисенко. — Поначалу мы договорились на два пролета — туда и обратно. Я их выполнил. Но при провке пленки выяснилось, что камера барахлила и все снятое брак. Киношники стали меня уговаривать сделать дубль. Я взбеленился, послал их ко всем чертям, но, успокоившись, поразмыслив, полез в кабину — ведь фильм посвящался памяти моего друга, Валерия Чкалова».

ИСТОРИЯ ОДНОГО ПОРТРЕТА

Директор группы договорился: в Уфе нас поселили и поставили на довольствие в интернате детей-глухонемых.

В те дни Уфу сковали сорокаградусные морозы. В нашей легкой одежке на улицу и носа не высунуть. Да и зачем? Работа над фильмом «Клятва Тимура» завершалась. Последние кадры были сняты в уфимском кинотеатре, фойе которого переоборудовали под павильон. Кулешов и Хохлова занимались монтажом, а мы, пока никому не нужные, сидели у пылающей печи. Наши лица обдавал жар, а спины мерзли. И сидя так, мы с упоением читали вслух Лермонтова. «Мцыри», «Станный человек», «Герой нашего времени»... Нам виделись горные долины, красноватые скалы, поросшие зеленым плющом и увенчанные купами чинар, желтые обрывы, исчерченные промоинами, высокая бахрома снегов, а внизу Арагва вытекает из черного, полного мглою ущелья, сверкает, как змея своею чешуею. Представлялись сакли, прилепленные к скалам, переезд через Крестовую гору...

— «Я взял под уздцы лошадь княжны и свел ее в воду, которая не была выше колен, — читал Лива, и отсветы пламени из раскрытой дверцы печи падали на его лицо, — мы тихонько стали подвигаться наискось против течения. Известно, что, переезжая быстрые речки, не должно смотреть на воду, ибо тотчас голова закружится. Я забыл об этом предварить княжну Мери...»

И вот спустя сорок с лишним лет мы с Ливием Степановичем Шипачевым сидим в его мастерской. Щурясь, откидывая голову с поседевшими и, что делать, уже редкими волосами, он пишет мой портрет. И прищур глаза у Ливия все тот же, что и тогда — в заснеженной Уфе.

Позируя, значит, находясь в вынужденном безделье, будучи ограниченным даже в движениях, вспоминаю ту комнату, пылающую печь и мальчишку Ливия. Ужасно талантливого.

Вот ведь как бывает — одарила природа человека способностями художника, а прославился он как исполнитель роли Тимура.

И вынужден был хлебать эту чашу до дна, отвечая на многочисленные письма юных зрителей, их пап и мам, ретивых комсомольцев-пионервожатых и пенсионеров. Ему пришлось выступать на пионерских слетах, в школах и кинотеатрах на просмотре фильма, куда его возили чуть ли не каждый день, где его неизменно встречали аплодисментами и щелканьем затворов фотоаппаратов. О нем писали в газетах. Его портреты можно было видеть на афишах и в журналах.

С полной ответственностью, как близкий друг Ливия заявляю во всеуслышание: он в детстве прошел самое трудное испытание — славой. Медные трубы его не испортили. Он вообще не замечал своей славы, продолжая увлеченно заниматься живописью, оставаясь застенчивым, мягким и тихим...

Однажды в Уфе мы остались без еды, потому что директор картины не перечислил вовремя деньги на счет дома глухонемых. Нас сняли с довольствия и не пустили в столовую. А пойти на розыск директора через весь город в нашей одежке мы не могли — на улице был лютей мороз. Даже уфимцы, привыкшие к жестоким морозам, такой зимы не припомнили. Снег звенел под ногами, сверкая под солнцем, светившим через розовую дымку.

И мы, оставаясь голодными, сидя у печи, все надеялись, что там, в киногоруппе, вспомнят и хватятся. Но никто не вспоминал. На вторые сутки Володя Пименов стащил на кухне несколько луковиц. Что делать, это была все-таки пища. Мы даже придумали соревнование, кто съест больше, не проронив ни одной слезинки.

На третий день Ливий не выдержал и пошел искать директора. Пошел в брезентовых сапогах — это была лучшая обувь, которой мы располагали. В остальном же его одежда могла считаться вполне подходящей: ватник, перчатки, зимняя шапка-ушанка. Шапку дал Володя Пименов, я снабдил Ливия тельняшкой.

Вернулся он вечером. И сразу — к печке, скрипя зубами от боли — ноги в брезентовых сапогах одеревенели и теперь отходили.

На четвертый день нас стали кормить. «Ну хорошо,— кричал директор,— допустим, я виноват, не успел вовремя оплатить счет. Но как они могли оставить без еды детей! Безобразие! Я до них доберусь. Они ответят по законам военного времени!»

Тогда многие грозили друг другу законами военного времени. А мы постигали их по-своему, вкладывая в это понятие иной, более близкий нам смысл: время стало настолько суровым, что нечего надеяться на кого-то, нужно самим во всем проявлять инициативу. И уметь мириться с лишениями, никому не жалуясь, не ища сочувствия. Ибо и другим некогда. Вот это и было для нас законом военного времени.

Не исключено, что Ливий вспоминает, как в один из морозных дней, сидя у печки, он писал меня — пятнадцатилетнего, подпирающего кулаком подбородок «в позе юного Пушкина». Писал на куске фанеры. Хороший получился портрет. Я помню его и до слез жалею, что не смог сохранить эту реликвию, дорогую нам обоим.

Сделав еще несколько мазков, он устало опускает кисть:

— Передохнем. Хочешь чаю?

— Давай лучше посмотрим работы.

Он расставляет холсты, упирая подрамники друг в друга углами.

— О чем ты думал, пока писал меня?

— Вспоминал, как мы читали Лермонтова... А полюбил я Лермонтова тогда, в пору нашего детства, — с грустью говорит Ливий.

На склоне лет о детстве всегда говорят с грустью. Каким бы оно ни было.

— Хочу все это описать в книге,— признаюсь я.— Уфу, мороз, как мы лук ели...

— Зачем? — в его глазах недоумение.

— По-моему, это интересно. Напишу о тебс. о твоих картинах.

— Дело твое, — подумав, соглашается он.— Только прошу, не пиши, пожалуйста, что я — сын известного поэта. И про Тимура не надо.

— Почему? — теперь недоумеваю я.

— Все с этого начинают. Вот и по телевидению недавно: показывают мою персональную выставку и чуть ли не с первых слов: «Вы видите портрет отца художника — известного поэта Степана Щипачева...» Я очень люблю отца и дорожу его памятью. Но при чем тут он, когда речь идет о моих работах? Если я сам по себе как художник ничего не стою, то лучше и не пиши...

ЖИЗНЬ НА КОЛЕСАХ

А что было дальше? Три недели жизни в вагоне поезда. Долгий переезд всей группой из Уфы в Сталинабад (нынешний Душанбе), куда эвакуировалась киностудия «Союздетфильм». Из жестоких уфимских морозов в солнечный и относительно сытый Таджикистан.

На этот раз мы размещались, по выражению Галаджева, как боги — в нормальном пассажирском вагоне с автономным отоплением, с грязными, давно не мытыми, но зато целыми стеклами в окнах, даже с туалетом. Аппаратура, ящики с реквизитом и костюмами находились в товарном вагоне, прицепленном к составу.

Поезд то мчался, лихо набирая скорость, оставляя позади вокзалы и полустанки, забытые людьми и их скарбом, то подолгу простаивал на запасных путях, пропуская встречные эшелоны с новобранцами, с боевой техникой, укрытой брезентами. А на восток шли эшелоны с эвакуированными.

Это трудно выговариваемое, еще непривычное слово чаще всего звучало в упрощенном, укороченном варианте: «куированные» или даже «куирные». И было в нем все: потеря родных и близких, своего дома и привычного быта, неустроенность, лишения, голод. Мы тоже попали в число лишенных крова: еще вчера считались командированными, а сегодня уже «куирные». И на крупных станциях, где поезд простаивал порой по двое суток, нас кормили в столовых эвакуантов горячим супом или кашей.

Тут можно было узнать и последние новости с фронта: Красная Армия перешла в наступление. Наши войска взяли Елец, Ливны, Ефремов, затем Дубну и Клин. Проезжая Урал, мы узнали, что от фашистов освобождены Калинин, Руза, Таруса, Волоколамск. Почти каждый день простуженные голоса громкоговорителей, с хрипом и кашлем прорываясь сквозь паровозные гудки, грохот колес и скрежет вагонных сцеплений, сообщали об успехах наших войск, о взятых населенных пунктах и трофеях. И все были убеждены, что в войне произошел решающий перелом. Теперь Гитлеру крышка.

Длинными вечерами в вагоне становилось совсем темно. Кое-где трепетали огоньки самодельных коптилок, затевались разговоры о положении на фронте, о возможном скором возвращении в Москву. О Москве тосковали все.

Пожалуй, больше других страдал композитор Зиновий Петрович Фельдман. Он с унылым видом молча слонялся по проходу вагона либо сидел в углу под полкой, угрюмо нахохлившись. А если и говорил, то только об одном: что каждую ночь видит во сне Кропоткинскую, Гоголевский бульвар, Чистые пруды. И жаловался, что не может думать о музыке, находясь так далеко от Арбатской площади.

Петр Степанович Галаджев — человек кипучей энергии, никогда не терявший бодрости духа и трезвости мысли, утверждал, что вагонная тоска происходит от вынужденного безделья. Это не слабость, не каприз, говорил он, а самая настоящая болезнь, ибо у людей творческих профессий, находящихся в вынужденном простое, начинают отмирать нервные клетки.

«Музыкант должен играть каждый день», — со вздохом подтверждал Зиновий Петрович Фельдман.

Лишь один человек из всей группы продолжал работать в пути — Ливий Щипачев. Карандаш и бумага всегда были при нем. Он делал наброски, рисовал лица соседей по купе, паровозы, окутанные паром.

Нет, Кулешов не мог допустить, чтобы у людей творческих профессий отмидали нервные клетки. Он бросил клич: конец безделью! Всем думать о третьей серии «Тимура». Приедем — будем пробивать. Но не с пустыми же руками — нужен хороший сценарий. А посему объявляется конкурс на лучший сюжет. Тут же установили и премию: буханка из общего запаса хлебного фонда.

Идеи и предложения сыпались со всех сторон. Вспоминались прочитанные истории, услышанные рассказы о боевых эпизодах, о зверствах фашистов, об их моральном разложении. Начал складываться сценарий остросюжетного приключенческого фильма, нечто вроде «Красных дьяволят» — кинобоевика, снятого в 1923 году.

Сейчас, вспоминая все это, перечитывая газеты военного времени, я вижу не только наивность наших представлений об истинном лике войны, но и причины этой наивности.

Вот, например, выдержка из сообщения Информбюро, опубликованного 16 декабря 1941 года (мы слышали его по радио в Орске): «11 декабря Гитлер выступил в своем зверинце — «рейхстаге» — с очередным трюком. Оказывается, что за все время военных

действий в СССР... германская армия якобы потеряла... убитыми... ранеными... пропавшими без вести... всего 767415 человек. Эти цифры не могут не вызвать смеха. Уж кому-кому, а людоеду-то Гитлеру известны настоящие потери его разбойничьих орд... За пять же месяцев войны на Восточном фронте полегло костями целое поколение немцев... около 6 миллионов солдат и офицеров. Наши потери пропавшими без вести за 5 месяцев войны составили всего 520000 человек, куда входят и пленные...»

Были, конечно, и другие впечатления. Мы видели на путях составы с красными крестами на вагонах. Случалось и поговорить с кем-нибудь из фронтовиков. На одной из станций вместе с нами слушал радиопередачу последних известий раненый красноармеец. Он стоял на костылях, подогнув загипсованную ногу, словно обутую в несурзанный белый валенок. Диктор подробно рассказывал о разгромленных немецких дивизиях, о трофеях, взятых нашими войсками в боях за Калинин.

— Вот как пошло! — восторженно воскликнул Володя Пименов. — Теперь погонят фрицев до самого Берлина!

— Ишь, пряткий! — неодобрительно проворчал раненый. — До Берлина, однако, далековато будет!

И заковылял, сердито стуча костылями по перрону. Очевидно, побывав там, он знал то, чего мы знать не могли.

Миновав Аральск, мы почувствовали приближение тепла. За Арысью уже выходили на стоянках без пальто, грелись на солнце, по которому так стосковались! И трудно было поверить, что в Уфе по-прежнему стоят морозы, что через несколько дней наступит Новый год.

На одной из небольших станций, в очереди за кипятком, композитор Зиновий Петрович Фельдман разговорился с пожилым человеком, который оказался пианистом, тоже эвакуированным. Маленький, тощий, со сморщенным лицом и по-птичьи круглыми испуганными глазами, пианист поведал свою историю. Их эшелон при выезде из Каунаса бомбили фашистские самолеты. Многие пассажиры погибли, в том числе и дочь пианиста. Теперь он ехал неизвестно куда с внуком пяти лет. Хлеб, полученный в Актюбинске, кончился. Вторые сутки литовцы без еды.

Фельдман побежал в вагон и принес литовцу свою дневную норму хлеба, а потом, вернувшись, взволнованно, с одышкой рассказал нам страшную историю эвакуированных из Каунаса. Кулешов, заручившись общим согласием, распорядился выделить три буханки из хлебных запасов для литовцев, в первую очередь для детей. Отнести хлеб поручили нам с Володей Пименовым. И вот на запасном пути мы увидели вагоны, прошитые пулеметными очередями, израненные осколками. И людей — измученных голодом и бесконечной дорогой в безвестность, опустошенных и, казалось, уже равнодушных к своей судьбе.

А вечером в нашем вагоне случился переполох: Фельдмана хватил тяжелый сердечный приступ.

Вспоминая это, я вдруг со шемящей остротой почувствовал, как безжалостно стирает время контуры и краски прошлого. Лицо Зиновия Петровича Фельдмана видится мне смутно, словно не в фокусе. Помню человека, казавшегося тогда пожилым, невысокого, неловкого, в мешковатом поношенном костюме. Он улыбался приветливо и вместе с тем как-то застенчиво и грустно.

Родился Зиновий Петрович в провинциальном городке в бедной еврейской семье. В детстве, проходя мимо дома православного священника, вдруг остановился, завороженный музыкой, доносившейся из раскрытого окна: на рояле играла поповна. Мальчик, забыв обо всем, стоял у забора долго-долго, пока звучала музыка. Он пришел слушать ее и на следующий день. Однажды его заметили, позвали в дом. Оказалось, он обладал великолепным слухом. Поповна решила учить его музыке.

После революции он получил возможность серьезно учиться, стал композитором и прославился как автор лучших военных маршей. Чем вызвана приверженность к трубной военной музыке этого тихого, скромного человека, объяснить не могу. Но марши Фельдмана и сейчас хорошо известны. Я слышал их на парадах, они звучат иногда по радио, правда, почему-то без объявления имени автора.

Забегу немного вперед. В Сталинабаде Зиновий Петрович еще больше тосковал о Москве и все время добивался разрешения вернуться домой. После многих хлопот он добился своего. Вернулся в Москву и там внезапно умер — не выдержало сердце.

ПАРАД-АЛЛЕ НА АРЕНЕ ЦИРКА

В Сталинабад мы приехали в последний день того проклятого года. Улицы были залиты солнцем, зеленели деревья. Среди редких машин и автобусов по мостовой семенили ушастые работяги-ишачки с грустными глазами и кроткими заячьими мордочками. На них восседали бородатые бабаи в непривычных нашему глазу чалмах и стеганых халатах. Словно в замедленных кадрах кино, переставляя мосластые узловатые ноги, шествовали верблюды, скрипели высокие колеса арб. Казалось, это иной мир, война сюда не достает. И вдруг по радио сначала на русском, а затем на таджикском языках: «В последний час! Войска Западного фронта заняли город Калугу. Поражение генерала Гудериана...»

Нас разместили в здании недавно построенного кинотеатра, зрительный зал и фойе которого были мгновенно превращены в съемочные павильоны киностудии, а коридоры, лестничные клетки — в общежитие. Где-то нашлись койки, кровати, диваны. Между ними тут же возникали весьма условные перегородки из натянутых простыней, листов фанеры и железа. Выгородили себе клетушку и мы с Володей Пименовым. Повесили, как нам казалось, остроумную табличку: «Женщинам и детям вход запрещен!» Тем самым мы как бы заявляли, что детьми себя не считаем. Мы — взрослые и к тому же мужчины. Пора было самоутвердиться: в конце октября мне стукнуло шестнадцать, а Володя получил паспорт тремя месяцами раньше.

Пришло время рассказать о нем подробнее. На студию он попал, как и большинство из нас, случайно, когда мы находились в Ульяновске. Лев Владимирович подыскивал подходящего мальчугана на роль Фигуры — по фильму драчуна и хулигана. Оператор, снявший комнату где-то на окраине, привел сына хозяйки.

Нескладный подросток с прыщавым утиным носом и длинными руками, вылезавшими из кургузого пиджачка, настроенно смотрел на Кулешова.

— Сниматься в кино хочешь?

— Смотри чего делать.

— Изображать паренька, такого же, как ты сам. Тебе за это будут платить.

— Сколько? — как бы из вежливости поинтересовался Володя.

Ему назвали сумму. Икнув, он мгновенно согласился, боясь, как бы Кулешов не передумал.

А оказался Володя по-настоящему талантливым исполнителем. Тихий, скромный, воспитанный по-простому в большой трудовой семье, по-мужицки степенный и основательный, он никак не походил на уличного забияку Фигуру. А сыграл блестяще, так, что его эпизодическая роль превратилась в одну из центральных. Уже в ходе съемок специально для него Кулешов дописал в сценарий несколько сцен.

В Сталинабаде мы с Володей были вместе, делясь всем: хлебом, мылом, табаком. Считая себя взрослыми, мы, разумеется, стали открыто курить. Махорку покупали на рынке — два рубля стакан.

Первые дни с нами в кинотеатре жили и артисты цирка, приехавшие в Сталинабад на гастроли. Была среди них группа борцов. В городе появились афиши:

СЕГОДНЯ И ЕЖЕДНЕВНО

в цирке

БОРЬБА ФРАНЦУЗСКАЯ

в чемпионате участвуют:

Орденосец Ян Цыган (Куксенко);

чемпион Средней Азии Али Бурхан;

блестящий мастер техники Николай Верден;

чемпион Финляндии Алекс Тойвоннен и другие.

Самое интересное происходило во втором отделении. У края арены устанавливали стол жюри, якобы избираемого из числа зрителей. Гремел марш, и на залитую светом арену торжественно и важно выходили и выстраивались по кругу участники парада-алле. Были они в разноцветных тесных трико, туго обтягивающих мощные ягодицы, и мягких высоко шнурованных борцовках. Пока их громко представляли по именам и замысловатым титулам, они, как горячие кони, переступали с ноги на ногу, изображая нетерпение и готовность к бескомпромиссному поединку, играли мускулами.

Затем начиналась борьба. И каждая пара преподносила зрителям сюрприз: какой-нибудь сверхэффектный прием и неожиданную концовку или демонстрацию техники, когда небольшой и совсем не сильный на вид борец, изловчившись, перебрасывал через себя и легко укладывал на лопатки неповоротливого гиганта. (В афише встреча этой пары так и представлялась: «Техника против силы».) Иногда возникали споры с судьей и членами жюри. Обиженный борец, несогласный с их решением, не желал уходить с арены, лез на судью чуть ли не с кулаками. Скандалиста пытались успокоить, увести, а тот вырывался, кричал, что поражение засчитано ему несправедливо, что он будет жаловаться. И обращался за сочувствием к зрителям, среди которых всегда было много военных: ходячих раненых из соседнего госпиталя и бойцов запасного артедвизиона, расположенного в казармах неподалеку. Зрители вскакивали с мест, кричали, часто и между ними завязывались горячие споры.

А весь чемпионат с его перипетиями, с заменой судьи «по требованию уважаемой публики», с блистательной победой Яна Цыгана, который явился на заключительную встречу, несмотря на полученную травму и запрет врача,— все это было спектаклем, продуманным, отрепетированным и великолепно исполненным. И мы, зная это, тем не менее с увлечением следили за ходом борьбы, переживали, возмущались, смеялись, аплодировали.

Утром в фойе кинотеатра, где среди ящиков и тюков с цирковым реквизитом стояли парусиновые койки-раскладушки, мы видели героев арены в обыденной «домашней» обстановке. Жили они по-походному, на чемоданах, бедно, голодно, безалаберно. И вблизи борцы вовсе не походили на спортсменов-атлетов. Уже далеко не молодой толстяк Али Бурхан (настоящей его фамилии я не помню) как-то рассказал нам, что прежде он работал акробатом, а в борцы перешел по возрасту. Каково же было ему хрипеть, вырываясь из железных клещей двойного нельсона, или держать мост под семипудовым партнером, да так, чтобы зритель верил и не замечал никакой фальши.

Кулешов был знаком со многими артистами цирка и говорил об их работе с большим уважением.

— Еще в юности,— рассказывал он,— я писал портреты цирковых клоунов, обучаясь живописи в студии. Но главное — это, конечно, «Два-Бульди-Два».

Так назывался фильм, снятый Львом Владимировичем по сценарию Осипа Брика. Главные герои этой приключенческой ленты — артисты цирка: старый клоун Бульди и его сын-революционер.

Слушая рассказы Льва Владимировича, я думал о том, что артистом кино быть куда проще, нежели артистом цирка. В кино нужно держаться естественно и все изображать, как в жизни. Это может каждый. А вот на манеже артист должен делать такое, чего другие не могут: жонглировать, ходить по канату, показывать фокусы, выступать с дрессированными животными.

Я сказал это Кулешову, но он со мной не согласился:

— Ты еще поймешь, Сашка, что по-настоящему талантливому артисту одинаково трудно и в цирке, и в театре, и в кино. И вообще талантливому человеку трудно живется...

Слова эти были сказаны с неожиданной горечью. На том наш разговор о фильме «Два-Бульди-Два» и оборвался.

Лишь спустя многие годы я узнал, что фильм этот подвергся жестокой критике еще до выхода на экран. Один из кинодеятелей, выступивший под псевдонимом в журнале «Кино и жизнь», обвинил Кулешова ни много ни мало — в правом уклоне. Это был тридцатый год, время борьбы с уклонистами. Критик-провокатор решил воспользоваться ситуацией и ударить насмерть.

Это сейчас кулешовский монтаж — азбука каждого начинающего режиссера. А ведь было время, когда за этот самый монтаж клеймили его, не стесняясь в выражениях. И только чудо спасало Льва Владимировича от суровых оргвыводов. Устоял он и на этот раз. Но память осталась, и седины прибавилось.

СУРОВАЯ ЗИМА СОРОК ВТОРОГО

Из кинотеатра вскоре пришлось выселяться. Студия запустила в производство сразу несколько фильмов. Нужны были помещения для лаборатории и монтажной, для звукозаписи и репетиций, для гримерной, костюмерной, реквизиторской, макетного цеха... В зда-

нии лихорадочно сооружали перегородки, используя каждый квадратный метр площади. И на дверях фанерных клетушек одна за другой появлялись таблички с названиями съемочных групп: «Бой под Соколом», «Лесные братья», «Сын Таджикистана».

Начался выпуск «Боевых киносборников». Новую форму подсказала сама жизнь. В сборниках компоновались две-три короткометражки — маленькие остросюжетные комедии или драмы. Двое-трое суток работы — и сценарий готов. «Халтура» — возможно, скажет сегодня иной скептик. И незаслуженно оскорбит лучших мастеров кино, работавших в то время в невероятно тяжелых условиях, днем и ночью, до полного изнеможения.

— Я всегда голоден, но, к счастью, во время работы забываю об этом, — шутил Петр Степанович Галаджев.

— Мы с Минцем трижды переписали сценарий. Теперь, кажется, добились своего: Швейк получился выразительным. Особенно в сцене мобилизации, — говорил измотанный бессонными ночами Сергей Юткевич. Его удлиненное, всегда бледное и болезненное, лицо стало серым. Он приступил к съемкам «Новых походов Швейка».

Сегодня многие из тех короткометражек могут показаться наивными и даже примитивными. Комедийные сюжеты порой больше смахивали на клоунаду.

Унтер-офицер помогает солдату написать письмо с Восточного фронта своей тетушке. Унтер диктует: «Дорогая тетушка, знай, что мы не разбиты...»

Солдат пишет, бормоча вслух: «Дорогая тетушка, знай, что мы не раз биты».

Унтер (возмущенно): «Что у тебя получилось, болван! Ты написал «разбиты» отдельно, а надо было писать вместе!»

Солдат зачеркивает и снова пишет, бормоча вслух: «Мы не раз биты вместе...» Поднимает голову и, недоумевая, спрашивает: «Господин унтер-офицер, а с кем вместе мы не раз биты — с румынами?» И т. д.

Лучшими исполнителями таких окарикатурных немцев были С. Мартинсон, Э. Гарин и С. Филиппов.

Нет, в то трудное и суровое время никто не халтурил. И не потому, что любая попытка выполнить работу кое-как была бы совершенно справедливо расценена как саботаж со всеми вытекающими из этого последствиями. Нравственный климат, царивший всюду, не допускал и мысли о халтуре. Это потом, спустя десятилетия, стали мы позволять себе многое. А тогда качество и ритм работы задавались лозунгом «Все для фронта, все для победы!». В этих словах заключались нормы поведения и смысл жизни.

И кинематографисты старались внести свою лепту в общее дело. Я вовсе не собираюсь приравнять здесь к штыку перо, то бишь объектив кинокамеры. Победа, что ни говори, добывалась штыком и кровью. По сравнению с этим работники кино делали куда менее трудное и важное дело. Но и оно приносило пользу: фильмы тех лет поднимали дух людей, заряжали их оптимизмом и верой в победу.

РЯДОМ С МАСТЕРОМ ГРОТЕСКА

Позади была короткая среднеазиатская зима: слякоть, дожди вперемешку с мокрым снегом. Однажды прошел сильный снегопад. Мягкие влажные хлопья валились на крыши кибиток, налипали на электрические провода, превращая их в толстые белые канаты, провисающие между столбами. Под тяжестью обильного мокрого снега не выдерживали, с треском обламывались ветви деревьев. А наутро белый покров исчез, талая вода заполнила арки, тянувшиеся вдоль тротуаров.

В памяти от той зимы остались голод, холод, болезни. Но настроение поднимали сводки Информбюро: немцы отступали!..

Весна была для нас непривычно ранней и стремительной. Поначалу солнце грело ласково, по-доброму, но уже в апреле наступили жаркие дни. Мы с нетерпением ждали новых съемок. За городом в ботаническом саду строилась декорация для съемок короткометражного фильма «Учительница Карташева». Уже было известно, что снимать его будет Кулешов, а на главную роль утвердили меня.

Вскоре я смог прочитать сценарий. Действие происходит в сельской школе на оккупированной фашистами территории. Учительница Карташева собирается послать в лес к партизанам связного — старшеклассника Митю. Нужно передать сведения о немецких частях, проходивших по шоссе. За окном раздается треск мотоцикла. В класс, где находится учительница с группой ребят, врываются гитлеровцы — офицер и двое солдат. Они ищут

партизан. Улучив момент, Митя выскакивает в раскрытое окно и бежит к лесу. Фашисты стреляют в него, но мальчуган, бросаясь из стороны в сторону, прячась за кустами и деревьями, добегают до обрыва, скатывается вниз и, переплыв небольшую речку, скрывается в лесу.

Немцы бесчинствуют в школе, выбрасывают из шкафа книги, разбивают глобус. Один из них (его играл Галаджев), крикнув, опустошает банку с оставшимся в ней заспиртованным тритоном. И тут в класс врываются партизаны. Их привел Митя.

Фильм этот предназначался для «Боевого киноборника».

В день отъезда группы на съемки в ботанический сад-заповедник по радио сообщили о боях в районе Керчи. Настроение у всех было подавленное: положение на фронте опять резко переменялось. Немцы перешли в наступление. На Изюм-Барвенковском направлении наши войска сдерживали натиск противника.

Рабочий день начинался в семь утра и продолжался до девяти вечера. Мы жили в палатках на территории заповедника, рядом со съемочной площадкой. Тут же на костре готовилась немудреная еда, кипятился чай. Почти все действие фильма проходило в одной декорации — в школьном классе. Две стены, окно, дверь, шкаф с книгами, доска, несколько парт — вся эта несложная декорация была сделана таким образом, чтобы ее, подобно театральному кругу, можно было поворачивать за солнцем. Это позволяло растянуть рабочий день от восхода до заката.

В заповеднике нашли подходящие уголки для натурных съемок — моих пробегов под пулями. Кстати, под пулями настоящими, поднимавшими над землей фонтанчики пыли. Я вовсе не хочу здесь похвастаться своей храбростью. Жизнь моя во время съемок никакой опасности не подвергалась. В первом пробеге я падал за небольшой бугорок, который тут же прошивала автоматная очередь. На самом деле по другую сторону бугорка вырыли довольно глубокий окоп, куда я и падал. Пули там достать меня не могли. В другом кадре я повисал, держась за куст на крутом склоне оврага. И рядом со мной — взметнувшиеся фонтанчики земли. В действительности стрелок, стоявший рядом с границей кадра у самого аппарата, стрелял в сторону от меня. Для выполнения этих трюков пригласили настоящего военного снайпера. Но я думаю, что и менее квалифицированный стрелок, стреляя таким образом, с расстояния трех-четырех метров в меня бы не попал.

В ботаническом саду, где мы жили и работали, нам грозили другие, куда более реальные опасности. Там водились фаланги, скорпионы, ядовитые змеи. Змеи обычно сами избегали встреч с людьми и первые пускались наутек. Но ядовитые пауки то и дело заползали к нам в палатки.

Роль немецкого офицера исполнял Сергей Александрович Мартинсон. А это значит, что мне довелось оказаться рядом с еще одним замечательным артистом и удивительным человеком.

Была у меня небольшая по размерам фотография, сделанная Юрой Разумовым в перерыве между съемками: сидя на партах в школьном классе, мы вполне дружелюбно беседуем с гитлеровским офицером. Я улыбаюсь. На коленях у офицера лежит автомат. Эту и несколько других фотографий я хранил в записной книжке. Они были со мной и потом, в армии. Однажды, сидя у костра на привале, я рассказывал товарищам о своей работе в кино. Показал и фотографии.

Старшина Котюхов, насупив кустистые брови, долго внимательно и очень серьезно разглядывал снимок, на котором я был запечатлен с Мартинсоном — немецким офицером.

— Это как же понимать? — спросил старшина, глядя на меня с прищуром. — Выходит, ты с фрицем калякаешь?

— Какой же он фриц? — засмеялся я. — Это артист. Известный артист Мартинсон.

— Кому известный? Вот ты на фото мне известный. И фрица я вижу. Фриц — он и есть фриц.

— Товарищ старшина, это же кино! — пытался объяснить я.

— Допустим, кино, — рассудительно согласился Котюхов. — Ты знаешь, что кино. Даже, может быть, и я поверю, что кино. А если кто другой не поверит? Что тогда? Смекаешь? В общем, фотографию эту уничтожить!

— Как уничтожить? — возмутился я. — Это же память!

— Вот так, — сказал он и без лишних рассуждений бросил снимок в костер. — Зачем нужна такая память? Пускай горит, тебе же, дураку, лучше будет.

Старшина Котюхов был человеком крутым, не допускающим пререканий и, наверное, по-своему мудрым.

Я конечно, не помню, о чем мы тогда беседовали с Сергеем Александровичем, сфотографированные, очевидно, в перерыве между съемками. Рассказов было много разных и всегда интересных. Он, например, вспоминал, как довелось ему играть фашистского офицера в спектакле «Одна жизнь» по роману Николая Островского «Как закалялась сталь». Я робко заметил, что у Островского в романе нет фашистов.

— Верно,— подтвердил Сергей Александрович.— То была гражданская война. Но спектакль ставился в 1937 году. К этому времени в Германии у власти были фашисты. И Мейерхольд решил наделить немецкого офицера чертами гитлеровских головорезов. Мне эта идея тоже очень понравилась, и я из кожи лез вон, чтобы изобразить своего героя как можно современнее...

Мне нравился тон Мартинсона — полушутливый, плутоватый, но всегда доброжелательный. Даже если речь шла о вещах серьезных, его маленькие подвижные глазки искрились и лукаво посмеивались. Во всяком случае, мне так казалось.

Как-то я спросил его, почему он всегда играет героев комедийных и притом отрицательных. Он ответил, что у каждого актера свое амплуа.

112 Действительно, все считали, что Мартинсон создан именно для таких ролей: острое, чрезвычайно выразительное лицо, которое он умел делать хитрым, злым, язвительным, алчным, льстивым, трусливым и глупым. Его движения отличались особой пластичностью, изяществом. Он был к тому же великолепным танцором и выступал на эстраде с танцевальными номерами. «Вот уж действительно,— говорили некоторые,— всего бог дал сполна!»

А я видел, сколько труда вкладывал Сергей Александрович в подготовку номера. Помню, в эстрадных представлениях он выступал с эксцентрическим танцем «Драп нах вестен». В этом номере изображался фашист, поначалу бодро шагающий на восток. Затем следовал каскад прыжков и движений, создающих омерзительный образ Паука-хищника. А может быть, волка или крысы. Даже что-то змеиное было в нем. И в заключительной части танца побитый гитлеровец улепетывает восвояси.

Номер продолжался всего три-четыре минуты, но отработывал его Мартинсон со всей тщательностью, репетируя часами до полного изнеможения. Он добивался самого яркого, самого выразительного рисунка танца, многократно и в разных вариантах повторяя каждый прыжок, каждый взмах руки.

Бог ему безусловно дал много. Но за восхитительной легкостью и прыгучестью артиста, за его способностью порхать по сцене стоял огромный изнурительный труд.

В «Учительнице Карташевой» он снова играл фашиста, не берусь сказать, которого по счету. Ему ведь довелось играть в кино самого Гитлера. И вот что примечательно: придерживаясь установленного канона, изображая фашистов злодеями, трусами, дураками, Мартинсон всегда находил новые краски и ухитрялся наделять своих персонажей индивидуальными, запоминающимися чертами, так что они не походили один на другого.

И еще одна удивительная черта Мартинсона. В жизни он всегда был обаятельным, веселым, артистичным, изящным. И, конечно, во время съемок мы знали, что стоящий перед нами немец в каске с автоматом наперевес — это всего лишь переодетый в мундир наш милейший, интеллигентный Сергей Александрович. Но так отвратителен, так ярок и объемлен был этот фашист, что мы невольно проникались к нему ненавистью.

Не знаю, насколько серьезно ответил он на мой вопрос, да и считал ли сам в ту пору, что его амплуа — только комедийные и отрицательные персонажи. Тогда я не посмел возразить ему, но сам подумал, что Сергей Александрович мог бы с успехом сыграть роль серьезную, глубоко психологическую, даже трагедийную. Я пытался представить его в роли Акакия Акакиевича, Дон Кихота, Скупого рыцаря...

Спустя много-много лет мы увидели Мартинсона в фильме Николая Губенко «И жизнь, и слезы, и любовь». И убедились, что не был он артистом одного амплуа. Сергей Александрович с потрясающей силой изобразил старика, доживающего свою, видимо, никчемную жизнь в доме для престарелых. Многие критики считают, что это лучшая роль, вершина творчества Мартинсона. Говорили об открытии нового Мартинсона. Об открытии запоздалом — ведь это была его последняя роль в кино.

КОНЕЦ МОЕЙ КИНОКАРЬЕРЫ

Съемки «Учительницы Карташевой» закончились в июле. Мы вернулись в город, раскаленный безжалостным солнцем. Казалось, нет в нем места, где можно было бы спрятаться от жары, от палящих лучей. Ох, как хотелось дождя или хотя бы легкого дуновения ветра! Но когда воздух приходил в движение, легче не становилось: его горячее дыхание обжигало лицо. Нос и глаза забивались песком и пылью.

В городе стало намного больше раненых. «Ходячих» жара выгоняла из душевных палат на улицы под тенистые каштаны. Вечерами, когда зной немного спадал, они прогуливались в нижнем белье — халатов на всех не хватало. Один ковылял на костылях, другой опирался на палку, третий бережно нес закрепленную шиной, укутанную бинтами руку. Не стесняясь своего вида, они собирались компаниями, балагурили, дымя самокрутками, рассказывали всякие истории, хвастались друг перед другом своими подвигами, отнюдь не фронтовыми, а больше по женской части. Иногда собирались в кружок и пели почему-то преимущественно украинские песни.

Наше общежитие находилось неподалеку от госпиталя, и мы с Володей Пименовым часто подсаживались к раненым, угощали их махоркой и жадно вслушивались в разговоры и песни людей, прошедших через огонь. В последнее время почти все они прибывали из-под Сталинграда. Этот город постоянно упоминался в сводках Информбюро. По всему чувствовалось, что там вершится что-то грандиозное, возможно, даже решающее.

Раненый боец — немолодой, с обкусанными рыжеватыми усиками, на наш вопрос, что же там происходит, ответил коротко: мясорубка. И, видя, что мы ничего не понимаем, добавил: «Прет он, сволочь. Танков у него тьма, и самолеты, пожалуй, поспорившее наших. Особенно «мессера». — «А «катюши»? — недоумевали мы. — У нас же «катюши» есть!» — «Это верно, — согласился раненый, — «катюш» они не переносят. Тут наш верх!» — «Значит, бьем мы немцев?» — «А как же? Конечно, бьем. И они нас бьют. Я же говорю: мясорубка».

Однажды у ворот госпиталя произошло ЧП. Военный патруль, очевидно, выполняя приказ начальника гарнизона, потребовал, чтобы раненые вернулись на территорию госпиталя. Старший лейтенант с красной повязкой на рукаве пытался «взять на горло».

— Это на каком основании в кальсонах по улице щеголяете? — кричал он. — А ну, марш по палатам! Нечего армию позорить!

И тут произошло неожиданное. Раненые окружили патрульных плотной стеной. Со всех сторон неслись возмущенные голоса:

— Это мы-то армию позорим?

— Ах ты, сука! А костылем по кумполу не хочешь?

— Хлопцы, да что вы смотрите? Неужто спустим? Бей тыловых крыс!..

Старший лейтенант потянулся к кобуре, но ему тут же скрутили руки. Раненые стали вырывать винтовки у молоденьких бойцов-патрульных, а те чуть ли не со слезами отбивались:

— Нас-то за что, братцы?..

Трудно сказать, чем бы это все кончилось, если бы не нашлись среди раненых благоразумные, которые сумели остановить разбушевавшихся товарищей. Мы прибежали на шум, когда патруль, отделавшись испугом и несколькими тумачами, позорно пустился наутек под гогот, улюлюканье и свист раненых, одержавших полную победу.

И вдруг в этой шумной торжествующей толпе я услышал, как рядом кто-то воскликнул:

— Сашка! Никак ты!..

Обернувшись, увидел кудлатого, широкого в плечах парня с палкой в руке, одетого, как и все, в нательную рубаху, кальсоны с оборванными тесемками и госпитальные тапочки. Не сразу узнал я Кима Рыбакова, с которым учился в одной школе. Я ходил тогда в восьмой, а он — в девятый класс. Мы жили в соседних домах на улице Станиславского, часто гоняли футбольный мяч. Двор на двор. Он был старше меня всего лишь на год. Тогда я почти не ощущал разницы в возрасте. Теперь она была так велика, что я не сразу решился говорить с ним на «ты».

— Видал, как мы их турнули? Окопались тут в тылу, гады! — еще разгоряченный схваткой с патрулем, Ким победно сверкал глазами. — Пороха не нюхали, а порядки наводят! Туда бы их!..

— Ты из-под Сталинграда? — спросил я, глядя на него с нескрываемым восхищением.

— Ясное дело! Мы тут все из одной армии. Только рода войск разные. Я, например, артиллерист, а сосед мой по койке — пехота-матушка, царица полей. Его в руку, а меня, сам видишь, в ногу садануло. В гипсе лежал. Теперь вот шкандыбаю. Ничего, заживет быстро, как на собаке. А ты-то чего тут делаешь?

— В кино снимаюсь, — ответил я тихо, чувствуя, что краснею.

— Хорошее дело, — ухмыльнулся Ким. — Не пыльное.

— Мне в военкомате уже приписное свидетельство выдали, — сказал я, словно оправдываясь. — На всеобуч хожу.

— Значит, скоро потопашь. Тебе семнадцать когда исполняется?

— В конце октября.

— Ну вот, ждать не долго.

Мы с Володей ждать не стали. Направились в военкомат. Усатый военком с интересом разглядывал наши документы и нас самих — как-никак артисты. Вскоре мы получили повестки явиться на призывной пункт. На том и завершилась наша кинокарьеря. Мы попали в разные части. Лишь после войны я узнал, что друг мой Володя Пименов погиб в одном из первых боев.

В ЧЕМ МЫ И ПОДПИСАЛИСЬ

Почему же не стал я артистом? Можно, конечно, и на войну свалить, дескать, все она в нашей жизни перекорежила, пережгла огнем, перемяла железными гусеницами. Но ведь и правда, что в послевоенные годы уцелевшая молодежь жадно возвращалась к мирной жизни, к своим истинным призваниям. Изголодавшиеся по учебе, бывшие солдаты, сержанты, лейтенанты в поношенных, выгоревших кителях с более темными следами погон, с еще не споротыми нашивками — знаками ранений, держали экзамены во ВГИК — институт, директором которого был в ту пору Кулешов. А среди преподавателей Эйзенштейн, Пудовкин, Райзман, Герасимов, Макарова, Александров, Бабочкин, Савченко, Пырьев! И сколько вышло из стен этого учебного заведения замечательных актеров и режиссеров, ныне прославленных мастеров кино!

Я же пошел другой дорогой: увлеченно работал в журналистике, пробовал силы в литературе, понимая разницу между детской непосредственностью и профессиональным трудом актера, между умением держаться естественно перед кинокамерой и подлинным мастерством перевоплощения, проникновения в душу героя, лепки образа. Хотя, конечно, тоска по кино осталась навсегда, как и дружба с Львом Владимировичем и Александрой Сергеевной — до последних дней их жизни.

Я часто бывал у них еще в то послевоенное время, когда они жили в старинном доме в коммунальной квартире. Помогал им переезжать на новую квартиру в знаменитый тогда Юго-Западный район Москвы. Мы с группой студентов носили в машину перетянутые шпагатом кипы рукописей, папки, альбомы, пачки фотографий — домашний архив Кулешова и Хохловой. И книги. Бесчисленное множество книг. Среди них, занимавшие целый большой шкаф, книги, подаренные авторами — близкими друзьями и соратниками по работе. Если бы можно было здесь перечислить всех — какое созвездие имен: Маяковский, Пришвин, Никулин, Шкловский, Эйзенштейн, Вертов, Арагон, Садуль, Триоле и многие другие.

Чтобы установить старинные высокие шкафы в новой квартире, мы отпиливали в каждом ряду по две верхние секции. Так и пришлось — ножовкой по красному дереву! А ведь потолки в этой новой квартире по нынешним понятиям считались довольно высокими! Вот вам и еще одно подтверждение того, что все в мире относительно.

О, эта удивительная квартира № 3 в доме на углу Ленинского и Ломоносовского проспектов! В ней витал дух предков Александры Сергеевны — великого врача Сергея Петровича Боткина и создателя Третьяковской галереи — Павла Михайловича Третьякова. Каждая вещь здесь была реликвией, памятью о дружбе с Шаляпиным, Алисой Коонен, Айседорой Дункан, Станиславским. На стенах висели даренные работы Репина и Крамского, Малявина и Бёнуа, Серова и Пикассо. Иногда казалось, что эта квартира обретает некие мистические свойства, вроде знаменитой 50-й квартиры в доме на Садовой, описанной Михаилом Булгаковым. Приходя в гости к Кулешову и Хохловой, я никогда не мог понять, сколько в их квартире находится людей.

Мы сидим с Львом Владимировичем, он рассказывает о поездке во Францию, где

проходила неделя его фильмов. В соседней комнате Александра Сергеевна демонстрирует какому-то гостю, очевидно, тонкому знатоку, коллекцию охотничьих ружей. Слышатся восторженные восклицания: «Голанд-голанд!.. Пердей!..» Вдруг в кухне раздается взрыв хохота. Там, оказывается, кофейничают зашедшие на огонек режиссеры — бывшие ученики Кулешова и Хохловой. Раскрывается дверь кабинета, и с книгой в руке, продолжая читать на ходу, не замечая никого, словно сомнамбула, проходит зачем-то в коридор девица с длинными, спадающими на плечи волосами. Лев Владимирович, улыбнувшись, поясняет, что это студентка-дипломница. Она занимается в его кабинете. Приходит Ливий — он прогуливал Лушку, черного пуделя. Лушка тут же с дружелюбным любопытством начинает обнюхивать гостей...

Меня всегда тянуло в эту квартиру.

Помню, как в 1965 году Лев Владимирович готовился к учредительному съезду Союза кинематографистов СССР. Ему -- старейшине кино — предстояло открыть съезд. Он обдумывал каждое слово своей речи.

И вот мы увидели на экранах телевизоров Кремлевский дворец. И на трибуне Кулешов — седой, с большими зальсынами. Он говорит о том, что дух открытий должен постоянно сопутствовать работе кинематографистов. Заключительные слова его речи: «Итак, друзья, к делу!» — были встречены долгими горячими аплодисментами.

Из книги киноведа Евгения Сергеевича Громова, вышедшей в серии «Жизнь в искусстве», я узнал такую подробность: Виктор Борисович Шкловский, увидев Льва Владимировича за столом президиума съезда кинематографистов, громко сказал: «Вот теперь Кулешов на своем месте!» И еще одна цитата из этой очень интересной, на мой взгляд, книги: «Имя выдающегося советского режиссера и теоретика кино Льва Владимировича Кулешова прочно и навсегда вошло в историю художественной культуры XX столетия. Оно находится в одном ряду с именами таких прославленных создателей нового кинематографического искусства, как братья Люмьер, Ж. Мельес, Д. Гриффит, Ч. Чаплин, С. Эйзенштейн, Дзига Вертов... Лучшие фильмы Льва Кулешова... давно уже стали киноклассикой».

Признание и триумф на закате. В жизни крупных художников это случается так часто, что может показаться закономерностью. А если вдуматься, не звучит ли это укором современникам, не умеющим сразу понять и оценить Мастера? Ведь в то время, когда Кулешов был признан самым достойным из всех, кто должен был открыть первый съезд кинематографистов, ему оставалось прожить чуть больше четырех лет!..

У меня сохранился забавный документ -- договор, составленный в вагоне по пути в Сталинабад. По условиям договора я должен жить так, как будет меня учить Л. В. Кулешов, а он, в свою очередь, за это обязуется сделать из меня человека. Документ, как и полагается, скреплен подписями обеих сторон. Проставлена дата: 25 декабря 1941 года.

Я старался честно выполнять свои обязательства, учился жить и работать у Льва Владимировича, его близких, друзей. И происходило это в ту пору, когда складывался мой характер, мои убеждения, когда приближалось совершеннолетие. Так что многим, что сегодня составляет мой духовный багаж, я обязан той счастливой случайности, которая дала мне радость общения с людьми необыкновенными и прекрасными.

А то, что не стал я артистом, не беда. Кстати, и Лев Владимирович по нашему шутейному договору вовсе не давал обязательства сделать из меня артиста.

Подготовка текста и публикация АЛЛЫ, ЛАРИСЫ И БОРИСА ПУТКО

И смерти радуется он.
 Столетний разум тверд и ясен.
 И — повелел, глаза смежив,
 гроб истесать крестообразен
 и в оном погребеса жив.
 И то, что век ему служило,
 спросил орлиное перо,
 затем, что **ВРЕМЯ СМЕРТИ ЖИВО**,
 а не мертво.
 И явственно еще и слабо
 он говорил свои Слова,
 егда возлег крестокрылато...
 Но все бежали от Волхва!

3

Белеют развешанные полотенца,
 оконышко светится, мрак по углам,
 ржавеет купель, поджидая младенца,
 монетки блестят на подсвешне — на Храм.
 Фольга на окладике...
 Все сохранится —
 изменится разве что вид из окна,
 где ходит с этюдником отроковица:
 наснилась — и вот появилась. Она
 красива добротной российской красою,
 из будущей жизни пришла во плоти —
НАДЕЖДОЙ НА ЖИЗНЬ. Нарисует часовню —
 рисуй, разумей. В третий раз освяти.
 Тебя и назвали недаром: Светлана.
 Еще разумей, что у места сего
 обстанет часовенку Храм Иоанна,
 бессмертного пращура моего.
 Стихами
 смутил он обряд похоронный —
 сей тайною тайн на устах и в виду...
 Единый — венчался Полярной короной.
 Единый — не спал в Гефсиманском саду.

Река была рекой

Две школы на Лесной, на берегу.
 Но школа — это Волга. Вспомнить сладко:
 апрельский гром, толчок и треск и гул...
 Смеются стекла, содрогнулась кладка,
 и это значит: тронулась, пошла!
 Вся школа — за́ двери, конец уроку,
 и «Воскресения»¹ колокола
 благовестят ей славную дорогу.
 Что нынче Волга на себе несет,
 откуда что берет? Судите сами:
 завозня, будка, дурень-пешеход
 или шальной добытчик? тащит сани...
 Сруб, да новехонький — а что внутри?

¹ Церковь на Нижней Дебре в Костроме.

Корзины, бочки и петух на жерди —
не может быть! Да ты глаза протри
да вспомни в самый раз о внешней жертве...
Спешу, рисуй, ломаю карандаши,
но зрелище Свободы вне сравнений.
Я видел волю... Жалко от души
столь обделенных ею поколений.
Затем наследник твой ленив и вял,
что исподволь изводят в человеке
свободу — как бы ни обалдевал
в своей видухе он и дискотеке...

Не оглянись

118
Позабытыми на лбу очками,
строчками, теряющими связь,—
старость приближается скачками,
по дороге медля и таясь.

Все-таки избеги анекдота
или запоздалого греха.
На тебя затеяна охота,
местность потаенная глуха.

А не здесь ли ты капканы ставил,
слушал лес и замирал, как рысь?
...Ни охоты, ни игры, ни правил,
кроме одного: НЕ ОГЛЯНИСЬ.

То-то зябко, парень, то-то дрожко,
ноги через силу волоча,
знать, что эта более чем кошка
ниоткуда рухнет на плеча.

Совушка прошелестела мимо,
мягкой тенью прянув надо мной.
Все, что было мило и любимо,
вспомни возле теплоты ночной.

Жизни имена перебирая,
словно четок рвущуюся связь,
удержи коротенькое РАЯ,
у костра усни перекрестясь.

Судьба в судьбе

С. Д.

Благой зарок в тебе блуждает как осколок.
Жива судьба в судьбе и долг российский долог.

Я жил в твоей глуши, куда ты не добрался.
Края моей души, могучие пространства...

Но там и сям следы какой-нибудь потравы,
какой-нибудь беды, какой-нибудь неправды —

и жалостны до слез леса, поля и реки!
Как лихо ей пришлось, земле моей, калеке...

Какой еще ледник мою округу вспашет?
Какой ее должник со словом дело свяжет?

* * *

Одна заветная? Их две
в моей болящей голове:

одна — земля, другая — небо,
и нет меня без них. И мне бы

небес не знать, землей не стать...
Неизмерима благодать:

ужели — третья? Быть не может!
Так значит, век еще не прожит.

Взбежал, как мальчик по лучу —
о как светло... как жить хочу...

ОЛЬГА СЕДАКОВА

Лицо сновиденья, смущенья, дождя...

Сказка, в которой почти ничего не происходит

1

Для кого приходит радость,
для кого приходит горе,
ни тому и ни другому
мы завидовать не будем
и не будем удивляться:

многошумною волною,
многоцветным океаном,
покрывалом долготканым
всех когда-нибудь покроют.

Засыпающему снится
жаркий полдень, плоский камень
и заваленный колодец:
камень нужно отвалить.

Что-то я такое помню —
говорит он, улыбаясь:
то ли это жизнь такая,
то ли в Книге Бытия.

2

Плакать я хочу и плакать
не могу. Как бесноватый
некий царь, больной рассудок
говорит служебным духам:
— Принесите, что ли, арфы,
приведите музыкантов.

Многоокими руками
пусть они меня умоют,
как когда-то умывали:
на тимпанах и на струнах,
как на тайных родниках,
есть гадательные чаши,
есть ковши из серебра,
прорицательные звуки.

3

Пусть вперед выходит мальчик,
младший сын и самый слабый:
кроме странного избранья
ничего не знает он.

Кто не жил — тот лучше живших
нашу жизнь для нас расскажет.
Кто не плакал — тот опишет
нечто горшее, чем плач.

4

Страшно дело песнопенья
для того, чей разум зорок,
зренье ясно, слово твердо
и над сердцем страх Господень.

Нужно петь, как полоумный:
быстро, пестро, бесприютно,
нужно бить, как погремушка,
отгоняющая змей:

5

— Что ты ходишь, смерть большая,
что ты ноешь, побирушка,
и смиренно причитаешь:
все мое, мое, мое...

6

Милый друг мой, друг бесценный,
будешь ли ты дальше слушать,
как доселе слушал? вижу:
бродит нежное вниманье,
собирает глубину
и высокими цветами
смотрит в низкое окно...

Нет окна, в каком ушедший
не увидит нас, живущих,
нет небес, в каких отныне
не увижу я тебя.

7

С фонарями сновидений
мы бредем по тьме кромешной,
быстрым светом задевая
ближний склон и дальний дом

не Лаванов ли? Но что же:
все исчезло, изменилось,
овцы, солнце и девица,
угоняющая стадо...
это просто дом в горах.

8

В бедной хижине альпийской
жил да был один знакомый
мне пастух. Перебредя
ключ студеный, я у двери
постучала и вошла.

9

Он сидел и золотистый
прут стругал: он плел загон
для прекрасных рыжеватых
золотых ягнят — их было
столько, что не перечесть.
Свет двойной над ними вился,
завивался, развивался,
свет заката золотого
золотого камелька,
вился, плелся, как гилянда
в перепутанные пряди
и овец, и пастуха.
И сказал он: (Погоди! —

10

если кто-нибудь поверит,
я скажу, что много счастья
я видала, но такого
невозможно увидеть:

ходит золото в рубашке,
на полу лежит соломой,
испаряется из чашки
и встречается с собой
в золотых глазах ягненка,
наблюдающего пламя,
и в глазах других ягнят,
на закат в окно глядящих.)

11

И сказал он: Ты послушай,
смерти больше не бывает.

Видишь, мы живем, как пламя
в застекленном фонаре?

Кто, скажи, по тьме крошечной
пробирается, шатаая
наш фонарь — и кто в закрытый
дом заходит, рыбу ест?
Знаешь, кто? Тогда иди.

12

Он открыл мне дверь и вышел.
Вьюга выла, пыль носилась,
гнулись ели, и ручей
пробежал под самой дверью,
и ломался тонкий лед.
— Не забудь,— сказал он важно,—
горя много, счастья мало.—
Дал мне валенки и скрылся.
До свиданья, милый друг!

13

До свиданья — в сновиденье,
на огне Кассиопеи,
на огне воспоминанья
ни о чем и обо всем.
До свиданья, моя радость,
дальше снег и лед колючий,
мелкий, пестрый, колкий лед...

14

Страшно дело песнопенья,
но оно мне тихо служит,
или я ему служу:
чудной мельнички кручу
золотую рукоятку —
вылетает снег и ветер,
вылетает океан.
И плывет по воле ветра
невеликая скорлупка,
карим золотом мелькая
над безглазой глубиной:

что не нами начиналось,
что закончится не нами,
перемелют в чистой ступке
золотые небеса.

Прощание

Мне снилось, как будто настало прощанье
и встало над нашей смущенной водой.
И зренье мешалось, как увещеванье
про большие беды над меньшей бедой,
про то, что прощанье — еще очертанье,
откуда-то ведомый очерк пустой.
Но тут, как кольцо из гадательной чаши,
свой облик достало из жизни молчащей,
и плача, смущая и глядя в нее,
стояло оно, как желанье мое.

Так зверю больному с окраин творенья,
из складок, в которые мы не глядим,
встряхнут и расправят живое виденье —
и детство второе нагнется над ним,
чтоб он, не заметив, простился с мученьем,
последним и первым желаньем учим.
И он темноту, словно шерсть, разгребает
и слышит, как только к соску припадает,
кормилицы новой сухие бока
и страшную сладость ее молока.

Я тоже из тех, кому больше не надо,
и буду стоять, пропадая из глаз,
стеклянной террасой из темного сада
любуюсь, как дождь, обливающий нас,
как полная сердца живая ограда
у окон, пока еще свет не погас.
Ограда прощания и поминанья,
целебная ткань, облепившая знанье.
И кто-то кивает, к окну подойдя,
лицу сновиденья, смущенья, дождя.

АЛЕКСАНДР АХИЕЗЕР

Россия — кризисная точка мировой истории

В 1991 году интеллектуальная Москва была поражена впервые опубликованной книгой Александра Ахиезера «Россия: критика исторического опыта». И хотя автор — известный социолог, опубликовавший множество работ, для философов стало неожиданным появление принципиально новой, вполне завершенной, логически стройной и непротиворечивой концепции социокультурного развития российского общества, причем запечатленной в массовых процессах, а не только в пиковых явлениях культуры. Концепция А. Ахиезера — это, быть может, единственная в России за последние полвека попытка систематического немарксистского осмысления истории и философии культуры.

Естественно, в предшествовавшие десятилетия книга эта не увидела света. Первый вариант ее был изъят КГБ и бесследно исчез. Но благодаря очень узкому кругу русских и западных интеллигентов, сохранивших ее в годы репрессий начала 80-х годов, она все же опубликована (тиражом всего в 1000 экземпляров) и сразу стала библиографической редкостью, поэтому прочитать этот трехтомный труд пока удалось очень немногим. Сейчас готовится второе издание книги. Мы надеемся, что публикация статьи А. Ахиезера и интервью, взятого у него иркутским журналистом Олегом Ворониным (в их беседе участвует и автор предисловий к первому и второму изданиям книги А. Ахиезера философ Сусанна Матвеева), позволит составить более-менее полное представление о его концепции.

Любой народ, прошедший длительный, противоречивый путь, открывает какую-то тайну человеческой истории, некоторую сторону ранее скрытых движущих сил социокультурных изменений. За этот опыт народы расплачиваются подчас громадными жертвами, а иногда и гибелью. Но взамен человечеству открываются новые грани собственного бытия, новые опасности, нарастают качественно новые пласты исторического опыта.

Возникновение либеральной цивилизации поставило перед человечеством проблему определения места каждого народа в системе цивилизаций, проблему перехода от традиционной цивилизации к либеральной. Этот переход может быть относительно безболезненным, но может возникнуть и ситуация, когда общество как бы застревает в промежуточном состоянии, оказываясь неспособным ни войти в новое качество, ни вернуться назад. Именно в таком положении оказалась Россия. Создавшееся трагическое положение выдвигает новые, ранее неизвестные проблемы не

только перед нашей страной, но и перед всем человечеством. Основная из них — трудность совершения «коперниковского переворота», то есть кардинальной смены традиционной системы ценностей.

Циклические формы социальных изменений расколотого общества, которые выводят на поверхность скрытые механизмы человеческой истории, в России проявились с особой отчетливостью. Глубина раскола¹, произошедшего в истории России, достигла цивилизационных масштабов, привела к чудовищному внутреннему напряжению, разрядка которого может иметь катастрофические последствия не только для нее самой.

Напомню, что «страны победившего либерализма» шли к нему по-разному. В первом эшелоне государств, вступивших на

¹ Раскол — особое патологическое состояние общества, характеризуемое острым застойным противоречием между культурой и социальными отношениями, между обществом и государством, между народом и властью, между духовной и правящей элитами, между интеллигенцией и народом, между сознанием и самосознанием и т. д. (Здесь и далее примечания автора.)

этот путь, были Англия и США. Процесс развивался там медленно и не без потрясений, однако постепенное преодоление традиционализма дало возможность избежать опасности поворота назад и подавления либеральных ценностей. Средством борьбы стал диалог. Традиционализм, разумеется, не исчез, но постепенно потерял массовую базу.

Во втором эшелоне стран, переходящих к либерализму, прежде всего в Германии, положение усложнилось. Общая отсталость в условиях серьезного внутреннего кризиса привела здесь к бунту традиционализма, и бунт этот приобрел форму фашизма. Фашизм, апеллирующий к древним, прежде всего племенным ценностям, показал, каким разрушительным может стать движение, пытающееся всеми силами обрести комфортное состояние с помощью идеи национальной исключительности, расизма, насилия.

Возникший при переходе страны к развитым формам западного либерализма фашизм был, по-видимому, попыткой консервативных сил предотвратить этот переход. Стимулирующим фактором для возникновения фашизма оказался социальный кризис западного капитализма, возникший в процессе приспособления к системе массового производства и перехода на более высокий уровень всеобщей внутренней связи в обществе. В фашизме выразилось стремление широких масс приостановить развитие организационной революции, сохранить существовавший в то время уровень инициативы, не допустить его углубления. Сложившимся в обществе ценностям, как казалось тем, кто составлял основную силу фашистского движения, угрожали два фактора — крупный капитал, пытающийся вытеснить мелкое производство, и коммунизм, враждебный любой личной инициативе и даже самой возможности существования организационных форм частной инициативы. Фашизм опирался на те социальные слои, которые осознали связь между собственным трудом и благосостоянием. В России же именно эти слои оказались жертвой социального переворота. Опасность фашизма, следовательно, связана не столько с промежуточностью цивилизации (хотя как таковая опасность эта существует — например, в форме черносотенного движения в России), сколько с попыткой задержать переход к зрелым формам либерализма, от примитивных к развитым формам утилитаризма.

Россию можно отнести к третьему эшелону стран, вступивших на путь перехода к либерализму и очутившихся в промежуточном положении. Либеральные силы не смогли сделать свои ценности господствующими в обществе, а антилиберальная реакция привела к краху государственности в 1917 г., к катастрофе.

Положение нашей страны характеризуется тем, что ценности и отношения ни одной из двух мировых цивилизаций (ни традиционной, ни либеральной) не заняли в ней главенствующего положения. Россия «застряла» между основными цивилизациями. Она находится в кризисной точке истории. Сложилась в некотором роде патовая ситуация, когда, с одной стороны, традиционализм сохраняет свою мощную массовую базу, но с другой — столь же массовое влияние умеренного и развитого утилитаризма создает почву для постоянного культивирования либеральных ценностей (хотя и в одностороннем, усеченном виде).

Сложность перехода к либеральной цивилизации заключается в том, что для этого нужен неуклонный подъем творчества, массовый рост личной инициативы в сфере труда, экономики и социально-политической жизни, переход к интенсивному типу воспроизводства. А это, в свою очередь, требует сдвигов в менталитете масс, при котором возникает опасность дестабилизации, катастрофического нарушения меры исторически сложившихся локальных интересов и интересов большего общества.

Специфика первых двух эшелонов стран, перешедших к либеральной цивилизации, заключается в том, что там рост утилитаризма и весь социально-культурный процесс обеспечили постепенное приобщение всего общества к ценностям либерализма и медленное изменение характера социальных интеграторов. Практически это означало, что власть постепенно, хотя и не без конфликтов, склонялась к либеральному развитию, иногда отставая, иногда обгоняя почвенный процесс либерализации. Вспышки традиционализма, прежде всего крестьянские восстания, включая знаменитую Вандею, не могли повернуть вспять процесс развития либеральных ценностей, прогрессивных культурных инноваций.

Миллионы людей, которые умеют защищать себя, свои локальные интересы и одновременно сознательно участвуют в совершенствовании целого, в развитии государства,— это величайшее достижение

западной цивилизации, результат длительного развития культуры, бесконечных проб и ошибок. Ответственность за целое, сознание того, что государство есть продукт непосредственного творчества миллионов, а не внешняя грозная и капризная сила, даются мучительно трудно. И процесс этот нигде еще не закончен, даже в самых либеральных странах. Переход стран Запада к либеральной форме цивилизации сопровождался периодическими возмущениями масс, которые могли быть направлены как против тягостного и изживающего себя старого строя, так и против новой системы, которая еще не научилась в должной степени учитывать народные традиции. Однако в конечном итоге стабильность опиралась на крепнущие, пронизывающие основную массу населения ценности развитого утилитаризма и либерализма.

Великая победа либеральной цивилизации заключалась в том, что «западные страны модернизировались в целом, всей системой переходя от эпохи к эпохе, успешная «просветиться» до низов, до санюлотов»¹. Именно так создавалась основа для превращения «низа» в «верх», для возрастающего влияния «низов» на власть, но уже не посредством восстаний, а с использованием механизмов, свойственных либерально-демократической системе.

Инверсионным скачком², уничтожением в единый миг старой власти такого результата достичь нельзя. Как только правящая элита, например, в старом Китае забывала о своей обязанности «всех равнять», ей тут же начинали противодействовать скрытые механизмы, призванные восстановить уравнительность на прежнем уровне,— вспыхивали крестьянские восстания, сметавшие старую правящую элиту и воздвигавшие новую, преданную уравнительным идеалам. Новая элита, почвенная по происхождению, получившая власть в результате крестьянского восстания, неуклонно следовала уравнительному принципу в распределении земли и в налоговой политике.

¹ Померанц Г. С. Модернизация. «Самосознание». Нью-Йорк, 1976.

² Инверсия — логическая форма мышления и организационная форма человеческой деятельности, характеризующаяся скачкообразным (инверсионным скачком), логически моментальным переходом от одного полюса оппозиции к противоположному, например, от оценки явления как «добра» к его оценке как «зла» и наоборот. Логика инверсии может стать основой массовых действий, сокрушающих государство и ведущих к катастрофе.

Таким образом, крестьянство, составлявшее большинство населения Китая, в моменты национальных кризисов оказывалось способным, обновив правящую элиту, сохранить государственность, стоящую на страже традиционных ценностей. Именно поэтому китайский пастух, например, мог стать императором¹. Кстати, у нас бахвальство Хрущева тем, что в детстве он пас свиней, вытекало из той же исторической традиции: правящая элита всегда стремилась обосновать право на власть не только сакральными силами, но и почвенными корнями.

В России крестьянские восстания также были направлены на уничтожение правящей элиты, на разрушение либерализующейся государственности. Их целью было заменить государство системой однотипных общин, используя при этом опыт казачьего круга. Однако исторически сложившийся раскол между народом и властью приводил к тому, что восставшие не могли интегрировать российское общество и организовать новое государство. Это и обусловило их поражение. Казалось бы, в этом явное преимущество России: архаичные силы здесь были не способны затормозить поступательное развитие, становление новых ценностей. Но беда в том, что не только восставшие не могли объединить общество на основе своих уравнительных ценностей, но и правящая элита была не в состоянии утвердить в народе государственные ценности, обеспечить рост, пусть односторонний, массового развития либерализма. Такая обоюдная неспособность лишь усиливала раскол, приводила к углублению взаимного отчуждения и страха, усугубляла ненависть почвы к элитарным слоям. В результате накапливался взрывоопасный материал, что с неизбежностью привело к гигантскому социальному взрыву, к разрушению государственности в 1917 году. Для него не потребовалось и всеобщего восстания — достаточно было массового стремления «не слезать с печи», то есть отказа от поддержки государства своими ресурсами, игнорирования его требований,— и государство развалилось само собой.

¹ Система экзаменов, требуемых для занятия официальных должностей, в принципе позволяла человеку, занявшему первое место в масштабах страны, независимо или почти независимо от его происхождения, стать императором. Такая система стимулировала движение вверх свежих консервативных сил, что предотвращало раскол и укрепляло государство.

Специфика России, на мой взгляд, заключается прежде всего в том, что она пытается приспособиться к состоянию «застрявшего» общества, закрепиться в этом крайне болезненном положении.

Особенность и в том еще, что раскол, будучи результатом неспособности завершить переход, создает и стимулирует развитие характерной системы неорганических явлений (например, «беспочвенность» интеллигенции). Это позволяет рассматривать Россию как некий особый неорганический цивилизационный тип. Ее исторический опыт дает богатый материал для изучения опасностей периода перехода от традиционной цивилизации к либеральной и проливает свет на определенные процессы, протекающие в других странах, например, в Латинской Америке или Африке.

НЕМНОГО О РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

В 1917 году завершился первый инверсионный цикл истории России. Август 1991 года ознаменовал окончание второго цикла. История не остановилась на этом, она продолжается и несет в себе старые проблемы, одновременно выдвигая новые.

В традиционных обществах на нарушения принципа уравнительности массы могли ответить, как было показано выше на примере из истории Китая, крестьянскими восстаниями. У нас же рост возмущения против нарушения принципа уравнительности привел в конечном итоге к возникновению советской системы, не предвиденной ни одной из участвовавших в перевороте социальных сил. Слабость советской государственности заключалась в том, что она не имела на массовом уровне прочного культурного основания. Древний синкретизм разрушал государственность, а культура, связанная с ростом и развитием, имела в обществе слабую, одностороннюю поддержку, что не способствовало превращению этого типа культуры в основу государственности. Общество лишилось ориентиров, способности осознать себя, собственные слабости, свою ограниченность, свою «изнанку». Это не только делало сложившуюся систему уязвимой для критики со всех сторон, даже своим сторонникам она представлялась чем-то не вполне естественным, и они утешались тем, что ее минусы — временное явление, болезнь роста.

Большевизм утвердился как реакция на разнообразие, на диалог, как взрыв, направленный против «кадетов» и власти, не способной подавить либерализм. Отсюда, вероятно, стремление новых властей создать иллюзию абсолютной монолитности общества, утвердить всеобщую и единственную Правду, не знающую либерального плюрализма.

Подавление разнообразия привело к грозной опасности. Насилие над наиболее творческими формами деятельности в области культуры, экономики, политической жизни, повсеместное торжество серости лишило общество разума, красоты, веры, духовной силы. Тем самым оно утрачивало способность принимать удовлетворительные решения, формировать все более глубокие и содержательные смыслы и ориентироваться во все более сложном мире. Между тем задачи, которые приходилось решать, делались с каждым днем все труднее. Промежуточное положение России между двумя основными цивилизациями оказалось крайне опасным: элементы официальной идеологии сложились в систему, которая обогла общество неспособным обеспечить минимальный уровень самопознания, понимания мира и своего места в нем, а следовательно, и неспособным противостоять стихийным разрушительным процессам.

Двойственность нравственных начал государственности обусловила слабую способность общества воспроизводить себя в целостности, преодолеть несовместимость общих и локальных интересов, стремление сохранить доархаичный коллективизм и одновременно обеспечить рост и развитие. Такое государство не могло соединить в гармоничное целое разные этажи социальной иерархии, в частности, город и деревню. Расколотое общество не умело справиться с постоянным саморазрушением культуры и социальной организации, ослаблять, а тем более устранять губительное противоречие между необходимостью решать лавины все более сложных задач, развивать высшие этажи культуры — и страхом перед результатом этой деятельности, перед диалогом, разномыслием, подрывающими официальную идеологию.

Переворот привел к удивительному компромиссу между двумя взаимоисключающими, равно губительными стремлениями — к разрушительной воле и удушающей централизации. Шараханье из одной крайности в другую стало важнейшим содержательным

элементом истории страны и обусловило смену исторических волн, циклов в истории России.

Цикличность вообще свойственна не только российской истории. Определенные циклы можно проследить, например, в истории того же Китая. Но там они служили восстановлению уравнилельной системы и защищавшей ее государственности, то есть носили вполне консервативный характер. В России же, по моему убеждению, периодическому обновлению общества и государства на основе древних уравнилельных идеалов препятствовал раскол. Несмотря на антилиберальную катастрофу 1917 года, сохранились противостоящие традиционализму силы, то есть силы роста и развития, которые не давали обществу вернуться в исходное положение. (Впрочем, полного возврата в исходную точку не было и в Китае.)

Существование исторических циклов связано с тем, что господствующая в обществе сила, например, авторитаризм или, наоборот, вечевая стихия, отступая под враждебным натиском, под давлением неблагоприятных условий, не гибнет окончательно, но получает в своем поражении новый импульс для перегруппировки, для будущего возрождения. Однако вторичного натиска она может и не выдержать, ибо противоположные силы тоже способны после своего поражения длительное время накапливать ресурсы. В средневековой Европе в силу ряда причин в XIV веке пришли в упадок сеньории. В середине XV века они снова одержали победу в Италии, Англии, Испании, однако затем последовало их окончательное поражение. В России подобный циклизм проявляется в том, что любая нравственная основа для интеграции общества, любая организация такого единства относительно скоро приходила к банкротству. Господствующий идеал никогда не уходил со сцены после первого удара.

В любом обществе возможен своеобразный синусоидальный процесс отхода от сложившихся организационных форм общества. Он давно обращал на себя внимание исследователей. Например, согласно теории марксизма, рост производительных сил постепенно вступает в конфликт с производственными отношениями, что требует создания новых отношений. А. Тойнби полагал, что цивилизации могут терять «жизненный порыв», своеобразную божественную санкцию (нечто вроде «богооставленности» по Бердяеву), что является результатом исходного несовершенства

человека, не способного должным образом откликаться на вызов, который бросают ему стоящие перед ним задачи. В результате наступает дезинтеграция общества, упадок цивилизационных основ.

В разных комбинациях этих идей улавливается важная общая мысль, что судьбы цивилизаций решаются не внешним случайным сцеплением обстоятельств и произволом лиц, а на сущностном уровне, на уровне движущих сил исторического процесса. Эти движущие силы следует искать в повседневной деятельности миллионов, в их творческой способности развивать формы своей деятельности до уровня задач строительства государства, постоянного его воспроизводства, в непрерывной, ни на миг не прекращающейся деятельности по созиданию и разрушению организационных связей, в «шепоте миллионов», создающих и разрушающих нравственные ценности — основу интеграции общества, в развитии массовой творческой рефлексии.

Движение, создаваемое этими силами, — воплощение стремления к самоутверждению ценностей миллионов. Но в России эти ценности сами всегда носили двойственный и внутренне противоречивый характер. Поэтому любой вариант решения медиационной задачи¹ неизбежно был чреват саморазрушением. Промежуточное положение общества стало перманентной трагедией. Жизнь уходила из любого идеала, стоило ему занять господствующее положение. Двойственность делала общество крайне неустойчивым, заставляла постоянно стремиться к каким-то новым формам жизни, которые народ всегда пытался найти через инверсию, то есть возврат к прошлому.

Постоянный уход жизненных сил из любой сложившейся формы организации создал в России уникальную ситуацию, когда государственность, вся общественная жизнь постоянно пребывали будто бы не в своем доме, как нечто гонимое и бесприютное. Официальная идеология советского периода неизменна. Тем не менее она постоянно дрейфовала под влиянием изменений в обществе, постоянно искала для себя спокойной, идеальной формы, но, найдя ее, тут же теряла. Общество периодически подходило к границам необратимой дезорганизации. Такое общество — это Агасфер,

¹ Медиационная задача — центральная задача государства, общества, власти, состоящая в интеграции целого, в стремлении предотвратить конфликт целого и частей, а также частей между собой.

который мог бы сказать о себе: темен мой день, бесконечен мой путь, и нет в мире дерева, чей шатер приютил бы страдальца.

Если сравнивать историю России с пружиной и каждый виток ее принять за особый, специфический этап, за особую форму нравственного идеала, то кризисом 1917 года она была сжата в одну плоскость — иначе говоря, историческая последовательность системы нравственных идеалов уничтожена не была, но она была загнана в подполье, в глубины сознания и подсознания и оказалась скрытой подпочвой культурного подсознания.

Постоянные потрясения, острые противоречия системы привели в движение сжатую пружину, и одна за другой начали появляться все «компоненты программы» смены господствующих идеалов. Такое повторение (как и повторение циклов в Китае) объяснялось тем, что принципиально не изменился характер движущих сил истории. В России это был постоянный конфликт между двумя типами ценностей, двумя типами социальных изменений, здесь господствовал инверсионный, «возвратный» тип социальных изменений, но одновременно с этим сохранялось — и усиливалось — стремление к прогрессу, к модернизации, что преображало, модифицировало инверсионный цикл.

Цикличность исторического процесса, а также рост утилитаризма, наличие элементов прогресса в совокупности породили сложный результат, который постоянно опровергал любую предданную точку зрения на пути развития России, на ее самобытность. Невольно вспомнишь слова Тютчева: «Умом Россию не понять...»

Некоторые русские историки, например, Н. Карамзин, пытались односторонне трактовать отечественную историю с точки зрения развития самодержавия, игнорируя соборные институты. Славянофилы, исходя из тезиса о негосударственном характере русского народа, а следовательно, и массового сознания в стране, подошли к сути понятия раскола, но с поразительным простодушием проглядели его глубокую опасность. Западники рассматривали историю страны сквозь призму западного опыта — эта тенденция углублялась в либеральном движении, которое игнорировало тот факт, что в России существовал раскол, а на Западе — нет. Это мешало им осмыслить суть происходящих в стране событий, специфику ее культуры. У западников выработался облегченный, маниловский взгляд на развитие России, где история — это якобы сплошная цепь ошибок, упущений, престу-

плений правящего слоя, первого лица. И поэтому все, что было наворочено, ничего не стоит исправить: нужно лишь заменить плохую власть на хорошую.

Большевизм осуществил мощную практическую попытку преодолеть раскол, однако интерпретировал его в неадекватных понятиях классовой борьбы, манихейского столкновения космических сил. Новая власть старалась найти синтез, обеспечить «морально-политическое единство народа», соединить традиционную уравнительность с модернизацией, опираясь на массовый страх перед «носителями зла». Большевизм стремился строить идеальное общество на основе эклектического, в конечном итоге утопического соединения народной Правды с наукой, опирающейся на западную технику.

Славянофилы и западники хотели найти общее основание для преодоления раскола на основе абсолютизации одного из элементов русской культуры, связанного в одном случае с традиционной, в другом — с либеральной цивилизацией. Большевизм пошел другим путем. Он встал на путь утилитаризма, эклектического комбинирования того и другого, не гнушаясь при этом массовым уничтожением всего, что не вписывалось в эти комбинации. Уничтожению подвергались и традиционное крестьянство, и сторонники либерализма, и сама правящая элита, если она оказывалась недостаточно гибкой при очередном инверсионном повороте.

Крах такой политики в конце второго периода означает, по-моему, нечто большее, чем просто поражение одного из многих политических движений. Налицо очередное трагическое поражение попытки общества преодолеть раскол. Эта попытка была обречена уже потому, что общество пыталось одной ногой стоять в либеральной цивилизации, в одностороннем порядке усиливая модернизацию, другой же — оставаться в цивилизации традиционной, имитируя интенсивное развитие экстенсивными методами, истребляя очаги прогресса, собственное разнообразие, всякую живую мысль в большом и малом. Результатом было то, что способность общества решать постоянно усложняющиеся проблемы неизменно оскудевала. Общество пыталось жить за счет перераспределения доставшихся ему в наследство ресурсов, за счет экспроприации всех, кто возвышался над средним уровнем, за счет крестьянства, за счет военных трофеев, за счет проедания природных богатств, за счет будущих поколений, за

счет иностранной помощи, за счет разбазаривания технического базиса и так называемого «человеческого фактора». Казавшиеся безграничными ресурсы неоправданно истощались, что и завело хозяйство в тупик. Но сегодня стал вопрос: не заменит ли общество старые утопии на новые, найдет ли силы не подпасть под власть множества новых иллюзий, новых, а вернее, еще более старых форм прожектерства.

История России представляет собой сложный, конфликтный циклический процесс, который в то же время исключает и движение вперед. Это с полной определенностью выявилось уже в первом периоде. Во втором наше общество создало систему власти, которая пыталась овладеть этим процессом, но не теоретически, а лишь на эмпирическом, манипуляторском уровне. Теоретическое мышление даже не приблизилось к пониманию сложной отечественной социокультурной реальности. Анализ этого непростого процесса требует особой методологии, отличной от методов традиционной исторической науки. Думается, главное внимание исследователей должно быть направлено на изучение движущих сил социокультурного развития, включая взаимодействие между изменениями в общественных отношениях и в культуре. Эти движущие силы следует искать в постоянно возникающих социокультурных противоречиях между ценностями народной культуры, массового сознания — и сложившимися в обществе на данный момент отношениями. В центре внимания должна быть способность человека эти противоречия преодолевать, без чего не может существовать ни одно (со)общество. Важно акцентировать внимание на способности личности углублять собственную рефлексивную воспроизводственную деятельность, преодолевать свою историческую ограниченность, повышать свой творческий потенциал, решать все более сложные проблемы, формировать все более глубокие смыслы.

Прогресс — лишь один из аспектов развития общества. Одновременно потоки инноваций могут вызвать стресс, дискомфортное состояние. А это, в свою очередь, — послужить причиной антимедиации¹, спровоцировать попытки прервать

начавшийся процесс. Люди периодически ищут выхода из исторически сложившихся противоречий в бесконечных инверсионных метаниях между крайними вариантами интерпретации исторического опыта. Это касается не только логики мышления, но и логики действия, поведения. Поиск альтернативы в социокультурной динамике страны, на мой взгляд, требует изучения механизма, способного привести к преодолению инверсионных сил и циклического развития, к его перенесению в сферу диалога, спора альтернатив.

Социокультурные противоречия, которые лежат в основе понимания механизма раскола, важно рассматривать не только как противоречия между воспроизводством культуры и воспроизводством социальных отношений, но и как внутренние противоречия самой культуры. Именно такие противоречия сложились в России, определив «хромающий» характер принимаемых решений, при котором их постоянно приходится отменять и заменять на обратные. Раскол внедряется в каждую клеточку российской культуры, усиливая ее дезорганизацию, а далее — и дезорганизацию воспроизводственной деятельности, рост социальной энтропии. По сути дела, здесь налицо социокультурная патология, требующая постановки диагноза и лечения.

Раскол должен привлечь внимание исследователей прежде всего как предпосылка дезорганизации культуры на ее микроуровне. Исторически сложившаяся массовая культура оказалась плохо приспособленной к миру в той его форме, какую он приобрел с давних времен, а особенно в новое время. Для меня очевидно, что изменения, имевшие место в мире, оказались неблагоприятными для массовой русской культуры и, следовательно, для всей отечественной воспроизводственной деятельности. Эти изменения охватили не только Запад, но и Восток. Все попытки изоляции, которые не удалось даже маленькой Албании, доказали в конце концов свою бесплодность и лишь снизили жизнеспособность общества.

Культура никогда не остается неизменной, ее механизмы включают в себя рефлексии, то есть способность каждой личности, всего народа осмысливать собственную культуру и относиться к ней как к объекту собственной деятельности, пересоздавать ее, что открывает путь творческому процессу самоизменения народа: в области культуры, социального устройства, политической организации и так да-

¹ Антимедиация — стремление личности или больших масс людей искать выход из кризисной ситуации в древних архаичных пластах культуры, разрушая при этом высшие достижения культуры современной, подавляя очаги прогресса.

лее. Вот почему спорам о судьбе общества и народа как о чем-то заданном извне следует противопоставить заботу о способности к самоизменению, о росте ответственности за собственную судьбу в постоянно меняющемся и усложняющемся мире.

Мы создали «общество низшего класса» (Э. Орлова), где преобладало стремление решать сложные проблемы на минимально низком уровне, обращаясь к архаичному культурному богатству. В основе таких решений лежало пресловутое «авось». Результатом их стала прогрессирующая дистрофия всех хозяйственных, культурных, нравственных процессов, упадок природы и здоровья людей. Мы с энтузиазмом шли к катастрофе, постоянно истощая себя никогда не прекращающимся «тушением пожаров», пока не подорвали в себе способность их предотвращать.

Разумеется, были люди, которые пытались от этого предостеречь, но мы не хотели их слушать, не хотели разрушать свои удобные иллюзии, преодолевать свои «фобии», а в результате равнодушием и страхом своим создали атмосферу перманентной «борьбы с кулачеством» во всех сферах жизни. Нынешняя неспособность найти выход из тупика — расплата за бешеную борьбу во имя уравнительности не только в доходах, но и в мыслях. Именно поэтому, на мой взгляд, в критической ситуации конца второго, как, впрочем, и первого, периода стране не достало необходимого культурного потенциала, чтобы найти эффективный ответ на новую ситуацию.

НОВЕЙШИЙ ОПЫТ ИСТОРИИ РОССИИ

Неудачи, которые терпит Россия в попытках решить нынешние проблемы, не являются фатальными. Они результат истории и, следовательно, могут быть историей сняты. Наше общество может собраться с силами, сделать выводы из прошлого, переосмыслить настоящее и выйти на новые горизонты будущего.

Двухлетний опыт истории России с момента ее предположительного вступления в третий период дает новый материал для обобщений. Он позволяет углубить высказанную выше гипотезу, что не только этапы, но и периоды могут находиться по отношению друг к другу в состоянии инверсии. Эта гипотеза опирается на имевший место в третьем периоде факт возведения раздавленного в прошлом либерализма до

уровня господствующей системы ценностей. Опыт 1991—1993 годов позволяет сделать вывод, что циклическая динамика остается в России главенствующей формой изменений. Однако господство либеральных ценностей накладывает свой отпечаток на содержание этого процесса в новом цикле. Очевидно, наше общество так и не приобрело способности решать проблемы на уровне сложности расколотого общества. Об этом свидетельствует катастрофическая неспособность воспроизводить необходимый минимум ресурсов в соответствии с достигнутым обществом уровнем потребностей. Сохранилась приверженность к инверсионно-катастрофическому способу решения проблем. Сохранилось также господство иллюзорных представлений общества о самом себе — столкновение различных групп в форме битвы мифов. Теперь, однако, содержание их носит абстрактно-либеральный характер и сделана попытка, значение которой нельзя недооценивать — преодолеть манихейскую идеологию. Тем не менее это, по-моему, не снимает опасности инверсии господствующей идеологии.

Новый опыт позволяет не только сделать новые обобщения, но и найти новые смыслы в прошедшей истории. Катастрофа, связанная с исчезновением СССР, свидетельствует о том, что она, как и остальные, имевшие место в истории страны, органически связана с крутыми сдвигами в уровне товарно-денежных отношений. После первой катастрофы, разразившейся в результате гибели Киевской Руси, развитое меновое хозяйство сменилось натуральным. Московское государство, в противоположность Киевской Руси, развивалось на чисто натуральной основе, что было шагом назад от европейского пути, ведущего к либеральной цивилизации.

Катастрофе Смутного времени начала XVII века предшествовал перевод натуральных повинностей в денежные, что означало усиление давления государства в пользу их развития.

Реформа 1861 года дала толчок развитию товарно-денежных отношений, что, однако, вызвало со временем опережающую враждебность масс к этому порождающему дискомфортное состояние процессу.

Катастрофа 1917 года последовала за самым значительным скачком в развитии рынка в России с конца XIX века до 1914 года.

Наконец, катастрофа, приведшая к краху советской государственности и распаду

СССР, разразилась на волне попыток экономических реформ в русле развития рыночных отношений. На мой взгляд, все эти катастрофы могут рассматриваться как та или иная степень реакции общества на развитие товарно-денежных отношений, как неспособность сочетать сдвиги в хозяйстве с укреплением интеграции общества. Исследование этой проблемы особенно важно сегодня, когда наша страна впервые в истории человечества делает попытку начать развитие товарно-денежных отношений с технологически сложной промышленности, созданной на основе господства натуральных отношений. Необходим анализ влияния товарно-денежных отношений на социокультурную динамику России, о чем реформаторы на протяжении всей нашей истории задумывались мало.

Сегодня Россия утратила статус великой державы и движется практически к одному из вариантов того, что называлось раньше слаборазвитой страной, или страной третьего мира. Отсюда необходимость психологической перестройки людей, перехода на значительно более низкий уровень претензий во многих областях жизни. Здесь кроется опасность возникновения равнодушного отношения к жизни, пассивности, нового упования на внешние силы. Возможна и иная реакция — обида на мифических «врагов», которые «довели» Россию, и попытки решать проблемы с применением насилия. Реальный же выход один — постоянный поиск меры, соответствия потребностей реальным возможностям, способностям, реальной динамике взаимодействия способностей и возможностей, не исключаяющей, однако, роста эффективности социокультурного воспроизводства.

Историческое значение опыта России, представляется мне, состоит в том, что в ней, как в фокусе, где сосредоточены мировые проблемы, переход к либеральной цивилизации обрел трагическую форму, в то время как для иных стран он прошел, по российским меркам, безболезненно. Человечество переломилось надвое в теле и духе России. Россия может стать мостом между народами, но может — и пороховым погребом, расположенным в весьма уязвимой точке мирового сообщества. Этим-то и объясняется необходимость внимательного отношения к проблемам России, которые, по сути дела, затрагивают весь мир.

Существуют спонтанные процессы, ведущие к интеграции человечества. Это прежде всего духовные и экономические свя-

зи, рост контактов и взаимопроникновение ценностей. Но эти же процессы в моменты стресса могут вызывать эффект бумеранга, то есть судорожную дезинтеграцию, активизацию древних, разрушительных для современного общества ценностей. Отсюда как никогда возросшая сегодня опасность катастроф, могущих стать результатом действия слепых сил исторической инерции, и необходимость активного поиска нового, более глубокого исторического императива в масштабах всего человечества.

Интеграция мира возможна лишь в процессе становления более высокой культуры, которая создает основу для подобного единства ценностей при одновременном росте разнообразия. Такая культура не возникает в результате озарения гения. Она может быть выработана лишь в процессе диалога народов, разных культур, в процессе совместной выработки ими общих ценностей.

Положительный результат принесут только самоуглубление и преодоление внутренней ограниченности каждой из культур, без исключения. В этот творческий процесс должны внести вклад все. Например, в западной культуре существуют важнейшие ценности, без которых невозможна интеграция человечества. В ней выработано представление о творческой личности, способной саморазвиваться, самоуглубляться, создавать сообщества, перестраивать социальные отношения. Там же, на Западе, возникла идея прогресса. были открыты законы социального развития, которые являются законами развития самого человека. Западу принадлежат идеи диалога и плюрализма.

Культура Востока дала миру представление о преобразовании индивидуального сознания, без которого невозможна переориентация человечества на новые ценности.

Русской культуре тоже есть что внести в этот диалог народов. Это, к примеру, идея мирового всеединства. Великий мыслитель России В. Соловьев искал силы, стремящиеся собрать хаос в единство, организационно и духовно объединить человечество на основе диалектического саморазвития истории. Идея разделенного единства постоянно мучит русскую культуру. Еще преподобный Сергей Радонежский воплотил в соборе Пресвятой Троицы символ борьбы с ненавистью разделенного мира и призыв к единству. Поэт Вячеслав Иванов высказал глубокую мысль, что основная причина раздробленности мира заключается не столько в драматическом вза-

имеотталкивании нанавистного, сколько в трагедии противоречивой, убийственной расправы над соприродным, друг друга восполняющим.

Однако движение вперед не может быть достигнуто механическим сложением этих идей. Их взаимопроникновение должно включать критику ограниченности каждой из них, постоянную самокритику и попытки общечеловеческого синтеза. Россия стоит перед настоятельной необходимостью углубления рефлексии, в частности, критики антиперсоналистских аспектов идеи всеединства и содержащейся в ее конкретных формах изрядной доли утопизма.

Сегодня идет борьба между манихейской идеей, объясняющей историю заговором злых тайных сил, оборотней, оценивающей даже общий интерес как результат победы одной локальности над другой, например, одного класса над другим, — и идеей целого как синтеза, результата творческой медиации. Первая линия является модификацией древнего синкретизма, языческой веры в извечную борьбу космических сил, которая была подхвачена манихейством. Вторая ведет свое происхождение от тех элементов русской и европейской культуры, которые противопоставят попыткам понять мир на основе низших, локальных форм культуры. Эта линия — поиск новых, все более глубоких подходов к пониманию цельности мира, пути преодоления его расколотости, антиномичности, противоречивости.

Она тянется, в частности, от Достоевского. В своей скрытой полемике с Кантом он искал способ преодоления дуализма. Старцу Зосиме («Братья Карамазовы») дуализм преодолеть удалось. У него мир потусторонний и мир посясторонний неразделимы, они соприкасаются, объединены, один переходит в другой, горе снова сменяется радостью. Элитарная мысль России продолжает работать в направлении формирования срединной культуры.

Будущее — результат не внешнего влияния, а массового творческого процесса, идущего из народных глубин. Этот процесс включает непрерывный диалог с другими народами и цивилизациями, с собственной духовной элитой. Будущее строится сегодня обществом не только в сфере духа, но и через способность каждого из нас делать предметом диалога критику нашей истории. Ценность такой критики определяется нашей способностью вести ее во имя создания мира, несущего в себе условия, средства и цели, открывающие России

и всему человечеству жизнеутверждающий путь.

РЕФЛЕКСИЯ ИЛИ ДЕГРАДАЦИЯ

Исторический опыт России показывает, что общество потерпело поражение, что, повернув на путь модернизации, утилитаризма, освоения ценностей либеральной цивилизации, углубления рефлексии, оно оказалось отброшенным вспять. Выразилось это прежде всего в том, что, пытаясь преодолеть господство ценностей традиционализма, Россия не сумела, как это произошло в некоторых других странах, соединить это стремление с сохранением собственной самобытности. Общество оказалось уязвимым в самом главном пункте — в наращивании способности решать все более сложные проблемы, отвечать на вызов истории опережающим творческим самосовершенствованием, преодолевать противоречия между социальными отношениями и культурой. Ответ на вопрос о причинах этого явления можно искать на разных уровнях абстракции. Можно обвинять политиков в явных ошибках, указывать на общий упадок трудовой этики, на огромные затраты на подготовку к войне и тому подобное.

Все это правильно, но недостаточно. Очевидно, должен быть какой-то более общий ответ, сформулированный на категориальном уровне, который может показаться слишком абстрактным, но тем не менее должен выявить глубинные цивилизационные процессы, затрагивающие основы массовой деятельности.

Рефлексия есть центральное, основополагающее свойство человека — способность субъекта к самоизменению, саморазвитию, к воспроизводству себя в постоянно усложняющихся условиях; а это, как понятно, требует постоянного самосовершенствования, более тщательной выработки средств и целей, развития культуры и социальных отношений. Рефлексия есть воспроизводственная категория, определяющая глубину и масштабы способности большого общества, того или иного сообщества внутри него и отдельной личности превращать свои социальные отношения и свою культуру в объект собственной деятельности. По самой своей сути рефлексия предполагает возможность кумулятивного развития, то есть постоянного превращения достигнутого уровня рефлексии в стартовую площадку для поиска еще более высокого уровня.

Проблема в том, что глубина и масштабы рефлексии постоянно меняются. В любой момент времени она может быть существенно различна в разных культурах. Культуры можно классифицировать по уровню рефлексии. На одном полюсе в подобной классификации находятся культуры, где рефлексия возведена в ранг высшей ценности, на другом — культуры, где высшей ценностью считается способность сохранить себя, свои социальные отношения, собственную деятельность без изменений.

Каждая конкретная субкультура находит между этими оппозициями свою меру, которая, однако, может непрерывно меняться в связи с изменением условий, средств и целей.

В России исторически сложились неблагоприятные условия для развития массовой рефлексии. Неограниченность пространства и природных ресурсов стимулировала у нас развитие экстенсивных методов воспроизводства, стремление сводить понятие богатства к материальным показателям, которых можно достигать путем простого приращения пространства и природных ресурсов. Опыт же истории свидетельствует, что истинное богатство не то, что лежит в земле, а то, что может быть воспроизведено в процессе деятельности людей. Именно рефлексивная способность повышать умение, квалификацию, эффективность воспроизводственной деятельности и есть, если угодно, единственное истинное богатство человечества, так как все остальное можно иметь, удержать и использовать только лишь на основе воспроизводственной деятельности субъекта.

В этом смысле Россия пришла в современный мир как страна бедная. Мы «на протяжении нашей истории были народом голодным, не вышедшим из полосы хронических голодовок даже в XIX и XX веках»¹. Но при этом Россия была заморожена своими естественными богатствами, своими безграничными просторами, своими победами над внешними врагами. Между тем достаточно опыта Японии с ее бедными природными ресурсами, чтобы понять, что именно способность к самосовершенствованию является определяющей для общества и человека.

Развитие рефлексии не есть прерогатива какой-то конкретной части общества. Прежде всего она сосредоточивается в развитии личности и сегодня проявляется

у нас, например, в массовой способности к частной инициативе и готовности брать на себя ответственные решения, организовывать разнообразную деятельность, вовлекать в нее многих людей, в перспективе — все общество.

Выход из сложившегося у нас положения, если брать именно категориальный, а не частный уровень, лежит только в повышении уровня массовой рефлексии как на личностном уровне, так и на основе перестройки всех институтов общества. Здесь важнейшую роль призвана сыграть интеллигенция. В принципе, как более образованный слой общества, она должна была бы стать некоей отправной точкой роста, откуда рефлексия не только начинает развиваться, но и втягивает в этот процесс все общество. Однако исторически интеллигенция в России по большей части всегда стремилась абсолютизировать некоторый исторически сложившийся уровень рефлексии. Более того, она порой даже препятствует возможности повышать уровень рефлексии, потворствуя устранению стимулов ее роста.

Недостаточность общего уровня массовой рефлексии может спровоцировать отдельные социокультурные группы (прежде всего властные, у которых рефлексия более развита, хотя, вероятно, и односторонне) восполнить эту недостаточность, навязав собственный тип рефлексии всему обществу. Но раскол между двумя уровнями рефлексии неизбежно приведет к тому, что рефлексия правящей элиты также приобретет расколотый, уродливый характер. А в этом случае власть может увлечь за собой народ лишь с помощью ограниченных механизмов прежде всего эмоционального характера, которые по природе своей любое дело доводят до крайностей, нарушая устойчивость длительного конструктивного процесса.

Инверсионные колебания неизбежно парализуют возможность развития рефлексии, в частности тем, что подавляют критику общепринятых норм, форм труда, исторического опыта, уничтожают анклав, где зарождается более высокий уровень рефлексии.

Идеологическая борьба, которая постоянно в различных формах идет в России, кроме всего прочего, является борьбой за сохранение разных уровней и характеров массовой рефлексии. Например, идеологи этноцентризма всю свою энергию тратят на то, чтобы убедить русского человека не относиться критически к себе, своей ис-

¹ Сорокин П. А. Современное состояние России. «Новый мир», 1992. № 5, с. 161.

тории, к своей причастности к бесчисленным преступлениям тоталитарного режима. Если кто-то действительно хотел бы сегодня навредить русскому народу, то, бесспорно, для этого нет лучше способа, чем убедить всех и каждого в его не причастности к бедам собственной страны, в том, что русский народ не только хорош таков, каков он есть, но и что он лучше всех других народов мира, что именно сегодня, как, впрочем, и всегда, весь мир должен учиться у русских. Успех проповеди такой неслыханной племенной гордыни означал бы, что народ вновь обречет себя на разрушительное движение по кривой исторической инерции, что он лишает себя главного человеческого качества — творческой рефлексии.

Культивировать идею безответственности народа за собственную историю и за деятельность властей — значит, культивировать старый, обанкротившийся опыт истории, накопленный в локальных мирах в традиционном обществе, обладающем уровнем рефлексии неизмеримо более низким, чем необходим всему большому обществу. Это значит сохранить историческую инерцию, вести дело к поискам новых «виноватых», к новым погромам, массовым избиениям «врагов» — к новым катастрофам.

В том, что произошло с Россией, виновны все, даже те, кто родился позже, но не осудил в своем сердце былых преступлений, а спедвательно, будет неспособен строить мир, противостоящий насилию и террору. Спасение России, как и всего человечества, лишь в глубокой самокритике каждого человека. Лишь она является единственным путем к критике мира. Без самокритики критика мир разрушает.

Недостаточный уровень рефлексии приводит к тому, что за новые альтернативы принимаются идеи, которые в сущности представляют собой следование в русле исторической инерции, в сфере влияния ее безличных сил, которым мы позволяем таким образом вести нас либо в пасть всепожирающего молоха тоталитаризма, либо к катастрофической атомизации общества. Наша беда в том, что мы — практики-фаталисты, мы поручаем себя внешним силам. Обычно их место занимает политик, озабоченный больше всего тем, чтобы говорить и делать то, что нам приятно, что вписывается в наш комфортный мир, но тем самым он лишь потворствует нашей серости и беспомощности. Беда нашей интеллигенции и власти в том, что они пронизаны страхом

перед периодическими вспышками народного гнева, чреватого их истреблением. Поэтому, забывая свой долг, они обрушивают критику на мифических «врагов», одновременно лстя народу, убеждая его, что он «ни в чем не виноват». Тем самым делается черное дело: закрепляется низкий уровень массовой рефлексии, подавляется реальная способность критики исторического опыта, тормозится умение преодолевать инерцию.

Беда же нашего народа в том, что он привык побивать камнями пророков своих, предпочитая им людей, которые иллюзорно помещают наше собственное зло вовне, представляя нас самих, к нашему вящему удовольствию, безгрешными в собственных глазах.

Вот почему, мне кажется, на первый план в изучении общества должна выйти трезвая оценка способности членов общества преодолевать социальную энтропию.

Необходимо отказаться от преувеличения значимости верхнего слоя культуры. На этом уровне существуют лозунги, формы мировых религий, марксизм и все, что угодно, имеющее, однако, малое значение для объяснения поведения масс, характера воспроизводства общественных институтов, форм человеческих отношений и тому подобного. Необходимо, я уверен, рассматривать глубинные пласты массового сознания, имеющие подчас древние, архаичные истоки, на которые накладываются новые пласты. Задача науки как раз и заключается в том, чтобы выявить отношения этих уровней между собой, проследить мучительные процессы приспособления высших уровней к сложным и неясным процессам, происходящим в массах.

Судьба России не может быть объяснена тем, что в ней марксизм (марксизм ли?) стал на какое-то время господствующим учением, и поэтому вряд ли можно думать, что замена его, скажем, православием спасет страну. Определяющую роль играют культурные стереотипы, царящие среди миллионов людей, собственные их представления об условиях, средствах и целях своей жизни, основополагающие принципы их культуры, логики использования этих принципов в процессе осмысления тех или иных явлений жизни, способность на основе своего культурного багажа решать проблемы, воспроизводить себя и реальный мир. Принципы эти и стереотипы не неизменны, но вряд ли существенно

изменяться от того, какую философию исповедует правящая элита.

Каждая страна, будучи особым фокусом жизни человечества, переживает в известном смысле все трагедии мира, точно так же как все человечество неизбежно переживает локальные трагедии. Сегодня в этом фокусе — прежде всего проблема отношений двух основополагающих цивилизаций. И от того, как она преломляется в каждом народе, зависит судьба этого народа, а возможно, и судьба человечества. Нарастание рефлексии или деградации — иного выхода нет ни у России, ни у человечества.

А. АХИЕЗЕР
О. ВОРОНИН
С. МАТВЕЕВА

Наше общество — уникальный предмет для социологов

О. Воронин. Ваша книга затрагивает много проблем. Какие из них вы могли бы выделить в качестве главных?

А. Ахиезер. Основная задача, как я сам себе ее ставил, — осмысление того, что произошло с Россией на протяжении ее истории, на основе нового научного потенциала, прежде всего методологии науки о культуре. Она должна раскрыть один из аспектов человеческой деятельности, то есть человека как творца и одновременно носителя культуры, субъекта, не только формирующего культуру, но и действующего по им же сформулированной, постоянно переосмысливаемой и критикуемой культурной программе.

С. Матвеева. Мне кажется, что разработанная в книге методология позволяет по-новому подойти к решению ряда проблем страны, в частности к проблеме становления новой российской государственности. У нас идет процесс становления национального государства, аналогий чему можно найти более чем достаточно в европейской истории, если изучать периоды становления буржуазных наций. Однако в России этот процесс идет в гораздо более сложных условиях, в некотором смысле слишком «рано», так как у нас нет еще условий для формирования буржуазной нации. Современные гражданские государства формируются по принципу общности исто-

рической судьбы, а не по племенному, как это было в добуржуазных обществах. В развитых странах каждая нация приобретает свою культурно-национальную автономию, общность же народа в целом складывается на основе приоритета прав личности, независимо от ее этнического происхождения. У нас сплелись воедино две исторические эпохи, и, очевидно, это несет в себе большую опасность конфликтов. Становление национального государства, да еще на добуржуазной основе, чревато тем, что в основу этого процесса могут быть положены ценности племенной культуры, для которой характерны ограниченные представления о мире, стремление к замкнутости, вероятность этнических конфликтов, в известном смысле даже стремление к этим конфликтам как к фактору племенной консолидации.

О. В. Если идет одновременный процесс становления русской, к примеру, и татарской наций и в одной территориально-экономической нише они не уживаются... Югославия показала, что ни уровень культуры, ни развитие рыночных отношений не спасают от крови.

А. А. Надо рассматривать не только современные события, но и традиции конфликта: балканские войны, вторую мировую войну. Тогда становится очевидным, что конфликт этот — не нов, он — этап очень продолжительного дискретного процесса. Иначе объяснить события в Югославии, свирепость борьбы просто невозможно. Мы имеем дело с тем, что можно назвать «инерцией истории», не сводимой, как иногда полагают, к «козням» и «корыстным замыслам» тех или иных лидеров.

О. В. Но в своей книге вы пишете, что усложнение общества, повышение уровня его рефлексии, то есть самосознания и способности к самоизменению, в какой-то степени предохраняют его от саморазрушения.

А. А. Однозначного суждения по этому поводу быть не может. Культура развивается в форме противоречивых, возможно, дезорганизующих друг друга процессов. Развитие культуры — это накопление богатства, в которое входят и гуманизм, и способность налаживать отношения с людьми иной культуры. Но порой в процессе развития культуры возникают срывы, конфликты, и постоянно сохраняется вероятность катастрофического разрушения того, что накоплено. Вот и история России не сводится ни к прогрессу как таковому (и в этом смысле у наших антипрогрессистов

есть все основания вопрошать: «Ну, и где же этот прогресс?»), ни к некоему статичному состоянию, которое якобы просто нарушается время от времени «чуждыми влияниями». Для России и, возможно, для других стран существуют некоторые точки перегиба, где эти разные тенденции сталкиваются между собой. Столкновения эти могут проходить только в сфере духа, но могут вылиться и в гражданскую войну и социальные разрушения.

С. М. Мне хотелось бы подчеркнуть, что разрушительные процессы не обязательно носят взрывной характер, например, всеобщего голодного бунта. Они могут продолжаться довольно долго. Например, в советский период происходил неуклонный процесс постепенного разрушения накопленного культурного богатства. Его усугубило также отставание в изучении в нашей стране культуры как особого феномена.

А. А. Анализ культуры позволяет понять такое важное для России явление, как раскол. Это социокультурное понятие означает, что история страны несет в себе внутренний тягостный конфликт. Раскол, как мне представляется, есть разрыв коммуникаций внутри культуры, взаимное непонимание, отталкивание разных частей общества, например, власти и народа, интеллигенции и народа, разных групп в самом народе, в частности тех, кого раньше называли «кулаками» — и «бедняками», и так далее. Раскол означает, что культурные смыслы, переходя границу раскола, могут менять свое содержание на противоположное, тем самым провоцируя конфликты и исключая согласие. В ситуации раскола активизация части общества, стремящейся к реформам и модернизации, влечет за собой активизацию той части общества, которая стремится к восстановлению архаики, к контрреформам. Отсюда — яростная борьба с реформами, с частной инициативой и тому подобное, что в России (и не только в России) приводит к катастрофическим результатам.

Для того чтобы найти выход из этого положения, необходимо понять, где точки, в которых происходят срывы, ужасающие потрясения, которые, как коса, могут выкосить все накопленные достижения. Иначе говоря, раскол в культуре приводит и к расколу между культурой как идеальным основанием человеческой деятельности — и социальными отношениями, то есть реальным воплощением культурных программ в жизнь.

Наше общество — уникальный предмет для изучения социологов. То, что в других

странах происходит на глубинном уровне, подсудно, у нас приобретает форму чудовищных катаклизмов и разрушений, а когда вещь разрушается — как это ни трагично, — всегда легче понять, как она устроена. Поэтому именно на российской истории следует изучать причины и механизмы деструкции и искать возможности и пути ее преодоления, а лучше — предотвращения, не в последнюю очередь культурологическими методами.

О. В. Какое из многочисленных определений культуры вам ближе, является для вас рабочим?

А. А. Мне ближе простое определение: культура — это накопленный опыт человечества в идеальной форме, но не беспорядочно сваленный в кладовой, а определенным образом организованный и спрессованный. И сама организация культуры — результат того же опыта.

У нас одно время была тенденция сводить культуру к знанию. Это глубокая ошибка. Знания есть лишь один из аспектов культуры. Сама организация культуры — результат деятельности людей, так как культура, — элемент этой деятельности, воспроизводящей окружающую среду, человеческие отношения, самих людей, ту же культуру, наконец. Миллиарды и миллиарды актов человеческой деятельности приводят к тому (тут есть определенная аналогия с дарвиновской моделью), что сохраняется только то... что сохраняется, что люди способны воспроизводить — образцы деятельности, образцы культуры, которые себя каким-то образом оправдывают в глазах людей. Эта функциональность исторически первична, а культура возникает как организация этой функциональности. Воспроизводство культурной программы, ее сохранение и одновременно критика с целью совершенствования являются важнейшим аспектом человеческой истории, в частности, истории России.

Подход к истории через культуру носит специфический характер. Меня всегда поражало, как это люди, например, некоторые первобытные народы, могут приживаться с нашей точки зрения совершенно «диких» взглядов, скажем, считать, что человек и медведь — тотем — одно и то же. Но в массовом сознании существуют разные абстрактные формы, которые держат человеческую деятельность в определенных рамках, направляют ее к определенной цели, упорядочивают представления об условиях и средствах — словом, создают то, что мы и имеем в виду под понятием «культура».

Человек должен подражать своему тотему, даже если это медведь. Это вовсе не тот медведь, который изучается зоологией. Это — некий мифологический фокус культуры, центральная организация, который охраняет неприкосновенность накопленной культуры и требует отношения к ней как к не имеющей альтернативы программе поведения. С точки зрения рационального познания или просветительства, это может считаться полнейшим абсурдом, но эта организация функциональна. Вот почему разрушение национальной культуры, через которое прошли многие малочисленные народы (делалось это под лозунгами борьбы с «дикостью», «варварством», «предубеждениями», «отсталостью»), вылилось в разрушение духовной основы их жизни. Деломе только в «огненной воде», а прежде всего — в страшном духовном шоке, пережитом людьми мифологической культуры при столкновении с рациональной современной культурой.

О. В. Если я правильно понимаю, для вас культура адекватна такому понятию, как «почва»? То есть, пользуясь нынешней публицистической терминологией, вы — почвенник?

А. А. Само понятие почвы в культурологическом плане настолько расплывчато, что им очень трудно оперировать. На другие языки оно не переводится, я столкнулся уже с тем, что никто не знает, как выразить это понятие по-английски, скажем. Оно существует, скорее, на интуитивном уровне, ему нельзя дать четкого категориального определения. Под этим термином можно понимать господствующий, даже не господствующий, а определяющий в количественном смысле (здесь именно количество имеет большое значение) комплекс стереотипов культуры.

Ну, условно говоря, если бы восемьдесят процентов русского населения обладало бы неким культурным ядром, складывающимся из стереотипов, процентов пятьдесят (опять же условно) из которых были бы достаточно устойчивыми и не очень конфликтными между собой, то вот это и можно было бы назвать почвой.

Кстати, до 1917 года с этим было гораздо проще, потому что крестьянство составляло основную массу населения и социокультурная расчлененность внутри него не была столь заметной. Поэтому-то обращение славянофилов к почве и было тогда понятно и оправданно. Сейчас все усложнилось.

Занимаясь культурой, причем не памятниками культуры, не ее пиками, не Пушкиным и Достоевским, а русской массовой

культурой, крестьянской культурой, я, естественно, обращаюсь к почве. Достоевский с Пушкиным нужны мне как исследователю прежде всего для выяснения их почвенных корней. Обнаруживаются поразительные вещи: по многим параметрам почвенная культура, то есть культура масс, антагонистична элитарной. Это и есть одна из форм раскола. Раскол ведь — это не абсолютный распад, но ситуация, когда активизация одной из форм расколотой культуры приводит к активизации другой ее формы, но с противоположным знаком. Следовательно, без обращения к почве невозможно работать.

Но здесь недостаточно просто назвать объект изучения. Мой предмет — социокультурный процесс, я пытаюсь понять, как почва создает функциональную социальную систему. Пытаюсь ответить на простой и бесконечно сложный бердяевский вопрос: как такой безгосударственный народ (а то, что мы были безгосударственным народом, для русских мыслителей XIX — начала XX веков являлось общим местом), так вот, как мог такой безгосударственный народ создать такую могучую империю, такое государство? Это — величайшая загадка русской истории, кажущаяся неразрешимой.

Закономерности функционирования культуры и функционирования социальных систем различны. Но социальная система не может не основываться на культурном багаже. Вот головоломка! Отсюда главное — поставить вопрос о формах социокультурного противоречия, о том, как оно проявляется прежде всего в воспроизводственном процессе общественной жизни.

Возвращаясь к вопросу о почве. Исследователь всегда отождествляет себя со своим предметом, в какой-то степени я становлюсь почвенником, как зайцевед в каком-то смысле становится зайцем. Но поскольку я изучаю не культуру как таковую, а соотношения культуры и социальных механизмов, то моя позиция меняется, и я вынужден признать, что в государственном смысле почва не создает достаточных предпосылок для нормального функционирования государства, провоцирует постоянный раскол между народом и властью, постоянное двоевластие. Следовательно, я выступаю уже как критик почвы. Я не могу не обращать внимания на то, что социокультурные противоречия не раз приводили Россию к распаду на мало связанные друг с другом образования государственного типа. Это случилось в 1917—1918 годах. Это происходит и сегодня.

О. В. Некоторые культурологи считают, что важнейшей определяющей русского менталитета являлось и является православие. В вашей же работе православной религии, церкви уделено совсем не много места.

А. А. Я придерживаюсь той точки зрения, принятой, кстати говоря, и у некоторых историков русской церкви, что менталитет восточнославянских племен с принятием православия существенно не изменился. Специалисты, занимавшиеся исследованием русского православия, в лучшем случае говорят о двоеверии. Христианство — это прежде всего признание Бога первичной субстанцией, началом всего сущего. В народной культуре преобладает дуализм, который скорее можно определить не через оппозицию монотеизму, но как дуализм правды и кривды.

Долго живя в Тульской области, я поражаюсь обилию местных святых (чуть не в каждом селе сохраняется рудимент какого-то древнего тотема, хотя никто не смог объяснить мне происхождение этих святых), а также полному отсутствию религиозности в христианском смысле слова: каждый престольный праздник там — только повод к многодневному пьянству, причем независимо от хозяйственных циклов, что страшно раздражало местное начальство. Если зима — на здоровье, а если сев или уборка?

Или разрушенные церкви. Им числа не было, но когда я спрашивал, кто это сделал, никто ни разу не сказал: «Вот большевики, комиссары пришли и разрушили» (и не потому, что меня боялись, — по другим вопросам власть ругали, и еще как!), — нет, признавали, что церкви разрушали свои, местные.

О. В. В Сибири абсолютно то же самое.

А. А. Я как-то попал на экскурсию в одну из церквей под Москвой, где тамошний экскурсовод издевался над религией, а в той церкви, между прочим, был похоронен местный князь. Все смеялись над пошлостями экскурсовода, никто его не одернул. И я вспомнил, что в Древнем Египте, по свидетельству современников, все население стояло по берегам реки и плакало, когда по Нилу везли к месту погребения мумию фараона.

О. В. Я знаю случаи, когда в ходе варварской кампании по вскрытию мощей, проводившейся в 20-е годы, сотни, тысячи людей плакали, для них это было страшное святотатство.

А. А. Но ведь на вскрытие мощей прихо-

дили именно истинно, глубоко верующие люди. А большинству это было безразлично. Да дело даже не в этом. Когда изучаешь процесс принятия решений на массовом уровне, то видишь не ортодоксальное христианство, а мощное манихейское начало. О влиянии манихейства на Руси писали еще дореволюционные исследователи. И в трудах Александра Меня есть ссылки на прямое влияние манихейства на русских волхвов. А если изучать, скажем, материалы массовых крестьянских движений или, например, решения Политбюро (общего здесь очень много!), то в философском смысле те и другие исходят из существования двух не способных к взаимопроникновению субстанций-субъектов, что с точки зрения христианства, монотеизма вообще — чистойшей воды ересь.

С. М. По-моему, это только одна сторона вопроса, он нуждается в детальной проработке и более глубоких исследованиях. Ведь наряду с неверием, двоеверием существовали и массовые примеры святости. Что такое эти странники и странницы, отшельники, пустынноики? Сколько их было! Они проповедовали другое и сильно воздействовали на массы.

О. В. Феодосий Печерский или Сергей Радонежский — разве это двоеверие?!

А. А. Я занимаюсь массовыми процессами в культуре, а не православием высших иерархов и святых и разделяю подход А. Я. Гуревича, который одну из своих книг посвятил именно различиям между «церковной» и «народной» религиями в Западной Европе. Говоря о религии, я так же не имею в виду Сергия Радонежского, как, говоря о культуре, не имею в виду Пушкина. Исследуя противоречивое единство социальных и культурных процессов, я пытаюсь понять, как вообще существуют, воспроизводятся государство и общество, и утверждаю, что и культура, и политика (как часть культуры) делались в России миллионами и миллионами тех самых крестьян, которые участвовали в государственной жизни непосредственно своей массовой воспроизводственной деятельностью или отказом от нее. Именно на миллионах людей держится вся пирамида общества, их идеалами она пронизана, потому что иначе она бы просто не устояла, немедленно рухнула бы. Власть может висеть в воздухе очень ограниченное время, а потом наступает инверсия, то есть поворот в массовых настроениях, который охватывает все общество. Это всегда заставляет власть, если ее представители достаточно разумны и не

хотят погибнуть, своевременно менять свою политику, лозунги и, кстати говоря, отношение к религии, чтобы отыскать «общий язык» с большинством.

О. В. В вашей концепции инверсия — это бросок от одного полюса к другому, противоположному?

А. А. Не только. Вообще инверсия — это работа с исторически сложившейся культурой, с ее понятиями. Вот пример инверсионного мышления: мой сосед — хороший человек, вчера мы с ним «сообразили на троих», а сегодня мой сосед мне не угодил, он — сволочь. Я его осмысляю только в этой оппозиции: хороший человек — плохой человек. Это умозрительный пример бытовой ситуации. Но так же действует механизм сознания миллионов людей, которые начинают мыслить по-другому и выходят на улицы или, как говорится в одной рукописи XIX века о крестьянах, заявляют: «Мы с печи не сойдем!» И не сходили, и подушную подать не платили, и рекрутов не давали. И в этих условиях правительство (и власть вообще) вынуждено было что-то кардинально менять. С миллионами людей, даже если они просто «сидят на печи», шутки плохи.

О. В. Простите, вопрос вдогонку: не кажется ли вам, что и нынешняя власть «повисла в воздухе»?

А. А. Кажется. Мы переживаем как раз такой период, можно даже некоторые прогнозы делать. Ведь большевизм все семьдесят лет продержался именно на манихейской идеологии. Он потерял власть тогда, когда попытался эту идеологию преодолеть. Несмотря на свои чудовищные преступления, он властвовал над массовым сознанием, но стоило Горбачеву заговорить об общечеловеческих ценностях, отодвинуть идею классового боя как принцип объяснения внутренних бед внешней ситуацией — и высшая власть потеряла свое оправдание, свой статус гаранта против сил мирового зла, как бы они ни назывались.

Крах государственности СССР, отсутствие сколько-нибудь существенного числа защитников у этого государства (вспомним, что так же мало защитников было и у последнего монарха, и у Временного правительства при их свержении) — свидетельство слабой укорененности идеи государственности в культуре. Отказ от манихейских представлений плохо вписывается в нашу культуру. «Третьей позиции» между «своим» и «врагом» (выражение Н. Бердяева) люди просто не восприняли. Разделение

мира на два полюса было сразу подхвачено новыми почвенниками (вернее сказать, псевдопочвенниками). Вы могли почитать «День» и прочие подобные газеты, там это видно совершенно четко.

О. В. Но ведь и демократическое движение было построено на чисто манихейской позиции, отрицании тоталитарного государства, империи, власти КПСС. А как только дело дошло до необходимости позитивных решений, тут-то демократы как движение и кончились.

А. А. Осознание необходимости именно срединных, а не крайних решений должно достичь критической массы, то есть охватить минимум десятки миллионов человек. Только тогда возможно принятие функциональных, взвешенных, а не импульсивных решений, которые порой приходится отменять или корректировать немедленно после их принятия, как это у нас обычно бывает.

Взвешенным, к примеру, должно быть отношение к рынку. Наши демократы осознали ценность рынка, хотя всему миру она давно была ясна. Да и общество вроде бы не бунтует, многие как бы говорят: «Хрен с вами, пусть будет рынок...» Но ведь этого мало! Необходимо понимание того, что рыночное и дорыночное хозяйства — разные типы цивилизаций, и разность эта пронизывает собой все, включая поведение человека в трамвае. Такое понимание наращивается веками, а мы взяли и просто написали вместо хрущевской кукурузы — рынок. Рынок начинается с права, а не с указания: «Торгуйте!» Реформы должны опираться на законодательную базу, а не на импульсивные решения. В каждой стране существует свой, специфический рынок. Поэтому нужно искать меру рынка в наших глубоко специфических условиях, а не бездумно видеть в нем очередное спасительное чудо.

С. М. Чрезвычайно важны и политические аспекты. Расколотое общество, как лебедь, рак и щука, имеет мало шансов на успех в проведении тяжелейших реформ. Стране насущно необходим либерально-консервативный консенсус.

А. А. Осознание необходимости срединной культуры, ее наращивание, укоренение ее в массовом сознании, поиск либерально-консервативного консенсуса на почве либеральных ценностей — вот главная сейчас задача. Иначе опять произойдут инверсионные толчки, сметающие культуру и общество. Мы это уже проходили...

ИГОРЬ ИСАЕВ

Геополитические корни авторитарного мышления

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ЕВРАЗИЙСТВА

В сегодняшних дискуссиях о судьбе обновленной России неизбежно встает вопрос о корнях и истоках сопротивления реформам. Насколько они глубоки и насколько органически связаны с устойчивой национальной традицией? На каком уровне — экономическом, социальном, политическом, идеологическом или психологическом — происходит концентрация механизмов торможения? Наконец, возникают вопросы прагматического характера — возможен ли рациональный поиск путей их преодоления?

Чаще всего причины торможения реформ видят в особенностях системы властвования и политического управления. Из этой сферы они переносятся в область экономики и культуры. Реже говорят о психологических и этических факторах. Но, несмотря на разговоры о необходимости использовать национальный исторический опыт, делается это не часто — мы охотнее обращаемся к современным западным или восточным образцам. Зато сторонние наблюдатели нередко отмечают черты, которые нам кажутся не столь значительными: инерционность и консерватизм национального менталитета, склонность к авторитаризму в политике. И все же при определении такого сложного социально-политического феномена, как власть, при анализе генетики «командно-административной системы» установления единственной первопричины явно недостаточно. Нельзя ограничиваться также анализом только последнего (семидесятилетнего) отрезка истории, в рамках которого система окончательно сложилась. Корни следует искать глубже.

На феномен власти оказывают влияние самые разные факторы, в ряду которых важное место занимает геополитика. Это и есть основной тезис в идеологии «евразийства». В качестве одной из идеологических форм национального сознания «евразийство» всегда базировалось на гео-

политических основаниях — идет ли речь о предтечах евразийства, таких, как Н. Данилевский и К. Леонтьев, или о классиках-евразийцах 20—30-х годов, или о современных эпигонах. «География, территория, почва» — вот факторы, определяющие особенности этой идеологии, но не ее существо. Оно заключается прежде всего в консервативной политической ориентации и аксиологии. Мы попробуем проследить линии, связывающие эту консервативную политическую традицию в национальном мышлении с современными консервативными установками, квинтэссенцией которых стала «командно-административная система», на примере интерпретации тех евразийских концепций и деклараций, которые сложились к началу 30-х годов.

Машина власти, хотя и обусловлена конкретной географической спецификой, устойчиво проявляет тенденцию к автономизации. Власть начинает существовать как бы для себя и продолжает далее покорять пространство автоматически, уже вне всякой связи с породившими ее факторами, как географическими, так и психологическими.

Евразия-Россия как особый социокультурный мир — вот идея, которая стала ядром своеобразного геополитического течения русской мысли, сформировавшегося в начале 20-х годов главным образом в среде русской эмиграции¹. Возникнув в русле «сменовеховского» движения, это течение более открыто и определенно сформулировало его главные цели и задачи, в целом ряде моментов отмежевавшись, однако, от своего

¹ Группа начала работать в Софии в 1920 г., а затем поочередно активизировалась в Праге, Париже, Берлине. Кроме монографических трудов и сборников евразийцы выпускали периодические издания — «Евразийскую хронику» (Прага, Париж, Берлин) и «Евразийский временник» (Берлин и Париж).

идейного партнера. И, может быть, главным отличием стал отправной в концепции нового течения пункт — представление о России-Евразии как о самодостаточном и самовоссоздающемся этносе и особой культуре, замкнутой в себе, но перманентно разворачивавшейся вовне.

«Евразийцы» — так стала называть себя небольшая группа русских интеллектуалов, оказавшихся в европейской эмиграции после 1917 г. Организаторами и интеллектуальными вождями евразийства были относительно молодые и весьма слесобные люди: лингвист Н. Трубецкой, географ и экономист П. Савицкий, правоведы В. Ильин и Н. Алексеев, историки М. Шахматов, Г. Вернадский, Г. Флоровский, Л. Карсавин и другие.

В спектре эмигрантских политических партий евразийцы стремились занять особое место, представив свое объединение как надпартийное идейное течение, «настроение умов». Однако фактически статус евразийцев может быть определен как положение «правее центра», и дальнейший ход событий подтверждает такую оценку.

ИСТОКИ И ЗАИМСТВОВАНИЯ

Прежде всего напрашивается сравнение со славянофилами. В одном из своих программных заявлений 1926 года (написанном, видимо, Н. Алексеевым и П. Савицким) евразийцы критически оценивают свойственное славянофильству «смутное культурное самосознание», признавая, однако, что это романтическое течение наиболее близко им по духу.

Константин Леонтьев близок евразийцам не менее, чем славянофилы. Но они опустили два существенных и конструктивных элемента его концепции. Во-первых — многоцветье леонтьевского культурно-политического эйдоса. Столь чуждые Леонтьеву унификация и нивелировка в культуре явно пронизывают всю систему евразийского мировосприятия. Второй элемент, от которого евразийцы отказываются осознанно и откровенно, — идея византизма: не Византия, а империя Чингисхана была предтечей евразийской культуры и государственности, утверждают они.

Свою близость славянофильской традиции евразийцы объясняют общностью концепции «Москва — третий Рим». И хотя Г. Флоровский подчеркивал, что единой для этих идеологических течений является теория самостоятельных культурно-истори-

ческих типов и отрицание романо-германской культуры как универсальной и основополагающей¹, не это их объединяло на самом деле, а стремление отыскать органические корни происхождения культуры. Однако источник, из которого заимствовали теорию культурно-исторических типов евразийцы, был иной, не славянофильский. Имя Н. Данилевского не очень часто упоминалось в евразийских изданиях, но именно он оказал наиболее существенное влияние на формирование их концепции. Сформулированная им (еще до М. Вебера) теория идеальных культурных типов была принята евразийцами в качестве фундаментальной, и все их дальнейшее идейное конструирование вытекало из этой методологической посылки.

Евразия — идея-фикс всей концепции, она формирует пределы экономического, социального, политического мышления, определяет специфику культуры и ее самодостаточность. Все действующие факторы и мотивы как бы включены в замкнутое пространство, и проблема отграниченности настойчиво подчеркивается. Поэтому и власть видит поставленные ей пределы и угрозу, таящуюся за ними, и принимает формы, способные обеспечить ей функционирование в этих границах. Как особый географический мир, Евразия находится на стыке двух «колониционных» волн, идущих одна на Восток, другая на Запад и сталкивающихся на берегах Берингова моря. Ограниченное с севера полосой тундры, а с юга степной полосой, Российское государство в малой степени соприкасается с океаном, и для него исключено активное участие в океаническом хозяйстве, типичном для народов Европы. Зато огромные размеры и природные богатства Евразии подталкивают ее к идее экономического самодовления и превращают в «континент-океан». На всей истории Евразии сказываются ее географические особенности: тогда как почти все ее реки текут в меридианальном направлении, непрерывная полоса степей объединяет территорию с запада на восток. Дух степи всегда витал над Россией: разбойничья вольница, «махновщина» и азиатская жестокость периода гражданской войны, «экстенсивность» хозяйственного мышления, авторитаристские устремления власти в прошлом и настоящем — все это модификации евразийской идеи.

Географическая специфика обусловила

¹ Флоровский И. Г. О патриотизме праведном и греховном. В кн. На путях. Утверждение евразийцев. Кн. 2. Берлин. 1922.

этические и психические особенности евразийского типа личности: склонность к самым рискованным опытам и стихийным взрывам — отголосок старых кочевнических инстинктов. Евразиец по характеру мышления не связывает себя, как житель Запада, с внешними социально-политическими и государственными формами. Евразиец, как и родственный ему туранец, ценит традицию, но, как другой его близкий родственник — иранец, остро ощущает ее относительность и ненавидит ее деспотию. Отмеченные особенности подвигли евразийцев искать истоки культурного единства Евразии не в Киевской Руси, которая была колыбелью только будущего «руководящего» народа Евразии, и даже не в Руси северо-восточной: «Впервые евразийский культурный мир предстал как целое в империи Чингисхана... Монголы формулировали историческую задачу Евразии, положив начало ее политическому единству и основам ее политического строя»¹. Преемником монгольской державы стало Московское государство, а Империя почти закончила государственное объединение евразийского материка и, отстояв его от посягательств Европы, создала сильные политические традиции. Но сама русско-евразийская идея неосознанно сохранилась внутри правящего слоя, хоть он и подвергся сильной европеизации.

Границы Советской России, в целом совпадающие с границами Российской империи, по-прежнему очерчивают все то же «месторазвитие» России-Евразии. Это не может не сказаться на преемственности политической и идеологической структур мировосприятия. Евразийство составляло основной духовный пласт даже в существовавшей под интернационалистскими лозунгами послереволюционной стране.

С началом энергичной европеизации России национальное сознание подверглось коренному извращению. Религиозно-культурная и национальная идея Москвы как наследницы Византии, как оплота христианства в борьбе с язычеством и западной еретической культурой утратила свой религиозный смысл и была заменена позитивно-политической идеей империи и империализма. Культурная задача стала формулироваться обедненно и чисто эмпирически — как рост государственной территории и государственной мощи. Этот процесс совпал с быстрым продвижением

России на Восток и переходом ее в лагеря вчерашнего врага — Европы. Вместе с тем процесс европеизации России вызвал, по мнению евразийцев, помутнение национального самосознания, утрачивалось ощущение границы с Западом. Правящий слой стал считать Россию частью Европы, и на смену старой идеологии Москвы пришла созданная по европейскому образцу неоклассическая и романтическая генеалогия русской культуры, корни которой стали выводиться из славянской основы.

Демонстративное отталкивание от Запада вовсе не исключало для евразийцев возможности заимствовать у него идеи и концепции. И если их этические и геополитические рассуждения основывались в значительной мере на почве национальной (хотя и здесь можно обнаружить влияние идей Гобино, Шпенглера и Чемберлена), то государственно-правовые и политические конструкции несли на себе откровенную печать заимствования: солидаризм Л. Дюги и Ж. Сореля, элементы философии властвования Парето и социологии М. Вебера. Евразийская политическая философия возрастала в контексте теорий, быстро усиливавших свое влияние на Западе. Евразийство стало одной из форм нового консерватизма, питаемого не столько политическими идеалами и борьбой, сколько более глубокими, подсознательными и бессознательными мотивами, навеянными многовековой национальной историей и традицией. Характерно, что внешне прогрессивная новая идеология, занявшая доминирующее положение на территории бывшей Российской империи, во многом восприняла евразийские геополитические установки. Произошла смена символов, но существо осталось прежним: идея III Интернационала заменила (или интерпретировала) имперскую идею, установился идеократический режим, сформировался новый «правлящий отбор», то есть властные структуры, сложилась федеративная система и тому подобное. Евразийские теоретики самым тщательным образом анализировали каждый из этих феноменов.

ПОЧВЕННИЧЕСКИЕ МОТИВЫ

По мнению евразийцев, до них только К. Леонтьев последовательно выступал против растворения русской культуры в отвлеченном и романтическом панславизме. Сами русские не обратили внимания на его слова, зато иностранцы, даже поверхностно-

¹ Евразийство. Опыт систематического изложения. Париж. 1926.

но знакомые с русской культурой, отграничивали ее и от собственно славянской и от европейской культур. Для них Россия всегда Азия, но отличная от Азии Китая и Индии. Россия являет собой особое этническое единство. Насколько однородным оно является? В недрах русского быта можно различить всевозможные культурные наслоения — варяжское, византийское, славянское, татарское и другие. Этим бытом русская культура, однако, не исчерпывается: «Через века и пространства... осязается единство творческой стихии. И точки ее сгущения почти никак не совпадают с центрами быта. Не в Петербурге, не в древнестолечном Киеве... не, даже, в «матушке» Москве, а в уединенной русской обители, у преподобного Сергия... чувствуется напряжение русского народного и православного духа. Здесь издревле лежит средоточие культурного творчества»¹, — писал Г. Флоровский.

Н. С. Трубецкой заметил, что русские верхи всегда заимствовали элементы иностранной культуры и часть их спускали в «массы». Но глубоко проникли в народные массы, пожалуй, только традиции византийского восточного православия. Западные же культурные ценности не затронули глубин народной души².

Русская государственность выростала из особых начал, отличавшихся от западных абсолютистских (или демократических) принципов. Определяющим для всей евразийской культуры вплоть до эпохи Петра был туранский психический тип. Он формирует весь уклад жизни, в котором вероисповедание и быт составляют единое целое («бытовое исповедничество»)³, а государственная идеология, материальная культура, искусство и религия являются нераздельными частями единой системы, системы, теоретически не выраженной и сознательно не сформулированной, но тем не менее пребывающей в подсознании «национального целого»⁴.

Бесспорное подчинение было основой туранской государственности, и этот принцип распространялся до самых верхов социальной пирамиды. В Древней Руси таким управляющим принципом стала право-

славная вера, понимаемая как особое единение догм и обрядов с культурой, государственный строй с его иерархической лестницей стал лишь частным ее проявлением. Именно этот высший принцип, общий и для каждого подданного и для самого царя (но не принцип рабства!), спаял Русь в одно целое и управлял ею.

Православный стереотип бытового мышления проникает и в политическое мышление нации. Идеологические конструкции современности весьма напоминают религиозные и литургические формы, партийная структура — церковную иерархию. Язык заклинаний и проклятий в адрес еретиков, споры о вере и прочее подкрепляют аналогию.

Главная черта туранской психологии, в значительной мере обусловившая русское культурно-государственное мышление, заключалась в «ясной схематизации небогатого и рудиментарного материала». Ей не свойственна утонченность, она оперирует легко воспроизводимыми образами, для чего эти последние организуются в простые схемы. Для этого типа психологии характерно стремление к экстенсивности (но не детализации). В отношении культурных и социальных ценностей нации туранская психология обеспечивает относительную устойчивость и силу, утверждает преэминентность и создает условия для экономики национальных сил¹. Но, видимо, по этой же причине ни православная, ни туранская религиозная мысль не дали миру ни одного выдающегося богослова. И там и здесь догмат веры рассматривался как данность, а не предмет философской спекуляции. В политической жизни догмат сохраняет свое господство и в современных условиях. Рационализм, либерализм, центризм и умеренность не могут играть определяющей роли в России — поэтому здесь не приживается ни социал-демократический реформизм, ни умеренный либеральный прогрессизм. Отсутствие веротерпимости постоянно инспирирует экстремистские тенденции. В политике теоретическая разработанность программ значительно уступает практике. Стихия и бунт постоянно стоят за спиной политика, не позволяя ему рационально прогнозировать будущее.

Теоретическая направленность европейского мышления не свойственна мышлению русскому, на которое значительное

¹ Флоровский Г. О народах исторических. В кн. Исход к Востоку. София. 1922.

² Трубецкой Н. Европа и Человечество. София. 1940.

³ Савцкий П. Степь и оседлость. «Евразийская хроника». Вып. 2. Прага. 1925.

⁴ Трубецкой Н. Вехи и низы русской культуры. В кн. Проблемы русского самосознания. Берлин. 1927.

¹ Трубецкой Н. О туранском элементе в русской культуре. В кн. Проблемы русского самосознания. Берлин. 1927.

влияние оказывают быт, эмоции и верования. Иррациональные элементы евразийской политико-идеологической конструкции были заимствованы не только из национальной идеологической традиции. Волна иррационализма вторгалась и в европейскую культуру 20—30-х годов. В Италии генеральная идея была заслонена культом личности Муссолини и голым организаторством, фашизм, словно страшась возникновения единого мирозерцания, исходил скорее из общности эмоций народа. Поэтому фашизм — ложная идеократия. Но евразийство могло заимствовать у этого движения волевой порыв, органическую vitalность и неприязнь к теоретическим спекуляциям либерального толка. Расширенный национализм (можно сказать, этнонационализм) евразийцев наряду с весьма поверхностно понятыми догматами православия и туранско-монгольской государственно-психологической традицией и представляет собой ту почву, на которой построена их философия власти.

ПОИСК НОВОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИИ И «ИДЕЯ-ПРАВИТЕЛЬНИЦА»

По мнению евразийцев, последний симптом европеизации России — произошедшая в ней революция. Однако в результате революции, как считал Г. Флоровский, рухнула петровская Россия, а не капитализм. Революция есть в сущности — контрреволюция, исподволь подготовлявшийся отпор народного ядра тому единоличному началу жизни, которое сделало попытку подчинить жизнь внешним, земным целям¹. Революция — не заговор и не бунт, а глубокий сущностный процесс, открывающий дорогу здоровой государственной стихии. Новое самосознание русской культуры, по мысли евразийцев, несет в себе и осознание общечеловеческой миссии России-Евразии. Не случайно после революции Россия отворачивается от Европы и поворачивается лицом к Азии. Борьба Азии с Европой превращает Россию-Евразию в «неподвижный центр», вокруг которого кипит борьба и на который как будто склонны опереться своим тылом неевропейские культуры. Но взаимоотношения России с Азией могут измениться и даже стать угрожающими, если первая забудет

¹ Флоровский Г. О патриотизме праведном и греховном. В кн. На путях. Утверждения евразийцев. Кн. 2. Берлин. 1922.

свое родство со второй и, пренебрегая им, начнет усиленно европеизироваться. Однако ряд обстоятельств должен этому воспрепятствовать.

В русской истории, несмотря на многие параллели с европейской ведущей идеей (по происхождению — византийской), всегда существовала тенденция преодоления «организации» и была сильна идея творческой личности: «Не о строе, а о духе томилась русская душа»¹. И это наложило отпечаток на все наиболее влиятельные идеологии, разворачивавшиеся в России-Евразии на разных этапах истории: старообрядческую, славянофильскую, народническую, марксистскую. Евразийское историческое видение доминирует в них.

Чтобы обезвредить ложные и абстрактные идеологии и вместе с тем не отнять «у конкретной деятельности одушевляющего ее пафоса», любая культура должна выработать идеологию, органически связанную с конкретной жизнью. Такая идеология должна прорастать из некоей абсолютной, стержневой идеи («идеи-правительницы») и, трансформируясь через систему производных идей, конкретизироваться до последнего предела, то есть стать той жизнью, которую она осмысляет, преобразует и творит. Истинная идея и есть смысл самой действительности.

Всякая новая эпоха предполагает новую установку сознания. Основному понятию старого мировоззрения — понятию изолированного, замкнутого в себе социального атома — евразийство противопоставляет понятие личности как живого и органического единства в многообразии. С этой точки зрения, реальной является не только индивидуальная личность, но и социальная группа, народ, человечество. Евразийский коллективизм почти неотличим от коллективизма эпох индустриализации и коллективизации — разница в том, что первый акцентирует внимание на этических, а второй — на социальных общностях. Еще более значительное сходство отмечается в оценке такого политического феномена, как партия.

Носителем нового сознания ни в коем случае не будет политическая партия старого образца. Партия как «нумын нации» (выражение П. Савицкого) — это партия нового типа. Она призвана строить культуру как систему, отвечающую традиции и потребностям своего «месторазвития»,

¹ Флоровский Г. О народах исторических. В кн. Исход к Востоку. София. 1922.



наделенную собственной символикой и мистикой. Новая партия как носительница «идеи-правительницы» представляет нацию или группу наций. Это должна быть единая и единственная партия: «На смену безнациональным и интернациональным партиям должна прийти всесильная и властвующая национальная организация»¹.

Однопартийные тоталитарные режимы уже существовали тогда в Европе, и евразийские декларации звучали лишь как констатация факта. Но это был и выбор, сделанный между демократией и тоталитаризмом. В евразийской трактовке «идея-правительница» становится мифом, стимулирующим социальную активность масс (направивается сравнение с идеей «революционизирующего мифа» Ж. Сореля. И это — не единственная параллель с принципами французского и итальянского корпоративизма). Любая идея, претендующая на реальную силу, дает начало мифу и обычаю. Говорить о ложности идей бессмысленно, так как всякая идея соответствует внутреннему переживанию и в этом смысле является реальностью. Задача историка — обнаружить за обволакивающим идею мифом это переживание, эту психическую реальность.

Евразийцы подчеркивали реальный и истинный характер своей идеологии. Однако критерий истинности оставался неуловимым, во всяком случае, им не являлась практика — она сама создавалась в процессе идеологизации. Приоритеты в социальной структуре отданы идеологии: идея становится правительницей, а вся система властвования оформляется в идеократию. Центральная «идея-правительница», придающая тон и окраску всей культуре, является ее квинтэссенцией, структурирующим фактором. Вместе с тем ей принадлежит роль архетипа данной культуры, на раскрытие которого направляется вся культурная деятельность («поиск истины») в ее рациональных и бессознательных модификациях. Этот архетип в конечном счете определяет всю перспективу развития культуры в сложном сочетании географических, биологических, психических и иных факторов. Его черты могут проявляться в бессознательном устремлении культуры в пространстве и времени, в особенностях национального творчества, стиля мышления, в агрессивности или сдержанности. «Идея-правительница» не может быть ра-

ционально выявлена до конца. Она — только мотив культурной деятельности, источник культурной напряженности, которая переживается, но часто не осознается.

Проблема соотношения идеологии и утопии, наиболее определенно сформулированная К. Мангеймом, стала серьезным препятствием на пути становления евразийской концепции: если идеология становится истиной, то утопия должна будет утратить еще сохраняющиеся в ней элементы реальности. Утопия становится просто ложью. Ставшая господствующей в стране идеология сама выросла из утопии и тем жестче расправилась с остатками утопического пафоса. Евразийцы одними из первых дали обстоятельный анализ этой метаморфозы, оценив ее, правда, вполне положительно.

ПРАВОСЛАВИЕ КАК ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ

С точки зрения евразийцев, рождение всякой национальной культуры происходит на почве религиозной, и она появляется на свет, сопровождаемая мифом о своем рождении. Мифу же присуща такая степень достоверности, какой не обладает никакая другая форма свидетельства об исторической реальности. Миф — это сама историческая реальность, символически выражающая некий непосредственно пережитый «внешний» или «внутренний» опыт, выражающая его творчески, абсолютно наивно, без тени преднамеренности. Мифом евразийской культуры стало православие. По мнению евразийцев, оно обладает способностью легко приспосабливаться к любой политической форме в силу глубокой веры в возможность и необходимость преобразования бытия через его христианизацию.

Православию как «симфонической» форме религиозности свойственно стремление к всеединству, позволяющее ему синтезировать различные идеологические течения, входящие в рамки данной культуры или примыкающие к ней. В этой связи и язычество может рассматриваться как потенциальное православие: русское и среднеазиатское язычество после христианизации образуют формы и аспекты православия, более близкие и родственные евразийской православной традиции, чем традиции европейского христианства. Особое отношение православия к миру, который оно призвано преобразить, сближа-

¹ Ильин В. Н. О евразийском патриотизме. «Евразийская хроника». вып. 3. Париж. 1927.

ет его с буддизмом. Религиозная идея становится вполне конкретной, ее развитие отождествляется с развитием самой жизни, и в этой связи интересно отличие трактовки проблемы зла в православной культуре и буддизме от европейской религиозной культуры. В православной культуре на место борьбы со злом выступает задача его преодоления силой терпения и веры в то, что оно само уничтожит себя перед лицом активно действующего добра. Этой культуре, ориентированной на упорядочение хаоса, на постепенное распространение организующего, истинного начала на всю Вселенную, противостоит культура, ориентированная на непримиримый конфликт истинного и ложного (как в католической доктрине).

Евразийская концепция предполагает, что православный мир должен прийти в русло православной культуры в ходе своего свободного саморазвития. С евразийской точки зрения, в православной культуре нет границы между верой и делом: практика должна осмысливаться, объясняться и оправдываться идеей; теория — становиться практикой, на практике оправдываться и осуществляться.

Осознание того, что религиозно-культурное единство, персонафицированное в русском государстве, шире, чем только русская (в узко национальном смысле) культура, должно было получить свое терминологическое выражение. «Евразия» в этой связи представляется особой символически личной индивидуализацией православной церкви и культуры. Религия создает культуру, культура создает этнологический тип, а последний выбирает или находит свою территорию и по-своему ее преобразует. В такой трактовке культурный мир оказывается ориентированным на заданную систему ценностей, построенную по шкале от «священного» к «светскому» с определенной градуировкой. Центром отсчета являются православный миф и догматы, далее идут теоретико-идеологические построения, политическая программа, организационные принципы и так далее. Характерным для этой культуры является смещение государственных, правовых и экономических символов на дальний, «светский» конец шкалы.

Органическая связь церкви и государства, в трактовке евразийства, затрудняет разграничение сфер их культурного творчества. Поэтому евразийство воспринимает славянофильский принцип разграничения сфер: церковь — сфера свободной истины

и деятельности, сфера соборного единства, свободного согласования в процессе освоения и раскрытия соборного предания; государство черпает основы своей идеологии в органичной культуре, обладающей полнотой истины в одном из ее аспектов, не отрицая при этом других возможных и существенных ее аспектов. Внутреннее членение государства ярче всего проявляется в разделении людей на правящих и управляемых, в отчуждении личности от общества, использовании силы и принуждения. Но в конечном счете идеи, составляющие государственно-общественный идеал, формируют систему «идеалоправства».

Православие вводится в систему евразийства прежде всего как ценность и идеал, освященные временем и традицией. Непривлекателен сам тотальный характер этого вероучения: оно пронизывает весь быт и сознание, материальную и духовную жизнь общества. В евразийской интерпретации идея всеединства, столь характерная для построений Вл. Соловьева, Л. Карсавина, С. Франка, достигла своего апогея: церковь, культура, государство выступают здесь как внутридифференцированное и иерархизированное единство множественности. Всеединство ассоциировано со всевластием. К этому подталкивает множество факторов, но главные из них — огромная территория и авторитарная традиция России. Структуры власти формируются в Евразии, как бы устремляясь к некой высшей цели, поставленной перед ней Провидением. Авторитарное мышление, сохраняя основные принципы своего функционирования, легко могло переходить от религиозной формы к политической и наоборот.

«ПРАВЯЩИЙ ОТБОР» И СТРУКТУРЫ ВЛАСТВОВАНИЯ

По своим качествам господствующие в обществе идеи представляются объективными, надиндивидуальными и, осмысливая общественные явления, приобретают характер идеала, образца, задания. Для них характерны надпространственность и надвременность, то есть типические черты мифологического¹. Они «идеализируют», одухотворяют всю социальную, политическую, правовую и другие структуры

¹ Волгин М. Закон живой идеи. «Евразийская хроника». Вып. 3. Прага. 1925.

социума. Так, реальная власть в государствах Востока принадлежит не столько царю как физической личности или юридическому лицу, сколько религиозной идее царя; не римскому императору, а национально-религиозной идее Рима; не столько министрам Англии, сколько идее правового государства. Колыбелью «идеи-правительницы» является духовное самосознание и реальный опыт правящего слоя данной нации.

Предлагаемая евразийцами новая идеология была обращена к конкретной действительности текущего дня и, следовательно, становилась программой активных действий. Новая эпоха предполагает новую установку сознания, и, по мнению евразийцев, носителем этого сознания будет новая партия особого рода, «правительствующая и своей властью ни с кем не делящаяся, исключая существование других таких же партий. Она — государственно-идеологический союз, который раскидывает сеть своей организации по всей стране и нисходит до низов, не совпадая с государственным аппаратом: направленность его деятельности определяется не функцией управления, а идеологией»¹. Новая партия должна находиться в тесной связи с правящим слоем, вырастать из него, сливаться с ним. Идеология — не просто инструмент власти, она — сама власть. Поэтому идеология прежде всего должна быть истинной, то есть существующим, реальным фактом. Это отнюдь не означает ее реалистичности в обыденном смысле, — чем больше иррационалистических элементов в процессах воспроизведения и восприятия власти, тем она действеннее. С евразийской точки зрения, правящий отбор определяет и персонифицирует в себе не только тип государственного устройства, но и тип социальной структуры общества, тип народного хозяйства, тип культуры в целом. Когда правящий отбор находится на службе у «идеи-правительницы», это — время его независимого функционирования в культуре. Когда же служба становится самоцелью, в обществе и культуре нарастают бюрократизм и коррупция. Правящий слой сдвигается с идеальных устоев, возрастает его замкнутость, обостряется групповое самосознание. Однако жизненная необходимость заставляет его пополняться за счет посторонних и чуждых ему социальных групп, и чужаки вскоре начинают подвергаться разрушающей критике старый идеал. Целост-

ность отбора разбивается¹. Нужно ли говорить, что такая модель вполне применима и при исследовании бюрократического «нового класса» в СССР. Не случайно и евразийцы и идеологически близкие к ним младороссы увидели в социальном восхождении групп новых хозяйственных, руководящих кадров РККА и партработников консолидацию нового правящего отбора в СССР.

На эти процессы не могли не повлиять те глубинные евразийские традиции, которые формировались еще в XVI—XVII вв.

Истории известны удачные и неудачные попытки создания правящего отбора: к неудачным, например, относится опричнина Ивана Грозного, к удачным — формирование петровской гвардии, создание служилого дворянства. Европейская культура породила рыцарство, католическая церковь — иезуитов, Китай — ученых, Япония — самураев. В России правящий отбор готовился в спешке и часто менял свой характер². Самые разные факторы могут определять состав и характер правящего отбора — стремление к властвованию, религиозный фанатизм, материальные и меркантильные интересы... Основными типами отбора в Европе были когда-то демократический и аристократический. Затем пришло время нового, идеократического типа, основой которого становится социальный слой, объединяющий своих членов на основе общего мировоззрения³. Четких критериев формирования такого отбора евразийская концепция не дает: во всяком случае, это не конкуренция демократического типа и не наследственная сословность феодальной иерархии. Схожие механизмы отбора присущи только корпоративной организации, в которой само дело отбирает достойных. Евразийцы полагали, что зародыши нового правящего отбора уже существуют в жизни: русская и итальянская революции создали их.

Идеократический строй отличается государственным максимализмом и требует, чтобы власть была весьма сильна, но чрезвычайно близко стояла к народу⁴. В контексте рассматриваемой концепции власть — самоцель, и строгое, почти аскетическое служение этой цели окрашивает

¹ Ш - в А. О правящем отборе. Евразийский сборник. Кн. 6. Париж. 1929.

² Макшеев Н. А. О воспитании ведущего отбора (идеократии). «Евразийская хроника». Вып. 12. Берлин. 1937.

³ Трубецкой Н. С. Идеократия и армия. «Евразийская хроника». Вып. 10. Париж. 1929.

⁴ Трубецкой Н. С. О государственном строе и форме правления. «Евразийская хроника». Вып. 8. Париж. 1927.

¹ Евразийство. Опыт систематического изложения. Париж. 1926.

в определенный тон не только идеологию, но и организацию евразийцев. Вся политическая культура, описываемая в терминах евразийской модели, в значительной мере напоминает объединение религиозно-орденского типа: «Политические партии и массы — западный продукт, мы же — восточники и нас не вдохновляют ни идеалы иезуитов, ни свободные мыслители реформаторов и протестантизма — ученики Якоба Беме, Вейгеля и Каббалы», объединяющие антидогматическую оппозицию ортодоксальному католицизму и иудаизму. «По духу своему мы, пожалуй, первый тип русского ордена. Мы не знаем, были ли у нас предшественники. Но кажется, что прототипом нашего объединения было «старчество» (Зосима у Достоевского)», — размышлял Н. Алексеев¹. Однако ассоциации с иезуитскими и масонскими традициями все же возникают, когда мы знакомимся с политической тактикой евразийцев. «Евразийцы должны всеми силами просочиться в этот новый режим и руками новой власти построить свое новое государство»². Пополитическая программа, сформулированная в этих тезисах, напоминает тактику некоторых российских партий в период 1905—1907 гг. и весны-лета 1917 г., когда, выходя из подполья, они искали способы активизации своей деятельности. При этом один серьезный нюанс был налицо: в тактических маневрах евразийства просматривалась тенденция к тоталитаризму. Их концепции зеркально отражали те реальные политические процессы, которые протекали внутри СССР (не случаен тот факт, что многие евразийцы младшего поколения сотрудничали с НКВД), но за рубежом это приходилось скрывать, хотя и не всегда удавалось.

Маскировка применялась даже в некоторых теоретических построениях, например, при характеристике «идеальной» государственности. Организующим принципом государственности и культуры для евразийцев является «государственная константа», вокруг которой концентрируется вся культурная жизнь общества. Государственная константа — принцип, идеал, который требует конкретизации. Народное голосование, выборы, референдумы допускаются лишь на стадии детализации «генеральной линии», когда они уже не смогут поколебать монолитность власти³. Политическая

константа формируется правящим отбором, трактующим ее в соответствии со своим пониманием «идеи-правительницы». Сама «идея-правительница» определяет формы собственной популяризации: ограниченные пределы толкования призваны обеспечить стабильность, нацелены на консервацию идеи. Вместе с тем узкий круг толкователей обеспечивает динамичность генеральной политической линии.

Другим характерным признаком модели евразийского государства является его гарантийный характер. Государство обеспечивает, контролирует и нормирует осуществление некоторых постоянных целей и задач, то есть является фактором с положительной миссией. Этим оно отличается от релятивистского государства, не имеющего определенных целей, постоянной программы и стабильных принципов. Гарантийное государство идеократично, но не доктринально и избегает принудительного внушения тотального религиозного или философского мирозерцания. Отказываясь от принудительного проведения идеала в жизнь, гарантийное государство стремится формулировать и организовывать не цельное мировоззрение, а общественное мнение определенной культурно-исторической эпохи. Гарантийное государство в отличие от доктринального построено на «внешней правде», на общем призвании, а не на «исповедничестве», то есть является государством правовым, хотя и не в западном смысле этого слова.

«ГОСУДАРСТВО ПРАВДЫ» И ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО

Важное место в системе нормирующих механизмов культуры занимает право. Духовной основой права, согласно евразийской концепции, всегда были религия и нравственность. Для русского сознания понятие «естественное право» всегда оставалось нераскрытым, а каузальность и конкретность преобладали в нем над абстрактностью и объективизмом западного права¹. Правовые механизмы евразийской культуры закладывались в самые отдаленные периоды ее истории, но на всех этапах ее формирования фигурирует идеал «государства правды», в котором под наслоением многообразных идей и теорий всегда проглядывало стремление соблюсти изна-

¹ Алексеев Н. Евразийцы и государство. «Евразийская хроника». Вып. 9. Париж. 1928.

² Там же.

³ Там же.

¹ Алексеев Н. Народное право и задачи нашей правовой политики. «Евразийская хроника». Вып. 8. Париж. 1927.

чальную истину, подчинить человеческую волю и человеческое самомнение религиозно-государственной правде (идейные традиции эти были восстановлены в учениях славянофилов, Достоевского, П. Новгородцева и других).

К своему идеалу Россия пришла не путем рационального осознания, а через религиозно-положительный опыт: главная идея «государства правды» — подчинение государства началу вечности. Из этого проистекал важный вывод — «государство правды» оказалось не конечным идеалом, установленным в результате социальных преобразований, а только тенденцией и стремлением, и поэтому для него второстепенное значение имел вопрос о «преемстве благодати от Бога». Цель «государства правды» — спасение всего религиозного и уже через него земного.

Власть в «государстве правды» происходит от Бога, который не только устанавливает власть вообще и конкретную форму правления, но и выбирает индивидуального правителя. Тем самым «государство правды», если оно реализуется (хотя бы частично) в жизни, является и внешним учреждением и одновременно тем, что «внутри нас есть»¹. Стремление достичь идеала рациональным путем привело к вторжению в евразийское (российское) правосознание множества заимствований и влияний. Сложилось неоправданное представление, что чужеродные правовые системы можно переносить в новую культурную среду и что они смогут в ней жить, действовать и развиваться. В результате заимствованные правовые идеалы подвергались различным искажающим воздействиям: психологизации, способствующей подчинению права чужеродным мотивам; догматизации, вызывающей автономистские отклонения; имело место подчинение права индивидуальным симпатиям и антипатиям. Выход из этого тупика виделся в поиске общей базы права и нравственности, которая должна обеспечить их несомещающиеся, но и неразделимые корреляции. Такой базой представлялась «правда» — древний русский термин, искавшийся со временем в национальном сознании, в связи с чем его использование приводило либо к абсолютной пассивности

в правосознании, либо к разочарованию в идеалах¹.

Советское право 20-х годов также искало выход из этого раскола, хотя и по иным соображениям. Разве не была попытка найти в «революционной целесообразности» или «революционном правосознании» новую сущность права стремлением усилить этические, классово-нравственные аспекты в сфере юриспруденции? Желание перейти от формально-нормативной трактовки права к психологическим и социологическим интерпретациям окончилось, однако, неудачей, а попытка заменить юридические нормы соображениями целесообразности — правовым нигилизмом. Но поиск некоей «правды» был налицо, и к нему подталкивали глубинные подсознательные мотивы.

Понятие «правда» возникло в Древней Руси и включало в себя субъективные права и нормы справедливости из гражданского, уголовного и других разделов права. Постепенно в национальном сознании началось расчленение понятий «правда» и «право», ускорившееся после установления монгольского ига, поскольку именно «монгольское нашествие резко и насильственно нарушило старую русскую правду, издавна установившийся государственный и правовой строй. Друг против друга... стало два враждебных государственных порядка: порядок русский, христианский, любимый и уважаемый князьями и народом, и другой — порядок ордынский, ненавистный народу русскому»².

«Правда» как своеобразная система идеального права развивалась путем, отчасти схожим с западноевропейским средневековым правом, но стремилась создать усовершенствованный государственный строй иными средствами, напоминая западное естественное право XVII—XVIII веков. «Правда» древнерусского идеала не создавала в отличие от последнего двух борющихся лагерей, не требовала ослабления абсолютной власти и ограничения ее во имя вражды и недоверия. Вместе с тем это не приводило к созданию абсолютистской системы. В евразийской модели «государство правды» ставило перед собой три задачи: блюсти православие, «возвращать правду на землю» и защищать физическое

¹ Ильин В. Н. К взаимоотношению права и нравственности. «Евразийский временник». Кн. 4. Берлин. 1925.

² Шахматов М. Подвиг власти (опыт по истории государственных идеалов России). «Евразийский временник». Кн. 3. Берлин. 1923.

¹ Шахматов М. Подвиг власти (опыт по истории государственных идеалов России). «Евразийский временник». Кн. 3. Берлин. 1923.

существование народа. С юридической точки зрения, вторая задача представлялась вполне сопоставимой с задачей правового государства Запада, но только в «государстве правды» мог иметь место подвиг власти, существо которого не исчерпывается правовой стороной (играющей примерно одинаковую роль в обеих системах). «Государство правды и правовое государство — это два совершенно различных мировоззрения. Для первого характерен религиозный пафос, для второго — материальное устремление, в первом правят герои, во втором серые, средние люди»¹.

Мифологема евразийства сформировалась в атмосфере «почвенничества». Евразия — особый мир, и эта особенность придает силу, внушает мессианскую веру, ставит четкие границы иным культурным вли-

¹ Шахматов М. Подвиг власти (опыт по истории государственных идеалов России). «Евразийский временник». Кн. 3. Берлин. 1923.

яниям и открывает простор для их критики. Стереотип такого мышления постоянно направлен на переоценку существующего положения вещей в свете главного геополитического принципа. Одновременно с этим евразийский стереотип мышления должен оставаться точкой отсчета и константой, что, разумеется, не может не накладывать на него печати консерватизма, не поощрять тенденции к неизменности и постоянству, между тем как все иные политические феномены оцениваются как преходящие и поверхностные, а реформы — как не затрагивающие существа ситуации. Можно ли рассматривать описанные нами факторы как механизмы перманентного торможения социально-политических преобразований в России? В значительной мере это зависит от выбранного нами пути и нашей собственной позиции, но исключать их из современного политического анализа не следует.

ВЛАДИМИР БАРАЕВ

Знамя Гэсэра

150

Сказания и песни о Гэсэре поют по всей Центральной Азии — от Тибета до Байкала, от Афганистана до Кореи. Разные народы по-своему произносят его имя — Гесар, Гиссар, и многие ученые убеждены, что оно восходит к ирано-согдийской форме титула «кесарь». Отцом этого героя-царя почитают то Брахму, то Хормуста, Горного духа или Тенгри. Но все сходятся в одном: Гэсэр — это шаманское божество, покровитель воинов и охотников. Это великий герой, победитель чудовищ, который совершает свои подвиги в чисто шаманском стиле — заговаривает стрелы, ловит и уничтожает души врагов... Варианты эпоса о Гэсэре порой значительно отличаются друг от друга. Только у бурят насчитываются десятки различных его ветвей.

В 1995 году Бурятия решила отпраздновать тысячелетие эпоса о Гэсэре. Дата юбилея, разумеется, условна и вызывает немало споров. В самом деле, можно ли вычислить с точностью до столетия (о годах и говорить нечего!) время рождения устного эпоса, дошедшего до нас из глубины веков? Если же принять за точку отсчета годы жизни тибетского князя Гэсэра, жившего, как предполагают историки, в VIII веке нашей эры, то и здесь возникает немало сложностей: видимо, этот некогда реально существовавший правитель был назван Гэсэром в честь героя древних сказаний, а главное, как считает Лев Гумилев, и сам он стал персонажем, чье происхождение «теряется в мифах».

Тем не менее ЮНЕСКО внесло празднование Гэсэриады в 1995 году в программу Всемирного десятилетия развития культуры. Но торжества в Бурятии начались еще в 1991 году. Дело в том, что организаторы юбилея — творческие союзы и Министерство культуры республики — решили включить в орбиту празднеств все

земли, которые до 1937 года входили в состав Бурят-Монголии — нынешнюю Бурятию, Агинский автономный округ в Читинской области, а также Приангарье, Верхоленье, Ольхон в Иркутской области.

Чтобы читатель яснее понял замысел этого мероприятия, напомним кратко историю Бурятии. В 1921 году в составе Дальневосточной Республики и Иркутской области были образованы бурят-монгольские автономные области, а двумя годами позже, в 1923 году, — Бурят-Монгольская АССР, в которую вошли почти все земли бурят, проживающих вокруг Байкала.

В роковом 37-м решением ЦИК СССР Бурят-Монгольская АССР была расколота на три части: множество бурятских районов были переданы Иркутской и Читинской областям, а коренному населению оставлены лишь автономные округа с центрами в Усть-Орде и Аге. Причем разделение было проведено так, чтобы границы БМАССР нигде даже не соприкасались с границами этих округов. Таким образом, вне республики и округов оказались древние поселения бурят: в Иркутской области — балаганцев, усть-удинцев, ольхонцев, верхоленцев, а к Читинской области отошли правобережье Онона, рудники Балей-золота, курорт Дарасун, богатейшие рыбой озера Зун-Торей и Барун-Торей, долины Ингоды и Шилки, которые до сих пор пестрят бурятскими названиями. Был отобран и остров Ольхон с прилегающими к нему землями, которые напрямую соединяли западных и восточных бурят.

Расчленение республики, совершенное без согласия не только народа, но и тогдашних местных властей, ослабило связи между бурятами. Десятки тысяч людей, оказавшиеся за пределами и республики, и автономных округов, остались оторванными от общенациональной жизни. Выросли целые поколения, не знающие родного языка, забывшие традиционную культуру и предания.

И вот теперь торжественное празднование тысячелетия эпоса о Гэсэре должно напомнить бурятам о былой общности, духовно сплотить их, создать единое пространство древней бурятской культуры...

О Гэсэре Европа впервые услышала в 1778 году, когда в Санкт-Петербурге вышел труд Палласа «Путешествие по разным провинциям Российского государства», в котором описан храм Гэсэра на границе с Монголией, рядом с нынешней Кяхтой. Паллас назвал Гэсэра Ваххом и Геркулесом восточных народов. В 1804 году в Риге были опубликованы в переводе на немецкий язык восьмая и девятая песни эпоса. Эта публикация положила начало европейскому гэсэроведению.

«Гэсэр» и другие бурятские эпосы, улигеры¹ и шаманские призывания могли не дойти до нас, если бы не самоотверженный труд фольклористов — Цыбена Жамсарано, Базара Барадина, Матвея Хангалова и десятков бурятских и русских ученых, работавших без фонографов и записывавших при свете костров, лампад или свечей сокровища устного народного творчества.

Настоящей сенсацией стала вышедшая в 1931 году в Ленинграде бурятская версия «Гэсэра» в записи Цыбена Жамсарано с его же переводом на русский язык. Академик Б. Владимирцов назвал это творение колоссальной эпопеей, превосходящей «Илиаду». (Независимо от него Сильвен Леви в предисловии к книге Александры Давид-Неель и ламы Йонгдена с изложением тибетско-камской версии «Гэсэра» (Париж, 1931) поставил этот эпос в один ряд с «Илиадой», «Энеидой», песнями о Нибелунгах и Роланде.)

Этот первый из опубликованных полных вариантов «Гэсэра» Жамсарано записал в 1907 году у Маншуда Эмегеева — неграмотного батрака, ни разу в жизни не покидавшего родной улус Загай, расположенный километрах в ста на северо-восток от Иркутска. О внешности Эмегеева мы можем судить по фотографии, сделанной англичанином Иеремией Куртэном, который посетил его на семь лет раньше Жамсарано. Облик великого гэсэрчина, сказителя эпоса о Гэсэре, был подлинно незаурядным — высокий, стройный, красивый человек... К сожалению, записи Куртэна оказались далеки от фотографической точности — ученый не знал бурятского языка и записывал сказителя при помощи плохих переводчиков, и стало быть, для него остал-

ся практически недоступным кладезь древнего эпического искусства, каким был Маншуд Эмегеев. Помимо «Гэсэра» он знал сотни других песен, легенд, шаманских призываний, улигеров. Эпос о Гэсэре он исполнял на протяжении девяти вечеров — с сумерек до поздней ночи, причем пел только лежа. Перед началом исполнения Маншуд, как и другие улигерчины, непременно призывал духов предков, прося у них благословения и помощи в безошибочном исполнении. Придя в экстаз, сказитель пел без усталости в стремительном ритме и темпе, прерываясь лишь изредка, чтобы выпить глоток воды.

То, что не удалось Куртэну, исполнил Жамсарано: он со стенографической точностью записал уникальный вариант «Гэсэра» в исполнении Эмегеева, которому заплатил за чтение эпоса тридцать рублей, огромную по тем временам сумму: за три рубля можно было купить корову, за пять — ружье или винтовку.

И тут нельзя не рассказать о поистине титанической работе Цыбена Жамсарано, донесшего до нас эпическое богатство бурят. Уроженец Агинской степи, Цыбен учился в Иркутске, Чите, затем в Санкт-Петербурге. Еще студентом все каникулы он проводил на родине, записывая сказителей. Тогда он встретился с восьмидесятилетним шаманом Завином Заяхановым и с огромным трудом уговорил его исполнить улигеры и призывания. В своем дневнике он записал: «Мне было очень тяжело оказывать такое давление на старца, но мне хотелось, чтобы он не унес с собой свои знания, еще более не хотелось, чтобы он умер бесследно». Примечательны слова, сказанные старым шаманом молодому ученому: «Хотя мне очень трудно говорить, но я потрачу последние мои силы. Я уже думал, что ни на что более не гоюсь, а оказывается, пригодился. Счастлив я. Но человека, подобного тебе, вижу в первый и последний раз. С тобой больше уже не увидимся. Оо-ох!»

Свои труды по записыванию народных сказаний Жамсарано продолжил, и став преподавателем Санкт-Петербургского университета. Это был не только научный, но и человеческий подвиг, о чем свидетельствуют заметки в его дневнике: «10 августа <1903 года> Холод ужасный. в лесу упал глубокий снег. Я в летнем костюмчике — сиюху чуть не околелый! Ночью зуб на зуб не попадает». «4—5 ноября <1907 год>. Продолжаем «Гэсэра» Сидим далеко за полночь... Утомление сильное.

¹ Легенды (бурятск.).

Рука не ворочается». «17 ноября. Кончил «Хурин Алтай» в 2 часа ночи. Рука уже парализована».

Отлично владея различными бурятскими наречиями и диалектами, Жамсарано записывал рапсодов старомонгольским вертикальным письмом, позволявшим сохранить все фонетическое своеобразие каждого из местных вариантов. Копичество записанных им текстов трудно даже представить. В фондах Санкт-Петербургского отделения Института востоковедения его записки составляют 150 авторских листов, то есть 3600 страниц. А ведь, кроме того, бумаги ученого хранятся в архивах Улан-Батора, Улан-Удэ, Иркутска, Читы. И лишь в последние годы это бесценное наследие начало доходить до нас.

В 30-е годы после расчленения Бурятии началось преследование не только живых людей, но и сказочных героев. Так в число репрессированных попал и Гэсэр, и эпические сказания о нем. Гонениям подверглись историки, филологи, фольклористы и даже те, кто осмеливался исполнять эпос о Гэсэре и другие древние эпосы, улигеры. Разумеется, все это проделывалось под лозунгом борьбы с панмонголизмом. Всех, кто пытался хоть как-то возродить древнюю культуру, стали преследовать. Из бурятской культуры, «национальной по форме и социалистической по содержанию», изгонялось «воспевание феодально-ханского прошлого»...

Об этом черном времени можно было бы рассказать немало, но это разговор особый, и здесь приведу лишь знаменательные слова пожилого гэсэроведа, пострадавшего в те годы. Мы с ним обсуждали судьбу одного из главных вдохновителей этой вакханалии невежества и беззакония — бывшего первого секретаря Бурятского обкома партии. Дочь этого партийного бонзы сошла с ума, умерла его жена, а сам он окончил жизнь в бедности и одиночестве, работая сторожем в системе ВОХР.

— Шаманские духи предков не прощают ни одно зло, — спокойно, без злорадства сказал мой собеседник.

Однако духам предков не удалось уберечь и самого Жамсарано. Всесторонне образованный, знающий восточные и европейские языки, науку Востока и Запада, он не мог остаться в стороне от политических битв того сложного времени. Февральская революция 1917 года застала его в Монголии. Узнав о ней, он сразу же выехал в Россию и был избран председателем Бурнацкома. В гражданскую войну семеновцы

объявили Жамсарано изменником и предателем родной земли, и ему пришлось бежать в Иркутск, где он стал преподавать в только что открытом там университете.

В 1920 году Жамсарано по заданию Коминтерна включился в революционное движение Монголии и в 1921 году стал видным деятелем Монгольской народно-революционной партии, причем именно он написал ее политическую программу. Он стал редактором первой в Монголии «Столичной газеты» и журнала «Новое зеркало», выходивших на монгольском языке. Он ратовал за превращение Халха-Монголии в центр притяжения всех монголов и бурят, за «настоящую независимость Монголии» — «ни сюзеренства Китая, ни протекторатства России» и видел путь возрождения Монголии «через госкапитализм и кооперацию» при поощрении индивидуальных хозяйств. Он призывал не притеснять ученых лам и развивать в дацанах — буддийских монастырях — светское образование, содействуя одновременно развитию «чистого буддизма».

В 1932 году Жамсарано покинул Монголию и стал работать в ленинградском Институте востоковедения, выпустив несколько книг по этнографии и праву монголов и капитальный труд «Монгольские летописи XVII века». В 1936 году Академия наук СССР присвоила ему без защиты диссертации звание доктора филологических наук, а через год последовал арест. Погиб он в лагере предположительно в 1942 году.

Все это было совсем недавно, если сравнивать с тысячелетиями народной истории. В нынешнем году исполняется сорок лет со дня реабилитации эпоса — в 1953 году состоявшаяся в Улан-Удэ объединенная сессия Института востоковедения АН СССР и бурят-монгольского НИИ культуры официально признала, что бурятские версии «Гэсэра» являются народными. Чувствуете угрюмую неуступчивость этого заключения? Ладно, мол, допустим, что эти версии народные, а монгольские и тибетские — все-таки феодально-ханские... Недаром многие гэсэроведы продолжали страдать от гонений и в последующие годы. Думаю, вряд ли будет преувеличением сказать, что подлинное восстановление традиционной культуры, объединение бурятского народа только начинается. Символом этого объединения стало знамя Гэсэра, эскиз которого разработали председатель правления Союза писателей Бурятии поэт Баир Дугаров и народный художник России Дашинама Дугаров.

За образец они взяли знамя Чингисхана. Древние монгольские знамена представляли собой бунчук из конского волоса на древке: Чингисхан первым ввел стяг в виде полотнища — оно оканчивалось девятью концами с кистями, в центре был изображен кречет — родовой тотем предков полководца.

Знамя Гэсэра — голубого цвета, что символизирует мирное небо. В верхней его части изображены бронзовые символы земли и солнца с тремя языками пламени над ними. (Эта же деталь использована в государственном знамени Монголии.) В центре полотна надпись вертикальной старомонгольской вязью — «Гэсэр». Край знамени разделен на три части, которые одновременно символизируют: три первоначальных элемента — воздух, воду, огонь; три основные версии «Гэсэра» — тибетскую, монгольскую и бурятскую; единство трех бурятских земель — Республики Бурятия и округов в Аге и Усть-Орде.

И вот в августе 1991 года на левом берегу Ангары, севернее Черемхова, в селе Хадахан, где родился один из гэсэрчинов Пеохон Петров, состоялось освящение знамени Гэсэра. Минувшим летом его эстафетой пронесли по родным местам известных исполнителей эпоса о Гэсэре, прошлого и настоящего. Затем знамя Гэсэра было передано в Улан-Удэ, откуда оно направилось в путешествие по Заиграевскому, Хоринскому, Еравнинскому районам Бурятии. Зимой хранилось оно в дацане в Усть-Эгите. И нынешним летом его повезли в Читинскую область — к агинским бурятам. Мне посчастливилось сопровождать его в этом путешествии, но прежде расскажу о своей поездке по Иркутской области, которую я совершил при весьма удачном стечении обстоятельств перед тем, как присоединиться к группе, сопровождавшей знамя Гэсэра.

Заранее наметив поездку в Улан-Удэ на Гэсэриаду и празднование семидесятилетия Бурятии, я вдруг узнал, что на острове Ольхон состоится шаманский праздник тайлаган, и чтобы попасть на него, решил вылететь пораньше. Вело меня не простое любопытство или стремление увидеть экзотическое зрелище, а нечто большее. Дело в том, что происхожу я из древнего шаманского рода. Мои предки в конце XVII века бежали от преследования лам из Халха-Монголии на западный берег Байкала (как раз в те места, где должен был состояться тайлаган), а затем перебрались на

Ангару. Так что мне предстояло посетить и родные места и еще раз соприкоснуться с древней шаманской культурой, которая давно занимает и волнует меня так же, как история происхождения моего народа.

Что это за народ буряты: когда и как оказались они на берегах Байкала? Центральная Азия — уникальнейший этнический «котел», в котором «сплавлялись» и «кристаллизовались» многие народности. Сейчас почти не вызывает сомнений, что именно отсюда пришли в Новый Свет индейцы Северной Америки. Здесь, в глубинах Азии, родились гунны и скифы. Своей прародиной считают ее венгры, болгары, не говоря уже о якутах, калмыках, корейцах, японцах... Не один народ на земле задает себе вопрос: «Кто мы? Откуда мы пришли?» Но он не возникает у монголов, алтайцев и тувинцев, которые могут сказать: «Мы были здесь, в этих краях, всегда»

Большинство бурят считают, что байкальская котловина, тайга и степи вокруг озера — их древний и вечный дом. Однако жили здесь не только буряты, но и тюрки (куруканы, чуть ли не прямые предки якутов), и тунгусы — нынешние эвенки. Жили то в дружбе, то в войнах друг с другом, объединяясь порой против иноземцев. Непроходимые таежные дебри, высокие горы, быстрые реки, огромная, труднопреодолимая даль Байкала укрывали и тех, кто потерпел поражение, и тех, кто не хотел сражаться, и тех, кто бежал из степей Монголии от преследования ханов, лам или от смертельной вражды с соседними родами или сородичами... Здесь, в этом «котле», сложилась уникальная шаманская культура, сохранившаяся до наших дней.

Шаманские тайлаганы уходят в глубокую древность, когда буряты проводили их как родовые праздники, отмечающие прилет птиц, встречу лета или начало загонной охоты осенью. Молебны шаманов сопровождалась жертвоприношениями лошадей, баранов, разбрызгиванием молочной водки, а затем состязаниями в скачках, в стрельбе из лука, борьбе, а в завершение — круговым танцем ёхор. Изображения этого танца встречаются на скалах на берегах Байкала, Лены, в горах Алтая. Предания донесли до нас рассказы о грандиозных игрищах вокруг горы Ердэ, названной так в честь богини земли. Любопытно, что древнее имя этой богини перекликается (или совпадает?) со словом, которым немцы и шведы называют землю — Erde и jord.

Гора Ердэ, находящаяся на территории

нынешнего Ольхонского района, невысока и издали напоминает очертаниями стог сена. Ее гладкий северный склон порос травой, южный — покрыт вздыбленными каменными плитами. Чтобы опоясать гору хороводом-ёхором (а это обязательное условие, так как гора символизировала и мировое древо, и мифическую гору Сумеру, которой поклонялись в древности индоарийцы и которую почитают священной нынешние буддисты), необходимо было не менее семисот человек, взявших друг друга за руки. Столько людей в близлежащих поселениях не собрать, и потому на ердынские игрища съезжались и с Ольхона, и с Верхней Лены, и с Ангары.

Еще более святым местом бурят и монголов был сам остров Ольхон, место обитания тринадцати северных тенгриев¹. Ойхон-бабай (Ольхон-отец), он же хозяин Байкала, владыка гор всего побережья славного моря, главное божество — покровитель народов Центральной Азии. Почитание Ойхон-бабая и других северных тенгриев было в старину столь великим, что с приходом буддизма в эти края ламы не стали с ними бороться, а включили эти божества в свои обрядники под именем «тринадцати северных хозяев», которым должны поклоняться и буддисты.

Любопытно, что в ряде версий о Гэсэре герой, превращенный врагами в осла, в течение десяти лет находился на острове Ольхон — пахал землю и возил камни, истекая черным потом. Упоминается остров и в индийской легенде, возникшей, по мнению Л. Н. Гумилева, на Цейлоне. В ней рассказывается, что богиня Шримати Деви (в тибетском варианте — Лхамо) отправилась в странствие, чтобы обратить в буддизм новые народы. Начав с Цейлона, она проехала верхом на муле через Индию, Тибет и Монголию и обосновалась на горе Ойхан, где Гэсэр тяжело трудился в облике осла. По тибетской версии легенды, Гэсэру удалось освободиться от рабства, высушив душу Лхамо — черное озеро, по другим версиям — он победил богиню с помощью земной жены. И когда он обрел свой прежний богатырский облик, Лхамо, которая в бурятских версиях является сестрой чудовища Лобсоголдоя, покинула остров Ольхон.

¹ Небесные боги. По монгольским поверьям, тенгрии обитают на семнадцати небесах, в тридцати трех царствах, каждое из которых имеет своего хана. В бурятской мифологии противопоставляются светлые (сагаан) западные и темные (хара) восточные тенгрии.

Тайлаган на Ольхоне решили провести как общебурятский. Инициаторами были Великая шаманка Надежда Степанова и президент Союза бурятской интеллигенции, кандидат философских наук Ирина Урбанаева.

С Надеждой Ананьевной я познакомился в 1992 году на конференции по шаманизму в Якутске, где она поразила своим даром ясновидения и меня, и всех, кто стал свидетелем нижеописанного случая. Один зарубежный ученый, приехавший на форум, купил на толкучке несколько драгоценных камней. Он так тревожился, как бы его не ограбили или не отобрали камни при досмотре в аэропорту, что в конце концов заболел. Сосед по номеру, профессор из США, пригласил Надежду Степанову. Ничего не зная о причине болезни, она провела ладонью перед лицом больного, посмотрела на руку и сказала:

— Вас беспокоят духи камней, вам надо избавиться от них.

— От камней в почках? — спросил переводчик.

— Нет, наш гость знает, от каких, — ответила шаманка.

Надежда Ананьевна родилась и выросла в Байкало-Кударе и, не зная еще о своих способностях, долго мучалась так называемой «шаманской болезнью», пока один врач-бурят, ученик Джуны, не сказал ей, что она сама должна лечить, но для этого необходимо получить посвящение. Она прошла обряд, и болезнь как рукой сняло — Степанова стала лечить, предсказывать, давать советы в житейских делах, находить преступников... По утрам у ее дома на берегу Уды в Улан-Уде собираются желающие попасть к ней на прием. Ее приглашают и в больницы, и в дома к тяжелобольным. И всем она оказывает помощь, не ставя никаких условий, не требуя платы.

Множество проблем встало при организации тайлагана перед ней и ее помощниками Ириной Урбанаевой и Петром Шаблиным, и главная из них — как добраться до острова. Морем — так все в этих местах называют Байкал, — нет корабля, а народу много. Если ехать по суше поездом или автобусами — нет прямого сообщения, да и дорого очень. И тут на помощь пришел Совет министров Бурятии. Председатель его В. Б. Саганов выделил «Икарус». И вот большой красный автобус, заполненный шаманами и учеными, отправился в далекий путь вокруг южного берега славного моря. На остров переправились на пароме, причем для шаманского «Икаруса» при-

шлось нанимать особое судно — обычный паром на Ольхон от Харанцов вмещает лишь несколько малых машин...

Я прибыл на остров позже десанта шаманов и встретил их в Хужире в гостинице, а затем на молебне у Байкала. Шаманы оказались обычными на вид людьми: ни на одном я не увидел ритуального плаща, на головах — не оргои¹, а обыкновенные кепки, шляпы, а то и носовые платки. Да и молебен проводился не у Шаман-скалы, а южнее Хужира, откуда, однако, Шаман-скала хорошо видна.

— Возле скалы поле сильное, да и нельзя вблизи собирать большое количество людей, — объяснили мне.

И вот в полдень десятого июня молебен начался камланием Великого шамана Леонтия Борбоева. Ему вторила группа шаманов, брызгая водкой из стаканов в сторону Байкала и Шаман-скалы. Специальный помощник подливал из обычного фарфорового чайника водку в стаканы шаманов, чтобы те не отвлекались, не сбивались с ритма. Другие участники молебна держались в стороне, а женщин вообще удалили от камлающих метров на семьдесят. Лишь несколькими шаманкам, в том числе и Наде Степановой, разрешили подойти чуть ближе.

Нещадно палило солнце. Дождя не было два месяца. Трава давно уже выгорела, высохла. И одной из целей камлания было вызвать дождь — скот на острове бедствовал, выщипывая чуть ли не с корнем остатки травы... После молитвы Ойхон-бабаю, Шубу-нойону, покровителю орлов и птиц, был зарезан баран старинным способом — через живот с обрывом аорты. В это время на глади Малого моря — пролива, отделяющего остров от иркутского берега Байкала, — образовалась четко видимая светлая полоса. Экстрасенсы и шаманы зафиксировали в небе невидимый никому, кроме них, «купол Единого Храма». Как бы я ни относился к их действиям и объяснениям, но через три часа увидел своими глазами, что над островом стали собираться тучи. Вскоре пошел проливной дождь, шедший до позднего вечера.

— Бурханы приняли наши молитвы, — сказали шаманы.

На следующий день молебен провели на мысе Ижимей, севернее Хужира. Тут дождь начал накрапывать с первыми словами молитвы. А во время водружения жертвенного барана на жертвенный стол

сверкнула молния, ударил оглушительный гром и хлынул настоящий ливень. Воздев сжатые ладони к небесам, участники молебна — и буряты, и русские, которых немало среди жителей острова, и люди других национальностей — кланялись небесам и бурханам, услышавшим призывания шаманов, и благодарили их за эту благодать.

Сотни людей, приехавших и приплывших сюда из Бурятии, Иркутской и Читинской областей, сдавали шаманам листы бумаги с написанными на них своими именами, фамилиями близких с просьбой помолиться, чтобы молитвы оберегали их, принесли счастье и здоровье. Такса была установлена по тысяче рублей с семьи, но многие платили гораздо больше. Один бизнесмен, приехавший из Москвы, дал сто пятьдесят долларов. Деньги, собранные на тайлагане, пойдут не столько на гонорары шаманам, сколько на создание центра возрождения древних верований бурят и в фонд «Священный Ольхон».

Несколько шаманов, в том числе посланец Аги Жамьян Базарсадуев, были посвящены в Великие шаманы и получили благословение от Леонтия Борбоева. Создан Совет Великих шаманов, постановивший сделать тайлаганы в честь тринадцати Великих северных хозяев ежегодными, дав им титул общепурятских, общемонгольских.

На обратном пути в Улан-Удэ осуществилась моя давняя мечта — побывать в родной Мольке на Ангаре. Мой кузен Валерий Бартуков, директор Бурятвнешторга, был в отпуске, и мы поехали в его машине на родину отцов и дедов. Родни в Иркутской области много. Но ехали мы не только по родным местам, но и по землям, где, по преданиям, сражался Гэсэр.

Так у горы Тарята, близ Улея, богатырь убил чудовище Лобсогоя, и тот, издыхая, так вцепился в гору, что его когтистая лапа процарапала пять ущелий. Но Улей знаменит и тем, что там обитает много духов умерших — зайнов. Рассказывают, что жила здесь некогда Буржухайн-духэй, красавица певунья, которую насильно отдали замуж, но она предпочла замужеству смерть и покончила с собой, а вместе с ней и семнадцать ее подруг. С тех пор все рано умершие или погибшие девушки попадают в Улей-олон и по ночам водят хороводы на склонах вокруг села.

Когда мы уезжали из Улея, со стороны гор вдруг пошли черные тучи, сильный

¹ Ритуальный головной убор шамана.

ветер поднял клубы пыли и понесся над селом. Зрелище было впечатляющим, но мы не придали ему никакого значения, а после узнали, что точно в это время умер упавший с лошади подросток. Рассказывают, что в тридцатые годы сюда приезжала знаменитая бурятская певица Мария Шамбуева. Старики предупредили, что петь здесь опасно, но она отмахнулась и начала концерт в клубе. Вдруг ей стало плохо, она потеряла сознание. Певицу, как привели в чувство, но смерть все-таки настигла ее в Улан-Удэ. С тех пор многие, особенно девушки, боятся здесь петь, а по ночам якобы из лесу доносится голос певицы...

На перевале перед Улеем водители обязательно останавливаются и брызгают водкой или бросают конфеты, чтобы почтить память девушек-заянок, которых год от года становится все больше. Сейчас их уже более четырехсот, а когда наберется шестьсот шестьдесят шесть, они устроят ёхор вокруг горы Ердэ и всем пьяницам, неверным и злым мужьям станет плохо. Так говорят в тех местах старики буряты...

В Мольке я не был с детства и, конечно же, не узнал селения. Да и не мог узнать. В начале шестидесятых годов Мольку, как и многие другие деревни, перенесли на новое место — после возведения Братской ГЭС Ангара затопила старые села и самые плодородные земли и пастбища в здешних краях. Мой родич Константин Леонтьевич Бакланов составил карту, на которой обозначены прежние селения и то, что осталось здесь после затопления. Скрылись под водой Шалтыковский и Санкировский улусы, затоплены десятки сезонных летних поселений, куда ежегодно переезжали на лето в деревянные юрты жители Мольки и соседних сел.

Некогда многолюдная Молька превратилась в небольшую деревню. Однако первый страшный удар моим односельчанам был нанесен в 1937 году, когда в Мольке арестовали сто двадцать пять человек, причем самых знающих и энергичных — руководителей, бригадиров, трактористов, специалистов. Тогда я лишился обоих дедов по отцу и по матери и четырех дядьев. Отца спасло то, что его исключили из партии во время чистки 1934 года и он уехал в Улан-Удэ на строительство паровозового завода. Осенью того же тридцать седьмого года Мольку отрезали от Бурят-Монголии, не включив даже в Усть-Ордынский округ. Десятки семей, лишенных

кормильцев, разъехались по родичам. Второй удар — война, как ни странно, оказался слабее, так как военнообязанных мужчин в селе почти не осталось. Затопление и перенос села фактически добились Мольку. Очень многие уехали в Бурятию, не желая жить в этом проклятом бурханами месте.

Когда мы въехали в Мольку, первым нам встретился кавказец на тракторе, второй и третий прохожий были русскими. В избах, куда мы заходили узнать, где живут наши родичи Шангаевы, тоже жили русские. Село перестало быть бурятским.

Впрочем, в Мольке с давних пор жили и русские, и поляки. Так, мы узнали, что среди наших родственников были русские Иван и Татьяна Бичурины, Дмитрий, Гавриил и Степанида Тулосовы и даже поляки Людвиг и Люциан Минкевичи — потомки тех, кого сослали сюда после польского восстания 1863 года. У нашего брата Игната Шангаева — сын от русской жены Павел, который тоже женился на русской, и наши внучатые племянники, очень милые славные дети, светловолосые и голубоголазы.

Встретившись в 1965 году со знаменитым антропологом М. Герасимовым, который по черепам восстанавливал облик людей, я удивился, когда он «прочитал» в моем облике не только бурятские, но и монгольские, тунгусские, славянские черты. И вот много лет спустя после нашей встречи я убедился, что Михаил Михайлович абсолютно точно определял в людях черты их давних предков.

Съездив в урочище Курсэ, где родились и жили наши деды и отцы, мы с помощью местного шамана провели молебен в честь духов предков. Склон пади, где некогда находился улус, нынче засеян пшеницей, но островки буйной крапивы, растущей среди хлеба, отчетливо обрисовывали очертания бывших домов.

Все молькинские буряты были крещеными (отсюда и русские фамилии, имена), но почти все они оставались шаманистами и порой сразу после службы в церкви шли на тайлаганы, а долгими зимними вечерами рассказывали улигеры. Был в Мольке и свой гэсэрчин — Альфор Васильев. С детства слепой, он прекрасно играл на хуре и голос имел хороший. Сочинял и пел песни, исполнял все девять ветвей «Гэсэра». В 1940 году его хотели послать в Москву на бурятскую декаду, но руководство отказало: зачем брать слепца!

Приезжал сюда и более известный гэсэр-

чин Папа Тушемилов, который приходился нам родственником. Он исполнял не только улигеры, но и шаманские призывания. Будучи прекрасным лекарем-костоправом, он тайно лечил и с помощью камланья.

Уезжая из Мольки, я посмотрел на гору, где в детстве рыл сладкие корни солодки. Оттуда совсем недалеко до дома моей бабушки Сэсэг, который стоял на верхней окраине села. Вспомнились звуки сепаратора, запах сметаны, свежеедымленной овчины. А сколько вкусной земляники росло рядом и какая мягкая была там трава-мурава. Бежишь — и ни камушка, ни железки... Но сейчас над всем этим плескались мутные волны, поднятые недавно прошедшей «Кометой»...

Пока я ездил на родину, знамя Гэсэра уже отправилось в Читу. Выехав ночным поездом из Иркутска, я на следующее утро сел в рейсовый автобус до Хоринска, где надеялся застать автопоезд со знаменем. Однако оно в тот день уже было вывезено из Кижинги в Читинскую область. Я отправился вслед на попутках, затем на поезде и нагнал делегацию лишь на следующий день в Чите и вместе со всеми двинулся в Агу.

Встреча знамени на земле Аги поразила меня ярким сочетанием древних и современных обрядов. В живописнейшем месте, на аргалейском перевале близ Аги, где установлены три сэргэ — столбы символической коновязи — и небольшая уютная беседка, в которой путники обычно приветствуют духов местности, по обеим сторонам дороги среди берез, лиственниц, сосен и зарослей багульника столпился народ. В торжественной обстановке под звуки приветственных песен-юролов в сопровождении музыкальных инструментов агинцы вышли в национальных одеждах встретить знамя Гэсэра с чашами молочной архи — водки. Обменявшись торжественными речами, рукопожатиями, поцелуями, хозяева и гости смешались в оживленной толпе...

Оказалось, что в Агу на торжества приехало множество соотечественников не только из Бурятии, но и из-за рубежа. Праздничное представление на стадионе отличалось тем же сочетанием стилей — древнего и современного. На краю футбольного поля красовались одиннадцать юрт — по числу родов, проживающих в округе. После приветственной песни на деревянный помост в центре стадиона вышли четыре старца и провели старинный

молебен с разбрызгиванием молочной пищи. Их сменили девушки в белом, символизирующие лебедей, от которых по преданию произошли хори-буряты. К ним присоединились танцоры от всех родов. Вдруг словно из-под земли появившиеся «бесы» набросились на лебедей, пытаясь оттеснить их с помоста, но люди образовали несколько кругов и не пустили бесов внутрь, а затем, соединившись в большой хоровод, начали танцевать ёхор, и этим окончательно изгнали силы зла. Символика прозрачна: в единении родов — сила и могущество.

В это время на склоне пологой горы показались всадники, во главе которых скакал Гэсэр со знаменем. В чашах перед юртами зажгли священную траву ая-ганга. Гэсэр вместе с тридцатью тремя богатырями объехал стадион с внешней стороны по ходу солнца, а затем появился на въезде. С трудом сдерживая разгоряченного быстрой скачкой коня, Гэсэр прогарцевал вдоль трибун. Как ни удивительно, его золотистый шлем, кольчуга, пояс, меч не создавали впечатления театрального костюма.

На роль легендарного героя претендовали многие. Но оргкомитет с главным режиссером Бато Баяртуевым остановил выбор на Цырен-Доржи Жамбалове, инженере-строителе из Аргалея. Ему тридцать три года, женат, двое детей. Красавцем его сочтет не каждый. Не очень разговорчив, скуп на улыбку. Зато как сидит в седле! Какая осанка! Походка уверенная, и весь облик — олицетворение мужества и достоинства. Именно таким мог быть Гэсэр. А за ним — «в чешуе, как жар горя, тридцать три богатыря». (Кстати, Баир Дугаров уверяет: о тридцати трех витязях Пушкин мог услышать от Арины Родионовны — бурятские сказки в те времена уже начали проникать на Русь. С этим можно согласиться, если вспомнить, что гаршинская лягушка-путешественница прилетела к нам из Монголии, куда попала в переложении древней индо-тибетской сказки из буддийских книг.)

Гэсэр и его свита спешили и обошли юрты родов, где им поднесли пиалы с молочными напитками и хадаки¹ из голубого шелка. Переход из «древности» в современность произошел незаметно, и не странно было видеть, как мифический герой и его свита внимают официальным речам. Прочитаны были послания сородичей

¹ Ритуальные шарфы.

из Монголии и Китая. Часть агинцев покинули родину, вернее, кочевали в степях, не признавая рубежей, еще в XVII—XVIII веках, когда устанавливались новые границы после Нерчинского (1689 г.) и Буринского (1727 г.) договоров. Многие эмигрировали после гражданской войны, так как сражались у атамана Семенова и барона Унгерна, а также бежали от гонений во время коллективизации и закрытия буддийских храмов. Сейчас в Монголии и Китае (во Внутренней Монголии) проживают десятки тысяч агинцев, которые сохранили в чистоте родной язык и стремятся вернуться в родные степи...

На трибунах, где сидели зрители, царило то же смешение эпох и стилей, столь характерное для Гэсэриады. Так я увидел заместителя ширетую (настоятеля) Агинского дацана Б. Чимитдоржиева, который дружески беседовал с командующим войсками Забайкальского военного округа генерал-полковником В. С. Третьяковым. Карьера Бабу-ламы — яркий пример метаморфоз, происходящих в сознании и судьбах людей в последние годы: лет пятнадцать назад он работал в пионерлагере «Орленок» под Туапсе, затем стал заворготделом райкома комсомола у себя на родине. Однако вера предков увлекла его, и после учебы, получив посвящение, он ушел в монастырь, где проводит службы с теми же

энергией и рвением, с какими когда-то проводил игры «Зарница» и конкурсы «Моя родина — СССР».

Я присоединился к беседающим и спросил Бабу-ламу, почему на церемонии не было прочитано приветствие от дацана. Лама ответил, что согласно одной из версий эпоса Гэсэр сражался с Жамсараном, который является хранителем Агинского дацана. И хотя нынешние буддисты относятся к эпосу вполне лояльно (Иволгинский, Кижингинский, Эгитуйский дацаны участвуют в этом празднике), Агинский дацан не может присоединиться к Гэсэриаде.

— Я думаю, давно пора заключить мир,— шутит генерал-полковник, слушающий беседу,— чтобы Гэсэр и Жамсаран никогда не сражались больше даже в легендах...

Закончился очередной виток Гэсэриады. В будущем году знамя легендарного богатыря повезут по западным районам Читинской области, где живут буряты вне автономии, затем — по югу Бурятии, через Мухор-Шибирь, Бичуру, Тарбагатай в Гусиноозерск. А в 1995 году, совершив гигантский круг по ходу солнца, знамя Гэсэра возвратится на берега Байкала и в Улан-Удэ, где пройдут главные торжества, посвященные тысячелетию великого эпоса.

БОРИС РУДЕНКО

Донской ренессанс

ЗАМЕТКИ О ДВИЖЕНИИ НЕОКАЗАЧЕСТВА

Появившись в 1990 году на улицах и площадях южных городов, они вызывали ощущение ирреальности и какого-то скрытого подвоха: поверить всерьез, что взрослые люди в здравом уме станут по доброй воле рядиться в галифе и гимнастерки, цеплять себе на грудь дедовы награды, было трудно. Известно, что через период игр «в войну» проходит практически каждое лицо мужского пола, несмотря и вопреки всем стараниям пацифистских организаций в последнее время заменить в детских руках игрушечное ружье на плюшевого зайчика или собачку. Однако период этот, как правило, заканчивается к четырнадцати годам, и в дальнейшем его рецидивы в житейской обыденности вполне могут рассматриваться как психическая аномалия, легкая или тяжелая — это в зависимости от наступивших последствий.

Но телевизионные экраны все чаще демонстрируют нам, как люди в живописной по разнообразию индивидуальных деталей форме с офицерскими погонами, с шашками на поясе и нагайками за голенищем, собираются десятками и сотнями, маршируют, кричат «любо!», словом, ведут свою собственную, малопонятную издалека жизнь, воскрешая в ленивой памяти обывателя самые разные ассоциации — от эпизодов светлого и радостного бытия героев «Кубанских казаков» до сцен разгона рабочих митингов из кинотрилогии о Максиме.

Новое, сегодняшнее появление казаков на герполитическом пространстве бывшего Советского Союза вызывает гораздо больше вопросов, чем история возникновения казачества вообще, о чем профессиональные историки, собственно, давно уже не спорят.

Зарождение неоказачества (или возрождение казачества) в Ростове-на-Дону неизбежно связывают по времени с прибытием туда летом 1990 года представительного шоу — миссии «Истоки», посвященной именно казаческому возрождению. Возглавляемая тогдашним «всесоюзным» руководством казаков, на специально зафрахтованном теплоходе эта миссия прошла в сопровождении популярного Донского казачьего хора, танцевальных ансамблей чуть не по всей России с севера на юг, сопровождаемая благожелательным и покровительственным отношением властей — от обкомов до милиции. Именно тогда необъяснимым с первого взгляда образом казачество одновременно заявило о себе в Москве и на Дону, в Ставрополье и на Кубани, на Урале и в Приамурье.

Формирование общественных движений везде и повсюду происходит одинаково. Необходима некоторая экономическая и политическая ситуация, людские массы, которые такой ситуацией недовольны, и лидеры, которых выдвигают эти массы. Именно по этой схеме в нашей стране возникли демократические движения, окрепшие до способности выводить на митинги сотни тысяч людей. Именно так возникают и крепнут сегодня движения некоммунистические, собирающие под свои знамена все больше и больше сторонников.

С казачеством все происходило иначе.

Движение это возникло при полном отсутствии неформальных лидеров: первым атаманом Войска Донского был приглашен сын Михаила Шолохова, Михаил Михайлович — профессор и действительно уважаемый в области человек. Первыми атаманами на местах — директора крупных предприятий и организаций, а иногда и вовсе кадровые партийные или советские работники. Организационные вопросы новому движению удавалось решать удивительно легко. Помещение для руководящих структур округа им предоставили в здании Ростовского обкома КПСС. У казаков почти сразу появилась своя газета «Донское слово», созданная как приложение к органу обкома газете «Молот». Источниками финансирования послужили добровольные взносы некоторых предприятий и учреждений государственного подчинения.

Совокупность этих фактов дала представителям демократических организаций

области основания сделать вывод: возрождение казачества (если использовать именно это определение) было инициировано партийными структурами с очевидной целью создания противовеса быстро набирающему силу демократическому движению. Определенным подтверждением этому выводу стали и первые политические заявления тогдашних казачьих лидеров, отвергавших частную собственность на землю и довольно резко выступавших вообще против реформирования экономической и политической системы.

Однако одряхлевшая и неспособная на импровизацию партийная система и на этот раз ошиблась в своих расчетах. Едва встав на ноги, рожденное ею дитя немедленно отказалось от родителей. Называющие себя казаками люди в форме все чаще заявляли о себе громкими, скандальными делами — от публичных порок до захватов зданий и разоружения сотрудников милиции.

Довольно неожиданно давно затухшая дискуссия о происхождении казачества вновь получила продолжение. Лидеры и активисты казачьего движения, возводя свою родословную к половцам и даже скифам, утверждают: казаки — это народ и даже национальность. Случилось так, что эти утверждения обрели основу не в исторических экскурсах и не в изысканиях этнографов, а в Указе Президента России № 632 «О мерах по реализации Закона РФ «О реабилитации репрессированных народов» в отношении казачества». Таким образом, казаки были признаны народом де-юре. Следует отметить, правда, что как народ казаки имеют весьма специфическую особенность. В отличие от всех других репрессированных коммунистическим режимом народов — чеченцев, калмыков, балкарцев, ингушей, немцев — в казаки можно записаться. Просто прийти и сказать: я прописан на территории Ростовской области, мой дедушка (прадедушка) был казаком и, самое главное, у меня «казачье самосознание, разбуженное целым рядом субъективных и объективных факторов». После чего требовать политической реабилитации, а в будущем, возможно, и материальной компенсации.

В калмыки и ингуши, как известно, по заявлению пока не записывают. Но и не выписывают решением общего собрания, как происходит с некоторыми казаками, изгоняемыми за всякие лихие дела на казачьем кругу — точно так же, как в недавнем прошлом исключали из партии. Таким образом, вполне можно представить ситуацию сосуществования в одной и той же квартире трех родственников мужского пола — представителя народа казаков, представителя просто русского народа и бывшего представителя народа казаков, вновь вернувшегося в ряды этнического большинства, — носящих одну и ту же фамилию.

Что бы ни утверждали сторонники теории, согласно которой казачество — это национальность, от всего прочего населения казаки отличались не разрезом глаз, не цветом кожи и даже не религией, а казачьим укладом жизни. Помимо обязательной службы по охране границ и правопорядка в отечестве это означало и особую, станичную жизнь, протекающую при строжайшем соблюдении внутренних казачьих законов, безусловного подчинения младшего старшему — не только по званию, но и по возрасту — и множество других деталей, вплоть до собственного мирового судьи, разбиравшего малозначительные правонарушения.

Октябрьская революция значительную часть казаков разметала по свету, оставшихся превратила в обыкновенных крестьян, а к тридцатым годам — в обыкновенных колхозников. Казачья станичная автономия была ликвидирована и накрепко забыта. Как пройти обратный путь? Возможен ли он вообще? Нужен ли? На эти вопросы ответов пока нет, да и сами потомки станичников не очень-то ломают голову в поисках ответа. За них этим занимаются казаки городские. На одной из ростовских телепередач прямого эфира позвонившая в студию зрительница так и сказала атаману Каледину: маршируя на городском асфальте, казачества не возродить. Землю надо пахать да хлеб сеять, от труда идет возрождение, а не от скандалов.

Впрочем, в тот самый начальный период в казаки подалось немало искренних и честных людей, веривших в возможность и полезность возрождения казачьей общины на совхозно-колхозном пространстве Юга России. И все же основное пополнение дала иная, вполне определенная прослойка общества.

— Господин атаман! Вы не считаете, что своими действиями серьезно дискредитируете казачье движение?

— Нет. По казачьей службе я ничего не дискредитирую.

— Но вы совершили злостное хулиганство — уголовно-наказуемое преступление...
 — Так я ж без формы был. К тому же хулиганство не преступление против казачества.

— Это преступление против закона.

— Так это против вашего закона, а не казачьего. Против казачьего закона я ничего не совершил. А это — мое личное дело, никого не касается. Вот в КПСС состоять или в милиции — это для нас преступление.

— А убийство?

— Смотря кого убить...

Эта беседа начальника пресс-бюро УВД Ростовской области А. Титова с арестованным атаманом Ростовского округа Петром Молодидовым, записанная на видеокассету и частично показанная по ростовскому телевидению, состоялась в камере предварительного заключения. В условиях политической и правовой разрухи процесс проникновения во властные структуры, общественные организации криминализированных элементов облегчен до чрезвычайности и отмечается сегодня почти во всех концах бывшего СССР. Донское казачество в этом смысле отнюдь не явилось исключением. Быстро оценив возможность укрыться под формой и погонами от надзирающего ока правоохранительных органов, в казаки ринулась откровенно люмпенизированная масса, скомпрометировавшая в глазах населения движение настолько серьезно, что первые активисты возрождения без хлопота дверей, но достаточно поспешно уходили прочь. Не просидев и года в атаманском кресле, отправился на пенсию Михаил Михайлович Шолохов. Формальные лидеры сменялись неформальными.

Атамана Ростовского округа Г. Ковальченко, неизменно подчеркивавшего необходимость возрождать казачество исключительно в рамках закона, сменил атаман Н. Бойко, который вскоре добровольно оставил свое кресло, после того как принял участие в скандальной драке в кафе «Маргарита» с размахиванием гранатой, привезенной казаками из Приднестровья. Новым атаманом казаки избрали себе Петра Молодидова.

В своем роде Молодидов был человеком известным. Трижды судимый — за убийство, нанесение тяжких телесных повреждений и незаконное ношение огнестрельного оружия, он по существующим законам вполне мог бы претендовать на звание особо опасного рецидивиста. О последней судимости — в апреле 1993 года — стоит рассказать особо:

Молодидов был в Приднестровье, правда, недолго. В боях ему участвовать не пришлось — в первую же неделю как-то ночью перевернулся в нетрезвом виде на машине, помял ребра и вернулся домой. Но с автоматом. Повздорив однажды с цыганами на улице, Молодидов достал свой автомат и открыл стрельбу. По счастью, в этот раз убитых не оказалось — «рука подвела», сетовал позднее атаман. До суда сидел шесть месяцев, а в день судебного заседания к зданию суда подтянулась толпа цыган, дружно скандировавшая «Свободу Петру Молодидову!». Напротив, с тротуара, искренность чувств манифестантов хмуро контролировала казачья полусотня. Суд пошел навстречу пожеланиям представителей национального меньшинства и Молодидова немедленно освободил, зачтя ему в качестве наказания уже отбытые шесть месяцев. Спустя две недели после этих событий Молодидов и сделался городским атаманом. Еще через неделю его снова арестовали — теперь уже за злостное хулиганство. Когда его забирали, атаман обещал, что выручат его придет казачья сотня с шашками и перерубит весь райотдел. Не исключено, что защита атамана в новом суде будет поручена официальному юристу Ростовского казачьего округа В. Боровицкому, также неоднократно судимому за кражи и другие преступления...

Один из новых атаманов, четырежды судимый П., организовал вокруг себя особое подразделение с неясными, темными функциями — «гвардейскую казачью черную сотню». В числе других дел «черная сотня», например, распространяла листовки с призывами к депортации коммунистов и требовала дать власть в руки «ранее судимых как наиболее потенциально активных и непокорных людей». Бывшие и действующие уголовники быстро сообразили, что участие в казаческом движении не только мгновенно переводит их в иной социальный статус, но и позволяет сохранить и использовать чисто криминальные привилегии.

Собственно, «интервью» с арестованным атаманом Молодидовым весьма наглядно показывает почти полное тождество в его изложении законов казачьих и широко

известных у нас воровских законов. Одни и те же критерии формируют и моральные запреты, и индульгенции — и в криминальном, и в казацком, по представлению Молодцова, социуме.

Я не утверждаю, что вся деятельность Войска Донского построена на тех же принципах, но законы любой группы создаются ее членами. И изменяются ими же. Поэтому частое пренебрежение со стороны казаков законами официальными становится более понятным: вожди должны чутко прислушиваться к голосу выдвинувших их масс.

Даже если вожди судимостей вообще не имеют.

Нынешние лидеры казаков, выдвигаемые на руководящие посты громкими криками «любо!», до начала казацкого ренессанса политической деятельностью, как правило, не занимались. Атаман Округа Войска Донского Василий Каледин, имея два диплома о высшем образовании, тем не менее долгое время работал учителем истории в школе рабочей молодежи. Вполне понятная неискушенность Каледина как политика, которым он неизбежно стал, приняв на себя обязанности лидера общественного движения, нередко дает основания обвинять его в небрежении требованиями законов и склонности к экстремизму. Этот высокий, красивый человек с усами, чуть тронутыми сединами, и звучным голосом стал третьим по счету атаманом Войска Донского в сложное время обострения отношений с властями и заметного падения популярности идеи возрождения казачества у населения. Он абсолютно искренен и честен в своих убеждениях и в иное время за них непременно бы пострадал. Сейчас время другое, ни за убеждения, ни за излишнюю горячность никого не привлекают. Впрочем, в сравнении с походным атаманом округа Виктором Ратиевым Каледин выглядит вполне умеренным.

Как-то раз на кругу, возмущенный тем, что казаки самочинно присваивают себе звания вплоть до полковника, надевая соответствующие погоны, Ратиев выразился в том смысле, что офицерские звания необходимо подтвердить в бою, на полях сражений в Приднестровье и Абхазии. Сам Ратиев — в недавнем прошлом участковый инспектор и младший лейтенант милиции — носит погоны генерал-майора. Одно время погоны были милицейского образца — вероятно, в память о прежней службе, а также потому, что на войсковой камуфляжной форме они заметнее.

Зарегистрированное как общественное движение, Войско Донское все отчетливее приобретало очертания военно-политической организации. Создавались полки и сотни, отдел безопасности и контрразведка. На мирные дела времени просто не оставалось. Несмотря на многочисленные разговоры о возрождении уклада, не было сделано ни одной попытки действительно воссоздать на территории области хотя бы один хутор с традиционным общинным земледелием. Мешало этому отнюдь не только несовершенство действующего законодательства о земле, но и отсутствие необходимой опоры у сегодняшних казацких лидеров в крестьянской среде.

Ближайшей целью нового донского казачества была и остается борьба за власть. Собственно, лидеры движения этого не скрывают, чаще всего ведя разговор с властью существующей на языке ультиматумов.

Союз Казачьих Войск Юга России
Всевеликое Войско Донское
Дом Парамонова, 21.09.92

Председателю Ростовского областного
Совета народных депутатов г. Попову А.
И. о. главы администрации
Ростовской области г. Ампилову

ТРЕБОВАНИЕ

...считаем, что властным структурам области необходимо осуществить следующий комплекс мероприятий:

1. Единственным правопреемником незаконно упраздненного большевистским режимом национально-территориального образования «Всевеликое Войско Донское» является Союз казаков Области Войска Донского со всеми входящими в него структурными подразделениями.

Ростовскую область официально объявить безусловно территорией компактного проживания донских казаков.

2. ...незамедлительно ввести должности первых заместителей глав администраций и заместителей председателей Советов народных депутатов по делам казачества на всех уровнях исполнительной и законодательной власти, предоставив Союзу казаков ОВД и его структурам право делегировать и отзывать лиц, занимающих эти должности...

5. До практического разрешения земельного вопроса... наложить мораторий на продажу земли с аукционов, передачу ее в частную собственность и аренду с правом выкупа иностранным гражданам и некоренным жителям Ростовской области.

6. Беспрепятственно выделять землю казачьим общинам в необходимых количествах и в определенных ими местах...

8. ...освободить от налогообложения казачьи с/х общины и единоличные хозяйства, а также коммерческие и производственные структуры, учредителями и соучредителями которых являются СК ОВД или его структурные подразделения...

10. Незамедлительно передать казачьим общинам охотничьи и рыбные угодья вместе с фондами на их содержание...

Борьба за власть, равно как и постоянное стремление напомнить окружающим о своем существовании, неизбежно выливалась в противостояние казаков не только администрации, но и закону.

В сентябре 1992 года казаки силой захватили бывший Дом политпросвещения, известный более как Дом купца Парамонова, в котором и был писан приведенный выше документ. Не желая идти на крайние меры, обострять и без того накаленную обстановку, администрация узаконила своим постановлением самозахват, в чем скоро горько раскаялась — но об этом чуть позднее.

В марте 1993 года походный атаман Ростовского казачьего округа Г. Цыкин издает приказ о введении на территории округа особого положения. В связи с созданием временного правительства Дона атаманам округа предписывается предъявить главам администрации требования о немедленном выполнении указов Президента по казачеству, а в случае противодействия взять под охрану административные здания и сформировать на территориях атаманское правление. Невыполнение приказа Цыкин велел рассматривать как измену и предательство и карать военно-полевыми судами по законам военного времени. Ни больше, ни меньше.

В конце того же месяца около четырех тысяч казаков пикетировали в течение двух дней облсовет, вынуждая депутатов принять решение о создании на территории области казачьей автономии.

Атаман Родионово-Несветаевской слободы с пятью хуторскими атаманами попытался явочным порядком установить атаманское правление, разогнав выборные органы власти...

Как бы пробуя мускулы, казаки все чаще берутся вершить закон и устанавливать порядок, исходя исключительно из собственных представлений о справедливости.

В Ростове, сочтя, что на территории области достаточно одной православной религии, они выгнали из занимаемого помещения зарегистрированную общину кришнаитов.

Зерноградский атаман, обидевшись на местную милицию, всерьез пообещал разгромить райотдел. Развития событий удалось избежать лишь после официального предупреждения о привлечении к уголовной ответственности.

Одной из наиболее громких и длительных акций казаков стала борьба с «лицами кавказской национальности». Лидеры казаков имели немалые основания надеяться на поддержку этой акции со стороны населения и, соответственно, рост популярности движения в массах. Проблема «кавказских лиц» в Ростове (собственно, как и во многих других городах России) действительно существует. Статистика свидетельствует: до 30 процентов наиболее тяжких преступлений совершают выходцы из Северного Кавказа и Закавказских государств.

Но казаки боролись не с преступностью, а именно с «лицами». Шумные разборки с кавказцами на колхозных рынках сменялись эпизодическими битвами в питейных заведениях. Сам походный атаман Войска Донского Ратиев недавно принял непосредственное участие в этой борьбе.

«В баре гостиницы «Новочеркасская» на почве самоуправных действий казаков произошла групповая драка с участием походного атамана округа Войска Донского Ратиева В.Н., атамана хутора Лозовой Кузнецова С.А., его помощника Просолова В.И.

и двух лиц кавказской национальности...» — поведала об этом инциденте милицейская сводка происшествий за 3 июля этого года.

Немногом раньше властям с огромным трудом удалось остановить исполнение приказа того же Ратиева о насильственном выселении с хутора Тюльпаны чеченцев, поселившихся там несколько десятков лет назад. На сборы чеченцам были даны традиционные семьдесят два часа. К исполнению приказа планировалось привлечь более тысячи казаков, рекрутированных из ближайших окрестностей.

По данным социологов, проводивших на Дону исследования проблемы казачества, на вопрос «Считаете ли вы себя казаком?» приблизительно 28 процентов опрошенных ответили «да». То есть более миллиона человек. Причем социологи сделали существенную оговорку: этот ответ необходимо рассматривать скорее как факт общественного сознания, чем практической деятельности и поведения людей.

Сами активисты казачества полагают, что социологи «занизили процент», и утверждают, что половина всего населения области по происхождению казаки, сочувствует и симпатизирует движению и намерена в недалеком будущем в полном составе влиться в его ряды.

Управление внутренних дел Ростовской области оперирует другой цифрой — примерно 10 тысяч человек — это те, кто не только называют себя казаками, но и участвуют более или менее регулярно в мероприятиях и акциях движения, подчиняясь распоряжениям атаманов. Именно эти десять тысяч, а вовсе не сохранившееся потомственное казачество, являются источником беспокойства властей. Социально некомпенсированная часть населения, как иногда социологи называют люмпен-пролетариев, стремится самовыражаться попроще, но зато погромче, что неизбежно изливается противостоянием закону и обществу. Наблюдая за развитием событий, те, кто считается казаками по рождению, все более дистанцируются от тех, кто казаками себя сегодня называет. Немало коренных донских жителей, казаков во многих поколениях, с болью и горечью относятся к происходящему, расценивая это как окончательную дискредитацию идеи казачества и называя городских неоказавов резко и гневно — «ряженные!». Сотрудник краеведческого музея в Новочеркасске, казак по происхождению, отлично знающий историю казачества, на мой вопрос о казаках современных лишь горько усмехнулся: «Разве это казаки!»

Не отыскать теперь сторонников казачества и среди личного состава ростовской милиции, хотя в начале движения симпатизировали им многие. Претензии казаков на роль автономной силовой структуры неизбежно оборачивались противостоянием с правоохранительными органами. Кстати, на севере области, именно там, где находится родина Шолохова и его героев, станица Вешенская, Войско Донское не пользуется популярностью и практически не имеет своих организаций.

Хорошо известно, что казаки на прошедшем референдуме поддержали президента. Кстати, наиболее популярный политик на Дону, согласно опросам социологов, — вице-президент Руцкой. Однако отнюдь не исключено, что президент победил на референдуме не благодаря, а скорее вопреки поддержке казаков. Во время интервью в прямом эфире с атаманом Калединым в студии раздавались и такие звонки: если президент с казаками, то я буду голосовать против президента.

Время от времени в области наступало затишье. Казаки выказывали склонность к компромиссу: между администрацией и Войском Донским заключались соглашения и договоры, подписываемые высокими договаривающимися сторонами — о принципах мирного сосуществования и сотрудничестве в различных областях. Но чаще всего договоренности оставались на бумаге. Руководители казачества при всем желании были не в состоянии обеспечить сколь-либо продолжительную деятельность своих подчиненных в созидательном, конструктивном направлении.

Намного проще было поднять казаков на дела иные...

Из рассказа Л., начальника строительного участка.

У нас работал Николай Г. — ранее судимый и отсидевший в заключении, кажется, за грабеж восемь лет. Никаких претензий мы к нему не имели. Вернувшись из тюрьмы, он вел нормальный, человеческий образ жизни. Женился, имел ребенка, да и работник был хороший, надежный, аккуратный. Когда началась эта история с казачеством, мы узнали,

что Николай тоже немножко в нее включился — его отец и дед действительно были казаками и жили в станице. На его работе причастность к казаческому движению никак не отразилась, он не прогуливал, не опаздывал, словом, работал как прежде. Тем временем начались события в Приднестровье. Однажды Николай принес на работу письмо на красивом цветном бланке с двуглавым орлом, подписанное каким-то казачьим атаманом. Письмо предписывало нашей администрации отпустить Николая в командировку «для защиты Приднестровской республики»...

Он вернулся примерно через месяц. На вопросы отвечал неохотно. Зачем поехал? Никогда в жизни не убивал человека, хотелось попробовать. Но больше никуда не поедет — устал убивать. Сказал еще, что платили ему 30 тысяч в месяц, по тогдашним временам большие деньги...

Отдельные факты, накапливаясь, постепенно складываются в довольно грозную картину. Рано или поздно приходится сделать вывод, что под знаменами былой казачьей славы формируется вооруженное анархическое сообщество с изрядной долей криминальности. Военизированные казачьи формирования нарабатывали боевой опыт в горячих точках бывшего Союза, прежде всего в Приднестровье и Абхазии. Искатели приключений отправлялись учиться убивать на территорию сопредельных государств при полном попустительстве государства собственного. Садились в специально нанятые автобусы и спокойно ехали до границы, например, с Абхазией. Через границу — пешком. В последнее время, правда, российские посты пропускали через границу не всех, только тех, кто имел на это веские основания — родственников на сопредельной территории или приглашения от знакомых. Но из положения вышли очень легко и быстро. В Адлере теперь казаков ждал представитель абхазской стороны, который без лишней волокиты выписывал необходимые бумаги.

Достаточно хорошо известно, что служение интересам государства, охрана закона были для казачества первойшей заповедью. Именно по этой причине казачьи части всегда считались самыми надежными защитниками законной власти и порядка. Предположить, что какой-нибудь наказной атаман (который, кстати, назначался государем-императором из предлагаемых кандидатур) по собственной инициативе отправляется в военный поход против сопредельного государства, можно было только в тяжелом бреду. Квалифицируемые как государственная измена, такие действия имели бы своим закономерным итогом военно-полевой суд.

Сегодня же под лозунгами возрождения казачества возрождается казачья вольница времен Степана Разина и Кондрата Булавина, живущая по своим законам и не признающая никаких иных.

Поэтому даже после указа о создании в составе вооруженных сил казачьих формирований не торопятся туда призывники. Мой знакомый, командир одной из воинских частей на российском Севере, где служба несладкая вдвойне, рассказал как-то, что на вопрос к новобранцам, призванным с Дона и из Краснодарского края, почему они не пошли в казаки, те в один голос отвечали: что вы, нельзя, в казаки одни бездельники да пьяницы идут...

Довольно любопытный феномен показал социологический опрос об отношении к казачьим воинским формированиям. К самой идее создания таких формирований положительно относятся 31,7 процента опрошенных, но лишь 11,5 процента сочли службу в казачьем войске наиболее подходящей для молодежи своего города или села. Заметим при этом, что данный социологический опрос проводился в июле 1992 года — задолго до скандальных событий, связанных с Домом Парамонова, после которых рейтинг казачества существенно упал.

С фронтов казаки возвращались обогащенными не только боевым опытом, но и оружием. Более половины преступлений, совершенных казаками на территории Ростовской области, так или иначе были связаны с оружием. Донское казачество превращалось не только в организованную, но и вооруженную силу. Вооружались и за счет местных властей. В Мостовском районе Краснодарского края казаки разоружили таким образом целый райотдел милиции. «Раздербанили», как с гордостью выразился рассказывавший мне об этом казак. И хотя необходимость вооружения казачьи лидеры объясняют намерением защищать коренное население от преступников, особенно той же кавказской национальности, необходимостью укрепления границ с бывшими союзными республиками, от казацких пуль пока что свои страдают чаще, чем чужие.

Обиженный на танцплощадке нетрезвый казак — «ветеран» Приднестровья, сбегал домой за автоматом и танцплощадку расстрелял. Трое убитых, восемь раненых.

Несколько казаков вступили в спор с двумя жителями Ростова, прогуливавшими около своего дома собак. В начавшейся драке один из казаков получил смертельную травму и в больнице скончался. Виновного к ответственности не привлекли, справедливо признав его действия не выходящими за пределы необходимой обороны. Через несколько дней стены его квартиры были пробиты насквозь выстрелом из гранатомета. Лишь по счастливой случайности никто не пострадал.

Весной этого года Ростов потрясла еще одна трагедия, происшедшая в том самом захваченном казаками Доме Парамонова. Один из дежуривших в доме казаков выстрелом из обрезы снес полголовы жителю из Ростова, обратившемуся туда за защитой от кавказцев. Почему снес — не ясно, поскольку началась эта история довольно спокойно.

Потерпевший пришел к казакам поздно вечером и пожаловался, что кавказцы грубо обошлись с ним в ресторане. Казаки — восемь человек — взяли нагайки и пошли разбираться. Но до ресторана идти было далеко, и будущий покойник вдруг предложил: давайте лучше моего соседа накажем — он тоже кавказец и тоже обижает, к тому же идти гораздо ближе. Сказано — сделано. Но тут прибежали две женщины — и жена жалобщика, и жена выпоротого соседа. Оказалось, что сосед вовсе не кавказец, а грек, да к тому же и не обижал никого. Казаки теперь сами обиделись и выпоролы жалобщика за дезинформацию. Но потом остыли и выпили с ним мировую. Не хватило. Пошли в Дом Парамонова — там у казаков было. А затем — выстрел в упор.

После этого события подразделение ОМОНа выбило казаков из бывшего Дома политпросвета. Прежнее соглашение было аннулировано, казаки протеста по этому поводу не высказали.

«...Малый Совет обращает внимание правоохранительных органов на то, что лица, допустившие самоуправство, выразившееся в захвате бывшего Дома политпросвещения, не понесли наказания, что создало опасный прецедент и привело к новым беззакониям...» — так власть отреагировала на ею же проявленную слабость.

Есть некоторые основания полагать, что сейчас в казаческом движении происходит процесс, который работники Ростовского УВД определяют как приток в ряды казаков «третьей волны».

Связан этот процесс с вопросом финансового обеспечения казаческого движения, который интересен и сам по себе. На какие, собственно, средства существует движение, не имеющее официальных «партийных» взносов, внутреннего, постаничного, как было прежде, налогообложения и прочих регулярных денежных поступлений?

На мой вопрос: за счет каких средств обеспечивается, к примеру, отправка добровольцев в Абхазию, — атаман Каледин горячо ответил:

— Люди в шапку кидают! Народ! Кто двести рублей, кто триста, дают кто сколько может. Понятно?

Василий Иванович Каледин вызывает безусловную симпатию. И когда он с порога сообщает, что журналисты, которые пишут вовсе не то, что им говорят, ему смертельно надоело, за этими словами слышится искренняя озабоченность делами движения и боль. Поэтому слова его я воспроизвел в точном соответствии с расшифрованной магнитной записью.

И отчасти им верю. Отчасти — потому, что кидание денег в шапку теоретически не исключается. Но проблема после такого ответа все же остается открытой. Кто платит? За аренду помещений, изготовление шикарных цветных фирменных бланков, междугородние телефонные переговоры, организацию строевых смотров, финансирование акций, в которых участвуют сотни и тысячи человек — от всевойсковых кругов до политических демонстраций и пикетов и так далее.

Время спонсорской помощи по тихим советам из обкома кануло в лету. Кто платит теперь? Руководители казачества на этот вопрос отвечать не любят. Но некоторые ответы все же есть.

Понимая, что без собственных источников финансирования на городском асфальте не удержаться, Донское Войско приступило к формированию собственных коммерческих структур. Акционерное общество «Северный Кавказ», фирма «Донская Нива» и множество кооперативов по продаже спиртного, бананов, сигарет и прочего называют себя сегодня казачьими. Вступающие в казаки мелкие и средние бизнесмены — они-то

и составили основу «третьей волны» — обеспечивали таким образом себя защитой от рэкета и освобождением от весьма существенной части налогов — именно как казачьи предприятия. Быть коммерсантом от казачества на Дону сегодня выгодно. Таким образом, происходит любопытный процесс, когда уже существующие военизированные формирования обретают неплохую экономическую основу. Опять же к традиционному казачьему укладу или его возрождению все это имеет весьма косвенное отношение, поскольку осуществляется на том же городском асфальте, но последствия может иметь вполне конкретные.

Одно время казаки активно взялись за создание на территории области таможен. Мотив: воспрепятствовать грабительскому вывозу товаров в ближнее зарубежье — на Украину и Закавказские республики. Однако исполнение подобных контрольных функций всегда предполагает и возможность регулирования грузопотоков в интересах «дружественных» фирм, что, собственно, по свидетельству работников правоохранительных органов, нередко и происходит. Известно ведь еще по Гоголю: таможня — двигатель личного экономического прогресса.

На рыночных площадях казаки потихоньку теснят кавказцев.

— Кто охраняет? — спрашивал я торговцев на ростовском рынке.

— Казаки.

— Ну и что, платить-то им надо?

— Да немножко.

— А какая же разница?

— Так то же свои...

Один мой ростовский знакомый, отправившись недавно в выходные с семьей на привычное место отдыха — берег реки в Аксайском районе, обнаружил, что на подъезде к пляжу дорога перегорожена шлагбаумом.

«Тут граница Аксайского юрта, — объяснили ему подростки в фуражках, дежурившие у шлагбаума. — За въезд надо платить».

Размер платы соответствовал стоимости бутылки водки. С юными вымогателями можно было расщелкаться и натурой.

Эти два эпизода, конечно же, не имеют отношения к официальной экономической политике казачества и его руководства, но дают вполне предметное представление о соотношении категорий власти (безвластия?) и экономики.

И все же мне совсем не хотелось бы, чтобы эта статья воспринималась как однозначно отрицательная по отношению к казачеству. Может, тому виной чисто личные обстоятельства: предки мои в конце прошлого века перебрались на Амур именно с Дона. В той же Ростовской области существует немало примеров действительно благих дел казаков. Вместе с милицией они ходят патрулями, охраняя сон мирных граждан, и списки награжденных Управлением внутренних дел казаков наглядно свидетельствуют об эффективности этой работы; безвозмездно трудятся над возрождением загубленной экологии — не так давно, трудясь по выходным, расчистили донельзя загаженную промышленными отходами речушку; в Краснодарском крае участвуют в восстановлении церквей и памятников старины; в Северном Казахстане, на Тереке казаки возглавили движение в защиту прав русскоязычного населения. В Москве и Санкт-Петербурге всерьез взялись за организацию торговли на колхозных рынках, действительно защищая и производителей и потребителей сельхозпродукции от произвола мафиозных структур.

Но власть государственная не может, не должна остаться пассивным наблюдателем процессов, происходящих в недрах казачьего движения. Попустительство беззаконию, безусловно вредное для любого общества, в наших условиях может оказаться смертельно опасным. И для казачества в том числе.

В конце июля на состоявшемся в Москве общевойсковом казачьем круге верховным атаманом казачьих войск, казачеств и землячеств зарубежья был избран Виктор Ратиев. Вернувшись в Ростов, он изложил в передаче ростовского телевидения первоочередные задачи казачества. Свою миссию, сказал Ратиев, он видит в вооружении казачества и образовании Донской казачьей республики. На этот раз погоны на нем были не милицейские, а особые, с вензелем.

ЯНА И ЯКОВ ШТЕЙМАН

Письма из Германии

Это не путевые очерки или записки, а подлинные письма. Адресованные всего лишь одному человеку, они представляют, на наш взгляд, немалый интерес и для более широкого круга читателей, ибо дают возможность взглянуть «изнутри» на жизнь наших соотечественников за рубежом.

Авторы этих писем — молодая супружеская пара, художница и врач, родившиеся и выросшие в Душанбе. Из Таджикистана уехали вскоре после

февральских событий 1990 года, предшествовавших гражданской войне. Пишут они своему старшему другу, живущему в России. Оба считают его наставником — оттого и обращение «муаллим», что по-арабски означает «учитель», хотя Яна говорит ему «ты», как привыкла с самого раннего детства. Письма публикуются практически без редакторского вмешательства, с незначительными сокращениями.

Дорогой Муаллим!

Мы очень надеялись получить от Вас письмо с N. Затем ждали, вдруг придет по почте. Ждали почти два месяца, так как тут забастовка, и она могла бы письмо задержать. Но забастовка давно прошла, а письма все нет. Очень жалко, ведь мы скучаем по Вам очень сильно. Так что я решил сам писать. Тем более, есть о чем.

...Хотелось бы вкратце описать, как я вживлялся (или внедрялся) в германский врачебный слой общества. Подтверждением своего диплома я начал заниматься сразу же по приезду в Германию. Первый раз мы ввалились в берлинский «минздрав», Сенат по здравоохранению, втроем: мы с Б. — двое бородачей, умеющих только мычать по-немецки, — да беременная Янка. Вежливый чиновник внимательно расспросил нас, кто мы, что мы и зачем мы. Потом с сожалением (ну прямо чуть ли не плача) объяснил, что мы никогда в жизни не получим права на работу врачами в Берлине, да и вообще в Германии. У них, дескать, миллионы безработных. Начало было многообещающим.

Решил я заняться языком, а там — видно будет. Через некоторое время получаю приглашение на встречу еврейских врачей Берлина. Обрадовался. Ну, думаю, евреи мне помогут. Пойду на встречу, увижу много врачей, контакты завяжу. А ось посмотрит на меня какой-нибудь пожилой опытный еврейский врач и подумает: «Какой чудный молодой человек! Он продолжит мое дело». Надежды, как говорят, юношей питают.

Пришел на встречу в отель «Савойя». А там как в кино про красивую буржуазную жизнь — все в мраморе да золоте, стулья с кривыми ножками под старину, хрустящие от крахмала и сверкающие от белизны отельские служащие и стадо «мерседесов» у входа. Я в своих убогих одеждах был там несколько не ко двору. Тут я увидел целую толпу таких же, как я, убогих и понял, что попал по верному адресу. Это были советские еврейские арцты¹, которые, как и я, пришли контакты завязать.

Берлинские еврейские арцты объявили, что они рады нас видеть и что они будут нам помогать. Потом выступили представители Гете-института и сообщили, что они рады нас видеть и что они будут нам помогать. Все это говорилось по-немецки. Одновременно были поданы бутерброды с осетриной. Еврейско-советские арцты осетрину трескать здоровы, а вот с немецким у них не все о'кей. Поэтому они заволновались: «Чего там говорят?»

Я понял, что никто мне помогать не будет. Все должен буду сделать я сам. Но на встречи ходить не перестал. Более того, я стал переводчиком. Все, что говорилось по-немецки, я переводил на русский для наших арцтов. Это полбеда. Хуже приходилось, когда наши начинали задавать вопросы. Каждый выслушивал ответ на свой вопрос, садился и громко обсуждал его с окружающей средой, и ему было наплевать на других.

¹ От немецкого «arzt» — врач.

Одни и те же вопросы повторялись по три-четыре раза, и мне было стыдно за наших. Детский сад! Еще Россию гады позорят. Они, дескать, хорошие, а Россия плохая, их все мучала... А если при мне зря Россию лажают, мне плюнуть в морду охота. Впрочем, я отвлекся.

Параллельно со встречами с еврейскими арцтами я продолжал нахаживать в Сенат по здравоохранению. Вскоре мы получили статус беженцев с бессрочным правом жительства в ФРГ. И тот же самый чиновник сказал, что я могу подать документы на подтверждение диплома и на получение права работать врачом (Berufserlaubnis). От количества требуемых документов у меня аж в глазах потемнело. Среди прочих был один, который назывался так: «Свидетельство из больницы или частного праксиса о предоставлении рабочего места». И в то же время известно, что без Berufserlaubnis'a юридически я в Германии — не врач, и никто со мной о работе даже говорить не станет. То есть без разрешения не найти места, а без места — не получить разрешения.

Собрал все документы. Один все же отсутствовал. Мне сказали, что ждать его придется около трех месяцев. Я расслабился и успел за это время смотаться в Израиль. Прошло три месяца, четыре, пять... Никакого ответа. Стал я вновь наведываться в Сенат. Там направили меня в другой отдел, к тетеньке по имени Жизнь (Frau Leben). Узнав, что я педиатр, тетенька Жизнь чуть не заплакала и сказала, что я никогда в жизни не получу разрешения на работу, так как в Германии иная, чем в СССР, система медицинского образования (вначале заканчивают медицинский факультет и получают диплом, работают несколько лет ассистентами врача, затем сдают экзамены и только тогда становятся врачами-специалистами: педиатрами, хирургами и т. п.), а я — педиатр да к тому же хирург, да к тому же детский... Тем не менее через месяц я был приглашен в Сенат и та же тетенька Жизнь торжественно сообщила, что сенатор по здравоохранению решил-таки выдать мне Berufserlaubnis. Длилась вся эта эпопея полгода.

Теперь я мог искать работу. Я побывал в трех больницах (все в Восточном Берлине). В первой мне отказали сразу же, во второй порекомендовали зайти попозже. Третьей была Шарите. Там я увидел объявление, что требуется врач в урологическую клинику. Пошел я в отдел кадров, где меня попросили принести все документы и послали к оберарцту урологической клиники Шёнебергеру побеседовать... Надел я итальянский серый костюм с галстуком. Ненавижу эти атрибуты, но что поделаешь. Костюм, правда, легкий и просторный, и в нем я легко делаю йоко-гири¹. Пришел. Оберарцт, листая мои бумаги, попросил меня рассказать о себе. Ну я и рассказал.

— Откуда вы так хорошо знаете немецкий? — спросил он. — Вы, наверное, немец с Волги?

— Нет, — говорю скромно, — еврей из Душанбе.

Хотя, Муаллим, между нами, какой я на хрен еврей! Я — русский, но об этом бессмысленно говорить и здесь, и в России. Но я опять отвлекаюсь.

Оберарцт сказал, что если все будет зависеть только от него, я получу работу. Через две недели состоялся Personalrat, который подтвердил мою кандидатуру. И с первого марта я начинаю работать врачом в Шарите. Один год и два месяца ушли на изучение языка, подтверждение диплома и поиски работы. Теперь есть повод похвастаться достигнутым, что я и делаю.

Янка по-прежнему учится в заочной художественной студии в Цюрихе. Вроде даже опережает программу. Она выполняет ежемесячно задания и аккуратно высылает их в Цюрих. Но сказать, чтоб она прирабатывала, я не могу. Есть у Янки идея сунуться в какое-нибудь детское издательство в поисках работы. Но ее одолевает страх: вдруг с нее там такое потребуют, чего на свете нет. Ну а торопиться ей незачем. Она уже большая, сама разберется, что к чему. Денежные дела у нас в порядке, и можно себе позволить долгое время не напрягаться с поисками работы для Янки. Зарплаты, которую я буду получать, хватит на четверых. Какие наши потребности! «Мерседесы», шмотки роскошные и прочее дерьмо нас не интересует.

Правда, я позволяю себе траты на книги, на секцию каратэ и на прочие мелкие удовольствия. Деньги нужно тратить. Sparen² — это немецкие проблемы, не наши. Еще я выполнил свою давнюю мечту — купил себе чудный самурайский меч. Черный,

¹ Боковой удар ногой в каратэ.

² Копить (нем.).

с позолотой и зеркально гладким клинком. К острию эта глянцевая поверхность обрывается волнистой линией, отчего у меча очень красивый и угрожающий вид...

Обнимаю.

Яша

Привет, С.!

Решила написать тебе, не дожидаясь ответа, потому что сегодня такой красивый день. Тем более что он у меня свободный. А это теперь для меня не само собой разумеется. Я теперь работаю.

Взяли меня в ателье «Бурды». Хотели для пробы поработать со мной три месяца, а потом подписать договор или расстаться — мне постоянно намекали, что, вероятнее всего, нам придется попрощаться: огромная конкуренция, высокие требования, строгость...

В первый же день меня «поучили» ровно строчить. Дали кусок толстого скользкого атласа 2×2 метра и заставили выводить строчки на расстоянии 5 мм одна от другой. Идеально ровно. Проверяли по линейке. Весь ужас этого занятия, я думаю, поймет только Л., которая сама шьет и поэтому может представить, насколько оно сложно. Атлас вообще трудно прострочить ровно, а уж строчка длиной в два метра обязательно где-нибудь на миллиметр отклонится от идеальной линии — строчишь конец и давно уже не видишь начала.

Короче, через шесть часов я хотела бросить к черту — шитье вместе с «Бурдой» и все остальное тоже. А через восемь часов я прострочила две ровные строчки. Как моя мастерша ни измеряла, как ни прикладывала линейку — они были идеально ровные. Я ушла домой усталая как никогда. Но очень довольная.

Ну так вот. Я проработала в ателье три дня. И за это время поняла, как мне нравится эта работа — особенно ее результаты. Восемь часов подряд выворачиваешь во все стороны и прострачиваешь какие-то бесформенные тряпочки, и вдруг в руках оказывается — вещь, красивая и сложная. Когда шью, я не слышу ни ворчания мастеров, ни разговоров о конкуренции. Думаю, что мои мастера это заметили. На третий день шеф поехал в централь «Бурды» — взять для меня договор. А там сказали, что во всех филиалах проводится сокращение рабочих мест. Мастерша была вынуждена вернуть мне мои документы. И тут я поняла, что они действительно хотели меня взять к себе. Мастерша даже всплакнула. Единственное, чем они могли мне помочь, — это посоветовали сходить самой в централь и узнать, нет ли для меня места.

На следующее утро я грустная приплелась в централь. Каково же было мое удивление, когда мне сказали, что моя фирма за меня поручилась и что им в виде исключения разрешили меня взять. Мастерша на радостях устроила мне выходной — это и так была пятница. Правда, меня с понедельника начали пилить, но теперь я тем более не слушаю вредностей. Я хорошо понимаю их осторожность. Одним движением можно запороть вещь, а у нас не шьют из тканей дешевле 200 марок за метр. Нетрудно высчитать стоимость одной ошибки.

Это все значит, что восемь часов в день я должна «не спать». Все время осознавать, что я делаю, смотреть, куда я сажусь... А это, как выяснилось, то, чего я совсем не умею. Я весь день только тем и занята, что вспоминаю, что я уже опять «уснула» и забыла о том, что делаю. Иногда помогают мастера. Они сразу замечают, когда я засыпаю. Дергают меня, и правильно делают. Мне так часто хочется фыркнуть — но приходится соглашаться, что они правы. Нельзя спать во время работы.

Вот так. Я вся в работе.

Янка

Lieber Muallim!

Давно уже не писал по-русски, руки все не доходят. А когда появляется время, нападает лень. Но сейчас я в отпуске. Логично было бы предположить, что во время отпуска у человека появляется масса возможностей написать письмо, но не тут-то было. Судите сами: отпуск — одна неделя, а мне необходимо закончить несколько дел, которые невозможно сделать во время работы...

Все эти бытовые делишки не делают меня умней, не обогащают мою душу, но забирают время и энергию. Но самый крутой соковыжиматель — моя работа. В Душанбе она была удовольствием. Здесь это чуть ли не каторга. В Душанбе я слыл рабочей лошадью. Здесь я кажусь себе буйволом, но и этого не всегда достаточно. При моей нынешней работоспособности я мог бы один вести все отделение в Душанбе (мне нужен

был бы только кто-нибудь из старших врачей для операций). При моей нынешней дотошности я слыл бы самым большим педантом и эрудитом. Но здесь я недостаточно дотошен и эрудирован.

Под словом «здесь» я не имею в виду «Запад» (для меня это понятие вообще утратило тот смысл, который я вкладывал в него еще в Союзе). Я имею в виду Германию. Не капиталистическую или социалистическую страну, а конкретно Германию. А еще конкретнее — бывшую ГДР-овскую клинику «Charité», которая многим ФРГ-шным университетским клиникам фору давала и была № 1. Теперь-то, после падения стены, когда в Берлине появились сразу три университетских клиники, а «Charité» представляет суровую угрозу конкурентам, чиновники из сенатского управления по здравоохранению решили, что одну клинику надо бы прикрыть под тем предлогом, что три уни-клиники для одного города это много. Какую? Ясно какую — «Charité». Конкурентов надо вырубать сразу. Как достигаются варварские цели в правовом государстве? Очень просто — цивилизованными способами: грязная кампания в прессе: «врачи-убийцы на службе у Stasi и КГБ», увольнение сотрудников по подозрению в сотрудничестве с органами безопасности ГДР, урезание государственных фондов для клиники, настрой общественного мнения против врачей «Charité». Все газеты, как известно, партийные (независимые были разве что в предсмертном СССР). А бюргер достаточно глуп, чтобы поедать все дерьмо, которое вываливается на страницы газет.

Все это не способствует хорошему климату в коллективе. Ясно, что клинику прикроют. Неясно — когда. Для меня лично это может быть и выгодно. Так, например, когда истечет срок моего контракта, а на мое место не придут вербоваться молодые врачи (кто ж захочет устраиваться в клинику, которую закрывают), то у начальства не останется другого выхода, как продлить мой контракт. Если клиника просуществует еще лет пять или десять, то я успею сдать экзамены на врача-специалиста. А потом можно будет становиться самостоятельным. Впрочем, не знаю, насколько это соответствует моим представлениям о правильной жизни — становиться акулой капитализма (а врач, имеющий частную практику, таковой является). Но и всю жизнь проработать в клинике — это не жизнь. Да и вообще всю жизнь в Европе прожить — это для меня не вполне по кайфу. Но возвращаться в новую капиталистическую Россию страшно.

Я в сомнении, Муаллим.

Однажды доведенный до отчаяния тяжелой работой и придирками моего Шари, я был близок к решению дать ему по морде, а работу бросить. Не дал. Не бросил. Ограничился яростным взглядом и зубовным скрежетом. Пошел на компромисс, одним словом. Хотя с другой стороны, битье по морде — это не способ выяснения отношений между врачами. К счастью, Шари через месяц сам уходит из клиники. Хоть что-то позитивное.

Я привык к хорошей жизни. Нет необходимости думать о еде или о вещах вообще (будь то одежда, велосипед, аппаратура, машина или самурайский меч). Статус врача возносит тебя в глазах бюргеров в соответствующий общественный ранг, даже несмотря на то, что ты — иностранец. Но стоит ли жить лишь ради того, чтоб бюргер с уважением глядел на тебя и говорил: «Херр доктор»? А с другой стороны, не знаю, как бы я смог жить теперь в России, с ее первобытным капитализмом. Тутушный и тот пахнет дурно. А российский смердит всеми смертными грехами. Я вижу этих «капиталистов» здесь. Янка видит их в своем ателье. Брр!

Вопросы: «Где я? Кто я? Куда я? Зачем это все?» не покидают мою голову. И на них еще не найдены мною ответы. А для меня это важнее, чем «херр доктор». В любом случае, я — не свинья, которой достаточно теплой лужи и побольше еды. Я не для этого живу.

Но странна моя жизнь. Я ложусь спать в десять вечера, а встаю в пять утра. Я редко бываю в гостях и не часто принимаю гостей у себя, потому что суррогатами общения душа не насыщается, а общение просто ради общения — это маразм. Я купил новую гитару, а играю только для себя. Я всю жизнь был сторонником защиты окружающей среды, а теперь вот — сдаю на права. Я был всю жизнь противником эмиграции, и вот я уже как два года здесь. Я живу, не особенно считая деньги, зная, что мне хватит на все. Мне не нужно копить денег на поездку, например, в Америку. Можно просто взять отпуск и ехать. Но все это, как уже сказано, не делает меня ни умнее, ни лучше, ни душу мою богаче. Все это — вещи, которые имеют конец. А душа требует бесконечного.

Ладно. От лирики в минорном тоне перехожу к забавной и грустной истории из области дружбы народов. Началась она в июне 92-го года. Меня вызвали в соседнее

отделение (а их у нас два) и попросили объясниться с русскими пациентами. В комнате ожидания я увидел двух плохо одетых мужчин — пожилого и молодого. Я сразу догадался, что имею дело не с нашими эмигрантами-беженцами, которые и одеты хорошо, и пахнут дорогими духами или дезодорантами. Эти двое были явно колхозниками. Один — здоровый и толстый бугай, с круглым, почти детским лицом, второй — сухонький седой человечек в убогой пиджачной паре. Молодой был одет в достаточно дорогую куртку... Оба источали ужасный запах. Это была смесь болгарского табака, пота и чего-то кислого. Почему ужасный? Мне-то лично до одного места, если кто-нибудь пахнет потом или болгарским табаком. А немца от этого мутит. И я видел, как все морщились от легкого отвращения.

Из разговора выяснилось, что это отец и сын, оба из Белоруссии, из Гродненской области, что болен сын, а отец только сопровождает его. У парня — опухоль яичка (злокачественная) с подозрением на метастазы в лимфоузлы забрюшинного пространства. Это яичко ему уже убрали год назад в Гродненской областной больнице, а лотом в Минском институте онкологии предлагали дальнейшую операцию по удалению лимфометастазов, не давая гарантий, что он выживет. Плюс к тому парень видел, как после подобной операции умер его сосед по палате. И он отказался. А через год ему какой-то врач посоветовал поехать оперироваться за границу, так как там якобы оперируют лучше, а тут тебя, парень, просто угробят, и все...

Случилось так, что совместное (белорусско-германское) предприятие, где оба работали водителями грузовиков, выделило сыну 10 000 DM на лечение, а немецкая сторона договорилась с «Charite». И вот они явились к нам, имея при себе чек. А это условие, при котором с пациентом начинают говорить, если он не является членом какой-нибудь больничной кассы. Естественно, что ежели кто нуждается в экстренной помощи, ее оказывают тут же, а разговор об оплате ведется позже, когда опасность для здоровья миновала. Данный случай не относится к экстренным, но поскольку деньги у пациента имелись в наличии, ему не имели права отказать в помощи на том лишь основании, что он не немецкий гражданин. В результате обследования выяснилось, что у парня (а фамилия его Сороко, зовут Станиславом) в забрюшинном пространстве таки действительно находятся жирные лимфометастазы больше пяти сантиметров в диаметре. Это означало одно: о первичной операции, на которую надеялся Сороко, не может быть и речи. Опухоль распространилась слишком далеко. Вначале предстояло провести химиотерапию.

Что такое химиотерапия и с чем ее едят? Это вот что: больному в вену впрыскивают яд, убивающий клетки. Иногда сразу три вида ядов. Расчет идет на то, что раковые клетки — самые молодые и вследствие этого наименее стойкие, подохнут быстрее, чем все остальные. Но вся беда в том, что кроме опухолевых химия жестоко угнетает и другие молодые клетки, организму необходимые. Так что если больная перенес тяжелую интоксикацию от самой химии (а это неудержимая рвота, понос и обезвоживание организма) и не умер от нее, то у него, ставшего на время импотентом с выпавшими волосами, остается еще несколько возможностей помереть от кровотечения либо от банального насморка (измордованная иммунная система теряет на время способность защищать организм). Может возникнуть вопрос: а стоит ли игра свеч? Стоит. Потенция восстанавливается быстро, а волосы отрастают. Стоит, потому что это единственный шанс на выздоровление (правда, не при всех опухолях).

Сороке провели три цикла химии. После каждого у него развивался тяжелейший сепсис, после последнего он был на пороге в иной мир... Отец, маленький такой старичок, трогательно ухаживал за своим огромным сыном. Он ходил за ним как нянька, умывал и подмывал его, заворачивал в мокрые простыни во время септической лихорадки. Он так послушно выполнял все требования врачей и сестер, что все забыли о том, что оба дурно пахнут, и стали испытывать к ним симпатию, смешанную с жалостью. Сына прозвали Sarotti (так называется один вид шоколада без кофе).

Его все-таки вытянули. От него осталась тень одна. До химии он весил 130 кг, после — 97. Круглые щеки ввалились, кожа на животе стала дряблой, волосы выпали, остались лишь редкие островки. Только глаза сохранили глуповато-детское выражение. Ему нужно было восполнить потери калия в организме. Я сказал, чтобы он ел бананы, в которых очень много калия.

— Не могу я, доктор! — сказал Сороко.

— Ну здрасте,— говорю,— химию мог, а бананы не можешь! Ешь, а то придется в вену вводить.

Тут надо отметить, что вены у него были плохие (как и у многих полных людей), и мы все с ними мучались, пока попадали. Сороко вздохнул тяжело и сказал:

— Ну нехай в вену. А гадость эту не могу есть, и все!

Я перевел это стоявшей рядом сестре, и вскоре по отделению разнеслась новость: Заротти ненавидит бананы. Каждый день в стационаре стоил 500 DM. Из-за сепсисов лечение затянулось. И деньги кончились. Один цикл химиотерапии был ему подарен «Charite», на третий собрал деньги „Caritas-Haus» — одно католическое благотворительное заведение. Оно же, кстати, приютило Сороку-отца. Тот тщето совался за помощью в российское посольство. Но оттуда его отослали в белорусское, сказав, что делами белорусских граждан российское посольство не занимается. А в белорусском ему сказали, что они еще толком не знают своих полномочий, что к тому же нет денег, но зато вот скоро приедет народный депутат — тогда и станут ясны полномочия. А когда приедет депутат? Точно не знаем, но, наверное, скоро... В общем, католики его приютили...

По окончании терапии мы провели контрольное обследование, которое показало, что наши труды и Сорокины мучения были не напрасны. Лимфометастазы поддались лечению, значительно сократились в размерах, и новых не возникло. Теперь осталось добить опухоль. Как? Просто. Прооперировать и убрать. Опухоль стала операбельной. Деньги, однако, кончились. Глупость ситуации заключалась в том, что Сороко по-прежнему не мог считаться экстренным пациентом, так как его жизни не угрожала непосредственная опасность. Более того, от химии он приходил в себя и набирал в весе. Значит, что без денег ни о какой дальнейшей терапии не могло идти и речи.

Что делать? В голове одного из наших коллег созрело следующее предложение: почему бы русским не помочь своим землякам? В Берлине находятся русские военные госпитали, которые, по слухам, наполовину пусты. Известно также, что русские хирурги оперировать вроде бы умеют. Короче говоря, почему бы не прооперировать Сороку на базе русского военного госпиталя? Наш американский шеф почесал затылок и сказал:

— Why not?¹ А кто будет договариваться с русскими?

Конечно же, херр Штейман, кто ж еще! Херр Штейман набирает телефонный номер, и трубка отвечает ему по-русски:

— Да, госпиталь.

— Здравствуйте. Доктор Штейман, «Шарите». Могу ли я говорить с заведующим хирургическим отделением?

Соединяют меня с заведующим, майором Громовым². Я излагаю ему нашу просьбу.

— Понимаете,— говорю,— с одной стороны, парня жалко: что же он столько мучений зря перенес! А с другой — мы столько трудов в него вложили... Обидно, если все это впустую. Может быть, вы нам поможете?

— Конечно, поможем.

— Ой как замечательно! Тогда надо обсудить детали.

Стали обсуждать детали, и, к моему удивлению, майор оказался очень сговорчивым. Порешили на том, что операционная бригада — наш шеф из Айовы, один из оберарцтов и я — приедет в госпиталь в Карлсхорсте оценить условия предстоящей операции и прикинуть: чего, возможно, не хватает (бедность русских входит уже в поговорку). Шеф пришел в восторг от такой кооперативности русских, о которых он слышал, что договариваться с ними, как правило, тяжело. Надо сказать, что он был-таки порядком заинтригован всей этой историей. Русских он видел только в фильмах «Рэмбо», «Рокки», где они выступают чуть ли не сказочными злодеями, воплощениями зла, каким оно представляется айовскому обывателю...

В условленный день мы уселись в белый «мерседес» и покатали в Карлсхорст. Никто из нас не знал, где находится госпиталь. Но нашли мы его быстро. Как только вдоль дороги потянулся длинный и кривой забор с колючей проволокой и звездами на воротах, мы поняли, что находимся почти у цели. Ворота госпиталя распахнулись перед нами, и мы въехали в больничный сад, где нас попросили подождать. Вскоре из-за угла корпуса вышел усатый майор в зеленой военной униформе. Я выступил толмачом. Приглашающий жест майора, и мы уже через живописный сад направляемся к больничному корпусу. Внутри в нос ударяет запах больницы! Нашей советской... Я понимаю, как отвык от этого в «Charite», благоухающей всякими приятными парфюмами и сверкающей чистотой. Идем по высоченным и широченным коридорам. Таблички на русском языке. Приятно и странно. Сестры в нелепых колпаках на голове сидят на своих постах за

¹ — Почему бы и нет? (англ.)

² Фамилия изменена.

письменными столами, что странно глазу американского профессора (сестринский пост в «Charité» выглядит как целое архитектурное сооружение). Входим в комнату с табличкой «Ординаторская», прокуренную и с работающим телевизором «Грундиг», передающим российскую программу. Рассаживаемся, профессор разваливается в кресле, как у себя дома. При этом он окидывает любопытным взглядом все помещение, глаз его останавливается на телевизоре, он глядит пару секунд на него, а затем протягивает руку и выключает. Майор улыбается виновато-смущенно и предлагает кофе или чаю. Я замечаю, что он вообще какой-то скованный (в отличие от американца, который себя ведет как хозяин).

— Nein, danke. Wir haben wenig Zeit und viel zu besprechen¹.

Перешли к обсуждению. Оберарцт описал вкратце ситуацию. Майор выслушал и сказал:

— Очень хорошо. Будем работать вместе.

Оберарцт Шнорр попросил еще раз подчеркнуть, что больной очень ослаблен, что операция это полдела, а главное его после нее выходить. На что майор отвечал, чтобы мы не беспокоились, специалисты у них хорошие. Договорились о дне и времени операции — в среду. Сороко в понедельник должен быть переведен в их отделение, во вторник подготовлен к операции, в среду в восемь утра мы прибываем в госпиталь, прием кофе и — вперед.

Пошли осматривать операционную. Тут нашего шефа ожидали два сильных впечатления. Первое — бахилы. Он долго не мог понять, для чего эти мешки нужно надевать на ноги, а потом не мог поверить, что толстые марлевые намордники — это хирургические маски. Второе — это то, что в операционной были стол, бестеневая лампа, все необходимые для операции приспособления. Уж не знаю, что он такое ожидал увидеть (видимо, палатку или землянку с лампочкой Ильича), но когда сестра, по его просьбе, стала нажимать на кнопки и стол задвигался, изменяя форму и положение, он пришел в восторг.

Шеф спросил майора, как он смотрит на то, если в день операции вместе с нами приедет его приятель-корреспондент из «Tagespiegel» и напишет статью, фотографии сделает. И действительно, чем не замечательно: американо-немецко-русское сотрудничество в спасении жизни белорусского парня. (Американец из всего желает сделать шоу, если это не вредит делу.) Майор и здесь не возражал. Попрощались все, довольные друг другом... По дороге домой шеф выразил удовлетворение оперативностью русских и состоянием госпиталя. На оберарцта же произвела приятное впечатление хорошенькая сестра из оперблока.

Итак, время летело вперед, приближая день операции. Сороки уехали на время домой, проводить младшего сына и брата в армию (белорусскую, видимо), зная, что в указанный день они должны явиться в госпиталь. Денег на дорогу им дали (плюс к тому натаскали всяких шмоток, и Сороко-отец щеголял в костюме с плеча оберарцта Шнорра). Словом, все шло по плану.

В один из дней в отделении появился некий молодой человек, которого мне представили как русского врача и попросили опекать. Русский врач оказался офицером медслужбы Западной группы войск по фамилии Рыжков. В «Charité» он был командирован по договоренности с деканатом Гумбольдтского университета для ознакомления с дроблением камней (естественно, почечных). Всем хорош был замечательный офицер Рыжков, только вот табаком болгарским от него несло за версту, а для немца это — что ножом в брюхо. От медицинского персонала не должно исходить никакого запаха, кроме приятного. Даже от санитаров, не говоря уже о врачах. Поэтому все были довольны тем, что Рыжковым занимаюсь я. Языковые познания его ограничивались русским. Так что, кроме меня, ему почти не с кем было и разговаривать. Сказать же Рыжкову, что он издает неприятный запах, мне казалось неудобным. Единственно, что я допускал, предлагал ему после сигарет мятные конфеты для освежения рта и уничтожения запаха.

Так вот, курим мы с ним как-то на балконе, и я спрашиваю, где он в Берлине живет. Оказалось, что служит он на центральной госпитальной базе в Белитце, а в Берлине — только на учебе, и остановился в госпитале в Карлсхорсте. «Знаю, знаю, — говорю, — и госпиталь этот, и майора Громова». «Громова? Да это ж мой кореш, вчера вот бухали на пару», — говорит Рыжков. Я ему про Сороко. Он с большим интересом выслушал эту историю и тут же сказал, что оперировать Сороку надо не в Карлсхорсте, а в Белитце.

¹ — Нет, спасибо. У нас мало времени и есть многое, что надо обсудить (здесь и далее — нем.).

— Вы ж поймите,— говорит,— у них так в Карлсхорсте и реанимации-то нету толковой. А Громов удил закусил! Ладно,— добавил он успокоительно, уловив мой встревоженный взгляд,— я все устрою.

— Да это хорошо, конечно, но тогда мне нужно сообщить моему шефу, что планы меняются.

Рыжков сказал, что обговорит все сегодня же и завтра даст мне ответ. Назавтра он сообщил мне, что все улажено. И на мой вопрос, могу ли я оповестить моего шефа, отвечал утвердительно. Шеф почесал затылок и сказал:

— Why not? А как все это будет происходить?

Я отвечал, что точно так же, как и планировалось, только в назначенный день мы поедем не в Карлсхорст, а в Белитц.

— О'кей,— сказал мой шеф.

Оберарцт Шнорр оказался более недоверчив. Во время перерыва между операциями он пригласил Рыжкова в комнату отдыха и за чашкой кофе подробно расспросил его, как снабжена операционная в Белитце. Рыжков только посмеивался:

— Да боже мой! Ну все, все есть!

Когда же он ушел, Шнорри задумчиво поглядел на меня.

— Na, was denken Sie, Herr Steimann? ¹

Я ответил, что будет надежнее, если мы на всякий случай захватим полный набор инструментов для операции и одну сестру в придачу. Если в Белитце чего-нибудь не хватает, то у нас будет под рукой все свое...

— Ja,— сказал Шнорри,— das ist vernünftig ².

Договорились на понедельник. В семь утра мы должны встретиться у приемного покоя и ехать в Белитц. Сороко уже должен быть к этому времени там, готовый к операции. Шеф спросил, знаем ли мы дорогу в Белитц. На что Рыжков отвечал, что это не проблема, он прибудет за нами в половине седьмого, на «рафике». Если мы, дескать, желаем, можно всем вместе ехать, места всем хватит. Поблагодарили, но выразили желание ехать вслед за «рафиком» на двух машинах. Вроде бы все как по маслу. И только Шари, криво усмехаясь, говорил:

— Quatsch! Чепуха! Ничего из этого не получится.

В понедельник, в полседьмого, вся операционная бригада была уже в клинике, а к семи мы все стояли у приемного покоя. Рыжкова почему-то еще не было. Я походил взад и вперед, вглядываясь в силуэты проезжающих автомобилей, силясь разглядеть знакомые формы «рафика». Закурил. В четверть восьмого шеф сказал:

— Да, бедняги застряли в пробке.

В половине восьмого он сказал:

— Na, gut! Fahren wir los. Der Patient liegt wohl schon auf dem Tisch ³.

Сказано — сделано. Запихали корзины со стерильно упакованными инструментами в багажник шефского «мерседеса» и двинулись, ища по пути в атласе дорогу на Белитц. Пробившись через три или четыре пробки в Западном Берлине, выехали на автостраду и понеслись по мокрому бетону (шел осенний дождь) со скоростью 120 километров в час. Вынеслись из города на автострадный треугольник, окружающий Берлин, и увеличив скорость еще, помчались по направлению к Потсдаму, глядя во все глаза, чтобы не пропустить съезд с автобана на Белитц. Шеф нервно постукивал по рулю: пациент лежит небось уже на столе с тубусом в глотке, а эти немцы с их хваленой пунктуальностью неизвестно где! Не буду описывать, как разыскивали мы госпиталь, которого, естественно, не было на карте. Наконец, после многочисленных расспросов у местных жителей мы углубились в дремучий лес.

— Да,— сказал шеф,— русские всегда были такими таинственными.

Долго ли, коротко ли, но когда оказался забор с колючей проволокой, мы поняли, что ехали верно. Дорогу перегородил слагбаум. Мы свернули к парковке и припарковались, вылезли из машин и направились к КПП. Во избежание недоразумений все мы были в белых костюмах с табличками на левой половине груди, где были написаны наши имена. Вошли в КПП, который ну ничем не отличается от любого другого КПП где-нибудь в Казахстане или на Сахалине. Я обратился к солдату, недоуменно глядящему на нас, и сказал, что мы уже приехали.

— К дежурному,— ответил солдат.

¹ — Ну, что вы думаете, господин Штейман?

² — Да, так будет разумнее.

³ — Ну, хорошо! Едем. Пациент уже лежит на столе.

В дежурке столпилось уже несколько офицеров, которые тоже с интересом и недоумением глядели на нас. Я подошел к ним, представился и сказал, что мы надеемся, что не очень сильно опоздали, но уж очень плотное движение на дорогах. Офицеры переглянулись еще более недоуменно. По их виду нельзя было сказать, что нас очень ждали. Я пояснил, что мы приехали оперировать пациента, который должен уже находиться в урологическом отделении. Капитан понимающе кивнул, повернулся к огромному пульту, снял с него трубку, соединился с отделением и сообщил мне, что пациента Сороки там нет.

— Как нет? — не понял я.— А где он?

Капитан выразительно пожал плечами, показывая всем видом, что не только не знает, где он, но даже вообще не понимает, о чем речь идет. Пытаюсь хоть какую-то нить в этой странной ситуации ухватить.

— А где майор Рыжков?

— А, Рыжков!.. Он сейчас в командировке.

Пытаюсь объяснить, что это невозможно, что мы с ним договаривались о том, что он нас должен был сам сюда привезти, но вот почему-то не приехал. И чувствую, как сбивчиво и нелепо все это звучит. А тут еще шеф да Шнорри меня в бока толкают, прося переводить. Перевожу, что Сороки в урологии нет. Шнорри понимающе кивает.

— Natürlich! Er muss sicherlich in der Chirurgie sein ¹.

Оказывается, что Сороки нет и в хирургии. Капитан связывается с приемным покоем, и там ему сообщают, что в течение последнего месяца пациент с фамилией Сороки в госпиталь не поступал. Новость эту я перевожу на немецкий. Шеф почесал затылок:

— Ich werde verrückt. Wer hat mit den Russen diesen Termin vereinbart? ²

Разумеется, я.

Шнорри выразил предположение, что Сороку госпитализировали, так сказать, по-черному, не занеся в компьютер. На это капитан предложил мне самому поговорить с начальником урологического отделения. Он связал меня по телефону с урологией. Никакого Сороки ни по-черному, ни по-белому у них нет.

— А Рыжков у вас есть?

— Рыжков есть. Но сейчас его нет. Он на учебе в «Шарите».

— ??? А когда вы его в последний раз видели?

— Вчера он тут был.

— И он ничего вам не говорил про нас?

— Мне он ничего не говорил.

Мы все втроем в растерянности усталились друг на друга. Капитан предложил нам проехать к урологии и все обсудить с заведующим лично. Мы снова сели в машину, шлагбаум поднялся, и мы въехали на больничный двор, который подметали пациенты в синих пижамах. Поднялись в урологию (которая оказалась в гораздо более запущенном состоянии, чем отделение в Карлсхорсте). В ординаторской нас встретил растерянный подполковник в белом халате и высоком колпаке.

— Вы меня поймите, я просто не в курсе! Ни о каком Сороке я и слыхом не слыхивал! Что уж там Рыжков вам обещал, не знаю. Я сам в идиотском положении. Сегодня первый день из отпуска. Еще отделение толком не успел принять.

Я все это перевожу. Шеф спросил, когда же мы его будем оперировать (наивняк имел в виду Сороку). На что никто ответить не мог.

— Und wo ist dieser Kerl überhaupt? Wie heißt'n er... Rjischkoff?

— Der Unteroberst sagt, er sei bei uns, im Hause,— отвечаю.

— Was macht er den da?!

— Lernt ESWL.

— ??? Ich werde verrückt! ³ — произнес шеф.

Воцарилось неловкое молчание. Шнорри спросил:

¹ — Естественно! Он должен находиться в хирургии.

² — Я сойду с ума. Кто договаривался с русскими об устройстве больного?

³ — А где этот парень? Как там его... Рыжкофф?

— Подполковник говорит, что он у нас, в клинике.

— Что он там делает?

— Изучает камнедробление.

— ?? Я сойду с ума!

— Und wo ist Sarotti? ¹

Я обратился к подполковнику: где, по его мнению, мог бы быть Сороко. Тот беспомощно развел руками.

— Ну Рыжков! Твою мать! Меня в такое положение поставил. Людей от работы оторвал, а сам в кусты!.. Я даже представления не имею. Ну подождите, попробуем связаться с Карлсхорстом.

Он поднял трубку и стал связываться с Карлсхорстом по странной русской военной системе связи. Связь работала, очевидно, плохо, ему приходилось орать:

— Алло, мореход? Мореход, спрашиваю! Алло! Мореход? Давай мне эшелончик! Эшелончик, говорю, давай!.. Слышно плохо? Ну так сделай, чтоб хорошо было! Понял! Да!.. Алло, эшелончик? Ага, давай мне Громова! Уши, говорю, прочисть! Громов у вас есть такой? Начальник хирургического отделения! Что? А когда будет? Ясно! Конец связи! — он повернулся ко мне: — Громова сейчас в госпитале нет. Он будет после обеда. Знаете, я единственно что могу, так это извиниться за головотяпство Рыжкова. Но я-то не в курсе, вы поймите! Дела! Ну ничего, Рыжкова увижу, голову ему оторву!

Мы поняли уже, что операция сегодня не состоится (а я заподозрил, что не состоится никогда). Подполковник проводил нас до машины, извинился еще раз. Попрощались и поехали назад. По дороге заблудились еще раз. Словом, пока нашли дорогу, пока доехали до «Charite», было уже полпервого. Встречали нас с ухмылочками:

— Unser OP-Team hat einen Ausflug nach Belitz gemacht ².

По глазам было видно, что им известно нечто, чего мы еще не знаем. Шари усмехнулся:

— Ich hab's geahnt ³.

Я спросил, видел ли кто Рыжкова. Сестры, улыбаясь ехидно, ответили, что он с половины восьмого утра в клинике, прилежно присутствует на камнедроблении. Я позвонил туда и попросил Рыжкова подняться в отделение. Тот быстро пришел и издала проговорил:

— Я вам все сейчас объясню. Я еще в пятницу знал, что операции не будет.

— А почему вы нам ничего не сказали?

— Да глупо вышло. Вы понимаете, майор Громов должен был вам сообщить, но он, наверное, этого не сделал... Тут такое дело: в прошлом месяце вышел приказ, который запрещает госпитализировать гражданских. Потом госпиталь российский, а он белорус... Так что вдвойне. Вот такие дела.

Вот такие дела! Я даже не понял сперва, настолько кристально чисты были его глаза. Белорусу немец, выходит, ближе, чем русский?! Только за то, что ты белорус, можешь дышать?

— А почему вы не приехали к семи в клинику?

— Ну так ясно же было, что ничего не получится.

Муаллим! Он даже не понял, почему я гляжу на него с упреком! Он ведь еще в пятницу все знал! Он даже не понял, что не приехать к назначенному им же самим сроку равноценно несдержанному слову, что равноценно тому, чтобы накласть в штаны в присутственном месте! Он говорил в глаза немцу (а я в его глазах был немцем из России), что он, русский, перед белорусом никаких обязанностей не имеет! Лучше бы он промолчал, нашел бы какую-нибудь другую отговорку. Я мог бы понять (не принять, но понять) логику, будь Сороко евреем. Хотя для врача несовместимо с его профессией разделять больных по национальностям. Но в качестве не шибко интеллигентного русского человека, недолюбливающего еврея, он был бы более понятен. Но даже этой кривой логики не было в его словах. Ежели немцу охота, пускай лечит белоруса. Муаллим! Мне, еврею, было стыдно за Россию. Я вынужден был выслушать мнение моего начальства по поводу оперативности русских. Профессор клиники, ведущий оберарцт, врач-ассистент и старшая сестра оперблока пять часов рабочего времени прошлялись неизвестно где. Операционная программа клиники в этот день была сокращена специально, а это означало, что три-четыре пациента должны были ждать своей очереди еще один день (а каждый день стоит 500 DM) только для того, чтобы прооперировать Сороку, а Рыжков в оправдание говорил немцам, что Сороко — белорус!

¹ — А где же Заротти?

² — Наша операционная команда прогулялась до Белитца.

³ — Я так и предполагал.

— Es ist wirklich n'Blödsinn mit Russen Geschäfte zu machen¹,— сказал мне шеф, а я должен был все проглатывать, потому что крыть было нечем. Что касается Сороки, то для него все окончилось хорошо. Шнорри написал прошение на имя больничной администрации и «Caritas-Haus» о разрешении на операцию, «Caritas» собрал еще пожертвования, и администрация после этого дала добро на госпитализацию в «Charite». Его прооперировали и убрали остаточные метастазы. Сороку благополучно выписали на десятый день после операции, и они с отцом уехали домой. Вот такая история.

Что вы об этом думаете, Муаллим? Я постараюсь писать почаще. Скучаю по Вам.

Яша

P. S. Во всей этой истории я чувствовал себя российским представителем, хотя все коллеги, считая меня своим, не стесняясь говорили мне, что они по этому поводу думают. Особенно же мерзко было выслушивать Шари, говорившего, что он русским врачам и ногти пациентам стричь не доверил бы. Правда, R. сказал мне, что история эта типична не столько для России, сколько для армии, полагая, что в бундесвере запросто могло что-нибудь подобное случиться. «Ich kenne Qualität Rußlands»²,— говорил он мне. Но все равно обидно.

Привет, С.!

За окном холодно и противно. Совсем темно — пять утра. Яшка только что ушел на работу. Я постояла у окошка и посмотрела, как он, поглядывая на часы, вышел на остановку... Через несколько секунд подкатил трамвай — вот какие мы стали пунктуальные.

А я сегодня сижу дома (Давидик простыл, и мне на одну неделю дали больничный). Могла бы опять лечь, но знаю, что не усну: привыкла вставать в 4.30 и спать не хочется. Настроение трагическое — меня неделями не покидает ощущение, что я ничего не успеваю. Сама виновата... Но есть еще один человек, который виноват в моем плохом настроении. Ты, наверное, уже догадываешься, что я собираюсь поведать тебе печальную повесть... О ком? Недавно Яшка послал тебе историю о русских (два дня писал). Я расскажу о японцах.

Впервые я познакомилась с японкой в школе «Бурды». Это была старательная девушка Кануко. Она на год старше меня и уже два года живет в Германии. Моя китайская напарница Фун Люн как-то хорошо объяснила мне разницу между японцами и китайцами. Китайцы всегда улыбаются, независимо от обстоятельств, японцы всегда озабочены тем, что делают все недостаточно хорошо. Это определение очень подходит к Кануко. Она все время носится по школе, ставит одновременно три шоу, снимает видеоклипы, шьет коллекцию и постоянно восклицает: «О, ленивая я! О, нестарательная бездельница! Позор для всей школы!» и т. п.

Два года назад семья Кануко еще жила в Японии и попала там в беду. У ее отца — программиста — прямо на работе случился нервный срыв. Он от недосыпания и перетруживания в один прекрасный день рухнул на свой рабочий стол — попал в больницу, а когда вернулся, ему сообщили, что он уволен. Его работодатель сказал, что найдет здорового. И с этого момента у них начались проблемы. Отец не мог найти работу, мать — тоже программистка — не могла одна прокормить семью, да и образование, которое получала Кануко, стоило много денег... Оплатив три дня, проведенных отцом в больнице, они остались почти без сбережений. И тут им дали совет: ехать в Германию.

Я подозреваю, что этот совет медленно, но верно становится популярным в Японии. Итак, в Германии можно остаться жить четырьмя способами. Первый — если ты беженец (политический или «континентальный»). Во-вторых, если ты студент. При этом вид на жительство выдается только на то время, пока ты учишься. Третий — ты женишься или выходишь замуж за гражданина Германии. И четвертый — остаться работать. Последний способ — самый трудный. Нужно найти работодателя, который подтвердит, что тебя невозможно заменить немецким сотрудником, и возьмет работать. Вид на жительство дают на срок, на который заключен трудовой договор. Но японцам этот способ подходит.

Семья Кануко собрала последние деньги и поехала в Германию. Быстро нашли частную фирму и уговорили взять их на «время пробы» — это три месяца, за которые

¹ — Это было безумием связываться с русскими.

² «Я знаю, на что способна Россия».

нужно «показать себя». Шеф их взял и через две недели подписал с ними договор. Бессрочный. На всю жизнь. Уж, наверное, ты представляешь, как они работали эти две недели, что произвели такое впечатление на немца...

Дядя Кануко (брат отца) на днях прилетел в Берлин с семьей. Он тоже программист, только несколько повыше квалификацией, чем его брат. Жена секретарша. В Японии она была безработной, ее не брали на службу из-за близорукости (—3), хотя, по-моему, это вполне нормальное зрение. Они тоже уже приняты на работу в ту же фирму, что и родители Кануко. Навсегда! Эта история меня рассмешила, но через пару месяцев я столкнулась с чем-то похожим.

Дело в том, что я работаю в частном ателье, которое два года назад стало филиалом «Бурды». Так для надежности поступили многие мастера. Недалеко от нас есть такое же ателье. Тоже филиал «Бурды». Оно находится в центре большой площади, занятой магазинами с дорогой одеждой. Очень оживленное место. У них всегда было слишком много работы — им постоянно заказывали укоротить или переделать одежду, только что приобретенную в соседних магазинах. А поскольку всех нас связывает фирма «Бурда», избытки работы одного ателье отдают другому. Каждый день возле нас останавливался красный «эклипс», из которого выносили десять — пятнадцать брюк и пиджаков — все знали: это наши соседи несут то, с чем не справились сами. Это полдня работы для двух швей. А для нашего ателье — пятьсот марок дохода в день.

И вот однажды проходит день — и чего-то не хватает. От соседней не привезли ни одной пары брюк, ни одного пиджака. Впервые за два года не приехал знакомый «эклипс». Что же случилось? Проходит неделя, а «эклипс» все не появляется. И тут наша мастерша не выдержала и решила позвонить соседям. После телефонного разговора она сердито вышла из своего кабинета и начала нервно бегать по мастерской. Она ругалась и кричала: «Вы можете себе представить? Мы им больше не нужны! У них теперь мастер Йоноко! Это просто невероятно! Так же не бывает». Она растерянно посмотрела на своего мужа, тоже мастера в нашем ателье, и тихо спросила: «Как же это может быть? Эта Йоноко — мастер! Значит, у нее и свои клиенты, и план... Как она справляется, она же просто человек?!»

Короче, решили — мастер садится в машину и сейчас же едет посмотреть, как они там работают. В три часа, когда мы все пили чай, мастер вернулся.

— Ну как? — спросили все хором. — Как они работают?

— Не знаю, — ответил мастер. — Когда я приехал, они уже все ушли. У них работа к этому времени кончилась. Я только новую табличку увидел на двери: «Шьем любое платье за два часа».

— А почему они не сели делать работу на завтра, если у них на сегодня работа кончилась? — возмущенно спросила сотрудница Сабина.

— Они и на послезавтра работу закончили, — ответил мастер. — И вообще хозяйка ателье сказала, что Йоноко очень хорошая девушка. Она ничего не говорит — только «Здравствуйте», «До свидания» и «Спасибо»...

Через десять дней я мирно иду на работу, как каждый день. Вокруг темно — шесть тридцать утра. Издалека вижу: что-то в ателье не так — горит свет. А я обычно приходила на пятнадцать минут раньше других. «Кому, — думаю, — делать нечего?» Захожу — стоит у гладильного стола человек. Маленький, черненький. В круглых черных очках и с очень странным выражением лица. Он совсем не улыбается, но кажется, что у него все равно улыбка на лице. Человек протянул мне руку:

— Койи Надзумо! Вы, наверное, Яна. Мне сказали, что вы всегда приходите первая. Я принес вам воды и сделал половину вашей работы.

Я сразу немного обалдела. И как ему пришло в голову делать мою работу? Но Койи сразу пояснил:

— Я здесь уже два часа. Я не знал, что делать, а у вас на столе лежали заказы с подробным описанием, что нужно выполнить...

Я невольно начала подсчитывать — во сколько же он пришел? Если сейчас половина седьмого, а он тут уже два часа... Сумасшедший! Уж я, можно сказать, рано прихожу, но чтобы в половине пятого прискакать — не знаю, что со мной должно случиться.

Чуть позже появились наши мастера, осмотрели работу Койи и поняли, что его можно оставлять с нами. Сказали: если будут вопросы — обращайтесь к нему. И ушли гулять. Ему сказали, чтобы он следил, чтобы мы хорошо работали. О, господи! Зачем они это сказали?!

Койи быстро вошел в роль мастера и начал бегать и прыгать по мастерской. Он нас все время подгонял, дергал и каждые две минуты спрашивал: «Что вы там делаете? Работаете? А почему так медленно?»

Короче, через пару дней мы поняли, что Койи делает все то же, что и наши мастера, но в пять раз быстрее. Наши мастера стали появляться только на обед и на пять минут через каждые два-три часа — все остальное время они шатаются по магазинам и по делам.

Кстати, об обеде. Еду мы приносим с собой, а чай нам делают в ателье. В нужное время мастер первый идет на кухню, готовит чай, расставляет аккуратно чашки, ножи и вилки, тарелки, салфетки... В первые дни я начинала обед с того, что переставляла свою чашку с блюдечком на левую сторону, так как пью и ем левой рукой. Мастер это заметил и стал ставить мою чашку с левой стороны. Он очень гордился тем, что не просто накрывает на стол, но при этом совершает нечто обдуманное.

Как-то получилось, что в первый рабочий день Койи пришел на кухню первый и сел на мое место. Он развернул аккуратно коробочку с бутербродом, потянулся за чашкой и взял ее в руки, чтобы переставить на правую сторону. Но в последнюю секунду он задумался и начал внимательно рассматривать стол. Потом он обратился к мастеру:

— Это специально так стоит?

— Да.

— Понятно, — сказал Койи, — здесь кто-то левша.

Он поставил чашку на место и пересел на другой стул. Когда я села на свое место, он усмехнулся:

— Ах, вот кто тут «наоборот»... Вы все время сидели за машинкой, поэтому я не понял это сразу.

Теперь мы уже привыкли, что Койи не только успевает все, но и замечает все, и помнит все, а работодатель для него — Бог! Вот только вредина он большой. Особенно враждебно он относится к тем, кто плохо работает. Он начинает нервничать, злиться, в конце концов хватает работу сам и делает ее в две секунды — обычно когда никакой спешки нет. Очень неприятно, когда тебя все время тыкают носом в самые большие твои недостатки. Где-то на третий день совместной работы с японцем мое терпение лопнуло. (Все мои коллеги к этому времени накричали на Койи уже по несколько раз.)

Я стояла и гладила юбку, а Койи каждые десять секунд спрашивал меня, сколько можно гладить одну юбку. На пятый раз я сказала, что, если Койи еще раз спросит меня об этом, я запущу в него утюгом. Видимо, в эту секунду я сказала это совершенно искренне — от всей души. Я даже сама себе удивилась. Но Койи от меня отвалил. Притих и ушел. Я до обеда мучилась и ругала себя — нельзя ведь так по-хамски разговаривать с коллегой. Перед обедом Койи сказал, что от таких состояний можно избавиться с помощью медитации. Предложил мне во время обеда все объяснить. «Ладно, — говорю. — Объясни».

Не успели мы сесть за стол, как Койи начал:

— Ну так вот. Я хотел рассказать вам о медитации...

— Знаю, знаю! — вмешалась Сабина. — Надо сесть, закрыть глаза и петь «О-о-о-ом!».

Койи посмотрел на Сабину убивающим взглядом и сказал:

— Вы, Сабина, ничего про это не знаете. Вы только умеете раскладывать ваши предрассудки в новом порядке.

После этого он рассказал нам, что медитация — это переделывание неправильных мыслей в правильные.

Я спрашиваю:

— А как отличить правильную мысль от неправильной?

— Очень просто! Правильные мысли нас радуют или, по крайней мере, дают надежду на улучшение. Неправильные мысли заставляют нас страдать. Вот пример. Неправильная мысль: «Этот японец испортил мне всю жизнь. С его появлением у меня появилась куча неприятностей и проблем». Правильная мысль: «Этот японец говорит то, что мне неприятно, так как он указывает мне на мои недостатки, которые я сама видеть не хочу. Его я переделать не могу, я могу переделать только себя. Значит, надо исправляться...»

Пару дней назад мы очень здорово посидели. Койи сделал всю работу. Мастера уехали, а немецкие коллеги ушли домой — за ненадобностью, — и мы остались в пустом ателье. Клиентов в это время не было. Но вдруг появилась моя китайская подружка Фун

Люн. Она весело осмотрела ателье, по которому носился Койи в поисках работы. Я решила не дергаться и села смотреть журнал. Некоторое время Фун Люн уговаривала Койи прекратить скакать и наконец заманила нас на кухню — у нее, как всегда, был с собой китайский суп в термосе. И так мы посидели втроем на кухне. Трое иностранцев. Естественно, речь быстро зашла о немцах и о Германии.

Фун Люн говорила:

— Яна, учи сразу китайский! Эти немцы вырождаются. И американцы тоже. Все равно в Китай ехать.

— Я предлагал учить японский во время обеда,— вмешался Койи.

— Молчи,— заткнула его Фун Люн.— В Японию ехать нельзя. Вы же только работаете. В Индию надо или в Китай.

— А в Россию? — спросила я.

— В Россию рано. Там пока трудно. Сначала в Китай. Они быстрее на ноги встанут. Они страдают дольше...

Через некоторое время речь зашла о смысле жизни. О том, стоит ли стараться и можно ли себе позволить не стараться. Чего стоит добиваться в жизни и зачем все это. Выяснилось, что только Койи точно знает, в чем смысл жизни.

— Надо работать. Это самое лучшее. Главное — много работать, тогда чего-то добьешься.

Фун Люн выслушала длинную речь о работе и воскликнула:

— Глупые, чокнутые японцы! Что вы все: «работа, работа» — ты вот когда-нибудь море видел?

— Нет,— ответил Койи.— А что?

— Поехали море смотреть! Возьми один день отпуска, и поехали смотреть море,— привязалась к нему Фун Люн.

И в самом деле — она его уговорила. В пятницу к ателье подкатила красная «тойота», купленная на польском рынке и предназначенная только для езды в центре города по гладким дорогам. Но ее хозяин — наш индийский друг Ади из школы «Бурды» — был оптимистичен. Фун Люн убедила его, что «тойота» дотащит их до моря. Спать решили в машине. Взяли с собой одеяла и знаменитый китайский суп в термосе и увезли японца смотреть море...

В понедельник Койи вернулся снова на работу, вдохновленный морем. Осторожно поинтересовался, когда у нас отпуск. Сказал, что окончательно понял, в чем смысл жизни — работать и работать, чтобы потом жить у моря. Койи долго выяснял — удобно ли брать отпуск. Я ему объяснила, что он никуда от этого не денется, так как летом ателье закрывается на месяц. Это его сильно успокоило.

Ну вот, так мы и живем с японцем. Я, кажется, начинаю привыкать. Вообще, если посмотреть,— забавные в Берлине иностранцы. Наша школа «Бурды» ими наполнена. И очень смешно слушать их истории. Например, наша сотрудница из Ливана фрау Пирри дружит здесь со старой, доброй, никому не известной старушкой, бывшей девушкой Че Гевары. Эта старушка живет в старенькой однокомнатной обшарпанной квартире в Восточном Берлине, все у нее в доме облеплено фотографиями любимого Эрнесто.

Еще забавный персонаж — индус Ади. Он вечно кормит нас чем-то ярко-оранжевым и ужасно острым. У него очень живописный вид — вечно какие-то пестрые балахоны.

Ну и, конечно, Фун Люн — она бегаёт и успевает не меньше японцев, но при этом может в любую секунду бросить все, чтобы поехать смотреть море. Фун Люн на три головы меньше меня. Всегда носит с собой рюкзак весом килограммов в двадцать и термос с китайским супом.

Я вдруг начала понимать, что уже написала ужасно длинное письмо. Надеюсь, что оно не станет слишком длинным и скучным.

Давидику сегодня исполнилось аж два года. Он говорит пока мало и плохо. Но я его сегодня забирала из садика и могла наблюдать, как он со своими дружками болтает по-немецки. Ругалась с ним, так как на мою просьбу сказать «Спасибо» он настойчиво отвечал «Данке». Мама рисует ужасно красивые картинки. У нее «немецкий период». У меня времени рисовать нет, так как я все свободное от шитья время учусь писать шрифты. Хочу летом вырастить на балконе таджикский помидор. Якобы у П. есть семена. Он мне уже обещал. Сейчас закончу письмо и вспомню еще сто вещей, о которых хотела написать.

АНДРЕЙ НЕМЗЕР

Три сосны

К ВОПРОСУ
ОБ ИСЧЕЗНОВЕНИИ «КЛАССИКИ»

Гоголь (*поднимаясь*): Это издевательство сплошное! (*Идет, спотыкается об Пушкина и падает.*) Опять об Пушкина!

Д. Хармс

О том, что раньше вишня была крупной да сладкая, как и о том, что ее возили в Москву и Харьков, кажется, уже не спорят. Более или менее сошлись на том, что перед несчастьем в трубе выло и самовар гудел. Несчастье — это, известное дело, воля. Вопрос только в том, когда она наступила. Иначе говоря, когда секрет сушения вишни забыли.

Сроки — тема любопытная (и мы к ней обратимся). Пока же констатируем трогательное единодушие. Вячеслав Курицын, помянув профессора-слависта из набоковского «Подвига» (и сделав приличествующие оговорки, ибо умница Курицын знает, что без оговорок любое гениальное завиральничание теряет свой вкус), берет на вооружение его концепцию. «Охотно допуская, что со временем образуется в Советском Союзе, пройдя через первобытные фазы, известная культура, он вместе с тем утверждал, что Россия завершена и неповторима, — что ее можно взять, как прекрасную амфору, и поставить под стекло. Печной горшок, который там теперь обжигался, ничего общего с нею не имел» — это набоковский Арчибалд Мун, ключевая метафора рассуждений которого восходит к пушкинским стихам о поэте и черни («Печной горшок тебе дороже, / Ты пищу в нем себе варишь»), неотрывным от многочисленных возражений и толкований (Белинский, Некрасов, Достоевский¹). То ли не замечая, то ли

сознательно игнорируя набоковскую игру («новая» внекультурная реальность описывается с помощью старого метаязыка), Курицын постулирует: «Русская литература закончилась вместе с Россией: живое, органическое продолжение традиций невозможно» («Знамя», 1992, № 1).

В унисон звучит суждение социологов Л. Д. Гудкова и Б. В. Дубина: «Для самой интеллигенции классика, а тем более апелляция к мученикам культуры, служила чем-то вроде коллективного контрольного пакета символического капитала, корпоративного удостоверения высот и совершенств, значимость которых достаточно было демонстрировать. В этом качестве классики как бы и не требовали личного интеллектуального или профессионального усилия, собственной душевной работы <...>. Вопрос о том, по какому праву мы наследуем классикам, что именно ты значишь без Пушкина, даже не вставал <...>. Начиная с прошлого года, двойная оптика исчезла. Возникла ситуация: *hic Rhodus, hic salta* (здесь Родос, здесь прыгай)» («Новый мир», 1993, № 2).

Л. Д. Гудков и Б. В. Дубин скорее весело оценивают «родосскую» ситуацию, с иронией глядя на тех, кто оказался для нее «слабоват в коленках». Напротив, В. С. Непомнящий зовет к подвигам, видя в открывшейся «новой» реальности бедствие, сопо-

взбунтовалась. Метла просится на шабаш, **печной горшок не хочет больше варить**, а требует себе абсолютного назначения (как будто варить не абсолютное назначение) («О природе слова», 1921—22; статья вошла в книгу 1928 г. «О поэзии». Подчеркнуто мной.— А. Н.)

¹ А может быть, и Мандельштам: «Человек больше не хозяин у себя в доме. Ему приходится жить не то в церкви, не то в священной роце друидов... Вся утварь

ставимое с тем, что пережила наша страна в годы Великой Отечественной войны. Только так можно понять отчаянную смелость, с которой он ставит к своему «новомирскому» (1993, № 6) сочинению эпиграф из Ахматовой: «Мы знаем, что ныне лежит на весах / И что совершается ныне»¹. Проклятия, которые изрекает В. С. Непомнящий по поводу современной культуры, забывшей о святом и вечном и погрязшей во всякого рода мерзости, убедительно свидетельствуют: эпиграф поставлен не по легкомыслию.

Наконец, авторитетнейший филолог академик М. Л. Гаспаров, отвечая с эпатирующе стоическим спокойствием на вопросы журнала «Знамя» (1992, № 1), пишет: «...я не вижу гибели русской культуры. Кончатся одна ее форма (которую нам сейчас угодно называть классической) — начинается другая, менее привычная и потому менее симпатичная нам, но которая станет «классической» для наших детей. Обычное течение истории, никакой катастрофы».

А вы говорите, что «в одну телегу впрячь не можно коня и трепетную лань»! Катастрофы Гаспаров не видит, но на разлом (пусть создавая его естественность) указывает. Эмоционально четыре процитированных текста различны; оценки события даются разные; интеллектуальный уровень, социальный опыт, мера ответственности за слова не совпадают, а общее есть: было так — стало эдак, была «классика» — стала «не классика». Вот тут-то и хочется спросить: когда?

Два ответа толкаются локтями: после революции (или, возьмем шире, после революционной эпохи, совпадающей согласно некоторым представлениям, с «серебряным веком»²); после августа 1991 года (или

¹ Вообще эпиграфы способны много рассказать о наших гуманитариях. Либеральный критик, исстрадавшийся в годы застоя без частых книжных изданий (редкие, как и членство в Союзе писателей, журнальные публикации, внутренние рецензии и вполне благополучное существование — были), выпуская при теплом ветре перестройки том статей, не только самокритично назвал его «Бремя таланта», но и предпослал ему строки великого поэта-мученика: «А мог бы жизнь просвитьать скворцом, / Заесть ореховым пирогом, / Да, видно, нельзя никак...» Можно!

² Понятие «серебряный век» употребляется у нас, по крайней мере, в двух смыслах: иногда так называют исключительно «постсимволистский» период, иногда эпоху, начавшуюся ранним декадентством и закончившуюся то ли смертью Блока, расстрелом Гумилева и высылкой интеллигенции, то ли коллективизацией, то ли

опять-таки расширяя границы за счет событий, обусловивших недавний общественно-политический сдвиг, после «перестройки»). Конкуренция эта не есть чистое недоразумение: многие нынешние интеллектуальные противники сойдутся на том, что «серебряный век» демонтировал («увы!» или «ура!») отечественную классическую традицию, большевики («ура!» или «увы!») ее труп сделали объектом почитания и тем самым «скрыли» эстетическую революцию («ужасную» или «прекрасную»), а падение тоталитаризма вернуло («увы!» или «ура!») нас к ситуации рубежа веков. При этом начисто игнорируется «качественное» содержание достаточно длительного этапа культурного развития со всеми присущими ему противоречиями. Гераклит оказывается посрамленным: в одну и ту же реку мы бодро входим дважды. За это порицают русскую культуру одни и нахваливают, суля райские кущи, другие («теперь... с чистого листа... здесь прыгай»), но я остаюсь при мнении мыслителя из Эфеса: так не бывает. С нами (и нашим восприятием классики) кое-что произошло: подсоветский опыт не забывается и не выветривается. А раз так, то и тождество двух «культурных катастроф» — красивая сказка, рассыпающаяся, как только мы из области чистых умственных абстракций спускаемся к брэнной материальности.

И здесь заметим, что, блуждая среди трех сосен (классика, «серебряный век», современность), мы непременно попадаем в ловушку. Нынешние порицания «классики», якобы готовящей тоталитаризм, являются обычно даже нескрываемыми перепевами мотивов Розанова — литератора, для весьма многих сегодняшних интеллектуалов воплощающего безграничность своевольной индивидуальности, торжество приватности, внепартийности и имморализма, апофеоз «чисто литературного» начала, то есть эмблему того самого (порицаемого и прославляемого) «серебряного века». Отвлекаясь от самого по себе интересного вопроса о том, насколько такое понимание Розанова справедливо (на мой взгляд, оно требует уточнений во всех пунктах), сосредоточусь на других сложностях.

Во-первых, розановская таяба с Гоголем (и ее следствие в виде оплеух,

самоубийством Маяковского. Авторы большинства статей, о которых далее пойдет речь, обычно, не оговаривая термина специально, используют его скорее во втором значении. Следую их выбору.

раздаваемых Щедрина, Некрасову и проч.) не являлась его собственным изобретением. Ближайший предшественник Розанова — Константин Леонтьев, энергично выговаривающий всей послегоголевской словесности (и Гоголю) многочисленные укоризны за «нигилизм», презрение к жизни, отсутствие эстетического (в леонтьевском смысле) начала и т. п. (Исключение Леонтьев делал, как известно, для Льва Толстого, хотя и тут картина была совсем не простой.) Можно, конечно, сказать, что Леонтьев — человек «наступающей эпохи», опередивший свое время, но и это — достаточно формальное, риторическое по сути своей — квазиобъяснение ничем не поможет. Рано или поздно вспомнятся замечательно пронизательные суждения Н. Н. Стрехова о послепушкинской поэзии вообще и Некрасове в особенности, счета, предъявляемые «гоголевскому» направлению — с одной стороны Аполлоном Григорьевым, а с другой — Дружининым, раздраженная реакция К. С. Аксакова на литературный дебют Достоевского. Проблема утраченной классической гармонии (с характерным перетеканием вопросов эстетических в этические и общемировоззренческие) оказывается при более или менее внимательном рассмотрении неизбежной мукой русской мысли XIX века. И тщетно будем мы искать «общий идеал» хотя бы для того широкого круга литераторов и публицистов, что стояли вне радикально-западнической (позднее — революционно-демократической) традиции. Гоголь то подверстывается к «порожденной» им натуральной школе, то предстает ее антагонистом (именно так смотрел на проблему «Гоголь — Достоевский» Константин Аксаков; для него ранняя проза Достоевского, в которой мысль XX века усматривает грандиозные художественные и духовно-антропологические открытия, была явлением упадка — и эстетического, и нравственного). Пушкин в качестве идеала, казалось бы, устраивает всех. Но это тоже оптический обман: достаточно припомнить укоры Достоевского славянофилам, «проглядевшим» Пушкина. Укоры вполне основательные: и при беглом просмотре статей Хомякова можно убедиться, насколько легко обходился он в своих проектах «русской художественной школы» без Пушкина. То же самое можно сказать и о И. В. Киреевском на славянофильском этапе его эволюции (при том, что молодой Киреевский был человеком пушкинского круга и вдумчивым интерпретатором твор-

чества нашего «первого поэта»). Славянофилами дело не ограничивается: очень не просты отношения к Пушкину Льва Толстого — на любую «пушкинскую» цитату сыщется «антипушкинская» (не касаюсь вопроса о поздней толстовской критике культуры, естественно включающей в себя резкое порицание «барских затей» испорченного Пушкина). А ведь в стороне осталась вся, говоря огуленно, «нигилистическая» линия, в реальности отнюдь не однородная и уж, во всяком случае, достаточно влиятельная! Словом, «проблематичность» вопроса о классике не была открытием «серебряного века». Все началось гораздо раньше.

Во-вторых, «серебряный век» не только (и не столько) разрушал классическую систему ценностей. Именно эта эпоха открыла в Пушкине, Лермонтове, Гоголе, Тютчеве, Достоевском, Толстом те метафизические перспективы, на обсуждении которых всюду набирают очки нынешние борцы с «модернизмом», «декадентством» и прочими «серебряновечными прелестями». Если о Розанове принято говорить сочувственно, то о Мережковского ноги вытирают походя. Еще бы: он «блудил» с революцией, разрушал православие, предавался дионисийским экстазам, алкал «третьего завета», говорил о двух безднах и не консультировался по всем вопросам бытия у видного советского философа, известного разоблачителя франкфуртской школы и единственного верного истолкователя поэмы «Медный всадник» Ю. Н. Давыдова¹. Мережковский, конечно, грешник (безгрешны только сотрудники Института философии АН СССР, десятилетиями подкреплявшие свою «выстраданную» критику всяких там «новых левых» и «новых правых» ссылками на основоположников единственно верного учения), однако сама новая (когда-то) и претендующая на общепринятость (сейчас) парадигма религиозно-философской интерпретации русской словесности XIX века все же закладывалась, так сказать, «не без его участия». Мережковский мог работать грубее или тоньше (как в замечательном очерке «Лермонтов. Поэт сверхчеловечества»), но его труды (как и работы других писателей и мыслителей «серебряного века») образо-

¹ См. его пламенную речь на обсуждении книги Абрама Терца «Прогулки с Пушкиным» («Вопросы литературы», 1990, № 10). Впрочем, вполне сходно обходится с «серебряным веком», и в особенности с Мережковским, и В. Непомнящий.

вали ту духовно-интеллектуальную систему, тот комплекс идейных мотивов, что в результате общеизвестных бедствий российской гуманитарной мысли в советские годы¹ стали восприниматься как «ничейное достояние», как нечто то ли от веку известное, то ли нами (В. С. Непомнящим и Ю. Н. Давыдовым) вчера придуманное.

В-третьих, тот самый комплекс идейных мотивов, что сложился в «серебряном веке», отнюдь не был монолитом. Относительная общность тогдашнего метаязыка (кстати, в наше время неизбежно вступающего, иногда помимо воли того или иного автора, в разного рода симбиозы с метаязыками других традиций) предполагала **разномыслие** говорящих и соответственно разнообразие их взглядов на те или иные историко-культурные феномены. В этой связи приведу лишь один пример. Сегодняшнему «полупросвещенному» гуманитарю все ясно в споре Белинского с Гоголем по поводу «Выбранных мест из переписки с друзьями»: все симпатии на стороне Гоголя; а письмо Белинского, подверстанное к его радикальным высказываниям совсем другого времени, объявляется правозвестием большевистских бесчинств. Читать его (кажется, впрочем, и «Выбранные места...») некогда; и так понятно: с одной стороны — великий писатель с религиозными исканиями, с другой — интеллигентский публицист, поднявший руку на «классика». Почтенная традиция, восходящая как раз к «серебряному веку»: вспомнить можно хоть А. Л. Волынского, хоть «Вехи», хоть Ю. И. Айхенвальда (с последним, впрочем, быстро запутаешься). Но можно вспомнить и те проклятия, что обрушил на голову Белинского Блок — сперва в «Судьбе Аполлона Григорьева» (1915), а потом и в статье «Что нужно запомнить об Аполлоне Григорьеве» (1918). Кляня Белинского и прославляя музыку гоголевской «Переписки...», Блок сперва пророчил грядущую революцию, а затем

и восславлял революцию свершившуюся («Что нужно запомнить об Аполлоне Григорьеве» — сочинение, стоящее в одном ряду с поэмой «Двенадцать», статьей «Интеллигенция и революция» и очерком «Катилина»). Уже «Судьба Аполлона Григорьева» вызвала энергичный протест З. Н. Гиппиус, предсказывающей разрыв Мережковских с певцом «Двенадцати». В письме от 5 февраля 1915 года Гиппиус среди прочего замечала: «Когда я презирала, ненавидела и огулом осуждала Белинского, Бакунина, Чернышевского, даже Герцена <...> — я была совершенно так же немудра и равна им, — «либералам», отрицающим «наше». И вы, защищая Ап<оллона> Гр<игорьева> посредством отрицания их, делаетесь ими же только обратно <...>. Если сейчас вместо Белинского сидит Пешехонов с теми же прорванными сапогами, то ведь «мы»-то, в конце концов, сидящие на месте Ап<оллона> Гр<игорьева>, — не плоше его, не соответственные Пешехоновы; и не должны вести себя как Пешехоновы, только обратно. Мы — в самом деле **сегодняшние** Ап<оллоны> Гр<игорьевы>, и сегодня **не можем** сплошь отрицать Белинского и Черн<ышевского> в их абсолютной, в истории преломленной, в личности отраженной, правде»¹. Пореволюционная позиция Блока показала всю «недостаточность» соображений Гиппиус: «наше» («нелиберальное», духовное, мистически почвенное) оказалось у Блока факелом для возжигания «мирового пожара», Гоголь «Переписки...», с точки зрения Блока, был нужен «новому миру», открывшемуся октябрьским переворотом, в Белинском же виделся не революционер, но образчик либерально-буржуазной «антимузыкальной» «пошлости», эволюции и порядка. «Позор Белинскому!» в устах Блока синонимично осанне тем, кто идет вдаль «без имени святого» под Гоголеву музыку. И музыка эта слышана в «Выбранных местах...»!

Кому-то этот сюжет послужит очередным аргументом в обвинительном процессе либо против «серебряного века» (шаманил Блок), либо против русской классики (шаманил-то Блок вокруг Гоголя, стало быть, обнаружено еще одно свидетельство гоголевской тоталитарности). Возможность использовать один и тот же эпизод в прямо противоположных смыслах

¹ Имеется в виду «закрытость» если не самих работ «серебряного века», то возможности их корректного (с цитатами и без «разоблачительных» прививок, без вынужденного, но часто крайне приятного, плагиата) использования. Поскольку идеи нередко «висят в воздухе», то тенденция «изобретения велосипеда», «открытий» давно известного была неизбежной особенностью подсоветской гуманитарной науки 1960—80-х годов. Внимательный анализ тогдашних историко-филологических и литературно-критических мод, новаций и дискуссионных позиций позволит увидеть на редкость впечатляющую картину.

¹ Цит. по: Минц З. Г. А. Блок в полемике с Мережковским. Наследие А. Блока и актуальные проблемы поэтики. Блоковский сборник IV. Тарту, 1981, с. 200. Подчеркнуто З. Н. Гиппиус.

заставляет усомниться в корректности обеих намеченных интерпретаций. Мне важно другое. Стоит дотронуться до фактуры, — и абстракции «серебряного века», и «классики» становятся дымом. Остается, с одной стороны, большая судьба России и русской культуры, в трагедии которых **виноваты все** (хотя и в разной степени), с другой же — отдельные судьбы писателей и мыслителей, в неповторимости своей ускользающие от любых классификаций. Надо ясно понять, решением какого вопроса (глобального или конкретно-исторического) мы в данный момент заняты. Обычное их смешение может привести лишь к самозаморачиванию (что имеет место сплошь и рядом).

Обычно «общие» рассуждения о классике и революции, об ответственности русской литературы и общественной мысли за трагедию России в XX веке базируются на непреложности одного положения, у меня лично вызывающего серьезные сомнения. Это мысль об уникальности российского исторического пути, российской культуры, российской словесности. Убежденность в такого рода уникальности ныне носит едва ли не всеобщий характер. Во избежание недоразумений подчеркну: идея эта вовсе не обязательно подразумевает «изоляциялизм», концепцию «национального превосходства» или самокритику, перерастающую в мазохизм. Ее разделяют и идеологи совсем иного плана, скажем, называющие нашей задачей номер один «возвращение в мировую цивилизацию». Я не понимаю, как можно вернуться туда, откуда не уходил, я не понимаю, как можно в принципе существовать вне мировой цивилизации, вне единой, разумеется, не по железобетонной спирали Гегеля ползущей, но движущейся запутанными тропами — но все равно единой мировой истории, имеющей таинственный смысл.

Культура не райские кущи, и — хотим мы того или не хотим — в ее состав входят страшноватые феномены вроде коммунизма или фашизма, индивидуалистических вывертов или порнографии и т. д. Бытие человека на Земле трагично, даже если он «в пятьдесят освобожден / От частных и иных долгов». Ход истории трагичен, даже если большинство людей говорят друг о друге «NN прекрасный человек». Культура всегда конфликтна. Всегда, а не всегда в России — «дьявольская разница»!

Соответственно и проблема «классики» не имеет сугубо домашнего характера. Достаточно напомнить о том суде над Просве-

щением, что открылся после (точнее, в ходе) Великой Мясорубки во Франции, добродушно именуемой Великой Французской революцией, и не прекращается по сей день. Какова ответственность Руссо за гильотину? Разбудил ли Руссо зверские инстинкты парижской толпы? Ответственны ли за Руссо Корнель и Расин, Буало и Мольер, формировавшие высокие идеалы классицистических норм? Можно ли причислить творцов французской классики к интеллигенции? Ах да, у них там еще не было «интеллигенции» в том полумолитвенно-полубранном смысле, что принято вкладывать в это безразмерное слово. Зато были идеологи третьего сословия, будущая ударная сила и розового начала, и кровавого апогея тогдашних веселеньких событий.

Я не собираюсь выступать адвокатом Руссо или Вольтера, Дидро или Бомарше. Я хочу подчеркнуть другое: их творчество неотделимо от будущих ужасов и прошлого великолепия «золотого века» французской культуры. Между прочим, духовной «контрреволюции» без них тоже не было бы. Задача честного историка всегда одинакова: не искать «виноватого», а разгадывать смысл произошедшего, нащупывать логику парадоксальных сцеплений и соответствий.

Достоевский, конечно, ни к какой революции никого не звал (эпизод с Алешей Карамазовым и его «расстрелять» может быть интерпретирован в революционном духе либо жуликом, либо фанатиком, обретшим свою квазиверу без всякого Достоевского; на сей счет есть хорошая поговорка о смерти, которая причину найдет). Но Некрасов, которого Достоевский любил и глубоко понимал, Некрасов, без поэзии которого невозможно представить себе ни собственно поэтических, ни духовных горизонтов русской культуры XIX—XX веков, увы, звал. И порой очень определенно. Можно сказать, что в наследии Некрасова не все равноценно. Можно читать у него только «Тишину» (уже с «Рыцарем на час» проблемы возникнут). Можно даже вообще отказать от Некрасова, как поступают заранее агрессивные недоучки или довольствующиеся «общим мнением» люди. Все это будет решением проблемы «для личного пользования». В реальности «Тишину» не отделишь от декабристских поэм, «Мороз, Красный Нос» от «Еду ли ночью...», «Современников» от «Поэта и гражданина». Не отделишь и Некрасова от Достоевского, о чем сказал и сам автор «Братьев Карамазовых».

Вопрос не в том, кто звал революцию,

а кто не звал. (Так можно рассуждать о Степняке-Кравчинском да Болеславе Маркевиче, и то не стоит; приглядевшись, непременно увидишь и в их творчестве многозначные противоречия — просто чем меньше писатель, тем напряженнее должен быть взгляд исследователя или читателя, берущего на себя груз понимания). Вопрос в том, что предощущением сдвига, катастрофы и сознанием своей сопричастности грядущему жили и Толстой, и Достоевский, и Некрасов, и Чехов. Без этого их попросту бы не было. А то, чего не было, — наваждение, мираж, жестче говоря, ложь.

Виновна ли русская литература? Интересно получается, все виноваты, а она сбоку припека. Может, на Марсе творили наши писатели, а не в родной стране? Конечно, виновна. Как виновен Алеша Карамазов в смерти отца (между прочим, Федор Павлович не стал привлекательнее оттого, что его убили), как князь Мышкин — в смерти Настасьи Филипповны, преступлении Рогожина и в том «порядке», что запечатлен в эпилоге «Идиота». И если Алеше в конце романа (не забудем, что Достоевский думал о продолжении) еще не все ясно, то уж Мышкин воспринял свою катастрофическую вину куда как глубоко. Представляется возможность поразмыслить о многомерности названия этого романа.

Гоголю, Достоевскому и Толстому было бы оскорбительно слушать наши оправдания. Но еще смешнее им были бы наши — на самом деле давным-давно начавшиеся — порицания. Потому что вся сила этих обвинений взята напрокат у обвиняемых, потому что никакого Розанова без Гоголя бы не было. (Как без Розанова и Мережковского не было бы их сегодняшних порицателей.) И это разговор не о полемическом отталкивании (кстати, встречающемся достаточно редко), но о напряженном, кожу сдирающем, сердце грызущем — и неизбежном пребывании в традиции.

Можно ли из нее выскочить? На мой взгляд, нет. Можно обустроиться более или менее комфортабельно, сделать вид, что нет ни истории, ни метафизики, и заговорить самого себя до полной утраты реальности — это нормальный путь нормального неталантливого сочинителя, которые были всегда и везде. Не следует, однако, обольщаться их слепотой — на самом деле массовая словесность спаяна с большими процессами (идеологическими, политическими, эстетическими) очень крепко: господину Журдену было вольно не знать, что он говорит прозой, типовому беллетристу во-

льно не знать, что его устами говорит эпоха.

Триада «классика» — «серебряный век» — «современность», с какими бы целями она ни поминалась и какие бы уважаемые литераторы ею ни оперировали, является собой фикцию, и достаточно опасную. Она верой и правдой служила советскому официозу, старательно извращавшему историческое лицо XIX века в тщетной надежде представить себя «законным» наследником великой культуры, наполовину придуманной, наполовину украденной. Но дело не сводится к тому, что «теория» побывала в грязных руках (тем паче что прибиралось к рукам все, что казалось в тот или иной момент потребным) — куда важнее, что составлена наша триада из понятий, не просто не поддающихся определению, но и заведомо двусмысленных, готовых — по велению очередного риторика — менять свой «объем» на глазах у изумленной публики.

Что такое «классика»? Кажется, ясно с этим было только в начале пятидесятых годов, когда серия почтовых марок с портретами русских писателей XIX века продемонстрировала граду и миру сложившуюся табель о рангах: Пушкин — гениальный, Толстой и Чернышевский — великие, Островский — знаменитый, а Гончаров — известный (примерно так, филателисты внесут уточнения). Достоевского (Лескова, Тютчева, С. Т. Аксакова, Фета, Сухова-Кобылина, А. К. Толстого) не было. Обходилась без них и школьная программа. Когда Достоевский внедрился в престижный ряд, из него убрали Гончарова (Чернышевского оставили). Да что школа! Во второй половине 70-х годов, когда я учился на филологическом факультете МГУ, курс истории русской литературы обходился без Полонского и Случевского, поэтов куда более значительных, чем виршетворцы из «Искры» (не ленинской), которым посвящалась специальная лекция. В «вопроснике» для поступающих в аспирантуру были Тютчев и Фет («художественные особенности, метрика и ритмика» — последнее умиляло до слез), не было Баратынского, зато присутствовали Слепцов, Помяловский, Левитов, Решетников и писатели-народники, которых, кажется, толком не знали и наши экзаменаторы. Такая вот была «классика».

Поэтому, сидя в 1977 году на «исторической» дискуссии «Классика и мы», что состоялась в день рождения лучшего друга всех классиков и корифея литературоведческой науки тов. И. В. Сталина в Центральном

Доме литераторов имени общепризнанного классика тов. А. А. Фадеева, я все время хотел спросить многочисленных ораторов, как тех, чьи суждения казались мне близкими, так и тех, с кем я не был согласен: что имеется в виду? Жуковский, извините, пожалуйста, классик? Тургенев (он во всех программах есть, но никем здесь вроде не упоминается и для идейной баталии не нужен) классик? Добролюбов — тоже классик? ¹ Кажется, только А. Г. Битов был отчетлив в своих отношениях с «объектом». Он сказал, что классика — это школьная программа, от Пушкина до Чехова, тонко намекнув, что именно из этого материала воздвигнут его «Пушкинский дом» ² (тогда в отечестве, как известно, полностью не опубликованный).

О «серебряном веке» на той дискуссии говорилось мало («Гумилева один раз расстреляли, и к этому вопросу не стоит возвращаться» — не помню, с трибуны ли было процитировано речение какого-то начальника или в кулуарах). П. В. Палиевский — основной докладчик и герой дня — объяснял, как уничтожалась классика деятелями модернистского искусства в 1920-е годы, а затем наступил час ее торжества в годы 1930-е. Нынче «модернистское» (только ли «модернистское»?) разрушение культуры 1920-х годов прямо выводится из «серебряного века», а правильному советскому периоду выдается патент «классиколубивого» времени. Если П. В. Палиевский в качестве легитимных наследников классиков, достигнувших в 1930-е годы невиданных вершин, рекомендовал М. А. Булгакова (не в первый раз

объясняя, что главное — не расстреляли и роман написал, а когда напечатали — неважно, вполне сознательно игнорируя мрачные обстоятельства существования Булгакова как раз в «золотые» тридцатые годы и не менее сознательно оставляя «за кадром» тысячи нитей, которыми творчество Булгакова связано и с «серебряным веком», и с литературой 1920-х гг.) и М. А. Шолохова¹, то сейчас В. С. Непомнящий пишет о советской литературе: «В своей лучшей части она (я намеренно касаюсь только подцензурной литературы советского периода) продолжала — в условиях, когда чернь требовала «услужения» ей, — старую, Пушкиным окончательно утвержденную традицию **служения** (подчеркнуто В. С. Непомнящим.— А. Н.), как она его понимала. И если она честно понимала его как служение народу, отечеству, даже коммунистической мечте (особенно мило здесь смотрится «мечта», это тебе не дионисийские соблазны «серебряного века!» — А. Н.), то большой талант купно с честностью (мечтательно-коммунистической? — А. Н.) и в самые страшные годы порой (!— А. Н.) создавал нечто похожее на чудо — например, бессмертного «Василия Теркина», или «Голубую чашку», или сказы Бажова (не говоря уж о «Днях Турбиных», Платонове и многом другом). Во всем своем беспримерном унижении — а может быть, отчасти даже и в силу унижения, сменившего гордыню «серебряного» века, — она непостижимым образом умудрялась сохранить черты **преемственности величия** (подчеркнуто В. С. Непомнящим, но и я бы подчеркнул.— А. Н.), затем нараставшие и крепнувшие, начиная с конца 50-х годов, и ярче всего воплотившиеся в «деревенской» литературе (не только

¹ Стенограмма многоразовного собрания, в ходе которого было проговорено **абсолютно все**, что так охотно обсуждается теперь, опубликована более чем «десять лет спустя» в журнале «Москва» (1990, №№ 1—3). Я не стал поверять свои юношеские (достаточно яркие) впечатления документом, так как интересны в данном случае не конкретные высказывания (по большей части повторенные участниками дискуссии без тогдашних эвфемизмов), но сам провокационный дух спора о миражах, выгодного только тем, кто славил в цэдэзловском зале 1930-е годы как эпоху истинного понимания классики и «совершенно случайно» организовал мероприятие именно 21 декабря.

² И это тоже было лукавством. Потому что школьная программа не кончалась на Чехове, Тютчев в нее не входил, а для «Пушкинского дома» как романа о российской словесности весьма важны два вполне послецеховских сочинения: «Мелкий бес» Федора Сологуба и «Петербург» Андрея Белого.

¹ Здесь, кстати, разгадка каверзного вопроса о том, почему иные наши «консерваторы» так энергично отстаивают шолоховское авторство «Тихого Дона». Казалось бы, чем хуже автор подлинный? А тем и плох, что писал роман **не при советской власти** и, стало быть, не может служить «невольным» адвокатом «классических» тридцатых годов. Стоит взглянуть в «Тихий Дон» внимательно (а решение вопроса об авторстве и, соответственно, о времени создания этой книги — этому способствует), и видишь, как крепко укоренен роман в литературных традициях начала XX века. Кстати, это касается не только его привлекательных особенностей, но и той самой «жестокости», о которой в статье «Мировое значение Шолохова» с восторгом писал П. В. Палиевский (впервые — «Наш современник», 1973, № 12; перепечатывалась неоднократно).

в ней); и никто кроме тех, кто не изжил еще комплекса выпущенного из загона раба или чей «духовный» багаж ограничивается высшим образованием, не смеет отрицать, что русская литература советского периода оставалась, не только в лучших, но подчас и просто в честных произведениях, по меньшей мере, одной из человечнейших культур мира» («Новый мир», 1993, № 6).

В общем — поджилки трясутся. Не согласишься с В. С. Непомнящим и разом окажешься закомплексованным рабом с высшим образованием. Ну а если отбросить риторическую шелуху (автор действует испытанным образом, компенсируя недостаток конкретики стилистическими модуляциями), что останется от длинной тирады? Останется несусветная мешанина: рядом с пьесой Булгакова, реквиемом уничтоженному поколению, пьесой воистину многострадальной (писатель корежил свой лучший — в ту пору единственный и, по сути, недоступный российскому читателю — роман, и не только в угоду театру; корежил для того, чтобы хоть так помянуть поверженных, обреченных небытию), рядом с Платоновым (вот уж кто вышел из напряженно-болезненной культуры начала века, вот у кого причудливым образом сплелись самые разные утопические и антиутопические чаяния, вот кто мог бы послужить образцовым примером «произрастания» советской литературы из литературы — в широком смысле — декадентской)¹, рядом с Бажовым (а он какой эпохой сформирован?) — «Голубая чашка» Аркадия Гайдара. «А жизнь, товарищи... была совсем хороша! 1936». Прошу рассмотреть дату под финальной фразой этого рассказа как элемент текста.

И не надо делать изумленных глаз. Гайдар был талантливым и несчастным человеком, прожившим страшную жизнь. В его прозе чего только не отыщешь: и голубоглазую чистоту, и имитацию этой чистоты, и ужас от действительности, и желание слиться с этим ужасом. «Голубая чашка» пробуждает «чувства добрые»? Очень мо-

жет быть. Но и совсем другие чувства она тоже пробуждает. Например, чувство законной гордости за свою сказочную страну. Это у них в Германии фашизм (а там и правда фашизм), а у нас социализм, скоро как двадцать лет. Мечта? Воспитание патриотических чувств на пороге грядущей войны? Должно же быть что-то светлое? Да, знаем, помним мы все это. И не о Гайдаре (еще раз повторю — талантливым и несчастным человеке) здесь речь. О В. С. Непомнящем.

Неловко читать специалистов по, скажем, Федину или Алексею Толстому (кстати, не отказавшихся от давних работ), ныне громящих едва ли не все, что принято было называть «советской литературой». Но не менее гнетут попытки выдать муку мученическую за «преемственность величия». Да, были у нас одаренные люди, и не мало, — в книгах которых правда слеталась с ложью, гуманизм с бесчеловечностью, тяга к свету с подчиненностью тьме. Бессовестно было бы их высокомерно судить (как бессовестно вычитывать морали людям «серебряного века»: они заплатили за свои грехи, неотрывные от их служения истине, добру и красоте, — что изгнанием, а кто и жизнью), глупо пытаться вычеркнуть их из трагической истории российской словесности, можно и должно оплакать их страшную участь, можно и должно помнить о напряженной борьбе, что шла в их душах и проступала в их книгах, — гордиться нечем. Гайдар не Пастернак. «Василий Теркин» не «нечто похожее на чудо», а **чудо**, действительно великая и свободная книга, к уровню которой замечательный поэт Твардовский не приблизился даже в лучших других сочинениях². Что же до «деревенской литературы», то просто диву даешься и тому, как, согласно старому советскому навыку, не упоминается «Матренин двор», и тому, как изысканно сглатываются вообще любые имена (да много ли было в этом сложном и неоднородном массиве книг, действительно достойных «преемственности величия»? О чем речь — о «Плотницких рассказах», «Живом», «Прощании

¹ Другое дело, что проблема эта по многим причинам сейчас почти не обсуждается («прежде» «не замечали» — или не могли внятно проговорить по цензурным причинам — литературно-философский генезис Платонова, теперь нередко игнорируется его неизбывный революционизм; трагическая судьба писателя, много лет удушемого немотой и терпящего гонения, застит далеко не однозначные сочинения). А третье дело, что решать такие вопросы методами В. С. Непомнящего — занятие бессмысленное.

² Так бывает не только при советской власти. И сказанное — не укор поэту и гражданину (найдутся желающие усмотреть здесь «обиду» Твардовскому — их дело). Грибоедов был своеобразным поэтом и мыслителем, наследие которого существует при свете комедии «Горе от ума». Твардовский — тот, кто написал «Василия Теркина» и напечатал «Один день Ивана Денисовича».

с Матёрой», «Деревянных конях» или об идейно-тематически выдержанных рассказах и повестях, имя которым легион?), и тому, как с ошеломительной легкостью вводится временной параметр. «Так, ни с того и ни с сего» — в конце 50-х годов стали «нарастать и крепнуть» «черты преемственности величия». Я не исторической корректности ради обращаю внимание на то, что в стране в то время кое-что произошло. Об этом знают и без меня. Но замалчивая несомненную (не только прямую, но и обратную) связь общественно-политической и литературной ситуаций, В. С. Непомнящий допускает «совсем маленькую» хитрость. Другая то была литература — литература сознательного Сопротивления, ставшая возможной, когда дракон разжал челюсти. И совсем не гайдаровские проблемы встали перед писателями последних десятилетий. И — с другой стороны — не случайно весьма многие из них оказались «вытесненными»: кто в неподцензурное пространство, кто в небытие, кто в изгнание, а кто и в компромиссы (или просто в услужение — опять-таки сознательное — бесчеловечной системе).

Современная же словесность, вызывающая яростные и, разумеется, безадресные порицания В. С. Непомнящего (здесь он не одинок и не оригинален — бранятся, не читая), наследует не только «треклятому» «серебряному веку». Легко понять, что формировалась она не год и не два, что ее подпольное бытие вовсе не означало «несуществования», что система советских запретов не могла уберечь культуру от брожения, а лишь делала этот процесс куда более тяжким и неприятным... То, что сегодня повергает В. С. Непомнящего в ужас, родилось в нашем вчера: это относится и к тем явлениям, в неприязненной оценке которых я мог бы солидаризироваться с В. С. Непомнящим, и к тем, в которых я не вижу ничего страшного¹. В любом случае неотменяемыми остаются слова Пушкина, которым В. С. Непомнящий клянется на каждом шагу: «Но ты, священная свобода, / Богиня чистая, нет,— не виновна ты...»

¹ Поскольку В. С. Непомнящий не утруждает себя примерами (в лучшем случае — «прозрачные намеки», внятные узкому кругу профессионалов), то и я лишен возможности говорить конкретно. Впрочем, мои литературные предпочтения (равно и неприязни) известны тем, кто имеет досуг интересоваться этими материями, по газетным и журнальным публикациям 1991—1993 гг.

В «главах из книги» В. С. Непомнящего, где публицистические фрагменты перемежаются разборами «Пира во время чумы», поэмы «Двенадцать» и стихотворения Блока «К Музе» (последний, впрочем, исполнен Н. Коржавиным, а В. С. Непомнящим старательно пересказан), есть весьма примечательный пассаж. Рассуждая о «серебряном веке» («который сегодня у нас стал драгоценнее золотого»¹) и мнимо соглашаясь с теми, кто напомнит о «драгоценных открытиях» той поры (мнимо, ибо дальше следует форсированное стилистическое отрицание злощастной эпохи), В. С. Непомнящий пишет: «Все это («проклятье заветов» и т. п.— А. Н.), под знаменем духовной свободы, перекрывая подлинно духовные тенденции, в том числе работу русской религиозной философии (но порой и ее заражая «благогодатным ядом»), становилось своего рода специальностью «человеков-артистов»... Слаба же, однако, была «русская религиозная философия», которую так легко «перекрывали» и «заражали!» А, кстати, кто кого «заражал»? Очень удобно резать культуру по-живому, выбрасывая из XIX века «интеллигентскую публицистику», а из предреволюционной эпохи — болезнетворную поэзию. Как же: «Нет, не русская словесность «серебряного века» оказывается главной наследницей классической литературы — для этого она слишком нестойка, морально двусмысленна, слишком подвержена дионисийским соблазнам. Преемницей русской литературы оказывается именно философская мысль, она наследует духовные заветы «золотого века» классики и потому сама переживает «золотой век». Это не В. С. Непомнящий. Это Р. А. Гальцева в предисловии к книге «Пушкин в русской философской критике. Конец XIX — первая половина XX вв.» (М., 1990). Позволительно спросить, а кто из замечательных мыслителей, собранных Р. А. Гальцевой под одной обложкой и достаточно по-разному судящих о Пушкине (на чем составитель

¹ Это как понимать? «Золотым» веком обычно именуют «пушкинскую» эпоху. Так в чем вопрос? Кто лучше: Туманский или Федор Сологуб, Деларю или Кузмин, Дельвиг или Зиновьева-Аннибал? Странные вопросы с понятными (и бессмысленными) ответами. Если же под «золотым» веком имеется в виду весь XIX век, то опять-таки встает вопрос о том, кто его воплощает: Достоевский или В. С. Курочкин. Последнему я без зазрения совести предпочту не только Блока, но и Бальмонта. Думаю, что В. С. Непомнящий тоже.

книги без комментария не считает нужным фиксировать читательское внимание), кто из них не был «нестоек» и «подвержен дионисийским соблазнам»? Любимый враг Ю. Н. Давыдова и В. С. Непомнящего Мережковский? (Его, впрочем, удобнее проводить «по словесности»). Розанов? Шестов? Гершензон? Владимир Ильин, специально толкующий о «дионисовом» начале в творчестве Пушкина и не спешащий его за это порицать? И как быть с Вячеславом Ивановым? Он, вероятно, в качестве мыслителя перенял «эстафету» русской классики, а в качестве поэта гонялся за мэнадами. Или, если сделать шаг за пределы однотомника, Бердяев или о. Павел Флоренский? Кто из русских философов конца XIX — начала XX вв. (о некоторых из них Р. А. Гальцевой доводилось высказываться достаточно строго) был полностью свободен от тенденций, что агрессивно фиксируются у поэтов и прозаиков той поры? Поздний Франк? Так поздний Мандельштам, «серебряным веком» возвращенный, был от них тоже в достаточной мере свободен. В Шестово-то и Розанове, пожалуй, побольше соблазнов будет, чем в блоковском стихотворении «К Музе»¹.

Мне ли дискутировать с Р. А. Гальцевой о религиозной философии! Так зачем же тогда игра с выдуманными антитезами, зачем удобная схема, которой сама Р. А. Гальцева не будет руководствоваться в работах конкретного плана? Не потому ли, что и для нее², и для В. С. Непомнящего триада «классика» — «серебряный век» — «советская культура» есть прежде всего система идеологически нагруженных символов, с помощью которой легко рисуется мрачная картина нашего «одержимого» сегодня: в тесном кругу редкие защитники подлинной духовности, стойко пронесшие верность заветам сквозь все испытания, а по бескрайним просторам — кривляющаяся и глумящаяся нечисть, не вмещающая наставительным речам и имеющая свои суждения о Пушкине и даже о Блоке. Родословная этой шпаны понятна: «серебряный век» — нигилисты века XIX (В. С. Непомнящий продолжил бы в глубь истории: романтики — просветители — люди эпохи Возрождения; вообще в его работах Воз-

рождение, Просвещение, Романтизм постоянно сливаются в некое пугающее аморфное пятно, вызывающее у автора негодование, соблазн и отвращение). Но тогда понятна и родословная тех, кто толкует о «преемственности величия»...

В одной из прошлогодних статей Максима Соколова отмечена чрезвычайная значимость в наши дни явления, которое можно назвать «штабс-капитанским синдромом». Только речение персонажа Достоевского изменяет огласовку, получается нечто вроде «раз я не штабс-капитан, то и Бога нет». Если мои суждения о классике потеряли однозначную авторитетность, то, стало быть, классика раздавлена. Если мне все надоело и кажется, будто ничего уже «изобрести» невозможно, то история прекратила свое течение. Если мне не нравится то, что печатают журналы, то у нас исчезла литература. Если я замерз (или даже могу замерзнуть завтра), то и солнце не восходит. И здесь «благородные консерваторы», заклиная нас «классикой», сходятся не только с «благородными разочарованными шестидесятниками», но и с рассерженными или, напротив, меланхолическими «молодыми».

Вот Мария Руденко выдает «крик души молодого литератора», с мазохистским экстазом исчисляя «мелкие неприятности в ночь перед страшным судом» (не меньше! — «Знамя», 1992, № 1). Посыл статьи: ни о чем писать не хочется; ближайшее следствие — «молодой литературы не существует»; следствие дальнейшее — «солнце» Пушкина закатилось: «Так и подмывает произвести маленький социологический опрос: поместить в наиболее либеральной газетке объявление, дескать, меняю сапоги (например, женские, на натуральном меху, высокие, рыжие, производство Италии, есть все размеры, возможны варианты...) на полное собрание сочинений Пушкина (возможны варианты). Впрочем, результаты до неприличия очевидны. Вопрос только в количестве заявок — сто, тысяча... Я лично думаю, что их будет сто пятьдесят миллионов». Я лично думаю иначе. А еще я думаю, что литература у нас есть, потому что мне есть о чем писать (читать не успеваю). А еще полагаю, что коли писать не о чем, то не надо подавать милостыню в отделах критики толстых журналов (перебьются как-нибудь без хорошо отрепетированных истерик) — менять надо профессию: есть много интересных занятий, к примеру, торговля сапогами. Так ведь

¹ Особенно если читать его не так, как это делают Коржавин и Непомнящий, а учитывая, что поэты пишут стихи «с метафорами, размерами и рифмами» не только в силу дурной привычки.

² См., например, ее статью в журнале «Новая Европа» (1992, № 1).

торговать сапогами (не говорю уж — та-чаты!) **не хочется**. Плакать хочется. Прилюдно. Брезгливо отталкивая зрителей (они же редакторы), что, дескать, привязались со своей «молодой литературой» — у меня тут конец света в повестке дня. Оркеструя всхлипы евангельскими цитатами. И намекая тему новой статьи (мелькать-то надо; и впрямь в № 6 «Знамени» за 1993 г. М. Руденко, временно отложившая конец света, рассказывает про возникновение жанра «нового жития», оперируя примерами, заявленными полтора года назад).

По-моему, все это поразительно похоже на стенания В. С. Непомнящего. Как же низко надо ценить эту самую боготворимую «классику», чтобы толковать о ее гибели, исходя из того, что многовато стало «мелких неприятностей!» Как же легко, оказывается, можно констатировать конец света, истории, литературы — стоит лишь столкнуться с не слишком радикальной переменной норм «литературного быта!» Как же притягательна, однако, миссия одинокого избранника, якобы единственного хранителя всеми поруганных заветов!

В новой статье М. Руденко сочувственно отзывается о только что опубликованном («Знамя», 1993, №№ 1—2) романе Бахыта Кенжеева «Иван Безуглов». Кенжеев, мол, криком кричит об опасности американизации и вытаптывания духовных нив. Он играет в киношную халтурку (так М. Руденко меняла Пушкина на сапоги), а сам хранит священный огонь (М. Руденко и в первой статье давала понять, что она-то «предаст», конечно, классику, но не до конца, а главное, очень на этом деле исстрадается — прямо как Розанов после революционного апокалипсиса). Я о Кенжееве уже писал («Сегодня», 13 апреля 1993), но могу еще раз подивиться виртуозному чередованию самозапугивания и самоуспокоения, продемонстрированному в «мещанском романе». Автор, подыгрывая целлулоидно-киношным вкусам «обывателя», оставляет явный знак своего «несовпадения» с голливудским миром. Наградив сподвижников супербизнесмена Ивана Безуглова именами русских поэтов (бухгалтер Баратынский, юрист Лермонтов, инженер Тютчев, шофер Жуковский), а канадского миллиардера назвав Верленом, Кенжеев «не помянул всуе» Пушкина. В романе, нашпигованном реминисценциями из «Евгения Онегина», за пьедестал на Страстной незримо борются заглавный герой и облезлый поэт Татаринов (в обрисовке которого очевидны автобиографические мотивы). Героям не

достигнуть Пушкина, его в «новом пространстве» нет, но зато он есть в сердце автора, сотворившего двояко читаемый текст, дистанцировавшегося от своего земного «декадентского» обличия (Татаринов) и сохранившего «тайную свободу». Так Бахыт Кенжеев «переиграл» массовую культуру на ее собственном поле — «заветного» не отдал, махнул на сапоги не Пушкина — Тютчева с Баратынским. Скучно. И, в общем-то, непрофессионально. Хотя по-человечески посочувствуешь затерянному в «монреальском далеке» тоскующему поэту. Посочувствуешь и В. С. Непомнящему, и М. Руденко — но вольно превращать культурное пространство в ад, вольно путать конец света с концом тоталитаризма, вольно жить не в духовном единстве незавершенной русской культуры, а за счет бесконечного пережевывания мистифицированной «классики». Та «классика», которую интеллигенция 60—70-х гг. рассматривала (цитирую статью Л. Д. Гудкова и Б. В. Дубина) разом «как государственно признанный канон для просвещения масс и как тайную притчу о собственном сопротивлении власти» («Новый мир», 1993, № 2), уже съедена. Но это вовсе не означает, что реальная литература XIX века (а равно и вся тысячелетняя российская культура, ели угодно — от митрополита Иллариона и летописца Нестора до наших дней) погибла, истлела, развеялась дымом.

Л. Д. Гудков и Б. В. Дубин жестко (и во многом справедливо) судят недавних властителей дум (хотя переход к персоналиям, вероятно, сделал бы картину сложнее, а авторов менее категоричными), но «штабс-капитанская логика» берет верх и в их рассуждениях. Здесь «ключевая формула» преобразуется: «Если штабс-капитанов (отличных во всем от соавторов ряда ярких работ по социологии культуры.— А. Н.) отправили в отставку, то и Бога нет». Пока Л. Д. Гудков и Б. В. Дубин ведут речь о людях, «которые, не принадлежа к какой бы то ни было профессиональной сфере целиком, обеспечивали коммуникативное взаимодействие, контакты, связи между различными группами культурного сообщества», — все понятно и споров не вызывает (даже если эти самые люди и мыслили о себе иначе, видели в себе, скажем, «пушкинистов», «критиков» или «киноведов»). Но что значит «вопрос о том, по какому праву мы наследуем классику, что именно ты значишь без Пушкина» (вопрос, который, согласно Л. Д. Гудкову и Б. В. Дубину, до 1991-года «даже не вставал»)?

Если говорить об историках литературы не «по званию», а по призванию, то, наверно (памятуя, впрочем, об абсолютной ценности всякой бессмертной души), позволительно будет ответить: ничего. Потому что их задача не приспособлять Лермонтова к нуждам эпохи, не изживать над Тургеневым собственные комплексы, не равняться на «этический императив самодостаточного поведения» Гончарова, а стараться понять, что же писали эти самые Островский, Лесков, Чехов и даже граф Салиас. Остальное — приложится (и нужды эпохи, и личность исследователя, и этический императив): есть, слава Богу, труды Ю. М. Лотмана и В. Э. Вацура, Е. А. Тоддеса и Б. Ф. Егорова, А. Л. Осповата и А. П. Чудакова, Р. Д. Тименчика и А. В. Лаврова, М. О. Чудаковой и В. Н. Сажина (список не претендует на полноту, а, скорее, стимулирует «припоминательный» процесс). Если соавторы имеют в виду «имитаторов», то нет вопроса. Но вряд ли будут тратить Л. Д. Гудков и Б. В. Дубин столько энергии ради понятного публицистического тезиса.

Скорее, речь идет о другом — об исчерпанности «самодостаточного» историзма, когда исследователь (объективист из объективистов) находит **единственное** оправдание себе и своей работе в том, что он занимается никому не ведомым писателем. (Ситуация, болезненно прочувствованная Ю. В. Трифионовым и описанная им в романе «Время и место» — борьба Антипова с его романом «Синдром Никифорова».) Отчасти здесь действует любимый «закон» М. А. Булгакова: каждому воздается по его вере. Если нехудшее литературоведение 1970—80-х гг. (в силу целого комплекса много раз обсужденных причин) иногда невольно, а иногда ради эпатажа внедряло в общегуманитарный обиход мысль о внеиерархичности культуры (нет «плохих» объектов исследования — есть плохие исследователи; качественная работа о Василии Козлове лучше пустословия о Пушкине — и правильно), то возмездие пришло с признанием этой самой идеи. Раз все равны, то все **равно не нужны**. Хватит глядеть в прошлое. Мы живем в эпоху «бескапитанья». То есть после конца света. Все — с чистого листа, набело и «без скидок на зажим».

Не знаю, всерьез ли приветствуют Л. Д. Гудков и Б. В. Дубин новые формы литературно-культурного быта. Мне, во всяком случае, трудно поверить, чтобы столь трезвые и свободно мыслящие исследователи могли испытывать эмоции (положительные

или отрицательные) по поводу такой ерунды. Сегодняшний «литературный быт» стоит вчерашнего и всегдашнего, легализованная «тусовка» — «тусовки» подпольной или полуподпольной, а околонуточные и окололитературные деятели освоятся, хотя бы в роли «плакальчиков по утраченной классике», везде и всюду. Кстати, на благословенном Западе, как мне кажется, тоже не все в гуманитарной сфере соответствует «универсальным критериям и меркам» и далеко не каждый «работник умственного труда» руководствуется «императивом индивидуальной реализации и индивидуального соответствия профессиональным канонам». Пейзаж постисторического пространства, начертанный Л. Д. Гудковым и Б. В. Дубиным, подозрительно схож с той зловещей выдуманной пустотой, от которой шарахается В. С. Непомнящий и в которой предьявляет свою подпись под свидетельством о страдании (перефразирую злую характеристику Розанова из цитированного выше письма Гиппиус Блоку) М. Руденко.

Противопоставляя отношение к «классике» в тоталитарных и нетоталитарных системах, Л. Д. Гудков и Б. В. Дубин пишут: «Классические (и прежде всего античные) авторы служили в Европе внутригрупповыми стандартами оценки культурного процесса... либо экзистенциальными образцами». «Внутригрупповые стандарты», пожалуй, устроят слабонервных (хотя посидеть бы, потолковать, и выяснилось бы, что не такие уж они «внутригрупповые», раз имеют отношение к культурному процессу), но «экзистенциальные образцы» — это ведь нечто из совсем другой оперы. Пожалуй, так можно сказать и об отношении Пастернака или Солженицына к Пушкину и Достоевскому. А может, и об отношении к ним всякого ответственного писателя, историка, человека, ощущающего свое соучастие в истории и культуре. Соучастие, не подразумевающее исчезновения личности. И заставляющее аккуратнее обращаться с безразмерно «общими» понятиями. Вот Л. Д. Гудков и Б. В. Дубин объясняют, что классики в подсоветской ситуации должны были «вытесняться» в прошлое, «иначе нужно было бы соответствовать их субъективности, признать своим их этический императив самодостаточного поведения, согласиться с их упорным отказом от коллективной рутины». Не станем цепляться к словам, хотя и вспомним, что русские писатели XIX века были людьми разными (это касается и всех прочих

«классиков», включая античных). Постараемся понять, чему же должен был соответствовать объект возбранений Л.Д. Гудкова и Б. В. Дубина, чему он должен был «учиться у классиков». Наверно, только одному — Свободе. Она мало кому из подсчетских людей далась? Во-первых, как считать. Во-вторых же, Свобода всегда дается трудно. В том числе и тем, кто приблизился к ней, так или иначе запечатлел свое приближение и потому остался живым, «тленья убежал», оказалась «классиком».

Если кому-то легче прожить без оглядки на эти «экзистенциальные образцы», то вольному — воля. Но, пожалуйста, перестаньте пугать окружающих. «Так вот, Бог милостив, пока не доводилось, но внутренне я прекрасно знаю, что Пушкиным буржую растоплю¹ и любое «искусство» отдам за тарелку пшенной каши. И вы отдадите, если у вас дети», — сообщает «Из-под обломков» Елена Иваницкая («Знамя», 1993, № 5). Интересно, а по какому праву блистательная плюралистка («Я действительно считаю, что все религии и все конфессии по-своему хороши, пока остаются личным, глубоко интимным делом человека и не вмешиваются в дела государства, общества, школы») решает за «всех»? Кто-то сожжет Пушкина, а кто-то и нет (есть примеры), кто-то же, извините, но такие примеры тоже известны, сожрет собственного ребенка. И еще неизвестно, как поведет себя в реально страшной ситуации (от чего Боже сохрани) Е. Иваницкая: сама ведь пишет, что покамест с ней такого не было. Может, именно ей-то и понадобится Пушкин. Как сейчас понадобился неназванный в «из-подобломочном» сочинении Розанов. Ибо вся зело мудренная статья об отсутствии объективных эстетических критериев есть всего лишь неуклюжее подражание тому, кто был своеобычен и в подражаниях, кто ухитрялся играть (пусть «ставя подпись»), и вправду жестоко страдая (а не пребывая в позиции сытой Умной Эльзы, рыдающей в предчувствии вероятного голода или, напротив, «мужественно готовящейся» менять Пушкина на что-нибудь). Не принимать же за цель работы сто двадцать раз до Е. Иваницкой проговоренное отождествление тоталитарных идеологий и религии. Не ради же уравнивания пропагандистского персонажа, о подвигах которого дочери автора пришлось писать изложение, с Алексием, Божиим человеком, взялась философски подкованная сочинительница за пе-

ро. Не ради же публикации в престижном журнале цитаты ворошились и ужасы планировались. А вот про то, что «жизнь вообще, как писал Фрейд, такая штука, которую человек с трудом выносит», сообщено вполне «художественно». Угловато, напряженно и за душу берет. И концовочка удалась: «А что касается критериев, то — не надо: и без них **плохо**» (подчеркнуто для толстокожих, прекраснородушных и непонятливых Е. Иваницкой).

Вот какие мы «естественные» и «терпимые». Вокруг одни страшные идеологи, давящие авторитетами и легко обосновывающие высокими словами собственную иступленность — одна «плюралистичная» Е. Иваницкая беззащитна на озверелой земле. Всякий обидит. А она разве что оплатит свое одиночество, плохо, дескать, мне — отвяжитесь со своей классикой. Тут В. С. Непомнящий в очередной раз испугается. И скажет, что во всем виноват Мережковский, он же Розанов. А ему в ответ стройный хор поющих, только соло грянет: нет, Пушкин!

Классики, конечно, за все в ответе. Но не до такой же степени! Затруднительно Пушкину отвечать за все, что творилось и творится якобы по его заветам. Затруднительно отвечать Тургеневу за то, что его роман «Накануне» показался Евгению Попову единственным средством, спасающим от навязчивых самоповторов и глобальной неразберихи, царящей на территории бывшего СССР. Прочел Попов Тургенева, переписал старинный роман, с байками, прибаутками, намеками и легким изумлением от собственной лихости (а также все с теми же «поповскими» общими местами), получилось «Накануне накануне» («Волга», 1993, № 4; отдельное издание — М., «Текст», 1993). Тургенев Попова не провоцировал. Попов над Тургеневым не глумился. Он успокаивался, находя в «Накануне» то, что мучает его сегодня, как бы оправдывал смутное настоящее и ободрял читателя, проигрывая известный сюжет в подругому известной манере: мол, и тогда было паскудно, а жизнь-то не кончилась, даже роман из нее получился...

Не виноват и Розанов в том, что многовато стало у него наследников. Он в страшные пореволюционные годы и голодал, и окурки собирал на станции, и душераздирающие письма Горькому писал — а нумизматическую коллекцию не продал¹. Та-

¹ Поторопилась М. Руденко менять Пушкина на сапоги. Ими-то буржую топить несподручно.

¹ См. об этом в рецензии В. Ф. Ходасевича на «Живые лица»: Гиппиус З. Н. Стихотворения. Живые лица. М., 1991, с. 408.

кой вот был «разрушитель» культуры и адепт домашнего очага. Не затем Василий Васильевич всю жизнь с Гоголем ратоборствовал (набираясь в той борьбе живой силы), чтобы Анатолий Королев по болванкам выхваченных цитат соорудил «Голову Гоголя» («Знамя», 1992, № 7). Сочинение это удручает не «кощунственностью» и «провокативностью», не растрепанностью слога (хотя в авторе приметно дарование, а несколько страниц достойны включения в хрестоматию), а заурядной бедностью и робостью мысли, предсказуемостью ассоциаций, одноплановостью мировидения, взятого напрокат да утратившего тайну в чужих руках.

Не то беда, что кто-то ценит «серебряный» век пуще «золотого». Беда, что линяют краски, исчезают золото и серебро, лезут в глаза примитивные схемы. Три макета трех сосен: «классика», «серебряный век», «современность». Да не хочу я блуждать в этом декоративном лесу, играть по опостылевшим правилам, резать культуру по живому, отрекаться от «близкого» про-

шлого ради «далекого» и, наоборот, начинать новую жизнь с понедельника, подозрительно смахивающего на прошлогодний четверг, оглядываться, не раздражает ли кого моя «приверженность идеологии» или, напротив, «эстетическая всеядность». Мне не нужны эти сосны. У меня (и, к счастью, я в этом не одинок) есть иные.

...На границе
Владений дедовских, на месте том,
Где в гору подымается дорога,
Изрытая дождями, три сосны
Стоят — одна поодаль, две другие
Друг к дружке близко...

И, я знаю, что эти же деревья через столетие с малым вознесутся над головой другого великого поэта, дабы пушкинское преодоление времени, о котором сложено «...Вновь я посетил...», далось будущему создателю «Доктора Живаго».

И вот, бессмертные на время,
Мы к лику сосен причтены,
И от болезней, эпидемий
И смерти освобождены.

его предчувствие — в крылатом разговоре чаек над рекой Брдой, что рассекает город надвое).

Поэтическая речь Банаха открыта языку улицы и газеты, профессиональному высказыванию. Вопреки пристрастию его к всматриванию, вглядыванию в то, что миновало (замечаю открытки с надписью «Gruß aus Bromberg» — привет из Бромберга, которого давно нет), банаховская поэзия почти физически связана с сегодняшней Быдгощью (это слово у поляков женского рода).

И не только потому, что здесь он родился, вырос, написал свои книги, получил образование инженера-конструктора. Не только потому, что здесь уже осуществилась часть его биографии.

Но потому, скорее всего, что в его тексты вошла атмосфера этого города. С готическими шпилями старого центра и выщербленными мостовыми на боковых улицах, с запахом угля из труб, которых тем больше, чем дальше от Стара Мяста.

Первый книжный дебют Банаха в 1976-м — «Мгновенный снимок мира» («Chwilowy obraz świata») — дал реальный повод литературоведу и критику Эдварду Бальцежану отнести его к «поколению — 76»¹, следующему за поколением Адама Загаевского и Рышарда Крыницкого².

Генерация поэтов, стартовавших, подобно Банаху, в 1976-м, по мнению Бальцежана, иная: и по своему восприятию, и по его словесному, языковому воплощению. Он пишет о специфике поэтического «поколения — 76», неоднократно включая Войцеха Банаха в эту новую генерацию и оценивая ее в контексте поколений:

«Зло если есть, то существующее в оппозиции к добру; подлость определяется по отношению к благородству; где есть Сатана, там есть и Бог. Таково мнение моралистов — от Херберта³ до Крыницкого. Польша «поколения — 76» другая. Это край стирающихся антиномий, мир гаснущих логических противоречий, пространство без ясных направлений, в котором значительно трудней отличить верхнюю сторону от правой и верх от низа:

Земля перестает быть низом,
а мы верхом —

пишет Войцех Банах»⁴.

Как утверждает тот же Эдвард Бальцежан, поэты поколения Банаха, повторяя за предшественниками, что раньше свет был ясный, понятный, а теперь темный, нечитаемый, как никогда ощутили пропасть между прошлым культуры и современностью. Потому повторение известных истин, как и полемика с ними, не означает в поэзии «поколения — 76» того, что они значили в творчестве их мэтров. Творится какая-то иная, своеобразная ценность.

Может быть, старый Бромберг с его основательной устойчивостью, что запечатлен на открытках, прибывающих в коллекцию Войцеха Банаха, помогает ему в этом мире со стершимися антиномиями находить ориентиры, нащупывать ускользающую точку опоры.

«На краю балкона лопается цемент, / говно...» — цитирует стихотворную строчку Банаха Эдвард Бальцежан⁵ как пример новой поэтики текста, в котором слова повседневности, вульгаризмы разного рода приобретают ранг ключевых. А с открыток из коллекции Войцеха Банаха глядят украшенные геранями женственные балконы, на которых цемент, кажется, никогда не смог бы лопнуть.

Есть что-то торжественно-провинциальное в этой встрече с Адамом Загаевским, поэтом, эссеистом, прозаиком, живущим в эмиграции более десяти лет.

Лицо мэтра, заканчивающееся скобкой седой бороды, мало похоже на портрет в хорошо известной польскому читателю повести «Тепло, холодно» («Ciepło, zimno», Warszawa, 1975). Книге прозы, изданной, когда автору только-то и исполнилось тридцать.

¹ Edward Balcerzan. Przygoda piąta: samopoczucie pokolenia '76.— Przygody człowieka książkowego (ogólne i szczególine). Warszawa, 1990.

² См. в журнале «Иностранная литература» (№ 3, 1993) подборки стихотворений последних лет Адама Загаевского и Рышарда Крыницкого в переводе Вл. Британишского (вступительная статья Виктора Ворошильского).

³ Збигнев Х е р б е р т (р. 1924) — известный польский поэт с характерной морально-философской проблематикой.

⁴ Edward Balcerzan, с. 81. (Перевод мой.— О. П.)

⁵ Там же, с. 85.

На суперобложке ранней книги — темные сосредоточенные глаза, задающие вопросы, слегка капризный изгиб губ. Ожидаешь встречи с человеком, похожим на это фотографическое изображение.

Он же оказывается другим. Обнаруживающим сходство скорее со своим текстом, чем с портретом. Ироничным; с неторопливой прозаической интонацией при чтении собственных верлибров. Он читает их, будто припоминая происходившее где-то — там-там — и с ним ли? Да, кажется, именно с ним, автором этих поэтических или, в самом деле, прозаических строчек.

В течение целого часа он наблюдает за действием, которое называется авторским концертом Адама Загаевского, как бы со стороны. Поет арфа (все это происходит в малом зале Филармонии Поморской), молодой актер с каштановой челкой читает его стихи. Польская мова идет в параллель со шведской речью: тексты Загаевского звучат в переложении на шведский из уст самого переводчика — Андерса Бодегарда, — и всем этим, слегка покачиваясь корпусом, дирижирует Гжегош Мушял, похожий на большую птицу в коричневом оперенье, быдгосский поэт, прозаик, автор повести «В птичнике» («W ptaszarni», Warszawa, 1989). Он жестикулирует, колебля полы пиджака, — и жест напоминает широкий взмах крыла. Острая голова то уходит в чопорный жесткий воротничок, то высоко приподнимается над ним, когда он всматривается в зал и дает слово кому-то из желающих поговорить о стихах Загаевского.

Одни объясняются Загаевскому в любви, другие пытаются, насколько он искренен. Третьи интересуются, ощущает ли он себя во Франции (Загаевский живет под Парижем) носителем польской литературы и как ее там представляет.

Гжегош Мушял называет свою дружбу с Адамом Загаевским одной из самых лучших дружб. Припоминает, что американские студенты-полонисты на одном дыхании произносили имена Херберта, Баранчака, Загаевского, хотя последний значительно моложе двух других соотечественников, на долю которых выпала судьба эмигрантов.

Думаю о том, что наши литературные эмигранты, известные нам и зарубежью, старше. (Впрочем, не только эмигранты.) Сплошь и рядом талантливые люди поколения Загаевского имеют в России по одной-две книжки, а кто-то только сейчас издает первую «за счет друзей автора».

Адам Загаевский успел молодым приобрести известность у польского читателя книгой прозы, книгами стихов и критических эссе. И выехал на Запад уже вполне состоявшимся и при этом еще молодым писателем.

У нас же все происходило много болезненнее. Молодые просто не имели возможности печатать то, что хотели. И появлялись для русского читателя через Запад — публикацию или книжку «там», а вслед за этим нередко и отъезд.

У иных литературная судьба оказалась повязана с политикой, и они были вынуждены уехать, так что от разрыва с Россией, а не от прямой связи с нею происходили стихи и формировались литературные судьбы, как это было у Иосифа Бродского, Натальи Горбаневской, поколенчески прислоненных к 60-м, но отодвинутым, отторженным от них судьбою.

Знаю, что Иосиф Бродский — один из литературных кумиров Гжегоша Мушяла. И его интервью с Бродским, затрагивающее темы морали — веры — религии, в журнале «Na głos» — реальное тому подтверждение.

Гжегош Мушял, которого я уже косвенно представила читателю, черпает свои силы не только из культурной памяти старого Быдгоща и всей Польши, но и из памяти мировой культуры. Одна из его стихотворных книг называется эпиграфически — «Космополит». Хотя по своей судьбе он, с равной легкостью цитирующий американских поэтов и музыкальные фразы Александра Вертинского, не космополитичен. Много раз, еще с семнадцати лет, он уезжал из дома — в Англию, Швейцарию, США, но всегда возвращался. К своей профессии врача-окулиста и к своему родительскому порогу. Он пишет одновременно стихи и прозу, много переводит с английского. И, может быть, больше любит широкое пространство прозаической фразы, чем ограниченный шаг стихотворной строки.

Если обратиться к аналогии из другого вида творчества, то его прозу можно сопоставить со станковой живописью, на фоне которой его же стихи — этюды или скупые карандашные эскизы. В стихах он — скорее созерцатель, не аналитик. Но самое созерцание и отражение мира в лаконичном тексте — способ его постижения.

«Берлинский тагебух» напоминает собрание лиц, улиц Западного Берлина, почти стихотворные видоуковки — открытки (кстати, по материнской линии Гжегош — немец).

Фамилия Мушял — по отцу, в переводе с польского означает «долженствование» в прошедшем времени. И когда он часами сидит за переводами, крутя польские слова, выискивая эквиваленты английским, на лице Мушяла, сосредоточенно-скорбном, написано «должен». Иногда он вспоминает фразу, повторяемую Лехом Валенсой: «Не хце, але муше» (не хочу, но должен). Вспоминает, смеясь, когда уже выпустил себя из-за письменного стола.

Во время военного положения Мушял был интернирован, но вскоре его освободили, и на какое-то время он уехал из Польши. Наши газеты тогда писали, что подавляющая часть населения восприняла обращения В. Ярузельского к народу и предложенные им меры как единственную возможность уберечь страну от катастрофы и восстановить законность, порядок и спокойствие.

На фоне давнего антиимперского синдрома, свойственного многим полякам, к русской литературе у него отношение заинтересованное. Самое первое знакомство с русской культурой произошло через старые довоенные и военного времени пластинки с записями Вертинского, Виноградова, Петра Лещенко, каким-то чудом сохранившиеся в родительском доме.

В застольном разговоре у Мушяла прорывается стилистика студенческих диалогов 70-х, воссозданных Адамом Загаевским в повести «Тепло, холодно»: «Веш... Веш... Веш...» Это польское «wiesz» (знаешь), повторяемое для вящей убедительности, всегда при нем.

А я вем — знаю, — что скажет он одно, подумает другое, а напишет что-то третье, не похожее ни на «веш», ни на «мушял».

Случайно обращаю внимание на небольшое объявление в вестибюле при входе в институт. Кафедра философии организует встречу с поэтом Александром Розенфельдом.

Александр Розенфельд. Откуда-то, кажется, знаю это имя. Попадалось в журналах? Или в одной ассоциативной цепи: Розенбаум, Розенблюм, Саша Блюменфельд — не поэт, физик, не муж поэта — Нины Константиновой. Словом, фамилия вполне российской.

Опаздываю минут на пятнадцать. Прихожу, когда уже начались стихи. Читает их на польском красивый человек, лет пятидесяти, с миндалевидными глазами. Лицо знакомое, кажется, виденное не однажды.

Верше до Пана Бога, стихи о любви, о человеческой неприкаянности. Рифмы нет, интонация размышления, разговора с самим собою: «Йестем ким?.. Йестем жидем? Йестем поляком? Йестем человеком?..»

Потом что-то вроде комментария, рассказа о себе и о стихах. «Я, знаете ли, люблю себя, очень люблю себя. И считаю, что без этого не может быть стихов. Но это — не самовлюбленность. Мои чувства, ощущения связывают меня с этим миром, потому все, что имеет отношение к сфере восприятия мной этой жизни, бесценно. И надо уметь дорожить тем, что имеешь, что тебе даровано Богом, каждый день». Это — не дословная запись, но, думаю, в основном точно передаю смысл услышанного.

Конкретный, биографический материал его стихов или не вызывает интереса, или не «принимается» аудиторией по свойственной полякам склонности не задевать нервные узлы.

А конкретика весьма насыщена и пока не типична для России. В период военного положения Александр Розенфельд эмигрировал: пожил в Италии, четыре года провел в Израиле — и вернулся. Живет в небольшом местечке недалеко от Быдгоща.

Он любит разговаривать с людьми и, судя по всему, не меньше — вести монологи «на людях». Чисто разговорное свойство, но данное природой далеко не всем пишущим.

«Думаю, что главное в любой поэзии — язык, — роняет Александр Розенфельд. — В языке отражается все — способ мышления, членения этого мира. Потому уверен, что через язык, через поиск точного и адекватного смысла лежит путь к поэзии».

Марек Казимеж Сивец, быдгосский поэт, философ (и по складу ума, и по профессии: он преподает философию), был немногословен на встрече с Александром Розенфельдом, оставаясь фоном, орг-рамой по отношению к велеречивому гостю. Он запомнился по этой встрече как человек, режиссирующий поэтические и студенческие шоу — скупой мимикой, лаконичными жестами, как бы без голоса.

Голос этого поэта был услышан мною много позже, когда в мои руки попала его первая книжка «Повернутое зеркало» («Odwrócone lustro», Warszawa, 1979), что дал

почитать Войцех Банах, предварив раздумчиво-многозначительным: «Хороший поэт. И любит вашего Достоевского. Сама увидишь».

Может быть, где-то, на самом дне прочитанных стихотворений и была потаенная любовь к Достоевскому. Но увиделось другое: пристрастие проявить, выкристаллизовать в сюжетах вечные темы жизни-смерти, любви-нелюбви, предназначения на земле себя и другого, мужчины и женщины.

Поэтический дебют Марка Казимежа Сивца выпал на 1975 год: он заявил о себе подборкой стихов в альманахе «Поэзия». Книга появилась четыре года спустя. Он не попал в обиход, о которой писал Эдвард Бальцежан. Книжный дебют чуть отклонился от заданной Бальцежаном временной координаты. И мне показалось, что Сивец вообще отклонился от той траектории пути, по которому пошли поэты, условно обозначенные Бальцежаном как «поколение — 76».

Мир его текста антиномичен, как мир за окнами. И хотя Сивец решительно поворачивает зеркало к стене (самим названием первой книги), пренебрегая отражением, двойником в серебристом стекле, он отражает суший мир сам в себе, где — он-то знает — есть и Бог, и Дьявол.

Стихотворчество польских поэтов старшего поколения — Херберта, Чеслава Милоша — Сивец ощущает не с временной дистанции, а касается его своим словом, не только поэтическим. О Херберте им опубликовано философское эссе «Збигнев Херберт — поэтическое обоснование философии» («Sztuka i Filozofia», № 4, 1991). О Чеславе Милоше написано много, и в том же жанре — эссе-исследование «Чеслав Милош — поэзия, фило-софия («да будет славной их дружба...») и «нитка своей судьбы».

Думаю, вовсе не случайность — появление в эссе о Херберте образа внутреннего зеркала. Сивец пишет о том, что философский корень поэзии Херберта можно представить как своеобразное внутреннее зеркало, отражающее и регистрирующее важнейшие механизмы его лирики. Благодаря этому корню является на свет проясненной основная нить спора Херберта с миром (как бы на высшем уровне знания). Существование философского корня, замечает Сивец, поддерживает несущую силу и ясность хербертовской поэзии, увеличивая ее влияние на современников.

Так вот она, безусловная субстанция, которая присутствует в лирике Марка Казимежа Сивца, — в лирике поэтов старшей генерации, склонных к философским рефлексиям, философическому переживанию и осмыслению тайн бытия.

Кстати, и слово «тайна» — не однажды произнесенное Хербертом в контексте постижения, схватывания тайн человеческой жизни, оказывается в поэтике Сивца одним из ключевых. В его последней книге «Костка»¹ («Kostka», Wydgoszcz, 1990) это слово становится ключевым, заглавным в заключительных стихотворениях книги: «Тайна янтарной комнаты», «Приоткрой завесу тайны».

В творчестве Милоша Сивец выделяет философскую доминанту, которую формулирует с помощью его же прозы: поэзия — это «исследование места человека в космосе» и «орган метафизического познания».

Итога свои размышления о Милоше и — Милоша о поэзии, Сивец пишет о способности поймать нитку своей творческой судьбы, встретиться с нею в реальном мире и на бумаге как об одной из главных ценностей, актуализованных поэтом с 80-летним опытом бытия.

Марек Казимеж Сивец в отличие от земляка и ровесника Гжегоша Мушыла в своих стихах путешествует не столько по свету, сколько по своей собственной жизни. В стихотворных текстах он почти не ездит дальше соседнего воеводства, хоть и волею обстоятельств в период военного положения пришлось пожить в Англии. Он любит слово «вендровачь» — путешествовать. И подолгу вендрует по белому листу бумаги, чтобы не пропустить встречи со своей судьбой.

Последуем и мы его примеру. Поскольку «огниско» — «за городом Быдгощем, в сумерках, в роще» — для нас реальность текста, предлагаю вам встречу со стихами Войцеха Банаха, Гжегоша Мушыла, Марка Казимежа Сивца.

¹ Слово «костка» в польском языке многозначно: способно обозначать игральную кость, кубик; говорят: сахар в костках и костка (у нас — пачка) масла. Благодаря этой многозначности оно обретает в поэтическом тексте разный смысл.

С ПОЛЬСКОГО. ПЕРЕВОДЫ О. ПАНЧЕНКО

ВОЙЦЕХ БАНАХ

Неожиданный сигнал

Меж
 размышлениями о правде мебели и детской присыпке
 около восьми вечера
 в самом центре
 городского брожения
 когда весна в неврастении растеклась как сало
 я услышал неожиданный толчок в сердце

врачиха сказала бы
 все в порядке кроме того уж такой возраст
 и не стоит беспокоиться

падая
 в сторону охотничьего магазина
 я улыбнулся выпотрошенной утке
 как заяц-русак с витрины
 глядя на амвон

.....
 далеко от периферии
 безлюдного края
 когда общество в промежутке
 между детской и фильмом
 заваривало чай
 припомнил себе в цепи проекции
 кем был
 и что во мне еще должно колотиться

оказалось
 что совсем недавно
 участвовал в приятельских компаниях
 под стакан вина с хлебом
 слушал Шопена летящего
 по вертепам импровизаций
 наведывался в подвалы философов
 и на чердаки безумцев
 где сохли воссозданные на простынях
 лоскутные орнаменты пространства
 облезли в моей памяти навязчивые
 фрагменты стихов написанных так
 давно
 что это могло бы не иметь ни места
 ни значения
 и я отозвался бумаге впервые
 за несколько лет пораженный тем что
 обретаю способность понять
 что сейчас
 когда друзей уже больше Там
 чем Здесь
 сильнее всего болят во мне те годы
 измененные случайностями

Первое стихотворение переведено по тексту в книге «Czarna skrzynka» (Bydgoszcz, 1991), два следующих — по книге «Symulfana» (Gdańsk-Bydgoszcz, 1981), последнее стихотворение, датированное автором 1992 годом, по машинописи.

Учителя с принципами

Терпению учился у огнеупорного стекла
и у пыли растущей на камне
у света учился темноте
а тишине — у города

Потом изменились учителя
а я изменил мнение

Вечный отдых
соизволь им дать пан свет
пусть им будет светло

Из письма Вернера к Уте

Ношу тебя между губами чтобы спрятать
как слезу которая растет когда от страха
попробуешь выдать
ужас за удивление

...птица с перебитым клювом выброшенная
из гнезда на стог соломы голодной
жизни как мышь живущая в склепе
бункера

...опять вытягиваю пальцы согнутые будто спусковой
крючок чтобы через письмо задеть Тебя
наипрекраснейшую ироничную курву единственную
ради которой еще стоит помнить женщин...

...не пишу — любить — потому что не поверила бы
как я не верю в молитвенное настроение Твоего тела
во время фортепьянного полета...

...но мы безрадостные дети
должны в лучшем случае ждать снов
чтобы не поддаваться наяву сокрушающему воображению

...а иногда проверь имеешь ли сердце
ведь солдату трудно отказать
в камне под головой

Сыпучие субстанции

Длится радостная серия
праздничных встреч

настоящие патриоты возвращаются в страну
чаще всего
после многомесячных скитаний
через по меньшей мере европейские слезы
в объятия близких и внезапно сблизившихся
с трудом
припоминают себе
соль язык и хлеб

в реванше
с благоговением делают
неопровержимые вклады в культуру народа
на склоненные народные головы
при каждом случае
щедро сыплют зерно правды
спасительных советов и критических оценок

а владельцы голов
нетерпеливо ожидают антракта
чтобы в кулуарах
проверить
что перепало им на пульсирующие роднички
пепел
или перхоть

ГЖЕГОШ МУШЯЛ

203

Из книги «Берлинский дневник»¹

Мотив из Томаса Манна

я шел вечером
по набережной Шенеберг
и вдруг мне показалось
что слышу старый немецкий стих

ветви зашелестели
лист слетел в канал
как будто в накрахмаленной
постели
где-то в Веймаре
повернулась Лотта Кестнер
из дома Буфф²

пароход проплывая мимо
двигался по воде
светящейся диагональю
я рванулся по гравии
сырой аллеи
подошвы кроссовок
подбрасывали меня высоко

все на свете
ЕДИНО!
ни очень поздно
ни очень рано

бедняга на лавке
и старая турчанка
толкающая впереди себя пустую детскую коляску
и мужчина
около освещенного писсуара
гасящий окурок
под темной кроной дерева;

¹ В конце книги автором указано время и место ее написания --- Западный Берлин, май 1985 года.

² Ассоциация с сюжетом романа Томаса Манна «Лотта в Веймаре» («Lotte in Weimar», 1939).

так и буду бежать
по тихому следу слов
на вираже стиха
повернусь на прибрежной траве так
что станция метро
нарисует в небе светящееся «U»¹
и опустится на плечи
а капли росы
осторожно приседают
у меня на веках

Под утро

под утро
бар гаснет
старые женщины
бросают взгляд на часы отдавая их от глаз
мужчины над стаканом
беспомощно шевелят губами

Мавзолей

спят
ногами к алтарю
на каменных подушках
четыре макушки голов

слева — императрицы
императоры — справа
не как люди
у которых — одно небо

1933

когда варвары
раздевшиеся донага
надзирая
стоят в дверях модного бара
оттуда вырывается
джаз

скулеж щенка
у самой шеи
убранной перьями
зажимает рука
с дрожащей на ней опалом

удивленные люди,
скользящие по паркету,
задержанные в танце
как в закаменевшей
от тысячелетнего срока пудре
так кончается
история
в языческом ритме бурлящего котла
жнецы приступают
к жатве

¹ Первая буква немецкого «Untergrundbahn» - метро.

(а мы
за кулисами
ищем старые одежды
стираем пыль конфетти
и румяна со щек

паспорт до Парагвая
на оставленной рампе
чемодан
кукла без головы
и детский ботинок —)

Метрополь театр (I)

Тут
гитлеровская звезда
Рёкк¹
танцевала
«Blindekuh» —
«а
та потаскуха —
сказала тетка —
все её пластинки
перепела»

Метрополь театр (II)

Тут
гитлеровская звезда
Рёкк
танцевала
«Blindekuh» —
а может не тут
может на той стороне
там тоже есть Метрополь
тоже кафе «Идеал»
и каждая молочная на углу также
называется «Золотой рог»

Мотив из Кавафиса²

если увидишь вокзал
стеклянные ворота которого
свободно проглатывают голову локомотива
и нагромождение города
в вавилонских дымах
над скрещением рельсов
если увидишь реку
в шлюзах
покрытую пятнами ржавчины
и под тобой свободно проплывут
каскаетка и трубка
сидящего на ящике бродяги

скажи «прощай» городу
в него уже не вернешься
попрощайся с молодостью
она уже отдана другому
когда под медной крышей
затарабанят нечеловеческие колеса
и в рефлекторе увидишь чужое
отраженное оконным стеклом
свое лицо

¹ Марика Рёкк — звезда немецкого кино 30—40-х гг., хорошо известная советскому зрителю по фильму «Девушка моей мечты».

² К а в а ф и с (1863—1933) — греческий поэт, философская лирика которого отмечена близостью к символистам.

МАРЕК КАЗИМЕЖ СИВЕЦ

Отсроченное дело точки

Точка присматривает за нами
изо всех наших сил.
Тут же, мгновенно, чреватая
зеленой границей.
Хотя она абсолютно вежлива.
Никаких афер, никаких хитростей.
Никакой подрывной деятельности.
Может, только много покоя и долгое молчание.
Со временем гораздо трудней смотреть ей просто
в глаза,
а также поставить над «i».

* * *

— Какой большой поезд,—
говорит,
стирая осторожно подушечками пальцев
страх
с блестящей темной поверхности
того длинного разъемного предмета.

Теперь этот предмет не такой уж
чужой и незнакомый.
Может ожить,
двинуться с места,
застучать, пустить клубы пара,
покинуть дом,
остановиться на станции,
пронзительно засвистеть,
избежать катастрофы.
— Какой большой поезд,—
повторяет ребенок,
касаясь гроба.

* * *

Не дрожи, не говори, не вспоминай,
не люби даже.
Может, никогда не будешь уже
светящимся легким листком,
который задерживает,
как сейчас,
бег времени.

Ночь уже начинает собирать свои вещи

Ночь уже начинает собирать свои вещи.
Срывает тени со стен,
обнажая мертвые белые площади.

Из угла вынимает пауков
на невидимых нитках.
Сгребает пыль под веки
и оставляет на рюмках
серые следы пальцев.
Мгновение роется в окурках —
это время для прощания.

Ты пустила меня так глубоко, будто хотела убедиться
всем телом,
что за мною нет другого выхода.
Я смотрел, не понимая силы,
которая мучила твою грудь.
И только, чтобы помочь тебе, стиснул плечи,
так что слышался треск
неизвестной мне косточки.

А ты и дальше — эту ночь в нас —
прикрывала собою пред близящимся рассветом.
И ночь осталась в капкане,
придав крови темный оттенок.

А дальше молочная дорога идет уже краем ночи.
Вьется между съжившимися лопатками
дымом горькой сигареты.
Стекает с моих неуверенных шагов
прямо на спящие под асфальтом
кошачьи лбы.

«Едва раскрылись первые цветы...»

«НОВЫЙ МИР»

И ОБЩЕСТВЕННЫЕ УМОНАСТРОЕНИЯ В 1954 ГОДУ

ПУБЛИКАЦИЯ ДОКУМЕНТОВ Ан. ПЕТРОВА.
ИЗЛОЖЕНИЕ И КОММЕНТАРИИ Ю. БУРТИНА

Свободы сеятель пустынный,
Я вышел рано, до звезды...

А. Пушкин

208

Как и когда зарождалось то, что нынче столь круто изменило и нашу жизнь, и всю политическую карту мира? В 1985 году? Нет, намного раньше. Отступая от рубежа к рубежу, дойдем до 1953—54 годов. Уже тогда что-то впервые стонуло и постепенно, сначала почти неувидимо, потом все заметнее стало меняться в умонастроениях людей, в общественной атмосфере. Так случилось, что в нашей стране первой ласточкой этого общественного оживления (самые ранние признаки которого проявились еще на последнем году жизни Сталина) оказался один из толстых литературных журналов. В его беспрецедентном своеволии, уже летом пятьдесят четвертого года пресеченном властями, сказалось движение времени, процесс, вышедший не только за рамки литературы, но и за границы СССР (вспомнить хотя бы события 1953 года в ГДР).

Говоря о «старом» «Новом мире», обычно имеют в виду 60-е годы, период, когда «Александр Твардовский собрал вокруг журнала все талантливое и честное, что было в русской литературе», и когда «онознавательным знаком единомышленников стал «торчащий из кармана» очередной выпуск «Нового мира» (Людмила Алексеева. История инакомыслия в СССР. Новейший период. Вильнюс — Москва, 1992). Между тем Александр Трифонович Твардовский был редактором «Нового мира» дважды, первый раз в 1950—1954 гг., и этот ранний «Новый мир» интересен не только как предтеча и прообраз более позднего — он имеет и вполне самостоятельное общественно-литературное значение.

Если попытаться определить его совсем кратко, то это был первый за всю сталинскую эпоху журнал с направлением, с собственной эстетической и гражданской позицией, в возрастающей степени расходившейся с официальной, — вещь, казалось, совершенно невыносимая в условиях тогдашней, стопроцентно унифицированной печати. Благодаря указанной особенности он в решающей мере способствовал появлению новой литературы, положил начало новому этапу литературного развития. Наконец, журнал дал голос и форму выражения тому первичному осознанию общественного неблагополучия, той первой волне критики тоталитарного строя, которая начала подниматься в обществе вскоре после смерти Сталина.

Всего это было более чем достаточно, чтобы предопределить реакцию властей на существование такого журнала: он должен был либо «исправиться», либо умереть.

Смерть печатного издания не всегда выражается в том, что оно перестает приходить к читателю. «Новый мир», один из старейших литературных журналов пооктябрьского времени, начал издаваться в 1925 году и существует поныне. Тем не менее как журнал с определенным направлением, как литературное и общественное явление он дважды за свою историю переставал существовать. Оставалась привычная голубенькая обложка, округлые буквы названия, объем, шрифты и пр., но это была только прежняя оболочка, наполненная уже каким-то другим содержанием.

Первый раз это произошло в 1954 году. Предлагаемый историко-архивный очерк, основанный главным образом на документах ЦК КПСС, знакомит читателя с закулисной стороной совершенного тогда разгрома журнала Твардовского.

Ничто лучше документа не погружает нас в историю, позволяя вынести из прочитанного не только факты, но и логику событий, психологию и нравственный облик участников — словом, дух времени. Надеюсь, это относится и к настоящей публикации. Составившие ее документы, думается, многое скажут читателю не только о конкретных перипетиях борьбы партийного руководства с неюкорным журналом, но и о тех гораздо более широких исторических обстоятельствах, локальным проявлением которых была эта борьба. Что же касается их непосредственного предмета, то по вечной иронии истории они сегодня производят впечатление, прямо противоположное тому, на какое были рассчитаны, — поют невольную хвалу авторам

и произведениям, которые в них осуждаются, журналу, который их печатал, его редактору, свободному и неуничтожимому человеческому духу.

Дело происходило весной-летом 1954 года. Представим себе обстановку действия.

Год назад умер Сталин. Но по-прежнему остается у власти весь — только без Берин — сталинский синклит: Маленков (первое лицо в государстве), Молотов, Каганович, Ворошилов, Булганин... Правда, набирает силу Хрущев, чье имя уже с 14 марта 1953 г. вопреки алфавиту открывает список секретарей ЦК. С ним связано одно из главных событий года — сентябрьский пленум ЦК КПСС (на котором он уже официально становится «первым секретарем»): резкая критика положения дел в сельском хозяйстве и ряд конкретных мер, направленных на ослабление крепостного гнета в колхозной деревне. Но хотя это, безусловно, повлияло и на общую политическую атмосферу, изменения в ней еще минимальны. Это отнюдь не весна, а только «оттепель», по тогдашнему же (1954 г.) точному определению Ильи Эренбурга, притом лишь самое ее начало. До XX съезда, когда Хрущев решится в открытую поднять руку на мертвого тирана и на некоторые из установленных им политических и идеологических норм, еще целых два года.

«Новый мир» и его редактор повинны были уже в том, что опередили процесс контрлируемых свыше и строго дозированных перемен.

Чтобы понять, чем был «Новый мир» в тогдашней литературе, нужно вспомнить, что было за ним. Твардовский принял журнал в начале 1950 г.; собственное лицо издание стало обретать летом 1952 года, когда в нем началась публикация романа В. Гроссмана «За правое дело» и появился очерк В. Овечкина «Районные будни». К этому времени советская литература под воздействием страшных ждановских постановлений 1946—1948 гг. уже несколько лет представляла собой, без преувеличения сказать, мертвую пустыню. Выходили книги стихов, обличавшие заокеанских империалистов, печатались поэмы о «великих стройках коммунизма», обширные «колхозные» и «производственные» романы, ставились пьесы, основанные на «конфликте между хорошим и лучшим»... Классический портрет этой сугубо ремесленнической, безжизненной, тошнотворно официальной литературы Твардовский вскоре даст в поэме «За далью — даль» («Новый мир», 1953, № 6):

Глядишь, роман, и все в порядке:
Показан метод новой кладки,
Отстальный зам, растущий пред
И в коммунизм идущий дед;
Она и он — передовые,
Мотор, запущенный впервые,
Парторг, буран, прорыв, аврал,
Министр в цехах и общий бал...

И все похоже, все подобно
Тому, что есть иль может быть,
А в целом — вот как несъедобно,
Что в голос хочется завывать.

На этом фоне добротная, «толстовская» проза романа Гроссмана и острота критики «командно-административных», как скажут много позднее, методов руководства сельским хозяйством, отличавшая очерк Овечкина, сразу привлекли к себе всеобщее внимание, поразили свежестью и смелостью.

В следующем, 1953-м и в первые месяцы 1954 года на страницах «Нового мира» появился еще ряд живых, талантливых произведений, в которых все отчетливее звучала нота социальной критики. В их числе были первые шесть глав поэмы Твардовского, откуда взяты приведенные строки, повесть Э. Казакевича «Сердце друга», повести «Падение Ивана Чупрова» и «Не ко двору» и очерк «Ненастье» В. Тендрякова, цикл сатирических рассказов Г. Трепольского и некоторые другие, о которых ниже.

Они закрепили успех журнала, но чем яснее и определеннее становилось его лицо, тем большую подозрительность и неприязнь вызывал он у людей, поставленных надзирать за литературой. На фоне антисемитской истерии, поднявшейся в январе-феврале 1953 г. в связи с «делом врачей», партийная печать обрушилась на роман Гроссмана, ударив по нему одновременно из обоих своих главных стволов — «Правды» и «Коммуниста». Пожалуй, только смерть Сталина спасла тогда от разгрома журнал Твардовского, которому досталось также и за Казакевича, и за «неправильное» стихотворение Н. Асеева, и за «клеветническую» комедию С. Нариньяни «Аноним», и за критические статьи Н. Гудзия и В. Жданова, В. Огиева, В. Комиссаржевского.

Новый вал критической проработки журнала возник в начале 1954 г. и на протяжении

последующих месяцев поднимался все выше. Это была реакция консервативно-охранительных сил в партийном руководстве (и, соответственно, в руководстве Союза писателей) на общественное оживление, вызванное сентябрьским пленумом ЦК. Однако верно и то, что «Новый мир» доставлял им все больше поводов для раздражения.

ПОМЕРАНЦЕВ И ДРУГИЕ

Наиболее ранним из внутрицековских документов 1954 года, относящихся к нашей теме, является докладная записка П. Н. Поспелову, ведавшему в Секретариате ЦК КПСС вопросами идеологии, от трех ответственных сотрудников отдела науки и культуры ЦК. Публикуется в сокращении.

СЕКРЕТАРЮ ЦК КПСС ТОВ. ПОСПЕЛОВУ П. Н.

Докладываем Вам о фактах, свидетельствующих о некотором оживлении влияния буржуазной идеологии среди части художественной интеллигенции. В ряде случаев дело доходит до проповеди аполитичности, безыдейности искусства и восхваления упадочного западного искусства. <...>

Так, например, в Московской государственной консерватории... высказывались мнения о том, что постановление ЦК ВКП(б) об опере «Великая дружба», в котором осуждалось формалистическое направление в музыке, потеряло свою актуальность, так как сейчас возможна «свобода направлений». Мысль о том, что Постановление ЦК ВКП(б) о музыке устарело, получила широкое распространение среди композиторов. Такое мнение разделяет, в частности, секретарь Союза советских композиторов т. Шапорин. Композитор Хачатурян поместил в журнале «Советская музыка» (№ 11 за 1953 год) статью «О творческой смелости и вдохновении». В этой статье Хачатурян ратует за «свободу творчества» против «руководящих указаний» в области искусства. <...>

Откровеннее проявляются эти нездоровые настроения среди художников.

В книгах отзывов о выставках индийского и финского изобразительного искусства, организованных в Москве в конце 1953 года, имеются следующие записи:

«Как хорошо, что в картинах и скульптурé нет политики...»

Имеется много записей с восхвалениями упадочного западного искусства:

«...дайте нам Гогена, Моне, Марке и т. д. и т. д., избавьте нас от Герасимовых, Соколовых-Скала и т. д. Дайте нам искусство!» <...>

Во многих записях ставится вопрос об открытии вновь Музея нового западного искусства, закрытого в 1947 году Постановлением Правительств...

На открытом комсомольском собрании в Московском Союзе художников (МОСХ) в декабре 1953 года тт. Неменский, Лемпорт, Колесников и другие выдвинули предложение организовывать выставки без жюри и помещать на них все, что принесут художники. <...>

Нездоровые явления отмечаются также в Союзе писателей. По сообщению секретарей Правления ССП СССР тт. Суркова и Полевого, часть литераторов, критиковавшихся в свое время за серьезные идейные ошибки в творчестве, и примыкающих к ним, откровенно высказывают настроения реваншизма и веры в какой-то «идеологический НЭП». Тов. Полевой сообщил, что эти настроения усилились в связи с намерением т. Фадеева, ставшим широко известным, объявить на прошедшем XIV пленуме Правления ССП «прощение» всем ошибавшимся писателям...

Чуждые социалистическому реализму тенденции проявляются и в некоторых выступлениях в печати. Так, в журнале «Новый мир» № 12 за 1953 год опубликована статья В. Померанцева «Об искренности в литературе». В этой статье проповедуется откровенный субъективизм в творчестве и в оценке литературных произведений. Вместо идейно-художественных достоинств в качестве критерия оценки выдвигается понятие «искренности».

Под «искренностью» Померанцев понимает способность литератора «смело» говорить «правду». Как должна выглядеть эта «смелая правда», показывают многочисленные примеры отрицательных явлений нашей жизни, приведенные автором в статье. Объективный смысл рассуждений автора и состоит в призыве к обывательскому смакованию отдельных отрицательных фактов, в желании навязать литературе бесперспективность. Все это дается под флагом борьбы с лакировкой, причем термин «лакировка» применяется как клеймо, чтобы замазать почти все наиболее значительные произведения нашей послевоенной литературы. В соответствии со своей порочной концепцией Померанцев только скоро-

говоркой говорит как о чем-то само собою разумеющемся и надоевшем — об идейности литературы, по существу стараясь смазать этот основной фактор ее воспитательного воздействия. Показательно, что статья Померанцева всячески рекламируется и провозглашается «новым знаменем литературы» в некоторых литературных и окололитературных кругах.

Против нее выступила со статьей Василевского «Литературная газета» от 30 января 1954 года¹. Но выступление было беззубым. Статья Померанцева нуждается в более серьезной и резкой критике. <...>

Зам. зав. Отделом науки и культуры ЦК КПСС

П. Тарасов

Зав. сектором Отдела

П. Лебедев

Зав. сектором Отдела

В. Иванов

8 февраля 1954 г.

(ЦХСД, ф. 5, оп. 17, д. 454, лл. 33—36)

Отметим: Моне и Гоген как примеры «упадочного» искусства! Отметим тревогу авторов по поводу первых признаков общественного оживления и взгляд на свободу творчества как на опасную ересь. Отметим также и роль А. Суркова и Б. Полевого в качестве инициаторов усмирительной кампании 1954 года. Но, как видим, особо была выделена в записке статья Померанцева в «Новом мире». И, надо сказать, не зря.

Критерий искренности, который прозаик и критик Владимир Михайлович Померанцев (1907—1971) приложил к «литературе социалистического реализма», был для нее поистине убийственным. Это был смелый и яркий выпад против того, что составляло самую суть такой литературы, — против лакировки действительности, против иллюстративности и деланности произведений, порождаемых не силой таланта, а ремесленническим расчетом, установкой на «художественное» обслуживание официальной идеологической «легенды».

Сейчас уже мало кто помнит эту статью и впечатление, ею произведенное. Иначе едва ли была бы возможна в прошлогодних «Известиях» (за 5 ноября) снисходительная фраза критика В. Литвинова: «Не пришло ли время оценить то, что в давние годы глухо бормотал (!) «Новый мир» о самовыражении, об искренности в литературе...» Во всяком случае, ни тогдашний читатель, ни лица, поставленные следить за литературой, не восприняли статью Померанцева как «глухое бормотанье» — совсем напротив. В Российском Государственном архиве литературы и искусства хранятся письмо Померанцева Твардовскому (между 15 и 23 января 1954 г.) и машинописная копия ответного письма Александра Трифоновича, живо воссоздающие как восприятие статьи в разнообразных читательских кругах, так и первые признаки изменения идеологической обстановки (публикация И. Б. Браинина).

В. М. ПОМЕРАНЦЕВ — А. Т. ТВАРДОВСКОМУ (В сокращении)

Уважаемый Александр Трифонович!

Вокруг моей статьи поднимается какая-то глупая свистопляска, затеваемая лживыми людьми. Суров², специально звонивший Сутоцкому³, хваля статью, неожиданно принялся громить ее в своем докладе на секции драматургов 15 января. Он назвал ее обывательской, пошлой и призывающей... к конфликту с государством. Ему шикали, его перебивали. Аудитория, по общим отзывам, была настроена явно против Сурова и в пользу статьи. Суров оказался скандально провален в бюро секции, председателем которой до сих пор был⁴. Однако Сурков⁵ в заключительном слове поддержал Сурова, назвал статью айхенвальдовщиной⁶ и призвал «Литгазету» за нее взяться.

¹ В. Василевский. С неверных позиций.

² Суров Анатолий Алексеевич — драматург.

³ Сутоцкий Сергей Борисович — журналист, член редколлегии «Нового мира».

⁴ Три месяца спустя его постиг еще более серьезный провал: выяснилось, что пьесы, которые он печатал под своим именем и за которые получал Сталинские премии, были написаны «неграми». 28 апреля 1954 г. он и еще трое литераторов, совершивших «аморальные поступки», были исключены из Союза писателей.

⁵ В то время первый секретарь правления Союза писателей СССР.

⁶ В тогдашних условиях это звучало как «ярлык». Айхенвальд Юлий Исаевич (1872—1928) — виднейший представитель империонизма в русской критике, чей метод был диаметрально противоположен марксистскому социологизму, а политические взгляды — антибольшевистскими; в 1922 г. выслан за границу.

Полный поворот проделала вдруг и Скорино. Она, читавшая статью до печати и сделавшая мне только ряд мелких замечаний о фразах, которые я и изъясил, выступает во втором номере «Знамени» со специальной статьей, в которой моя статья окрещивается субъективным идеализмом¹. Для иллюстрации беспринципности «Знамени» могу добавить, что Макаров, Катинов и Уваров² поздравляли меня со статьей, восторгались ею и выражали сожаление, что она появилась не у них. <...>

Да, могу сообщить Вам, что резонанс статьи колоссален и для меня неожидан. Первые дни мне написали, звонили или передавали через других свою благодарность только писатели (Тарасенков, Бек, Николаева, Е. Мальцев, Шпанов, Гладков, Попов, Орлов, Некрасов³ и др.). Потом стали поступать письма от лейтенантов, библиотекарей, учителей, студентов, инженеров и др. Все они шлют спасибо редакции за помещение этой статьи, которая-де их окрыляет в работе. Затем сообщалось и сообщается радостное уже из десятков мест. Вот что я слышал за последние дни.

Статья восторженно обсуждалась актерами театра им. Пушкина, о ней говорили то на одном, то на другом комсомольском активе, на партсобраниях в институтах АН, ее восхищенно читал участникам семинара драматургов руководитель театра Красной Армии Попов, о ней восхищенно отзывался такой-то работник аппарата ЦК, такой-то ученый, на нее ссылались рабочие на заводе им. Сталина и проч. и проч. На днях звонил незнакомый мне человек, рассказывая, как восторженно говорится о статье на комсомольских собраниях Украины, а вчера поэт Решетов из Ленинграда рассказал, что статья восторженно принята там на комсомольских собраниях и среди писателей. Затем узнал, что статья склонялась на собрании московских художников, что о ней говорили медики и др.

Я сообщаю Вам это, Александр Трифонович, для того, чтобы стало ясно, какая грубая это будет ошибка, если в печати официальная критика противопоставит себя мнению всей общественности. Люди рассматривают статью как живое, первое живое слово в критике, а на нее собираются обрушить ледяное и грубое. Что может быть глупей и вредней, чем громить статью, ратующую за искренность, то есть, в переводе на прямой язык, за честность в литературе...

Знаю, что мое письмо мешает Вашему отдыху, но я решился на него, решился писать Вам, потому что нужно предотвратить заушательство там, где правда, и такт, и политический разум требуют самого доброжелательного спора.

С уважением

В. Померанцев

(РГАЛИ, ф. 1702, оп. 9, д. 8, лл. 6, 6 об)

А. Т. ТВАРДОВСКИЙ — В. М. ПОМЕРАНЦЕВУ

Дорогой Владимир Михайлович!

Из Вашего встревоженного письма я заключаю с некоторым недоумением, что Вы как бы оробели за свое умное и честное выступление в «Новом мире» со статьей, встреченной так горячо многими и многими читателями и писателями. Право же, зачем Вам беспокоиться насчет того, что где-то кто-то собирается возразить Вам в печати (этому помешать нельзя, и было бы очень плохо, если бы можно было помешать и мы бы этим воспользовались), а где-то руководящий (в объеме Союза писателей) товарищ обронил «ярлычковую» фразу по поводу Вашей работы. Да бог с ними. Живите и радуйтесь, что Ваше слово прозвучало так значительно, задело за живое, вызывает суждения и возражения (м. б., и не только сплошь несправедливые) и производит некое «движение водь». Я говорю в подобных случаях: это и есть нормальная литературная жизнь. Появится статья — почитаем, м.б., ответим, а м.б., Вам дадим слово для ответа, если захотите, а м.б., не достойным внимания.

Так вот и будем жить. А Вы что же хотели: созвать секретариат, президиум, секцию критики, вынести решение? Этого-то и не нужно. Пусть Ваши противники выползают именно на печатную страницу, пред лице читательских кругов, общественности.

¹ Л. Скорино. Разговор начистоту (по поводу статьи В. Померанцева «Об искренности в литературе»). — «Знамя», 1954, № 2.

² Макаров Александр Николаевич, Катинов Василий Васильевич и Уваров Виталий Сергеевич — сотрудники редакции «Знамени».

³ Ан. К. Тарасенков — критик, В. Н. Орлов — литературовед, А. А. Бек, Г. Е. Николаева, Е. Ю. Мальцев, Н. Н. Шпанов, Ф. В. Гладков, В. Ф. Попов, В. П. Некрасов — прозаики.

А удивляться коварству Макаровых да Уваровых — незачем. И — опять же — это не предмет судебного разбирательства.

Вот мое мнение.

Жму Вашу руку, желаю доброго здоровья и настроения. Плюньте.

Ваш А. Твардовский

23/1—54 г.

(РГАЛИ, ф. 1702, оп. 9, д. 8, л. 5)

Письмо чрезвычайно характерно для Александра Трифоновича, в нем выразился глубоко демократический, то есть нормальный и естественный, взгляд на печатное слово. Иначе не было бы ни Твардовского-поэта, ни Твардовского-редактора. Но обстоятельства мало походили на естественные и демократические, и вся последующая история статьи «Об искренности в литературе» была такова, что далеко превзошла худшие опасения ее автора. Вскоре против нее снова выступила «Литгазета» (20 марта, Б. Рюриков, главный редактор), а дальше маховик пошел раскручиваться все сильнее...

После еще недавнего жестокого избиения за Гроссмана, когда, чтобы спасти журнал, Твардовский был вынужден признать публикацию романа своей тяжелой ошибкой, новая проработка должна была бы, кажется, принудить его к сугубой осторожности. Вместо этого тенденция, заявленная в статье Померанцева, получает развитие то в одной, то в другой статье 1954 года. Михаил Лифшиц, «последний из могикан» того ортодоксального марксизма, который, насколько мог, противился конъюнктурно-политическому применению марксистского учения, публикует в № 2 критический фельетон о «Дневнике писателя» Мариэтты Шагинян, рассматривая его как образец верхоглядства и пустозвонства, которыми в «литературе социалистического реализма» заменялись истинная проблемность и интерес к реальной жизни людей. Молодой ленинградский литературовед Федор Абрамов, в будущем известный прозаик, безжалостно крушит потемкинские деревни, выстроенные послевоенной «колхозной» литературой (№ 4). В статье о «Русском лесе» Л. Леонова (№ 5) Марк Щеглов, постоянный и самый перспективный из авторов критического раздела журнала, демонстрирует искусственность основного конфликта романа, базирующегося на том, что отрицательный герой был в молодости завербован царской охранкой (и, таким образом, как бы заряжен ею на всю свою вредоносную, антипатриотическую деятельность в советское время). Под сомнение Щегловым поставлена одна из характерных черт советской литературы — шпиономания, привычка все дурное в нашей жизни выводить «оттуда», объяснять не ее собственными свойствами, а «присказками врага».

С каждым номером направление критического раздела «Нового мира» становится все более независимым, ярким и определенным — вещь, кажется, немислимая в условиях тогдашней, нерушимо унифицированной прессы. В сочетании с тем, что печатал журнал по разделам прозы и поэзии, это была уже «ЛИНИЯ» — страшное слово, почти равнозначное «оппозиции». И оно уже произносится — не только за закрытыми дверями совещаний в Союзе писателей, но и в печати, притом не только в литературной, но и в партийной, являющейся рупором верховной власти. Наконец первый раскат грома доносится уже непосредственно со Старой площади...

МЕМОРАНДУМ ПОСПЕЛОВА

Чтобы в полном объеме понять публикуемый ниже документ, подписанный четырьмя высокопоставленными партийными чиновниками во главе с секретарем ЦК КПСС, надо иметь в виду ближайшую предысторию его написания. Очень много дают в этом отношении рабочие тетради (дневники) Твардовского; за 1953—1960 годы они опубликованы («Знамя» №№ 7—9, 1989).

19 мая Александр Трифонович записывает в своей тетради: «Вчера — звонок Фадеева: были с Симоновым у Петра Николаевича (Поспелова). «Убедительно критикует Померанцева, приводит цитаты, которые...» и т. д. Словом, он поддакнул («Хоть я не читал, но скажу»), а меня, должно быть, вызовут (конечно, не к Поспелову — к Тарасову, хоть бы не к Иванову)». Эти имена нам уже известны: П. А. Тарасов — заместитель заведующего отделом науки и культуры ЦК КПСС, В. И. Иванов — заведующий сектором художественной литературы и языка того же отдела. И чуть дальше: «Решаю: продолжать свое... — и будь что будет. Скорее всего — придется уходить из журнала, — не для меня беда. Жаль только, что такого журнала уже не будет» (там же, с. 137).

Он ошибается здесь в одном: лично для него это тоже станет тяжелой бедой, — хотя и источником духовного роста одновременно. Так или иначе, решив «продолжать свое», он не только не отступает перед нависшей угрозой, но в убеждении, что делает нужное для народа (а значит, по его тогдашним понятиям, и партийное) дело, предлагает к напечатанию в журнале свою новую, только что законченную сатирическую поэму, где наша счастливая советская жизнь представлена в виде царства мертвых. И вызывает себе на голову уже настоящую бурю...

Записи 29 мая:

«Статья «К новому подъему» задержана, как и превосходное письмо студентов по поводу статьи Агапова» (там же, с. 137).

Редакционная статья, в которой журнал, отвечая на критику, разъяснял и отстаивал свою гражданскую и эстетическую позицию, а также письмо в редакцию в защиту статьи М. Лифшица, обруганной в статье Б. Агапова «Против снобизма в критике» («Литературная газета», 1954, 6 апреля), были изъяты из № 6 «Нового мира» по распоряжению ЦК КПСС. Таким образом, действительность как бы ответила на демократические иллюзии, выраженные в письме Твардовского Померанцеву, еще раз засвидетельствовав тот факт, что в условиях «партийного руководства литературой» нормальная литературная жизнь невозможна, а полемика в печати имеет обыкновение оборачиваться игрой в одни ворота, обороняемые связанным вратарем.

«Тарасов: редколлегия будет вызвана к тов. Поспелову.

Я: Мы очень рады, там мы постараемся доказать нашу правоту.

Т.: Сомневаюсь...

А на другой день после задержания нашей статьи Сурков в «Правде». Потом — Кочетов. Потом Секретариат с изложением К. Симоновым «указаний...» (там же, с. 137—138).

Имеется в виду серия ударов по «Новому миру», посыпавшихся уже градом. Тональность статьи А. Суркова «Под знаменем социалистического реализма» вполне характеризуется следующей выдержкой: «Вредное выступление Померанцева направлено по сути против основ нашей литературы, против ее тесной связи с жизнью, против ее коммунистической идейности, против ленинского принципа партийности литературы, против важнейших требований социалистического реализма» («Правда», 1954, 25 мая). А в статье В. Кочетова «Какие это времена?» («Правда», 27 мая) и в отчете о партийном собрании писателей Ленинграда («Ленинградская правда», 28 мая) опубликованный в «Новом мире» (1953, №№ 11, 12) роман В. Пановой «Времена года» был отнесен к произведениям, которые «лишь смакуют пороки», «искажают образы советских людей, в особенности коммунистов», и «ничему не учат нашу молодежь». Докладная записка об этом собрании, присланная тогда же в ЦК, позволяет еще сильнее ощутить сгущение идеологической атмосферы (публикуется в сокращении).

Из Ленинграда

ЗАВЕДУЮЩЕМУ ОТДЕЛОМ НАУКИ И КУЛЬТУРЫ ЦК КПСС

тов. РУМЯНЦЕВУ А. М.

25 мая 1954 года состоялось закрытое собрание партийной организации Ленинградского отделения Союза советских писателей СССР с вопросом «Задачи партийной организации писателей перед II съездом Союза советских писателей». С докладом выступил главный редактор журнала «Звезда» тов. Друзин¹.

Среди многообразных задач, стоящих перед партийной организацией в период подготовки к съезду писателей, докладчик выделил основную — усиление идеологической работы, борьба за повышение идейно-художественного уровня творчества писателей против всякого рода вульгаризаторов, пытающихся подвергнуть «пересмотру» ленинский принцип большевистской партийности, позиции высокой идейности советской литературы. У некоторых писателей появились извращенные представления о достижениях и недостатках нашей литературы. Есть попытки протащить в литературную среду мнение о том, что постановления ЦК партии по идеологическим вопросам якобы устарели и их можно не

¹ Друзин Валерий Павлович — критик, литературовед.

учитывать¹. Появились попытки нигилиствующих критиков ниспровергнуть все достижения советской литературы.

Докладчик резко осудил поведение М. Зошенко на встрече с буржуазными английскими студентами, заявившего, что он считает неправильной критику в его адрес, содержащуюся в постановлении ЦК о журналах «Звезда» и «Ленинград».

Говоря об явлениях художественной литературы и литературной критике последнего времени, В. Друзин подверг резкой критике вредное направление критического отдела журнала «Новый мир», в ряде статей которого отчетливо проявилось стремление «все» пересмотреть.

Затем докладчик подверг подробному критическому анализу повесть Ильи Эренбурга «Оттепель», опубликованную в журнале «Знамя»², и роман Веры Пановой «Времена года». В повести И. Эренбурга, с точки зрения В. Друзина, вредным и неправильным является основной ее мотив — мотив «оттепели» в политике и жизни, проповедь импрессионизма, декадентского аполитизма и безыдейности в искусстве.

Роман Веры Пановой докладчик охарактеризовал как объективистский, мелкотравчатый, лишенный партийного запала, высокой идейности. Это, по его мнению, отступление от основной линии развития советской литературы. <...>

В прениях выступило 11 человек. Положения, выдвинутые в докладе В. Друзина, полностью подтвердили В. Кочетов, И. Авраменко, Ю. Константинов (критик), Е. Серебровская, Е. Вечтомова и секретарь парторганизации Луговцев. Против выступили В. Кетлинская и В. Бакинский (критик). <...>

Содержательным было выступление ответственного секретаря Ленинградского отделения Союза советских писателей Всеволода Кочетова, который дал отпор попыткам увести обсуждение от основного вопроса, затронутого в докладе, — от разговора о судьбах нашей литературы, об идейной направленности литературного творчества.

В конце прений выступил секретарь Ленинградского обкома КПСС т. Казьмин, который дал политическую оценку нездоровых настроений, появившихся в последнее время в творчестве отдельных писателей и критиков...

Зав. отделом науки и культуры
Ленинградского обкома КПСС Попов

27 мая 1954 г.

(ЦХСД, ф. 5, оп. 17, д. 486, лл. 80—82)

«А между тем, — продолжает Твардовский свою запись под 29 мая, — была назначена читка «Теркина» (поэмы «Теркин на том свете». — Ю. Б.), перенесена, вновь назначена и т. д. в атмосфере редакционного испуга и благоразумных советов отложить и т. п. Читка состоялась, была очень хороша. Говорились слова о «подвиге» и т. п. (Чуковский К. И., он же прислал потом письмо). Владыкин и Кузнецов (Г. И. Владыкин и М. М. Кузнецов, сотрудники «Правды». — Ю. Б.) попросили рукопись. Послал на другой день. Ни звука. Третьего дня прислал Рюриков машину на дачу. «Вы обещали дать поэму на прочтение». Дал. Ни звука» (там же, с. 138).

Тяжкое, томительное предгрозовое затишье и — вызов к Поспелову, двухдневное избиение журнала и неопубликованной поэмы высшими чинами идеологических отделов ЦК и Союза писателей.

Силы неравны, но Твардовский не сдается. Ни на совещании у Поспелова (происходившем между 29 мая и 5 июня 1954 г.), ни после него. 10 июня 1954 г. он направляет в Президиум ЦК КПСС письмо (ЦХСД, ф. 4, оп. 9, д. 1097, лл. 196—199), в котором решительно оспаривает Поспелова по обоим пунктам обвинения: линия критического отдела «Нового мира» и «Теркин на том свете». Исполненное достоинства и твердости, оно уже знакомо читателям по копии, оставшейся в рабочей тетради поэта. Поэтому ограничусь лишь одной краткой выдержкой: «Тщательно и всесторонне обдумав все, связанное с двухдневной беседой у тов. П. Н. Поспелова по вопросам «Нового мира» и моей поэмы, с полной ответственностью перед Президиумом Центрального Комитета — могу сказать, что малая продуктивность этой беседы определяется «проработочным» ее характером. Были предъявлены грозные обвинения по поводу действий и поступков, которые, как я ожидал, заслуживали бы

¹ Имеются в виду постановления ЦК ВКП(б) 1946—1948 гг. «О журналах «Звезда» и «Ленинград», «О репертуаре драматических театров...», «О кинофильме «Большая жизнь», «Об опере «Великая дружба» В. Мурадели».

² Первая часть повести была опубликована в журнале «Знамя». (№ 5, 1954).

поддержки и одобрения, и наши возражения (главным образом, мои) и разъяснения по существу дела — уже звучали всуе. Не согласен немедленно признать себя виновным — значит, ты ведешь себя не по-партийному, значит, будешь наказан» (там же, с. 139—140).

Тем временем на столе Президиума ЦК уже лежит другой документ, который заслуживает того, чтобы прочесть его не торопясь, обращая внимание и на словарь, и на способы аргументации, и на многие мелкие детали, выразительно характеризующие не только «принципы партийного руководства литературой», но и то, ради чего оно совершалось.

ЦК КПСС

В журнале «Новый мир» за последнее время опубликован ряд статей, которые свидетельствуют о том, что редколлегия журнала заняла политически вредную линию, дезориентирующую литературу, направляющую ее на извращенное изображение жизни советского общества.

Особенно выпукло выражена сущность этой порочной линии в статье В. Померанцева «Об искренности в литературе» (№ 12 за 1953 г.). В этой статье автор, под прикрытием нескольких общих марксистских фраз, подвергает ревизии основные установки Коммунистической партии по вопросам литературы и излагает антимарксистскую субъективно-идеалистическую точку зрения на характер и задачи художественного творчества.

Выдвинув в качестве основного критерия оценки художественного произведения «искренность» писателя и демагогически жонглируя этим понятием, В. Померанцев выступает против принципа партийности, против идейности советской литературы и игнорирует решающее значение мировоззрения. «Степень искренности,— заявляет он,— то есть непосредственность вещи, должна быть первой меркой оценки».

Автор статьи клеветнически утверждает, что наша литература лишена искренности, изобилует «деланными романами и пьесами», лакирует действительность, занимается «измышлением сплошного благополучия», выдает «желаемое за уже существующее», что советские писатели — это «производители стандартов», так как их «выпрямили до прямолинейности».

В. Померанцев пренебрежительно характеризует стремление наших писателей изображать трудовую деятельность советских людей. Со злобной издевкой Померанцев утверждает, что писатели прячутся «за горный комбайн, за домну, за трактор», «въезжают в журналы на тракторе».

Автор статьи выступает против одной из основных задач нашей литературы — создания положительного образа советского человека, достойного быть примером и предметом подражания. Он со злобой пишет, например, об этом требовании издательства «Молодая гвардия»: «Героем произведения тут должен быть поворотитель миров, не достигший предельного комсомольского возраста».

Померанцев стремится увести нашу литературу от насущных задач коммунистического строительства, лишить ее перспективы и сделать тем самым неспособной выполнить задачу коммунистического воспитания людей. Он считает, что задачей писателя является не пропаганда идей партии в художественных образах, которую он называет «проповедь», а «исповедь» — т. е. психологическое самокопание.

Автор статьи, лицемерно ратуя за «искренность» и «творческую смелость», фактически призывает писателей клеветать на советское общество. Приведя в статье ряд отдельных отрицательных примеров, взятых из нашей жизни, автор выдает их за типичную картину советского общества и призывает писателей следовать подобному методу.

Статья В. Померанцева вызвала в советской печати, у широкой литературной общественности, со стороны секретариата ССП, правления и партгруппы правления Союза советских писателей решительное осуждение. Несмотря на эту справедливую критику и несмотря на то, что автор статьи был известен редакции как автор ранее предлагавшейся журналу клеветнической повести «Ошибка Алеши Кочнева», редакционная коллегия «Нового мира» упорно защищала статью Померанцева, считая ее единственно правильным выражением политики партии в области литературы. Главный редактор журнала А. Твардовский, отстаивая эту точку зрения, заявил даже, что главной опасностью в жизни советской литературы является в настоящее время не ошибочная линия журнала «Новый мир», а линия руководства Союза советских писателей, которое якобы зажимает своим «вмешательством» критику недостатков советской литературы, поднимаемую лишь единственным журналом «Новый мир».

Продолжая линию, определенную в статье Померанцева, редколлегия в последующих номерах журнала опубликовала вульгаризаторские статьи М. Лифшица (№ 2 за 1954 г.) о книге М. Шагинян «Дневник писателя», Ф. Абрамова «Люди колхозной деревни в послевоенной прозе» (№ 4 за 1954 г.), М. Щеглова о романе Леонова «Русский лес» (№ 5 за 1954 г.).

В статье Ф. Абрамова объявляются фальшивыми и перечеркиваются почти все крупные произведения последних лет о передовых людях колхозной деревни, о передовых колхозах, о перспективах развития колхозов. Защищая эту статью, А. Твардовский прямо заявил, что поскольку «нельзя убеждать колхозников средней полосы страны, что их положение превосходно», ошибкой журнала является лишь то, что она была опубликована поздно.

В статье М. Щеглова ошибочно утверждается, что образ провокатора и двурушника Грацианского является порождением ряда социальных условий, присущих нашему обществу. «Не жандармы,— пишет М. Щеглов,— сделали Грацианского таким, какой он есть, а ряд общественных условий, создавших пореволюционную поросль старого мещанства...»

Во всех перечисленных статьях советская литература призывается, по сути дела, к злорадному смакованию отрицательных явлений нашей жизни под видом их критики, к показу их в отрыве от достижений советского народа и величественных перспектив развития сельского хозяйства, указанных решениями нашей партии.

А. Твардовский, стремясь обосновать свое утверждение о том, что линия журнала правильна, пытался сослаться на мнение читателей. Произведения судятся, говорил он, по откликам. Каковы же эти отклики?

Звонким поцелуем врага наградили линию журнала «Новый мир» реакционная буржуазная печать и радио США и Западной Европы. Так, например, «Голос США» 11 апреля с. г. расхваливал статью Померанцева за то, что она «сильно критиковала ложь и фальшь, установившиеся в советской литературе по воле коммунистической власти...», заставлявшей, дескать, писателей показывать вопреки их совести и разуму «заливных поросят и жареных гусей на столах колхозников в качестве доказательства счастливой жизни при социализме в тех самых колхозах, которые, как это сейчас пришлось признать, доведены коммунистическим хозяйничаньем до обнищания... Все это Померанцев,— подчеркнул «Голос США»,— подтвердил множеством часто поразительных примеров, показывающих, как партийная доктрина коверкает и литературу и жизнь».

В таком же духе оценивают статью Померанцева и выступают с защитой ее против критики советской печати английский журнал «Экономист», французский литературный еженедельник «Фигаро литерэр» и другие.

Анализ же 70 писем читателей, поступивших в редакцию журнала «Новый мир» по поводу статьи Померанцева и ее критики, показывает прежде всего, что среди авторов этих писем нет ни одного рабочего и колхозника. Это обстоятельство не только не заставило задуматься редактора журнала и членов редколлегии, а было выдан за положительное явление, коль скоро «Новый мир», по мнению А. Твардовского, рассчитан только на интеллигенцию. Эти письма в подавляющем большинстве являются откликами неустойчивых, обывательски настроенных людей и политически незрелой части студенческой молодежи.

Так, читатель М. Небогатов из г. Кемерово, поддерживая антимарксистские положения статьи Померанцева, заявляет: «Рассуждения о теоретических основах и прочем — все это ширма для новых халтурщиков. Истинный талант находит верные позиции сам по себе, зачастую без знания каких-то основ».

Пенсионер А. Федотов из г. Зарайска Московской области, известный Отделу науки и культуры ЦК КПСС по своим многочисленным, но неосновательным жалобам на ССП и печать, не принимающих его антихудожественную «литературную» продукцию к публикации, озлобленно пишет: «За 36 лет, прошедших с Октябрьской революции, мы еще не стали вполне зажиточными и культурными. Почему? Потому, что некоторые руководители государства проводили не политику Коммунистической партии, а занимались политиканством. А писатели воспевали таких руководителей и их дела».

Эти обывательские и даже политически враждебные отклики подобных «интеллигентов» А. Твардовский пытается выдать за общественное мнение страны, барски пренебрежительно отбрасывая партийную критику своей линии. А. Твардовский при этом демагогически заявил, что если читателю сообщить о том, что линия журнала неправильна, то это будет понято как запрет критики вообще, как ее урезывание, это будто бы грозит нехорошими последствиями.

На совещании в ЦК КПСС по вопросу об ошибках, допущенных «Новым миром», с участием коммунистов, членов редколлегии «Нового мира», членов секретариата Правления ССП, а также редакторов «Правды» и «Литературной газеты» т. Твардовский продолжал упорно отстаивать неправильную линию журнала.

Политически ошибочная линия «Нового мира» объясняется, прежде всего, идейно порочными взглядами самого А. Твардовского, которые наглядно выявились в его новой поэме «Теркин на том свете», подготовленной им для опубликования в очередном номере журнала.

На совещании в ЦК КПСС т. Твардовский заявил, что пафосом, идейным смыслом его новой поэмы является «суд народа над бюрократией и аппаратчиной». Он имеет в виду при этом не отдельные бюрократические извращения в работе нашего государственного и партийного аппарата, а «бюрократию и аппаратчину» как основную черту всей системы советского общественного строя. Он заявляет ¹:

На том свете аппарат,
Как на этом свете.
Вдоль и поперек — стена,
Сдвинь-ка стену эту...

А. Твардовский злобно издевается над содержанием и методами работы партийных органов. В поэме он выводит их под видом некоего «преисподнего бюро».

Вот, глядит, при блеклом свете
Заседает на том свете
Преисподнее бюро...
Видно, делом персональным
Занялися — то-то сласть!

Мертвец признает свои «ошибки», но

Несытые признаьем,
Мол, раскрыт не до конца,
Воспитательным взысканьем
Наказуют молодца.

Далее А. Твардовский глумится над святым для партии принципом коллективности в руководстве:

Он с улыбкой безунывной
Держит речь, бубнит урок,
Дескать, разум коллективный
В самый раз ему помог...

А. Твардовский ставит вопрос, для чего нужна вся эта «аппаратчина и бюрократия», и тут же с издевкой отвечает:

Как зачем? Да чтобы всем
Кадрам быть при деле.

Чтобы все шло своим порядком, «чтоб товарищ и в гробу, и во сне глубоком вел бы все-таки борьбу — навзничь или боком». Он высмеивает большевистскую бдительность. Так он пишет:

Некто, видимо, любя
Бдительность особо,
Матерьяльчик на тебя
Доложил за гробом.

В критике советского общества А. Твардовский перекликается с буржуазными клеветниками. Он изображает нашу жизнь безрадостной, условной, ненастоящей, мертвой и бесперспективной. Это видно из следующих строк поэмы:

Вот послушай, поясню
Постановку эту:
Обозначено в меню,
А в натуре нету...

¹ Здесь и далее цитируется первоначальный вариант поэмы.

— Ну, еще точнее: оклад
И паек условный
На тебя и на меня.
Числится в обозе.

— Вроде, значит, трудодня
В горевом колхозе?

В связи с этим он иронизирует: «Ты не знал наверняка, как о мертвом человеке тут забота велика».

Какой же вывод делает автор поэмы из своих рассуждений о советском обществе?

Теркин дальше тянет нить,
Развивая тему:
— А нельзя ли сократить
Данную систему?

Содержание поэмы «Теркин на том свете» свидетельствует о том, что А. Твардовский потерял идейно-политическую перспективу и скатился к упадничеству и к клевете на советское общество.

На совещании в ЦК КПСС А. Твардовский заявил, что его поэма является плодом десятилетнего раздумья, что он положил на нее «все силы своей души».

Оправдывая свою идейно порочную поэму, А. Твардовский ссылаясь на положительное мнение о ней его «друзей», перед которыми он вслух читал свое новое произведение. Между тем даже беспартийный поэт Асеев, слушавший поэму, заявил, что она политически сомнительна.

На совещании в ЦК секретари Союза советских писателей поэты А. Сурков, К. Симонов, Н. Грибачев и писатель Б. Полевой единодушно осудили порочную линию журнала «Новый мир» и содержание поэмы А. Твардовского, подчеркнув, что она, как сказал т. Грибачев, представляет собой «мертвечину, прущую из души автора».

А. Твардовский не согласился с товарищеской критикой своей поэмы. Он выразил высокомерную уверенность, что эта поэма, несмотря ни на что, будет напечатана и народ ее якобы одобрит.

Члены редколлегии журнала «Новый мир» тт. Смирнов и Сутоцкий в результате критики признали ошибочность и вредность линии «Нового мира», а также поэмы «Теркин на том свете». Заместитель главного редактора т. Дементьев, согласившись с тем, что публикация статьи В. Померанцева была ошибкой редакции, не признал наличия порочной линии журнала. Что касается поэмы А. Твардовского, то он считает ее лишь «незавершенной и нуждающейся в некоторой доработке».

Как показало обсуждение ошибок журнала «Новый мир» в ЦК КПСС, А. Твардовский и А. Дементьев не могут обеспечить руководство журналом и должны быть освобождены от этой работы. Считаю возможным рекомендовать на должность главного редактора журнала «Новый мир» т. Ермилова В. В., обязав Секретариат Правления Союза писателей укрепить редколлегию журнала «Новый мир».

Секретариат Союза советских писателей поддерживает кандидатуру тов. Ермилова В. В.

Проект постановления ЦК КПСС прилагается.

П. Поспелов
А. Румянцев
В. Кружков
П. Тарасов

5 июня 1954 г.

(ЦХСД, ф. 4, оп. 9, д. 1097, лл. 175—181)

Документ говорит сам за себя, поэтому можно ограничиться чисто фактологическими справками.

Твардовский не преувеличил, сказав, что поэма «Теркин на том свете» является плодом его десятилетних раздумий: замысел ее возник еще во время войны, отпочковавшись от «основной» «Теркина». Активная работа над поэмой началась в январе 1954 г. Окончательный вариант поэмы был создан в начале 60-х годов, в 1963 г. опубликован с одобрения Хрущева, но после его смещения почти сразу оказался под запретом (перепечатывался лишь в составе двух сборников сочинений поэта, даже простые упоминания о поэме резко ограничивались цензурой).

Главным редактором «Правды» был в это время Л. Ф. Ильичев, «Литературной газетой» — как уже говорилось, Б. С. Рюриков. Критик и литературовед А. Г. Дементьев и прозаик-документалист С. С. Смирнов — заместители главного редактора «Нового мира». Кандидатура В. В. Ермилова вполне отвечала задаче искоренения идеологической крамолы: и в довоенные, и особенно в послевоенные годы он многократно использовался партийным руководством в качестве главного экзекутора при совершении политических казней в литературе (в том числе и по отношению к кинге прозы Твардовского «Родина и чужбина», 1947 г.).

Выявленные источники не позволяют ни подвергнуть критической проверке то, как излагается в документе ход совещания у Поспелова, ни составить о нем более полное представление. Некоторую дополнительную краску вносит лишь записанный на магнитофон (см. ниже) позднейший полумористический рассказ А. Г. Дементьева о том, как повел себя на этом совещании член редколлегии и заведующий отделом публицистики «Нового мира» С. Б. Сутоцкий: попав в общий осудительный тон, он в своем выступлении говорил об «ошибках» журнала так горячо и отстраненно, как будто не имел к нему никакого отношения.

Необычное для документов подобного рода наличие под ним подписи секретаря ЦК связано с адресом записки: как явствует из письма Твардовского, Поспелов сказал на совещании, что окончательное решение по «Новому миру» вынесет не Секретариат, а еще более высокая инстанция — Президиум ЦК. Вместе с ним и упоминавшимся П. А. Тарасовым письмо подписали заведующий отделом науки и культуры ЦК КПСС Алексей Матвеевич Румянцев (в 60-е годы либеральный партийный деятель, которого Твардовский незадолго до второго разгрома журнала думал даже ввести в редколлегию) и заведующий отделом пропаганды и агитации ЦК В. С. Кружков.

Приложенный к записке проект постановления ЦК КПСС, подписанный теми же четырьмя деятелями, был также целиком выдержан в стилистике «ждановских» постановлений 40-х годов:

ОБ ОШИБКАХ ЖУРНАЛА «НОВЫЙ МИР»

ЦК КПСС отмечает, что журнал «Новый мир» ведется на низком идейном уровне. В нем допускаются серьезные политические ошибки в освещении коренных вопросов советской литературы, отступления от принципиальной партийной линии.

В № 12 журнала за 1953 г. опубликована статья В. Померанцева «Об искренности в литературе», которая направлена против основных принципов социалистического реализма, ложно характеризует советскую литературу и пытается ориентировать писателей на одностороннее, искаженное изображение действительности. Редколлегия «Нового мира», зная В. Померанцева по представленной им ранее в журнал клеветнической повести «Ошибка Алеши Кочнева», не сделала необходимых выводов в отношении чуждых позиций автора и предоставила ему место для политически вредной статьи.

В духе ошибочных положений статьи В. Померанцева журнал опубликовал в последующих номерах статьи М. Лифшица (№ 2 за 1954 г.), Ф. Абрамова (№ 4 за 1954 г.), М. Щеглова (№ 5 за 1954 год).

Эта неправильная, дезориентирующая линия «Нового мира» объясняется прежде всего позицией главного редактора журнала т. А. Твардовского, который, как показывает его последнее произведение «Теркин на том свете», подготовленное им для публикации в журнале, скатился к упадочничеству и клевете на советское общество, не видит перспектив развития нашей страны. Аллегорическое изображение «того света» выглядит как пасквиль на нашу действительность.

Редколлегия журнала не разобралась в идейно порочном и политически вредном характере поэмы А. Твардовского и одобрила ее.

За ошибки, допущенные «Новым миром», наряду с главным редактором журнала т. А. Твардовским, несет ответственность вся редколлегия и особенно зам. главного редактора т. А. Дементьев, являющийся непосредственным руководителем отдела критики и библиографии журнала.

ЦК КПСС постановляет:

1. Освободить т. Твардовского А. Т. от обязанностей главного редактора журнала «Новый мир».
2. Освободить т. Дементьева А. Г. от работы в редколлегии журнала «Новый мир».
3. Утвердить главным редактором журнала «Новый мир» т. Ермилова В. В.

4. Обязать Секретариат Правления Союза советских писателей СССР укрепить редакционную коллегию журнала «Новый мир».

(ЦХСД, ф. 4, оп. 9, д. 1097, лл.182—183)

Что-то, однако, застопорилось: между поспеловской запиской и принятием постановления прошло более полутора месяцев. Тем временем «дело» «Нового мира» обростало в кабинетах ЦК новыми документами.

«НОВЫЙ МИР» И СТУДЕНТЫ

Много хлопот партийному руководству начали в это время доставлять студенты некоторых вузов. Публикации «Нового мира», сопровождаемые все более злобными окриками в печати, а затем и слухи о готовящемся разгроме журнала вызвали брожение в студенческой среде. 17 марта 1954 г. в «Комсомольской правде» появилось письмо в редакцию студентов и аспирантов Московского университета в защиту статьи Померанцева. 23 марта П. Тарасов и В. Иванов специальной докладной обращали внимание Поспелова на эту публикацию и высказывали предложение «указать редколлегии газеты «Комсомольская правда» на ошибочность оценки» «идейно-порочной статьи В. Померанцева» (ЦХСД, ф. 5, оп. 17, д. 488, л. 74). Два месяца спустя «Новому миру» уже не разрешают напечатать письмо студентов в защиту статьи М. Лифшица, которое, как мы помним, Твардовский в своем дневнике называет «превосходным».

В июне принимаются специальные меры к утихомириванию студентов, о чем отдел науки и культуры докладывает руководству партии.

ЦК КПСС

В дополнение к запискам Отдела науки и культуры ЦК КПСС о творческих дискуссиях в связи с предстоящим Вторым Всесоюзным съездом советских писателей, о журнале «Новый мир» докладываем, что появление в печати политически вредной статьи В. Померанцева вызвало нездоровые настроения среди некоторой части студенческой молодежи.

16 июня текущего года состоялось выступление секретаря Правления Союза советских писателей СССР т. Суркова перед преподавателями и студентами (очниками и заочниками) Литературного института им. А. М. Горького по некоторым вопросам развития современной советской литературы. Тов. Суркову было подано большое количество записок, преимущественно анонимных, и задано много вопросов устно. Анализ записок свидетельствует о том, что часть студентов заражена обывательскими взглядами эстетствующих писателей и критиков, которые в развертывании предсъездовой дискуссии пытаются протаскивать порочные, чуждые взгляды, стремятся увести ее от решения главных задач коммунистического строительства, оторвать от политики нашей партии. В ходе беседы т. Суркову задавались иногда провокационные, антисоветские вопросы. Показателен в этом отношении следующий вопрос: «Если провести аналогию между литературой наших дней и, скажем, литературой начала XIX века, мы видим, что Гоголей у нас нет и рождения не предвидится пока, а вот Загоскиных и Кукольников наберешь сколько угодно (уралитераторов). Почему?» В ряде записок бралась под защиту политически вредная статья В. Померанцева, справедливо раскритикованная в партийной печати и в писательской среде. Некоторые авторы записок отвергали заслуги отдельных советских писателей в литературе, заявляя, что стихи В. Маяковского учащаяся молодежь не любит, что читать эти стихи для них — большое горе, что С. Бабаевский «писал для заграницы, чтобы там не ругали наши колхозы...»¹, что Г. Николаева «не партийна и не искренна»: «одно время каялась в изъятии из своего произведения ряда острых моментов, а теперь видит, что поступила правильно»². Ряд авторов записок неправомерно утверждал, что после выступлений партийной печати с критикой статьи В. Померанцева и др. якобы произошел «перелом» в отношении партии к сатире в литературе.

¹ В романах С. Бабаевского «Кавалер Золотой Звезды» (1947—1948) и «Свет над землей» (1949—1950), удостоенных Сталинских премий, послевоенная деревня изображалась как край всеобщего благоденствия.

² Речь шла о романе «Жатва» («Знамя» №№ 5—7, 1950; Сталинская премия). «Центральным местом моего романа «Жатва», — писала Г. Николаева, — была глава о том, как уходит из колхоза... Любава Большакова... Под натиском редакции я в конце концов не выдержала характера и изъела главу из романа... Так, отступив от жизненной правды, я нарушила свой писательский долг» («Вопросы философии» № 6, 1953).

Следует особо отметить выступления на собрании студентов первого курса Никитина (заочник) и Карпеко¹. Так, Никитин заявил, что его не удовлетворило выступление А. Суркова на данном собрании и по этим вопросам «следует еще поговорить». И тут же добавил по поводу романов С. Бабаевского, что «в его романах идиллическая картина, а с сельским хозяйством у нас провалились», что «в советской литературе люди надуманные, фальшивые». Студент Карпеко сказал, что он считает статью В. Померанцева правильной, а по поводу наличия отдельных аморальных поступков в писательской организации заявил, что весь Союз советских писателей насковзь прогнал².

Наблюдение за другими обсуждениями по вопросам литературы в Союзе писателей и в высших учебных заведениях Москвы (в частности МГУ) свидетельствует также о наличии нездоровых настроений среди некоторой части студенчества (попытки ревизовать принцип партийности в литературе, несогласие с критикой партийной печатью вредных статей В. Померанцева, Ф. Абрамова, М. Лифшица, порочных произведений вроде пьесы «Гости» Л. Зорина³ и др., обвинение всей советской литературы в целом в лакировке действительности, в неправдоподобии и т. п.). Дело дошло до того, что на механико-математическом факультете МГУ было проведено без ведома ректората и парткома нелегальное собрание студентов, одобрявшее идейно-порочную статью В. Померанцева. Собрание приняло решение направить в газету «Правда» коллективное письмо в защиту В. Померанцева. Письмо подписало 39 студентов.

В связи с этим письмом 30 июня проведена встреча группы московских писателей со студентами и профессорско-преподавательским составом МГУ. Доклад о состоянии советской литературы накануне II съезда писателей сделал т. А. Сурков. Затем выступили писатели К. Симонов, Б. Полевой, главный редактор «Литературной газеты» Б. Рюриков и главный редактор издательства «Советский писатель» Н. Лесючевский. От коллектива МГУ выступили проф. Метченко, аспиранты тт. Зайцев и Корниенко, студент т. Любарский.

Во время выступлений писателей из зала раздавались реплики, являющиеся отголосками аполитичных настроений среди некоторой части студенческой молодежи. Так, когда т. Сурков сказал, что студентам МГУ, подписавшим письмо в «Правду» в защиту Померанцева, не было необходимости делать это на нелегальном собрании, что они могли открыто поговорить по этим вопросам,— из зала раздалась реплика: «Испугались!» Критика в адрес Померанцева, Абрамова, Лифшица, Щеглова встречалась некоторыми студентами приглушенными возгласами: «Неверно... слышали... довольно...» Во время выступления аспиранта Зайцева, говорившего о своих ошибках в оценке статьи Померанцева в письме в «Комсомольскую правду», раздались реплики: «Уже каешься... Хватит!» Зайцеву устроили обструкцию. Не дали закончить выступление и проф. Метченко, когда он стал говорить о недостатках идейно-воспитательной работы в МГУ.

В президиум собрания поступило большое количество записок, многие без подписи, в которых содержались провокационные вопросы: «Считаете ли Вы нормальным, когда наши писатели пишут по подсказке сверху?», «Почему произведения о деревне пишут писатели, не знающие и скрывающие положение в колхозах?», «Почему Померанцев не имел права критиковать, а лишь Суркову позволено судить обо всех?», «Зачем создаете аракчеевский режим в критике?», «Почему не издаете Ильфа и Петрова, Бабеля, Зоценко, Есенина, Ахматову, Тынянова?», «Почему травите роман Гроссмана?», «Какова судьба поэмы Твардовского «Теркин на том свете?»».

Поступили также вопросы, свидетельствующие о неправильном понимании частью молодежи смысла происходящей борьбы на литературном фронте. Некоторые спрашивают: «Почему вы против искренности?», «Почему ставите рядом Мариенгофа и Зорина?»⁴, «Почему замалчивается роман «Времена года» Пановой?» и т. п. В отдельных записках выражено неудовлетворение работой «Литературной газеты», которая «обещала, но не развертывает литературной дискуссии».

¹ Прозаик Сергей Константинович Никитин и поэт Владимир Кириллович Карпеко.

² Как сообщил В. К. Карпеко, эпизод изложен неточно. Слова о том, что Союз писателей прогнал, принадлежали другому студенту. А. Сурков перетолковал их в том смысле, что прогнал Советский Союз, и стал угрожать крамольнику. В своем выступлении В. Карпеко выявил эту опасную для товарища подтасовку, подчеркнув, о каком Союзе шла речь.

³ Антибюрократическая пьеса Л. Г. Зорина «Гости» была напечатана в журнале «Театр» (1954, № 2).

⁴ «Гости» Л. Зорина сближались с пьесой А. Мариенгофа «Наследный принц», в частности, в редакционной статье «Литературной газеты» (за 27 мая 1954 г.) «Об одной фальшивой пьесе».

Перед заключительным словом т. Суркова выступил один из инициаторов нелегального студенческого собрания в МГУ студент механико-математического факультета Любарский¹. Он заявил, что его не удовлетворило выступление тт. Суркова, Рюрикova, Лесючевского. Это заявление было поддержано выкриками из зала: «Правильно!» Затем Любарский облыжно и злобно охарактеризовал «как неприкрытое хулиганство» выступление Б. Полевого, который рассказал о попытках зарубежной реакции поднять на щит вредную статью Померанцева в целях антисоветской пропаганды². В связи с этим выпадом против Б. Полевого из зала поступили записки о том, что присутствующие не разделяют мнения Любарского по поводу выступления писателя Полевого. Оглашение этих записок было встречено аплодисментами. Однако некоторые студенты не аплодировали.

О нездоровых настроениях среди части учащейся молодежи говорит и письмо в ЦК КПСС студента историко-филологического факультета Свердловского университета В. Турунтаева³. В своем письме В. Турунтаев демагогически заявляет, что появление в партийной печати статей А. Суркова, В. Ермилова, В. Кочетова в связи с предсъездовской дискуссией вызвало у всех тревогу. По мнению автора письма, наступившая было в литературе «оттепель», «полная воля» в выражении своих мыслей, «свобода», которые и могут способствовать созданию отсутствующей в нашей стране классической советской литературы, оказались вновь под ударом «критиков-перестраховщиков». Автор письма пишет: «Мне кажется, что и Шолохов молчал до сих пор лишь потому, что не мог сказать всего, чего хотел, не рискуя быть оплеванным со стороны критиков-перестраховщиков. Неужели оттепель, начавшаяся было в нашей литературе и обещавшая принести хорошие плоды, — кончилась?» По мнению автора письма, сейчас всех тревожит вопрос — неужели это линия партии, неужели сейчас лозунгом партии в области литературы стало: «Осади назад!»

Автор письма берет под защиту вредную статью В. Померанцева, ошибочные произведения «Оттепель» И. Эренбурга, «Времена года» В. Пановой, бездоказательно заявляя, что эти произведения и являются теми книгами, которым должны подражать наши писатели на пути создания советской классической литературы. При этом он демагогически и высокомерно заявляет, что так думает не только он один, а все честные люди.

С содержанием данного письма был ознакомлен зав. отделом науки и культуры Свердловского обкома партии т. Рыжков, который сообщил, что автор письма В. Турунтаев вызывался им для беседы и ему даны необходимые разъяснения. Тов. Рыжков сообщил также, что отдел науки и культуры обкома партии совместно с партбюро Свердловского университета наметил меры по улучшению разъяснительной работы среди студентов.

В Отдел науки и культуры ЦК КПСС вызывались секретарь партбюро Литературного институтов т. Молокова, директор этого института т. Петров, а также секретарь парткома МГУ т. Андриенко и секретари партбюро филологического, механико-математического факультетов тт. Николаева и Павличенко.

На заседаниях партийных бюро данных учреждений на днях был обсужден вопрос о недостатках идейно-воспитательной работы среди студентов в части разъяснения основных вопросов развития литературы и искусства. Партбюро наметили конкретные мероприятия по устранению этих недостатков. На очередном заседании ректората МГУ будет специально обсужден вопрос об улучшении идейно-воспитательной работы среди студентов университета.

Отдел науки и культуры ЦК КПСС осуществит контроль за проведением в жизнь намеченных мероприятий.

Зав. Отделом науки и культуры ЦК КПСС	А. Румянцев
Зам. зав. Отделом науки и культуры ЦК КПСС	П. Тарасов
Зав. сектором Отдела	В. Иванов

17 июля 1954 г.

(ЦХСД, ф. 4, оп. 9, д. 1097, лл. 191—195).

¹ Кронид Аркадьевич Любарский — впоследствии известный правозащитник, в 70-е годы политический заключенный, затем политэмигрант; с февраля 1993 г. живет в Москве.

² Как явствует из другой докладной записки (поданной зам. зав. сектором отдела науки и культуры ЦК КПСС А. Лутченко на имя своего шефа А. Румянцева), где тот же эпизод изложен полнее, Б. Полевой заявил, «что Померанцев и его защитники стремятся к славе Герострата и что если там, в древности, Герострату, мелкому человеку, все содеянное им сошло, то у нас мелкому человеку Померанцеву и другим не сойдет». Реплика К. Любарского о хулиганстве была ответом на эти слова (ЦХСД, ф. 4, оп. 9, д. 1097, л. 189).

³ Турунтаев Владимир Федорович — впоследствии прозаик, публицист, автор многих книг.

Комментируя этот документ, К. А. Любарский рассказывает:

«Инициаторами письма в защиту В. Померанцева (оно было адресовано в «Новый мир» и «Правду», в документе здесь неточность) были, кроме меня, еще два студента механико-математического факультета МГУ: Михаил Белецкий и Вадим Садоцкий. Для обсуждения проекта этого письма мы расклеили по университету рукописные объявления, приглашавшие на собрание в одном из холлов общежития на Ленгорах (зона «В», 14 этаж). В назначенное время в холле собралось на удивление большое количество студентов и аспирантов, однако собрание провести не удалось, так как неожиданно появившаяся член парткома МГУ Игумнова перебила мое вступительное слово и потребовала немедленно разойтись. Поняв, что мне ее не перекричать, я призвал собравшихся спуститься в сквер зоны «В» и провести собрание на свежем воздухе. Так и сделали, импровизированной трибуной послужила садовая скамейка.

Письмо о В. Померанцеве подписало 47 человек. Тут же было написано второе письмо: «о действиях парткома МГУ, нарушающих свободу слова». После отправки писем адресатам в течение двух месяцев шла обработка подписавших в парткомах и комитетах комсомола МГУ — от общеуниверситетских до курсовых. При этом партком МГУ «главным» считал письмо о его действиях. Несколько человек не устояли и сняли свои подписи, но большинство держалось твердо.

Факультет буквально лихорадило, и встреча писателей со студентами, проходившая 30 июня 1954 г. в клубе МГУ на Ленинских горах, была попыткой руководства успокоить страсти. В документе она описана в целом правильно. Моя фраза о «хулиганстве» Б. Полевого была вызвана его попыткой изобразить «подписантов» как группу развращенной «золотой молодежи», «глядящих на мир сквозь мутные стекла пивной». Записка с осуждением моего выступления была всего одна, за подписью «группы студентов и аспирантов». Ее прочитал проректор МГУ проф. Вовченко буквально через минуту после того, как я сошел с трибуны.

В сентябре 1954 г. после студенческих каникул была сделана попытка «репрессировать» инициаторов письма «по комсомольской линии» и возбудить ходатайство перед ректором о нашем исключении из университета. Однако ни одно из этих предложений комсомольские собрания не поддержали. Более того, много новых лиц выступили на них в нашу защиту.

В связи со «студенческой» гранью темы позволю себе также пару выдержек из одного документа уже личного архива. В Ленинградском университете, курс которого автор этих строк оканчивал в том же 1954 г., нападки на «Новый мир» вызывали такую же (хотя и неорганизованную) реакцию, как в Москве. Тем более что одним из четырех «обвиняемых» был «наш Федя Абрамов», студент, аспирант, а в момент появления его статьи молодой преподаватель филфака ЛГУ, которого знали и любили. Едва получив диплом, я засел за длинное, в три десятка машинописных страниц, письмо в защиту «Нового мира» вообще, статей Померанцева и Абрамова в особенности.

«Любопытно, — писал я, — что хотя критика Померанцева и Абрамова в течение последних двух-трех месяцев захватила буквально десятки статей в разных журналах и газетах, тем не менее до сих пор фактически не опровергнуто ни одно из главных положений Померанцева и Абрамова. Больше того, против них не выставлено ни одного сколько-нибудь серьезного возражения. Вместо таких возражений оппоненты Померанцева и Абрамова словно соревнуются в отыскании в их статьях различных смертных грехов политического и тюретико-литературного свойства».

«Люди, критикующие сейчас «Новый мир», усматривают в его статьях не цепь отдельных, не связанных между собой ошибок, а единую, продуманную и порочную, с их точки зрения, «линию». Я не согласен с мнением об ошибочности критических выступлений журнала, однако, как и оппоненты «Нового мира», вижу в них такую единую линию... Линия «Нового мира» — это, по-моему, линия на создание большой литературы, линия на советскую классику. Поэтому это линия высоких требований к литературе. Правильностью взятых напрокат идей не завоеешь себе места ни в одном из отделов журнала... Статьи, подобные статьям Абрамова и Померанцева, неизбежно должны были рано или поздно появиться в «Новом мире». Проводя свой курс на советскую классику, он закономерно должен был столкнуться с одним из злейших врагов искусства — халтурой, ремесленничеством, неискренностью».

«О каком плодотворном творческом разговоре может идти речь, если партийная печать обрушивается на первую же попытку серьезной и конкретной критики шаблона и неискренности в литературе? В свете этих соображений я убежден, что критика последних выступлений «Нового мира» в том виде, в каком она проведена партийной и литературно-художественной печатью, принесла и продолжает приносить нашей литературе большой и все возрастающий вред».

Отправленное 11 августа на имя Г. М. Маленкова (с копией в «Новый мир») письмо до адресата, конечно, не дошло, но прежде чем быть брошенным в корзину, возможно, побывало в руках какого-нибудь клерка румянцевского отдела (сужу по запросу обо мне, последовавшему вскоре откуда-то сверху в местный райком).

23 ИЮЛЯ

Тем временем кампания против «Нового мира» продолжается. Его снова и снова утюжат и в «Правде» (3 июня, В. Ермилов), и в редакционных статьях журналов «Коммунист» (№ 9) и «Партийная жизнь» (№ 4), и в «Литературной газете»: 15 июня — А. Сурков, 24 июня — Н. Лесючевский, 1 июля — редакционная статья «О критическом отделе журнала «Новый мир»...

7 июля журналом и поэмой Твардовского занимается Секретариат ЦК КПСС. Присутствует кандидат в члены ЦК К. Симонов, члены Центральной ревизионной комиссии А. Сурков и В. Друзин, а также некоторые другие руководящие деятели Союза писателей. Ни Твардовский, ни кто-либо другой от «Нового мира» не приглашен. Ход обсуждения неизвестен, но, как сообщается в одном из позднейших документов — проекте доклада отдела науки и культуры ЦК о подготовке ко II съезду писателей, «на заседании Секретариата ЦК КПСС 7 июля 1954 года с резким осуждением поэмы Твардовского выступили писатели Катаев, Сурков, Федин, Фадеев, Симонов и секретари ЦК КПСС. Тов. Хрущев отметил, что появление подобных произведений не является случайностью... Тов. Хрущев охарактеризовал поэму Твардовского как идейно-порочную и политически вредную» (ЦХСД, ф. 5, оп. 17, д. 487, лл. 20—21).

Несколько смущает тот факт, что точно теми же эпитетами — «идейно-порочная и политически вредная» — поэма «Теркин на том свете» была награждена в записке Поспелова и его трех соавторов от 5 июня. Пожалуй, тут одно из двух: либо авторы этой записки воспользовались уже известной им формулой Хрущева, которую тот в точности воспроизвел и 7 июля, либо ему самому они задним числом приписали собственную формулу, тем более что она войдет и в постановление о «Новом мире». Как опять-таки явствует из дальнейшего, последнее гораздо более вероятно.

А пока принято так называемое «порученческое» постановление.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ СЕКРЕТАРИАТА ЦК КПСС

№ Ст—60/1с от 7 июля 1954 г.

О журнале «Новый мир»

Поручить тт. Поспелову, Румянцеву и Кружкову на основе состоявшегося обмена мнениями на Секретариате подготовить проект постановления и представить на рассмотрение Секретариата.

Результаты голосования: тт. Хрущев, Поспелов, Шаталин — за.

(ЦХСД, ф. 4, оп. 9, д. 118, л. 2)

По-видимому, Твардовскому (не получившему никакого ответа на свое обращение в Президиум ЦК) становится известно об этих приготовлениях. Через несколько дней он отправляет короткое письмо Хрущеву:

Глубокоуважаемый Никита Сергеевич!

Очень прошу Вас принять меня по вопросам, связанным с обсуждением работы журнала «Новый мир» и моей неопубликованной поэмы. Не откажите мне хотя бы в самой короткой беседе, поскольку речь идет не только о моей личной литературной судьбе, но и общих принципиальных делах советской литературы.

А. Твардовский

16 июля 1954 г.

(«Знамя», 1989, № 7, с. 141; оригинал — ЦХСД, ф. 5, оп. 30, д. 84, л. 28.) На оригинале — запись помощника Хрущева: «Тов. Хрущев Н. С. принимал поэта Твардовского и беседовал с ним. В. Лебедев. 3.8.54 г.».

Но эта встреча состоится лишь тогда, когда она уже не сможет иметь практического значения. А пока, в середине июля, в ЦК готовится второй вариант проекта постановления о «Новом мире». Из пяти имеющихся в деле вариантов проекта это, по-видимому, следующий:

ОБ ОШИБКАХ ЖУРНАЛА «НОВЫЙ МИР»

ЦК КПСС отмечает, что редколлегия журнала «Новый мир» допустила в своей работе серьезные политические ошибки, выразившиеся в опубликовании статей В. Померанцева, М. Лифшица, Ф. Абрамова, М. Щеглова, огульно охаивающих советскую литературу и направленных против принципов социалистического реализма. Редактор журнала т. Твардовский и его заместители т. Дементьев и т. Смирнов готовили к опубликованию поэму А. Твардовского «Теркин на том свете», в которой содержатся клеветнические выпады против советского общества. Это свидетельствует о том, что в журнале намечалась линия, противоречащая указаниям партии в области литературы.

ЦК КПСС постановляет:

1. Осудить неправильную линию журнала «Новый мир» в вопросах литературы, а также идейно-порочную и политически вредную поэму А. Твардовского «Теркин на том свете».

2. Освободить т. Твардовского А. Т. от обязанностей главного редактора журнала «Новый мир» и утвердить главным редактором этого журнала т. Друзину В. П.

3. Поручить Президиуму Союза советских писателей СССР обсудить ошибки журнала «Новый мир» и принять развернутое решение по данному вопросу.

(ЦХСД, ф. 4, оп. 9, д. 1097, лл. 184—185)

Помеченный 10 июля и скрепленный подписью Поспелова, скорее всего именно этот вариант лежал перед Хрущевым во время заседания Секретариата ЦК КПСС 23 июля 1954 года, где решалась судьба «Нового мира». От предыдущего он, как видим, отличался значительно большей краткостью. Но хотя из него при этом выпали некоторые особенно резкие формулировки, касающиеся, главным образом, поэмы «Теркин на том свете» и ее автора («скатился к упадочничеству и клевете на советское общество», «пасквиль на нашу действительность») и пункт о снятии А. Г. Дементьева, в целом этот текст не проиграл в жесткости, а его постановляющая часть — за счет п. 1 — стала даже гораздо более свирепой. Два других отличия. Во-первых, Ермилова сменил Друзин, что, правда, было ненамного лучше. Во-вторых, появился пункт, обязывающий президиум ССП принять развернутое решение по данному вопросу, — пункт, важный тем, что он мог означать: в отличие от погромных постановлений ЦК 40-х годов готовящееся постановление предполагается сделать закрытым.

Рядом с этим проектом в деле находится недатированная записка Хрущеву от председателя Центральной ревизионной комиссии КПСС Москатова. Написанная от руки, без соблюдения правил орфографии и пунктуации, она, вероятно, была передана адресату во время заседания Секретариата, когда на нем прозвучала кандидатура В. П. Друзина (кстати, члена ЦРК), и, возможно, «сигнал» был принят во внимание.

П. Г. МОСКАТОВ — Н. С. ХРУЩЕВУ

Никита Сергеевич!

1) Твардовский сын кулака который умер в ссылке.

Твардовский недавно отказался взять в райкоме новый партбилет по мотивам того, что он несогласен с тем, что в его учетной карточке осталась запись об его отце.

2) Друзина мне кажется не следует утверждать редактором «Новый мир» у него не все в порядке в бытовом отношении надо проверить.

П. Москатов

(ЦХСД, ф. 4, оп. 9, д. 1097, л. 186)

Не знаю, как обстояло дело «в бытовом отношении» у В. Друзина, но относительно Твардовского П. Москатов дезинформировал своего адресата. Как было подтверждено проверкой, проведенной Смоленским обкомом КПСС (ЦХСД, ф. 5, оп. 30, д. 84, лл. 6—7), Трифон Гордеевич Твардовский ни по каким признакам не являлся «кулаком». Выселенный тем не менее с семьей в 1931 г. на Северный Урал, он умер (в 1949 г.) не в ссылке, а в Смоленске, куда Александр Трифонович вывез семью родителей еще в 1936 г.

Заседание Секретариата ЦК 23 июля не стенографировалось. Твардовского на заседании не было, а потому и его дневник ничего не говорит нам о ходе обсуждения. Источниками сведений об этом заседании являются поэтому только сохранившаяся в деле запись выступле-

ния Хрущева, сделанная П. А. Тарасовым, и упоминавшаяся магнитофонная запись воспоминаний А. Г. Дементьева, дополненная наброском его собственного выступления на этом заседании. Запись Тарасова носит конспективный характер; она явно отредактирована и, похоже, несколько сглаживает острые углы там, где Хрущев расходится с позицией Поспелова и Румянцева, но в основном, по-видимому, достаточно точна. Что касается воспоминаний Дементьева, то хотя они были записаны лишь в конце 1980 — начале 1981 гг., то есть далеко не по свежей памяти, рассказ его в основном подтверждается другими документами и потому может быть принят во внимание.

Как помнит А. Г. Дементьев, заседание происходило в первой половине дня в здании ЦК КПСС, в зале, где за большим столом сидели секретари ЦК (помнит, в частности, Суслова), а за маленькими столиками — приглашенные. Присутствовали руководители Союза писателей (названы А. Сурков и К. Симонов) и редколлегия «Нового мира» (упомянуты С. Антонов, В. Катаев, К. Федин, С. С. Смирнов). Заседание вел Хрущев. Доклад, который сделал то ли Поспелов, то ли Румянцева, заканчивался предложениями отдела: Твардовского и его заместителей Дементьева и Смирнова снять, редактором журнала назначить Друзина.

О своем выступлении А. Г. Дементьев говорит, что в отличие от всех предыдущих заседаний, на которых он отстаивал позицию журнала, здесь он сдался. Из наброска выступления: «Я должен сказать, что резкая критика в адрес «Нового мира» в печати и на этом собрании в общем справедлива». О статье Померанцева: «Появление этой статьи в «Новом мире» считаю серьезной ошибкой редколлегии журнала, — моей, как отвечающего за отдел критики в первую очередь. Признаю, что неправильно, зря защищал эту статью на Секретариате и на собрании партгруппы правления». В конце выступления: «Было бы, разумеется, неправильно, если бы журнал при этом встал на путь неоправданных славословий и восторгов, замазывания и замалчивания недостатков нашей литературы, заниженных требований, уклончивых и неопределенных оценок...» (сообщено И. А. Дементьевой).

С таким же ритуальным «признанием ошибок», продолжает А. Г. Дементьев, выступил и С. С. Смирнов. «Признавали, но вяло, без энтузиазма». Кроме того, ему запомнились выступления В. Катаева и К. Фебина.

«Вот выступает Катаев. Да, товарищи, я должен сказать, что такого поведения, таких ошибок можно было ожидать от Твардовского. Я расскажу такой случай. Я написал путевой очерк о путешествии на машине из Москвы в Крым через Украину. Принес его Твардовскому. Твардовский прочитал и сказал мне: — Ну, Валентин Петрович, это несерьезно. Вы что, не знаете, что происходит в стране, положения в сельском хозяйстве? Неужели вы ехали через всю Россию и ничего не видели? Нам нужны другие очерки, нам нужны очерки типа «Путешествия из Петербурга в Москву» Радищева.

Вы понимаете, товарищи, куда он меня тянул, к чему он меня призывал?

Всем стало неловко».

Что касается Фебина, то он, по словам Дементьева, «выступил изумительно». «Сознательно или бессознательно», но сказал слова, после которых уже трудно было говорить о Твардовском в первоначально взятом тоне. Рассказал, как в конце войны, уже в Германии, приехав в одну дивизию, увидел такую картину. На большом поле сидели солдаты, взгляды их были обращены к некоей сцене, с которой Твардовский читал «Теркипа». Пошел дождь, да сильный! Твардовский прервал чтение: мол, я-то под крышей, а вам надо прятаться. Пройдет — продолжим. Но все закричали: «Нет! Не надо! Давай! Продолжай!..» Вот, мол, что такое Твардовский, это надо понимать. «И все поняли».

Основное место в рассказе А. Г. Дементьева занимает выступление Хрущева. Его пересказ во многом совпадает с записью П. А. Тарасова, которую пора привести.

ЗАПИСЬ ВЫСТУПЛЕНИЯ Н. С. ХРУЩЕВА

на Секретариате ЦК КПСС, когда обсуждался вопрос о редакции журнала «Новый мир» (К Ст 61/36с от 23. VII.1954 г.)

Не может быть двух мнений — обсуждаемые статьи «Нового мира» и поэма Твардовского «Теркин на том свете» заслуживают осуждения.

Тов. Твардовский обратился в Президиум ЦК с заявлением, в котором он пишет, что критикует в поэме наши недостатки с партийных позиций, что он был на последних пленумах ЦК и слышал, с какой непримиримостью ЦК критикует недостатки. Трудно судить, с каких позиций критикует Твардовский. Одно ясно, что т. Твардовский человек политически незрелый.

Мы тоже за критику. Силу критики мы показали на последних пленумах ЦК, где

обсуждались вопросы сельского хозяйства. Наши враги за рубежом некоторое время злобно кричали, что, мол, сами признали, что в колхозах плохо. Вскоре они убедились, что критика идет на пользу колхозам, и шумиха прекратилась. Недавно я принимал своего «старого друга» Макги¹. Он меня злорадно спросил: «Как же это у вас получилось с колхозами?» Я ему ответил, что наша критика укрепляет колхозы.

Надо критиковать сильно, не оставлять камня на камне от недостатков, но с позиций укрепления нашего строя, нашей партии.

Враги надеялись, что после смерти Сталина будет ревизия линии партии, но они ошиблись. Мы действуем сейчас и будем действовать впредь в духе линии, выработанной всем предыдущим опытом работы партии. Мы — ленинцы, мы — сталинцы.

А некоторые люди даже у нас в стране поняли это, если сказать слабо, по-обывательски.

Бывает так, что когдаходишь в лес, то не все птицы сразу взлетают. Сначала вспархивают мелкие пташки, потом птички покрупнее и только затем из-под самых ног взлетают притаившиеся крупные птицы. Вот и получилось, что те, кого распирала антисоветчина, сразу взлетели, выскочили и высказались.

Об искренности. Люди, которые много говорят об искренности, сами больше других страдают неискренностью. Буржуазия, например, не верит в искренность коммунистов и со своих позиций думает, что в партию вступают из-за материальных благ.

Нам надо договориться о формах и порядке решения поставленного вопроса. Следует ли принимать развернутое решение, которое бы широко осудило нездоровые явления в литературе. Может быть, лучше, чтобы это сделал Союз писателей. Решение ЦК — большая сила, и этой силой надо пользоваться разумно. Решение ЦК обязательно даже для тех членов партии (полукоммунистов), которые связаны с партией только тем, что носят партбилеты в карманах. Среди писателей есть заблуждающиеся люди, их надо убеждать. Очень хорошо, что с Суркова семь потов сошло, пока он спорил со студентами Московского университета. Вообще у нас в партии мы мало спорим, мало убеждаем. Надо терпеливо разъяснять ошибающимся их ошибки.

О поэме Твардовского. Как он мог это написать? Зачем он загубил хорошего солдата, послал Теркина на тот свет? Твардовский человек малопартийный! Возможно, на него подействовало членство в ревкомиссии ЦК?² Возможно, он думает, что раз он член ревкомиссии ЦК, то сможет повлиять и на ЦК? ЦК никому своих прав не уступит.

Не стоит списывать Твардовского со счетов литературы. Надо повозиться с ним, но не уговаривать. Надо попытаться спасти его, если он сам к этому склонен.

Разгромного решения ЦК по журналу принимать не следует. Надо спокойнее пройти мимо этого случая. Мы настолько сильны, что никакие мертвые Теркины не потреясут устоев нашего государства.

Относительно встречи с писателями. Надо подумать, что это будет за встреча, какие вопросы следует поставить и обсудить.

Действительно, после некоторых последних решений могла возникнуть неясность у людей, некоторые люди могли попутаться. Взять, к примеру, ленинградское дело. По нашей инициативе был произведен пересмотр дела, у нас на руках документы, которые говорят, что в результате вражеских действий люди безвинно были осуждены и расстреляны. Однако это разъяснено не было, а писатели имеют право знать подобные вещи. Или, например, вопросы сельского хозяйства. Говорили, писали, что зерновая проблема решена и мы имеем ежегодно 8 млрд. пудов хлеба. А сейчас оказывается совсем не так. Писателям и это не разъяснили, и они, будучи информированными из других источников, невольно становятся в своих произведениях поставщиками материала для врагов.

О заместителях редактора журнала. Надо внимательней к ним отнестись, с позиции нашей силы. Давайте в людях укреплять уверенность. Если они осознают свои ошибки, то оставить их. Вообще надо покончить с таким положением (как это было до недавнего времени), когда люди после их «проработки» не знали, где будут ночевать и не раздастся ли ночью стук в дверь.

Надо, чтобы в вопросах искусства направление исходило от ЦК, а борьба была внутренняя.

¹ Речь, по-видимому, идет об американском сенаторе-демократе от штата Вайоминг Гейле Макги, профессоре-советологе, занимавшемся, в частности, аграрной проблематикой, хотя сведений о его встрече с Хрущевым в 1954 году найти не удалось.

² Членом Центральной ревизионной комиссии КПСС Твардовский был избран в 1952 г. на XIX съезде партии. На XX съезде он уже, как «человек малопартийный», утратил свое членство в ЦК.

Следует Твардовского вызвать в ЦК, а не то он может подумать, что мы его побаиваемся. Да это может ободрить и его сторонников, явных врагов типа злобного Горского.

Надо в ответ на эти нездоровые проявления думать об углублении нашей работы с интеллигенцией, больше ее информировать с наших позиций. Может быть, собрать активы интеллигенции и выступить с разными докладами?

Об окончательном решении посоветуемся отдельно.

Во время выступления Дементьева была брошена реплика: «Вы (т. е. журнал) стали искать конфликта с партией». «Манна небесная, что вы нам подбросили это дело. Мы на ваших ошибках подзаработаем».

(ЦХСД, ф. 4, оп. 9, д. 1097. лл. 168—170)

В выступлении Хрущева с редкой рельефностью отпечаталась противоречивость исторического момента и его самого, человека, чьим именем обозначают это время. Достаточно сравнить его речь с вышеприведенной запиской Поспелова, Румянцева и др., чтобы ощутить сдвиг времен, смягчение политического и идеологического климата в стране. Поспелов со своей запиской — вещь, до мозга костей, из эпохи Сталина и Жданова, его докладная как будто писана на Лубянке, где обвиняемому «шьют дело» по 58-й статье. У Хрущева же стиль совершенно иной: живая, свободная речь вместо безжизненных официальных формул, минимум «карательной» лексики, призывы «терпеливо разъяснять ошибки», «убеждать», «укреплять в людях уверенность», освобождать их от страха. Притом наряду с неким общим налетом добродушия (относительного, конечно) ощущается тут и почти прямая полемика с теми еще преобладающими, еще господствующими партийными и государственными «нормами», далеко не самым влиятельным представителем которых был чугунный Поспелов. Словом, тут уже в основном виден Хрущев XX съезда, тот, что через два года своим докладом о Сталине встряхнет весь мир...

Это — с одной стороны. А с другой — борьба ведется им на два фронта. Не только с противниками перемен, но и с теми, кто в своем стремлении к свободе и правде готов пойти дальше черты, проведенной «либеральной» частью партийной верхушки. После смерти Сталина, устранения Берии и в особенности после сентябрьского пленума такие люди встрепенулись, стали активны — нужно было по ним своевременно ударить. И, заявив: «Мы — ленинцы, мы — сталинцы», Хрущев делает это с жесткостью, достойной его учителей: находит весьма резкие слова для тех, «кого распирала антисоветчина», обрушивается на «явных врагов типа злобного Горского»...

Кстати, кто такой Горский и чем он навлек на себя такой гнев?

Григорий Наумович Горский (1911—1987) — поэт, переводчик, жил в Риге. Еще не будучи принят в Союз писателей, работал главным редактором отдела кино Министерства культуры Латвийской ССР. По-видимому, в конце 1953 г. он написал обширную поэму «Письмо читателя Александру Твардовскому», интонационно и ритмически зависимую от поэмы «За далью — даль». Наиболее существенными и сильными в ней были страницы (явно автобиографического происхождения) о человеке, который без вины оказывается в бериевском застенке:

«Где наберется он отваги, / Когда пред ним в ночной тиши / Положат чистый лист бумаги / И грозно рявкнут: подпиши! / Что подписать?.. Кто угадает, / Когда в тот час и сам фашист / Еще не думал и не знает, / Чем он заполнит этот лист, / Что должен ты своей рукою, / Своею подписью скрепить, / А он стоит перед тобою / Твоей жестокою судьбою / И не дает ни спать, ни пить». (ЦХСД, ф. 5, оп. 30, д. 84, л. 157).

Был ли автор (участник Отечественной войны, член КПСС) «злобным врагом» советской власти? Достаточным ответом могут служить хотя бы следующие строки:

«А ведь фашист к тому стремился, / Чтоб ты нечеловеком стал, / Слюною злобы подавился / И родину свою проклял, / Чтоб стал не сказкою, не былью, / А черной небылью в веках, / Чтоб стал ты лагерною пылью / На иноземных сапогах... / Но в том и душ советских схожесть, / Что их не так легко убить, / Что ни один фашист не может / Заставить нас свой дом забыть, / Отдать века во власть мгновений, / Обиде личной мир предать, / Безумной злобою пылать, / Как в «Медном всаднике» Евгений, / «Ужо!» — неистово кричать» (там же, л. 159). Судя по всему, автор вполне принимал тогда официальную версию о том, что Берия («Змеентий Павлович» в его поэме) был агентом иностранных разведок. Отсюда — «фашист»

и «враг» о следователе, выбивающем нужные ему показания, а в качестве его антипода — «чистый подлинный чекист», который «с виноватою улыбкой прочтет, что враг разоблачен, что твой арест был их ошибкой, что неповинен ты ни в чем» (там же, л. 160).

Но как бы то ни было, поэма Горского впервые приводила читателя туда, «куда за три десятка лет пока еще не забредали ни строгий критик, ни поэт» (там же, л. 158), говорила о том, о чем нашей литературе будет велено молчать еще целых 8 лет, вплоть до солиженинских «Одного дня Ивана Денисовича». И сколь же различно отреагировали на этот прорыв молчания Твардовский и Хрущев!

Получив «Письмо читателя...», Твардовский ответил автору доброжелательным письмом. «Я не знаю еще, насколько реальна возможность использования «Письма» в печати, но должен сказать, что в нем есть прямо-таки отличные строки, строфы и целые места» (одна из таких строк запомнится поэту и через много лет отзовется в его поэме «По праву памяти» словами о «ставших лагерною пылью, как некто некогда изрек»). Вместе с тем он посоветовал резко сократить вещь и поработать над ее отделкой, связав с этим и цензурную проходимость «автобиографических, по-видимому», мест: «Нельзя острое только задеть кой-как, а уж надо справиться с задачей до конца». «Очень хочу, — заключал он, — чтобы у нас с Вами что-нибудь получилось реальное в смысле опубликования вещи в доработанном виде» (Собр. соч. в шести томах, т. 6, М., 1983, с. 42—43).

Реакция Хрущева (получившего сокращенный вариант «Письма читателя...» через Поспелова из «Литературной газеты», куда ее, вероятно, прислал сам автор) нам известна. И она тем более примечательна, что в этом же выступлении Хрущев говорит о пересмотре ЦК КПСС сфабрикованного «ленинградского дела», по которому в 1949—1950 гг. «в результате вражеских действий» (ср. трактовку Горского) были расстреляны или канули в лагерях сотни людей. Как объяснить это противоречие? Я думаю, его объясняют слова Хрущева о Твардовском, который, дескать, много на себя берет, замахваются на то, на что только сама власть, если сочтет нужным, могла бы замахнуть: «ЦК никому своих прав не уступит». Иначе говоря: как Твардовский, так и Горский заслуживают осуждения уже за то, что они выступают носителями некоей частной инициативы, самочинной, непредуказанной активности снизу. С точки зрения партийного руководства, это вещь нетерпимая, и «зарвавшихся» нужно примерно наказать — в острастку другим. Именно так и прочитывается весело-угрожающая реплика Хрущева А. Г. Дементьеву: «Манна небесная, что вы нам подбросили это дело. Мы на ваших ошибках подзаработаем».

Очень живо, очень конкретно выступает в приведенной речи та двойственность, та неразделимая смесь реформаторства с охранительством, которая составляла самую суть хрущевского курса, его историческое своеобразие, а самого его сделала непохожим ни на кого из советских лидеров. Как своеобразна была и сама эпоха, получившая точное название «хрущевской оттепели»: время, когда лютые морозы отпустили, но в любой момент готовы вернуться и действительно, хоть и в ослабленном виде, многократно возвращаются после очередных потеплений, гася надежды на весну, губя живое.

Едва раскрылись первые цветы,
Доверчиво оттаяла природа,
Как снова — вероломство, непогода,
И холодом дохнуло с высоты.

В этих строчках Александра Яшина — яркий образ хрущевской эпохи, которая вся состояла из таких потеплений и похолоданий. Ликвидация «Нового мира» Твардовского (равно как и последующее его возобновление в 1958-м, и новые напасти, ждавшие его впереди) — вполне в духе этой эпохи, в логике хрущевского либерально-охранительного курса. Особенность разгрома 1954 года в том, что он был первым. Явившись предшественником (очерки В. Овечкина и др.) и самым мощным провозвестником новой ступени развития общества, журнал Твардовского первым же испытал на себе и «вероломство», свойственное даже лучшим людям в Кремле, узкие пределы советско-партийного реформаторства.

Имена Твардовского и Хрущева нередко ставят рядом, и для такого сближения имеются основания, в том числе в хронологических пределах нашего очерка. Оба они были деятелями (один на литературно-общественном, другой на партийно-государственном поприще), чьи усилия были направлены (во всяком случае, объективно) на ломку и преобразование тоталитарной, бесчеловечно-репрессивной сталинской системы. Таким образом, они шли в одном направлении. Но только до означенной черты: до тех пор, пока интересы государства, то есть партии, интересы партии, то есть ее «аппарата», совпадали с интересами общества. А дальше пути их

расходились. Глава партии и государства отступал от этой черты назад — и тут ему требовались люди типа Пospelова и Суркова в 1954 г., Ильичева и Маркова в 1963-м, — а поэт перешагивал через нее, шел все дальше и дальше, в конце концов расплачиваясь за это журналом, то есть самим собой. Судьба обоих была трагична, но у каждого по-своему. Своим постоянным движением по некоей синусоиде, балансированием между реформаторством и охранительством, своей (вполне сталинской) боязнью даже намека на демократическую активность «низов» Хрущев сам обеспечил себе изоляцию, окружив себя теми, кто во имя стабильности системы и собственного положения в конце концов легко пожертвует и его реформаторскими попытками, и им самим. Трагедия Твардовского была иной, куда более высокой пробы...

Однако вернемся на заседание Секретариата ЦК 23 июля 1954 г. По неписаному, но непреложному закону, выступлением председательствующего обсуждение вопроса заканчивалось. Между тем, судя по заключительной фразе Хрущева («Об окончательном решении посоветуемся отдельно»), никакого постановления на заседании принято не было. Похоже, оно даже не обсуждалось. Более того, обнаружилось, что повторять ждановский опыт борьбы с «нездоровыми явлениями в литературе» Хрущев явно не хочет.

В этой связи имеет смысл еще раз обратиться к воспоминаниям А. Г. Дементьева, который данный момент выделяет особо. Самым важным в речи Хрущева он считает резко заявленный тезис: хватит нам постановлений ЦК о литературе! У писателей есть своя партийная организация, вот они сами пусть и разбираются.

Нужно заметить, что в памяти заместителя Твардовского речь Хрущева запечатлелась чуть ли не как безусловно защитительная — может быть, на общем фоне. Пожалев об отсутствии на заседании Твардовского, с которым он хотел бы познакомиться (но, в отличие от Пospelова, не выразив по этому поводу возмущения), Хрущев в примирительном духе высказался о «Теркине на том свете» («Правда, вот Каганович мне написал в записке: а зачем он этого солдата отправил на тот свет?» — ср. соответствующее место в записи П. А. Тарасова, где такая реплика принадлежит Хрущеву). Твердо возразил («не могу поддержать!») против предложения о снятии Дементьева и Смирнова, а относительно Твардовского высказался предположительно: мол, может быть, его и надо освободить? Он поэт. Может быть, он тяготеет этой своей работой? По словам Дементьева, Хрущев «очень сильно напал на Пospelова» за пристрастие к наказаниям вместо того, чтобы разъяснять интеллигенции, что происходит сейчас в партии. Отрицательное отношение к принятию нового постановления ЦК по идеологическим вопросам в контексте такого умонстроения выглядело вполне логичным.

Дальнейший ход событий известен был А. Г. Дементьеву так. После заседания Пospelов, Румянцев, а больше всех Сурков, который в Союзе писателей был главным организатором кампании против «Нового мира», — «они были потрясены: постановления не надо, снимать никого не надо...». И стали действовать. Тут же из Ленинграда, из Риги и т. д. в Союз писателей посылались письма: удивлены, поражены бездействием по отношению к «Новому миру».. И тогда, вооруженные этими письмами, они снова отправились к Хрущеву и добились постановления. По словам Дементьева, оно заключало в себе «четыре строчки»: перечислены ошибочные статьи, в связи с этим Твардовского снять, назначить Симонова.

А что по этому поводу говорят документы?

В тот же день, 23 июля, но, по-видимому, через несколько часов после заседания Секретариата, Пospelов подписывает письмо, сопровождающее еще один (то ли третий, то ли четвертый) вариант постановления:

ТОВАРИЩУ ХРУЩЕВУ Н. С.

Представляю окончательный. (в этом слове мне слышится раздражение.— Ю. Б.) текст проекта постановления ЦК КПСС «Об ошибках журнала «Новый мир», отредактированный совместно с тов. Шаталиным Н. Н.

П. Пospelов

23 июля 1954 г.

(ЦХСД, ф. 4, оп. 9, д. 1097, с. 171).

Авторы те же, что и прежде: Пospelов, Румянцев, Кружков, Тарасов. Хотя вариант назван окончательным, он еще будет подвергнут мелкой, в основном стилистической правке. В уже исправленном и заново перепечатанном виде его подпишут Пospelов, Шаталин, Суслев

и — отдельно, похоже, позднее — Хрущев. Скорее всего, это происходит уже не 23 июля, хотя на постановлении стоит именно эта дата — дата заседания Секретариата, рассматривавшего данный вопрос. Но, во всяком случае, и не позже 28 июля, когда постановление пройдет через Президиум ЦК КПСС и тем самым повысит свой статус. Если слух, который передает Дементьев, верен, то описанная им интрига развивалась в указанном промежутке.

Вот документ, удостоверяющий, что к решению судьбы журнала и поэмы Твардовского приложила руку вся партийная олигархия, за исключением, видимо, отсутствовавшего Булганина:

ОБ ОШИБКАХ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «НОВЫЙ МИР». № П1374
28.VII.54 г.

Вопрос представлен Секретариатом ЦК КПСС, голосовали:

Т. т. Булганин

Ворошилов — за

Каганович — возражений нет

Маленков — за

Микоян — за

Молотов — замечаний нет (сообщил т. Лапшов)

Первухин — возражений нет (сообщ. т. Акопян)

Сабуров — за

Хрущев — за

Подлинник т. Малину (для оформления вопроса в Секретариате ЦК КПСС)

Экз. тов.

Подпись

4.VIII.54 г.

(ЦХСД, ф. 4, оп. 9, д. 1097, л. 167)

На следующий день после заседания Президиума ЦК, без каких-либо возражений и замечаний проштамповавшего предложение Секретариата, Хрущев и принял Твардовского, который 5 августа сделал в своем дневнике краткую запись:

«29 июля был у Н. С. Хрущева — 1 ч. 15 м., в тот же день — партком с отчетом о работе партгруппы «Нового мира».

3.VIII. — вызов к П. А. Тарасову, где было зачитано нам с Дементьевым Постановление ЦК о «Новом мире» — постановление, ненужность которого мне объяснял Н. С. (! — Ю. Б.), как и на Секретариате, где меня... не было.

Тарасов (очевидно, в ответ на вопрос Твардовского, не это ли постановление готовилось еще два месяца назад, в итоге совещания у Пospelова.— Ю. Б.): — Нет, то речь шла о постановлении типа «Звезды» и «Ленинграда» — для печати. А это — так, как бы внутреннее» («Знамя», 1989, № 7, с. 141).

Однако пора привести этот «как бы внутренний» документ, ставший смертным приговором журналу, который дерзнул выйти из ряда.

№ СТ 61/36 г. с. от 23. VII. 1954 г.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦК КПСС

ОБ ОШИБКАХ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «НОВЫЙ МИР»

ЦК КПСС отмечает, что редколлегия журнала «Новый мир» допустила в своей работе серьезные политические ошибки, выразившиеся в опубликовании ряда статей, содержащих неправильные и вредные тенденции (статьи В. Померанцева, М. Лифшица, Ф. Абрамова, М. Щеглова). Редактор журнала т. Твардовский и его заместители т. Дементьев и т. Смирнов готовили к опубликованию поэму А. Твардовского «Теркин на том свете», в которой содержатся клеветнические выпады против советского общества. Все эти факты свидетельствуют о том, что в журнале «Новый мир» наметилась линия, противоречащая указаниям партии в области литературы.

ЦК КПСС отмечает, что положение, создавшееся в редакции журнала «Новый мир», органа Союза советских писателей, во многом объясняется тем, что президиум и секретариат Союза советских писателей до последнего времени по существу не занимались вопросами идейного направления журнала «Новый мир», тогда как руководство Союза советских писателей главное внимание в своей деятельности должно уделять вопросам идейной направленности советской литературы, вопросам идеологического воспитания и роста художественного мастерства наших писателей. ЦК КПСС считает, что в настоящий период значительно возрастает роль Союза советских писателей как общественной писательской организации, помогающей активному участию советских писателей в коммуни-

стическом строительстве, в морально-политическом воспитании строителей коммунизма, в преодолении пережитков капитализма в сознании людей. Союз советских писателей должен систематически обсуждать основные вопросы развития и совершенствования советской литературы, обсуждать отдельные произведения, помогать политическому и художественному росту писателей путем товарищеской критики и товарищеских разъяснений. Союз советских писателей призван систематически и своевременно бороться с отклонениями от принципов социалистического реализма, с попытками увести советскую литературу в сторону от жизни и борьбы советского народа, от актуальных вопросов политики партии и советского государства, бороться с попытками культивировать упадочные настроения, давать отпор тенденциям огульного, нигилистического охаивания всего положительного, что сделано советской литературой. Исключительно важная роль в борьбе за новый подъем советской литературы, особенно перед предстоящим Вторым Всесоюзным съездом советских писателей, принадлежит партийной организации советских писателей и коммунистам-писателям, которые должны показать себя передовыми борцами за линию партии в литературе, умеющими убеждать и воспитывать.

ЦК КПСС постановляет:

1. Осудить неправильную линию журнала «Новый мир» в вопросах литературы, а также идейно-порочную и политически вредную поэму А. Твардовского «Теркин на том свете».

2. Освободить т. Твардовского А. Т. от обязанностей главного редактора журнала «Новый мир» и утвердить главным редактором этого журнала т. Симонова К. М.

3. Рекомендовать президиуму Союза советских писателей СССР обсудить ошибки журнала «Новый мир» и принять развернутое решение по данному вопросу.

(ЦХСД, ф. 4, оп. 9, д. 123, лл. 61—63)

Достаточно беглого взгляда, чтобы увидеть, как был слеплен итоговый вариант: клей, ножницы и полчаса работы какого-нибудь Тарасова, набившего руку на писании подобных бумаг. Взяли предыдущий (тот, что с Друзиным) вариант проекта и перед постановляющей частью вставили в него ровно одну машинописную страницу общих указаний Союзу писателей. Указаний, которые на сегодняшний слух звучат вполне дико, но в контексте тогдашней официально-деловой словесности представляли собой привычную идеологическую жвачку, почти не останавливавшую внимания. На нормальный язык эта центральная и большая часть постановления могла быть переведена одним словом: «Бди!» Впрочем, с идущим от Хрущева (и рассчитанным на него) добавлением насчет «товарищеской критики и товарищеских разъяснений».

Разжиженный этой сравнительно объемистой вставкой, текст звучал в целом более мирно, хотя вводная и, что особенно важно, постановляющая часть полностью сохраняла свой убийственный смысл. То же умиротворяющее значение имела замена Друзина и вновь было возникшего однозвонного Ермилова полулиберальным Симоновым.

И все же, пусть в урезанном, несколько смягченном и закрытом варианте, постановление ЦК было принято. За исключением отсутствовавшего С. Д. Игнатъева, в этом участвовали все секретари ЦК: и твердокаменный сталинист Пospelов, и начинающий антисталинист Хрущев, и кратковременный гость в составе партийной верхушки Шаталин, и вечный Сулов, будущий «серый кардинал» брежневской эпохи, организатор второго разгрома «Нового мира» — в 1970 году. Ну и, конечно, все бывшее сталинское Политбюро, кроме Булганина и Микояна (оно же — будущая «антипартийная группа» 1957 г.): Маленков, Молотов, Каганович, Ворошилов, Первухин, Сабуров. Их единогласным решением Твардовский снят, его поэма ошельмована и запрещена, его журнал разгромлен. Таким образом, партия еще раз явила по отношению к литературе свою «руководящую роль», хотя на этот раз не захотела ее афишировать.

ЧТО ЭТО БЫЛО?

Итак, все было кончено. Все остальное, что еще предстояло в этом деле, уже несколько не влияло на результат и носило чисто ритуальный характер. Так это понимал и Твардовский, отметивший последующие события первой половины августа лишь немногими строчками в своем дневнике. «Остается: партгруппа Правления Союза, Президиум (СП СССР.— Ю. Б.), «пожатие руки» в редакции» («Знамя», 1989, № 7, с. 141).

Как коммунист, подчинившийся партийной дисциплине — а она для Твардовского в то время еще свята, сколь ни парадоксально, на сегодняшний взгляд, подобное ее восприятие

автором «Теркина на том свете», — Александр Трифонович считает себя обязанным присутствовать на всех этих арьергардных проработках и покорно подтверждать правильность решения высшего ареопага партии, запретив себе какую-либо полемику с людьми, наслаждающимися безопасной возможностью лишний раз пнуть связанного льва. Это «признание ошибок» будет последним в жизни Твардовского, хотя понуждений к тому, порой весьма грозных, он услышит еще предостаточно. Впрочем, и на сей раз его терпения хватит ненадолго, о чем свидетельствует жалоба, прозвучавшая некоторое время спустя в одном из документов ЦК КПСС: «...Поэт А. Твардовский после того, как руководители Союза писателей раскритиковали ошибочную линию журнала «Новый мир» и его политически вредную поэму, стал заявлять, что в Секретариате ССП СССР собрались люди, которые якобы ничего не значат в литературе, а потому стараются нажить себе капитал... на общественной деятельности» (ЦХСД, ф. 5, оп. 17, д. 487, л. 36). Но первое время он держится принятого решения. Что касается его обвинителей, то они как будто наперебой спешат засвидетельствовать, что свою короткую жизнь журнал Твардовского прожил не зря. В этом смысле представляет интерес следующий документ из архива ЦК (публикуемый в сокращении).

ИНФОРМАЦИЯ

о заседании партийной группы Правления Союза Советских писателей СССР

По указанию секретаря ЦК КПСС тов. Поспелова П. Н. я присутствовал на заседании партийной группы Правления ССП СССР, посвященном ознакомлению с решением Секретариата ЦК КПСС от 23.VII-54 г. «Об ошибках редакции журнала «Новый мир». Заседание состоялось 10 августа с. г., на нем присутствовало 56 коммунистов, в основном членов Правления.

Секретарь партийной группы Правления тов. Сурков А. А. зачитал постановление ЦК и прокомментировал его. В своем выступлении он подчеркнул, что в ЦК КПСС и в Секретариате Союза писателей долго и терпеливо разъясняли т.т. Твардовскому, Дементьеву и Смирнову ошибочность позиций журнала «Новый мир» и идейную вредность поэмы «Теркин на том свете». Однако руководители журнала до последнего времени не желали признавать допущенных ими ошибок, упорствовали, не соглашались с критикой в их адрес со стороны коммунистов — членов Правления и большинства крупных беспартийных писателей. Даже после заседания Секретариата ЦК КПСС, осудившего неправильную линию журнала в вопросах литературы и поэму Твардовского, руководители журнала распространяли слухи о том, что никакого решения ЦК по этому вопросу не будет. <...>

Выступивший первым в прениях А. Твардовский заявил, что, ознакомившись с решением ЦК, он, как коммунист, принимает его целиком и полностью как документ, непререкаемый для члена партии... «Я при этом не лукавлю, как не лукавил и тогда, когда отстаивал свои убеждения,— сказал А. Твардовский,— я говорю об этом прямо и честно. Не могу верить вас в том, что во мне произошел мгновенный перелом и что я все понял, но я постараюсь все понять и сделать нужные выводы. Согласен также и с тем, что не могу быть редактором. Я переоценил свои возможности как редактор журнала»¹.

Признав справедливость решения ЦК в отношении журнала «Новый мир», т. Твардовский не дал политической оценки своей порочной поэме «Теркин на том свете». Он заявил, что ему гораздо труднее осмыслить пункт решения ЦК о поэме. «Я не оспариваю решения ЦК. Раз об этом говорит ЦК — я обязан принять его оценку моей работы... Но вы должны понять меня по-человечески. Каждое новое произведение — этап в жизни писателя. Нужно время, чтобы все осмыслить, подумать пером... Мое авторское отношение к этой вещи остается отношением родителя к своему детищу. <...>»

Выступивший вслед за А. Твардовским т. Кожевников В. (редактор журнала «Знамя») говорил о большом ущербе, нанесенном вредными статьями «Нового мира» советской литературе. Журнал во многом попутал писателей, в частности, в вопросах о деревне. Писатели, которые показывали в своих романах становление разоренных войной колхозов, отреклись от написанного. Например, Мальцев отказался от романа «От всего сердца» и стал толковать о голоде в колхозах. Писатели не поняли сути решений пленумов ЦК о сельском хозяйстве. Они стали представлять в журналы рукописи, в которых охаивается все и вся, не поняли того, что ЦК критиковал положение в колхозах с позиций веры в колхозный строй, в его крепость и нерушимость, с позиций укрепления колхозного строя.

¹ Цитирую не по стенограмме, а по личной живой записи.— Прим. П. Тарасова.

Тов. Кожевников резко критиковал А. Твардовского за то, что тот не дал политической оценки своей вредной поэме.

— После того внимания, которое было оказано Твардовскому в ЦК, после четкого и ясного решения ЦК он называет эту поэму своим детищем! Когда я читал поэму, у меня создалось впечатление, что белоэмигрант взял нашего Теркина и переделал его в антисоветском духе. Злобно, в духе Би-би-си высмеять партию, принцип коллективности в руководстве партии и попытаться вдуть в эту антисоветскую вещь новую душу — невозможное дело.

Оценивая значение постановления ЦК, т. Софронов А. (редактор журнала «Огонек») говорит о том, что это решение кладет конец разговорам о наступлении некоего НЭПа в идеологии, о «ослаблении» на идеологическом фронте.

Подобные разговоры порождаются реставраторскими настроениями, имеющимися у некоторых писателей. А Софронов считает выступление А. Твардовского совершенно неудовлетворительным в политическом отношении.

Редактор «Литературной газеты» т. Рюриков подчеркнул, что позиция «Нового мира», выраженная в статьях Померанцева, Лифшица и других, есть повторение политических враждебных выступлений «Перевала» и «Литературного критика», разгромленных в свое время партией. <...>

Тов. Бажан Н. П. заявил, что ЦК КПСС оказал огромную помощь писателям, еще раз возвратившись к вопросам литературы, особенно в тот период, когда раздались идейно чуждые голоса ревизионистов и повелись атаки на линию партии. Он рассказывает о том вредном влиянии, которое оказали статьи «Нового мира» на польскую литературу, как осложнили они обстановку для польских литераторов в период подготовки и проведения съезда польских писателей. Он указал также на то, что вредные идейки «Нового мира» проникли и в украинскую литературу. Дело дошло до того, что поэт Малышко квалифицировал очерки В. Василевской об Италии, напечатанные в центральной прессе, как антисоветские, только по той причине, что в них рассказывается о тяжелом положении итальянских крестьян, а положение, мол, советских колхозников еще хуже.

Тов. Лесючевский (главный редактор издательства «Советский писатель») говорит о том, что постановление ЦК КПСС, небольшое по объему, имеет не меньшее значение, чем постановление 1946 года «О журналах «Звезда» и «Ленинград». В нем еще раз подтверждаются те идеи, которые были заложены в постановлении ЦК 1946 года. Оно дает ориентировку писателям в сложной предсъездовской обстановке. Коммунисты-писатели испытывают огромное удовлетворение тем, что ЦК прислушался к их сигналам и поддержал их. ЦК еще раз подчеркнул то большое доверие, которое оказывает партия писателям и их Союзу, что ЦК целиком доверяет Союзу дело идеологического руководства литературой.

Осуждая выступление А. Твардовского и его заявление о том, что поэма «Теркин на том свете» — дорогое для него детище, он советует Твардовскому отнестись к этому детищу так, как у Гоголя Тарас Бульба отнесся к своему изменнику-сыну, т. е. убить его.

Собрание прошло на высоком политическом уровне.

По предложению т. Суркова партийная группа Правления ССП СССР приняла решение, в котором отмечается огромное значение постановления ЦК КПСС для дальнейших судеб советской литературы.

Зам. зав. Отделом науки и культуры ЦК КПСС (П. Тарасов)

12 августа 1954 г.

(ЦХСД, ф. 5, оп. 17, д. 488, лл. 87—91)

На документе — запись, сделанная помощником Хрущева Г. Т. Шуйским: «Тов. Хрущев ознакомился». Кстати, вышеприведенная записка о настроениях студентов также была им прочитана.

Обратим внимание на некоторые мотивы, прозвучавшие в выступлениях людей, с радостью воспринявших разгром «Нового мира». Если оставить в стороне оценки, то в их суждениях было немало справедливого.

Так, Б. Рюриков был прав, когда отмечал (хотя и в недоброжелательном освещении) определенную преемственность «линии «Нового мира» по отношению к эстетической позиции «Перевала» — наиболее серьезной из литературных группировок 20-х годов, теоретики которой (А. Воронский, А. Лажнев и др.) выступали в лучшем из тогдашних журналов «Красная новь» за литературу художественной правды, за свободное от политической заданности

творческое открытие художником новой действительности. Что касается журнала 30-х годов «Литературный критик», то с ним «Новый мир» Твардовского в идейном плане сближала борьба против иллюстративности в литературе, а в человеческом — сотрудничество нескольких основных авторов этого журнала. Последнее обстоятельство будет позднее специально отмечено в одном из внутрицеховских документов (ноябрь 1954 г.): «...В редакции журнала окопалась (!) группа политически скомпрометировавших себя литераторов, таких, как И. Сац, М. Лифшиц и В. Келлер-Александров¹, оказывавших вредное влияние на главного редактора журнала А. Твардовского» (ЦХСД, ф. 5, оп. 17, д. 487, л. 12). «Литературный критик» был закрыт постановлением ЦК ВКП(б) в 1940 г., два года спустя та же участь постигла «Красную новь»; «Новый мир» Твардовского продолжил этот ряд казенных журналов.

Весьма пронизательно отметили выступающие тесную близость постановления ЦК о «Новом мире» со ждановскими постановлениями 40-х годов. И вот эти-то люди, радовавшиеся такой близости и тому, что новая власть, как видно, не намерена допускать идеологических «послаблений», — они-то и будут у нас еще десятки лет «управлять» литературой, искусством, общественной мыслью. Кожевников в «Знамени», Лесючевский в «Советском писателе», Софронов в «Огоньке» — какая замечательная одинаковость судьбы! Каждый из них просидит в своем руководящем кресле лет тридцать; благополучно переждав «оттепель», еще поучаствует в новой травле «Нового мира», а с утверждением «застоя» и сам до конца своих дней застынет в могуществе и славе... Горе стране, где так долго и бестревожно правили циники и негодяи! Наши сегодняшние бедствия — вторичная плата за стабильность их власти.

Что касается «вредного влияния» (Н. П. Бажан) «Нового мира» на украинскую и польскую литературы, то это сообщение было вскоре развито ещё в одном документе, из которого здесь уместно привести несколько выдержек. 16 августа 1954 г. директор Института мировой литературы им. Горького доносил:

СЕКРЕТАРЮ ЦК КПСС ТОВАРИЩУ ПОСПЕЛОВУ П. Н.

Считаю необходимым сообщить Вам о некоторых наблюдениях в области литературной жизни Польши, сделанных мною во время недавнего пребывания в этой стране.

...В текущем году польскую литературу сильно лихорадило... Появилось много так называемых «кулуарных защитников свободы» (выражение К. Брандыса), говорящих о том, что истекшее десятилетие было годами «упадка литературы и искусства», что социалистический реализм как творческий метод «обанкротился». (...) Характер этих выступлений, изложенные в них доводы и соображения очень близки к тому, что содержится в статье Померанцева «Об искренности в литературе», которая, как и другие подобные статьи «Нового мира», стала широко известна польским читателям (уже две недели спустя после ее появления на русском языке статья Померанцева была самым подробным образом прореферирована в польской литературной газете «Нова культура»). (...)

Совершенно в духе статьи Померанцева Воглер пишет о том, что польских писателей настолько загоняли, настолько обезличили, что, «если им придется когда-нибудь создавать настоящие произведения, то они будут потеть, потирать лоб и наконец скажут: «Нет, дайте нам лучше что-нибудь для переписывания...»² (...)

Писатель Ежи Брошкевич, призывая к «партийной искренности», осуждает тех литераторов, которые сдержанно относятся к «концепциям Эренбурга» и «формулировкам Померанцева». (...)

На съезде (польских. — Ю. Б.) писателей выступал поэт Ворошильский: «В новейшей советской литературе наиболее ценными произведениями мне кажутся те, которые, отбрасывая ложь и ханжество, обращаются к глубинам психологии реального, а не скалькированного человека нашей эпохи... Я имею в виду такие произведения, как «Сердце друга» Казакевича, «За далью — даль» Твардовского, репортажи Овечкина, «Оттепель» Эренбурга, «Годы странствий» Арбузова и некоторые другие. Думаю, именно такие произведения мы должны ставить себе в пример». Таким образом, этот литератор... постарался выставить в качестве образцовых... такие порочные вещи, как последние повести Казакевича и Эренбурга. (...)

Польские товарищи... откровенно говорили мне, что в Польше распространились слухи о наступлении в Советском Союзе «идеологического нэпа», что фальсификаторские

¹ Сац Игорь Александрович (1903—1980) — искусствовед, критик; в 1953—1954 гг. заведовал отделом критики «Нового мира», в 1965—1970 гг. член редколлегии журнала. Лифшиц Михаил Александрович (1905—1983) — философ, искусствовед, литературный критик. Александров Владимир Борисович (1898—1954) — литературовед, критик; автор цикла статей «Три поэмы Твардовского» — одной из лучших работ о творчестве поэта.

² Реминисценция повести Гоголя «Шинель».

статьи «Нового мира» воспринимались именно как выражение этого ожидавшегося кое-кем поворота.

Дело дошло до того, что напечатанная в конце мая в «Правде» статья Алексея Суркова «Под знаменем социалистического реализма» была воспринята некоторыми польскими литераторами более чем холодно, поскольку в ней были разбиты все иллюзии, которые возникли у отсталых или реакционно настроенных польских писателей (то есть выступающих за свободу творчества.— Ю. Б.). Необходимо, мне кажется, учесть все это при публикации статей в общей печати, в «Литературной газете» и в литературных журналах, в которых будут освещены ошибки «Нового мира». <...>

Директор института И. И. Анисимов
(ЦХСД, ф. 5, оп. 17, д. 454, лл. 103—107)

Читая такие документы, отдаешь себе отчет в исторической масштабности конфликта, отражением которого они явились. Речь шла, в сущности, об очень больших, мирового значения вещах.

К началу 50-х годов, едва будучи «достроен» и распространен на полтора десятка государств Европы и Азии, тоталитарный социализм, по природе своей чуждый и враждебный какому бы то ни было живому саморазвитию, вошел в полосу застоя и углубляющегося кризиса. Смерть Сталина открывала возможность поиска путей разрешения этого кризиса. «Перестройка» была, таким образом, в принципе возможна уже тогда, за тридцать лет до Горбачева. «Новый мир» Твардовского (как и ряд других, более частных новаторских проявлений в советской литературе и в культуре стран «социалистического лагеря») явился обнаружением этой возможности и насущности глубоких общественных перемен. А то, как горячо откликнулись на публикации журнала многие и многие люди, в том числе молодежь, тот энтузиазм, с каким была воспринята первыми слушателями разящая сатира Твардовского,— разве это не доказательства того факта, что энергия для таких перемен уже успела в достаточной мере накопиться в обществе?

Вместе с тем не менее показателен страх, который испытала перед перспективой «идеологического нэпа», перед возможными «ослаблениями» верхушка Союза писателей: это было чувство, свойственное не отдельным людям, а целому социальному слою — правящему бюрократическому слою тоталитарного общества, быстро учувшему в либеральных веяниях прямую угрозу своей власти и привилегиям.

Дело шло о жизненных интересах, и потому спор был нешуточный. Противостояние «Нового мира» и тех сил, которые повели против него борьбу на уничтожение, выражало собой начинавшую выявляться и осознаваться противоположность двух главных тенденций в развитии обществ такого типа: демократической, направленной в конечном счете к устранению тоталитарной системы, и кастово-бюрократической, «юменклатурной», имеющей целью ее сохранение и укрепление. В этом смысле можно сказать, что «Новый мир» 1953—1954 гг. и «Теркин на том свете» — это были зародыши будущей антитоталитарной революции, одни из первых в истории «социалистического лагеря». Затем уже будет 1956 год в Венгрии и Польше, 1968-й в Чехословакии и т. д.

Будучи первой, эта попытка свободы не могла не быть обречена на уничтожение — не только из-за гигантского неравенства сил, но и потому, что не сумела, не успела себя осознать. Ей совершенно не свойствен был тот понятийный аппарат, с помощью которого мы сегодня имеем возможность описать социальный смысл событий 1954 года. А без этого людям того времени приходилось руководствоваться в основном голосом чувства, в то время как уважаемая ими теория сковывала их по рукам и ногам. (Здесь, между прочим, и объяснение тому странному обстоятельству, что над автором «Теркина на том свете» могла иметь власть партийная дисциплина.)

И тем не менее даже тогдашний, «первоначальный» «Новый мир», слабый, неполный прообраз того, каким станет журнал Твардовского десять лет спустя,— и он уже нагнал-таки на власть имущих страху и злобы. А развитию общественного сознания дал сильный толчок.

На другой день после описанного собрания партгруппы состоялось «расширенное заседание президиума правления Союза писателей СССР» — еще одно собрание холопов, оформившее в виде собственной резолюции («Об ошибках журнала «Новый мир». «Литературная газета» за 17 августа 1954) уже принятое решение. А в сентябрьском номере «Нового мира», под которым уже нет подписи Твардовского, сама редколлегия сурово осуждает допущенные ею «ошибки». «Теркин на том свете» ни там, ни тут, ни где-либо вообще в тогдашней печати не упоминается: на сей счет из ЦК был спущен строгий приказ. (В конце августа, проезжая

к месту работы через Москву, я на квартире у А. Г. Дементьева, руководившего в университете моей дипломной работой, прочел верстку запретной поэмы и был ею буквально «перевернут» — таким тяжким и мощным было произведенное ею впечатление.) Кампания же критики «ошибочных» статей продолжается вплоть до II съезда писателей (декабрь 1954 г.), смешиваясь с шумом предсъездовской дискуссии, и лишь после съезда постепенно сходит на нет.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Под конец — несколько выдержек из еще одного архивного документа. Это — уже трижды цитировавшийся выше доклад отдела науки и культуры ЦК КПСС о подготовке к съезду писателей (ноябрь 1954 г.). Он интересен тем, что дает как бы выжимку из всей внутрицеховской документации 1954 года, имевшей отношение к встревожившему партийное руководство общественному оживлению, а вместе с тем содержит и некоторые новые для читателя детали.

ЦК КПСС

О подготовке ко Второму Всесоюзному съезду советских писателей

⟨...⟩ За последнее время вновь сказались рецидивы чуждых буржуазных влияний, обнаружилось настроение некоторого идейного разброда и даже политической гнилости у ряда писателей.

В области драматургии появилась серия клеветнических, псевдосатирических пьес.

Так, в пьесе Зорина «Гости» возводился поклев на советский общественный строй, протаскивался тезис вражеской пропаганды о появлении в советском обществе «новой буржуазии» в лице кадров руководящих работников. Пьеса была опубликована в журнале «Театр» и поставлена в ряде театров.

Секретариат ЦК КПСС 22 мая с.г. рассмотрел этот вопрос и обязал Министерство культуры снять с репертуара пьесу «Гости» и навести порядок, исключающий появление подобных пьес в печати и на сцене.

Ленинградской студией «Ленфильм» был подготовлен политически вредный фильм «Разбитые мечты», поставленный режиссером Эрмлером по сценарию В. Масса и М. Червинского. В этом фильме клеветнически показывалась советская действительность.

Идейно-порочная линия в вопросах литературы была вскрыта в работе редакции журнала «Новый мир». ⟨...⟩

Порочные взгляды эстетствующих писателей и критиков стали оказывать вредное влияние на часть нашей молодежи, которая в силу недостаточного жизненного опыта и слабой идейно-воспитательной работы не всегда правильно и глубоко разбирается в литературных явлениях. Некоторые студенты не поняли критики вредных статей В. Померанцева, Ф. Абрамова, М. Лифшица, порочных произведений, вроде пьесы «Гости» и др. Дело доходило до того, что, например, на механико-математическом факультете МГУ было проведено без ведома ректората и парткома собрание студентов, одобрившее идейно-порочную статью В. Померанцева. ⟨...⟩

Секретариат Центрального Комитета партии 23 июля с.г. рассмотрел с участием широкого круга писателей вопрос об ошибках редакции журнала «Новый мир» и вынес по докладу Отдела науки и культуры постановление, в котором осудил неправильную линию журнала «Новый мир» в вопросах литературы и обязал Президиум Правления ССП усилить руководство журналами и работу по идеологическому воспитанию писателей. ⟨...⟩

Следует остановиться на некоторых нездоровых настроениях и ошибочных высказываниях писателя И. Эренбурга, имевших место в его выступлениях перед французскими писателями 19 мая 1954 года и в интервью австрийскому журналу «Брюкке» (октябрь 1954 г.).

Эренбург выразил нигилистически пренебрежительное отношение к советской литературе и критике. Он считает, что у нас «нет большой литературы», которая бы заслуживала серьезного внимания. По словам чехословацких писателей, И. Эренбург заявлял, что им, т.е. писателям стран народной демократии, нечему учиться у советских писателей. Эренбург ратует за литературу типа своей неудачной повести «Оттепель» и «Времен года» В. Пановой, произведений, которые бы делали акцент на недостатках нашего общества, выворачивали бы изнанку обывательской души. ⟨...⟩

Некоторые писатели неправильно истолковали решения ЦК КПСС по вопросам сельского хозяйства, полагая, что эти решения дают основание концентрировать внимание

на описании только недостатков. В результате появились произведения, искаженно рисующие нашу действительность. Так, поэт А. Твардовский написал политически вредную поэму «Теркин на том свете», которая показывает, что он скатился к упадочничеству и клевете на советское общество. <...>

Из своих рассуждений о советском обществе Твардовский делает такой политически враждебный вывод:

«Теркин дальше тянет нить,
Развивая тему:

— А нельзя ли сократить
Данную систему?»

В чем же видит А. Твардовский выход из <...> состояния мертвечины и бесперспективности, которыми якобы характеризуется наша советская система? На этот вопрос А. Твардовский, устами загробного генерала, отвечает политически сомнительным, двусмысленным намеком:

...Мне б живых один полчок,
Батальон хотя бы,—
Я бы... Эх!.. И не сказал
Более детально...

Только благодаря вмешательству ЦК КПСС эта поэма не была опубликована в печати. <...>

Опыт показал, что Союз писателей и его руководящие органы, несмотря на серьезные недостатки в своей работе, способны провести правильную линию в борьбе с чуждыми влияниями на литературу, способны выполнить задачи, поставленные партией...

Зав. отделом науки и культуры ЦК КПСС А. Румянцев
Зам. зав. отделом П. Тарасов
Зав. сектором В. Иванов
(ЦХСД, ф. 5, оп. 17, д. 487, лл. 10—13, 15, 19, 20, 26, 35)

Что ж, ЦК КПСС не ошибся в своих подручных, это они докажут еще великое множество раз и всегда будут щедро вознаграждены за свою «общественную деятельность» высокими окладами, государственными дачами, золотыми звездами, бесчисленными переизданиями своих «несъедобных», по выражению Твардовского, сочинений. Что же касается самого Александра Трифоновича, то он переживает черные дни. Беда, как водится, не ходит одна. «Третьего дня,— записывает он 26 сентября,— похоронили Владимира Борисовича (Александрова.— Ю. Б.). Это одна из самых тяжелых для меня смертей... Составили мы с Сацем и Некрасовым¹ некроложье. Дементьев вышравил потом для «Литгазеты». Подписать его, конечно, не дали». И еще одна дневниковая запись, под 29 сентября: «До крайности неопределенное и бесперспективное состояние... В Москве, как в захолустье,— некуда пойти, не с кем поговорить — один несчастный, распинаямый Лифшиц» («Знамя» № 7, 1989, с. 142—143).

Примерно в это время им написаны такие стихи:

Ветер какой — ты слышишь? —
Как раскачал дубы;
Желуди по железной крыше —
Грохот ночной пальбы.

Горький загул погоды
В поздней безлюдной мгле,
Словно всей жизни годы,
Гонит листву по земле.

Друг мой, такой далекий,
Где там забыться сном;
В этой ночи глубокой
Мне без тебя одиноко,
Как одному под огнем...

Тяжело кончался для него этот год, начинавшийся — вспомним письмо В. М. Померанцеву — на легкой и бодрой ноте. И только с исторического расстояния многое стало видеться по-другому: горечь поражения предстала дальним предвестьем будущей — увы, и сейчас еще в основном будущей — победы.

¹ С Виктором Платоновичем Некрасовым (1911—1987) Твардовского связывали дружеские отношения. Повесть В. Некрасова «В родном городе» (1954 г.) была близка «линии» «Нового мира» и явилась одним из произведений, обозначивших начало новой полосы в развитии литературы.

Summary

ALEXEY PESKOV. The Seventh of November.

A historical narrative about Paul the First and his reign. The author is not responsible for the associations that may occur.

GOTFRIED BENN. Extracts. Translated from German by S. Morieno.

G. Benn (1886—1956) was a famous expressionist poet, one of the most outstanding in the XX century. Since like Heidegger, he stayed in Nazi Germany, his name was for a long time a taboo in this country. Paradoxical way of thinking and mostly unexpected associations are characteristic of his virtuous poetical mastery.

AUGUST MURAN is an original Yakut poet, obviously influenced by V. Kblebnickov and O. Mandelshtam. A graduate from Leningrad State University, he has already published his verses in Yakutsk, Moscow and even Paris.

OLGA SEDA KOVA. Tender Attention Wandering...

O. Sedakova's collection of poems reveals a complicated world of her poetical imagination, marked by pathetic intonation, smiling kindness, surrealistic passes and tender attention.

ALEXANDER AKHIEZER. Russia as a Critical Point of the World History.

It is a principally new, rather complete, logically irreproachable and noncontradictory conception of social and cultural development of Russia and probably the first in the last half-century attempt of non-Marxist interpretation of Russian culture history and philosophy.

VLADIMIR BARAEV. The Banner of Gassair.

The author deals with the problem of Buddhism and national renaissance in Buryatia.

ALEXANDER PUTKO. Of the Red Button's Caballiers.

The Author, a radio reporter, happened to participate as a child in the movies of one of the masters of Russian cinema — Leo Kuleshov. These are memoirs about the shooting of «The Siberians», the beginning of the Great Patriotic War and the life of the cinema shooting group in Middle Asia.

ANDREY NEMZER. Three Pine-trees.

This highly polemic article by one of the leading critics of new generation is dedicated to interrelations between modern Russian literature and the Silver Age tradition.

WHEN THE FIRST FLOWERS HAVE JUST BLOSSOMED OUT.

Some documents from the archives of CPSU Central Committee just taken off the security list are commented by a well-known historian of literature YOURY BURTIN, who reveals hidden circumstances of Tvardovsky's «Novy Mir» (New World) being defeated.

Редакция не имеет возможности рецензировать и возвращать рукописи.

Во всех случаях полиграфического брака в экземплярах журнала обращаться в типографии-изготовители, указанные в выходных сведениях журнала.

При перепечатке наших материалов ссылка на журнал «Дружба народов» обязательна.

Технический редактор Анна СЕЛИВЕРСТОВА

Адрес редакции: 121827 ГСП Москва, Г-69, ул. Поварская, 52.

Телефоны: главный редактор — 291-62-27, заместитель главного редактора — 291-62-27, заместитель главного редактора и секретариат — 202-52-03, зав. редакцией — 291-62-27, отдел прозы — 291-85-10, отдел поэзии — 291-63-63, отдел публицистики — 291-05-09, отдел критики — 291-64-50, факс: 291-63-54.

Сдано в набор 27.08.93. Подписано в печать 04.11.93. Формат бумаги 70 × 108¹/₁₆. Печать офсетная. Усл. печ. л. 21. Усл. кр.-отт. 21,7. Уч.-изд. л. 23,83. Тираж 55 000 экз. Заказ 4024. Цена свободная.

Российский информационно-издательский центр «Республика».

Полиграфическая фирма «Красный пролетарий»

103473, Москва, Краснопролетарская ул., 16.

Цена свободная

Индекс 70250

ISSN 0012-6756. Дружба народов, 1993, № 11, 1-240